

St.-Petersburg State University
Department of History
The Chair of Modern and Current History

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**TRANSACTIONS
OF
the CHAIR of MODERN and
CURRENT HISTORY**

2

2008

**ТРУДЫ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

2

2008

СОДЕРЖАНИЕ

Редколлегия: д-р ист. наук, проф. Барышников В. Н. (пред.), д-р ист. наук, проф. Ушаков В. А., д-р ист. наук, проф. Пленков О. Ю., канд. ист. наук, доц. Борисенко В. Н., канд. ист. наук, доц. Евдокимова Н. П., канд. ист. наук, доц. Заостровцев Б. П. (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. Петрова А. А., канд. ист. наук, доц. Шершнева С. В., канд. ист. наук, ст. преп. Бодров А. В.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Кротов П. А. (С.-Петербург. Гос. ун-т), канд. ист. наук Лихоманов А. В. (Российская Национальная Библиотека)

Т78 Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. №2. 2008./Сост. Б. П. Заостровцев - Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2009. - 404 с.

ISBN 978-5-288-04865-4

В сборнике представлены материалы подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ, в которых рассматриваются проблемы экономического, политического и социального развития стран Западной Европы и США в XVII - XX вв.

Сборник адресован как специалистам, так и всем тем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

In the collection clauses and the scientific reports executed by employees, students and post-graduate students of the Chair of Modern and Current History of the Department of History of St. Petersburg State University in which problems of economic, political and social development of the West-Europeans countries and the USA in XVII - XX centuries are considered

In special section materials on sources-booking and historiography of modern and current history are presented.

The collection is addressed both to experts, and all those who is interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2006 - 2008 гг.)", тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 "Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях".

© Авторы статей, 2009
© Исторический факультет СПбГУ
© С.-Петербург. Гос. ун-т, 2009

ISBN 978-5-288-04865-4

Стр.

I. Вступительная статья11

II. Научные статьи.

<i>Ангерманн Н.</i> Торговля между Псковом и Дерптом/Гарту в XVI - начале XVII вв.	15
<i>Шкваров А. Г.</i> «Христианская орда» против Швеции. Казаки. Религиозный аспект.....	22
<i>Возгрин В. Е.</i> Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров.	60
<i>Сидоренко Л.В.</i> Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г.....	77
<i>Бродская К. М., Ушаков В. А.</i> Джордж Вашингтон в восприятии современников в России.....	98
<i>Гончарова Т. Н.</i> Внешняя политика Российской империи и её творцы в описаниях французских дипломатов (1814 - 1840-е гг.).....	167
<i>Борисенко В. Н., Кузнецова Ю. И.</i> Периодические издания 1830 - 1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции.....	199
<i>Васара В.-Т.</i> Деятельность Академического карельского общества (АКС) в Финляндии.....	222
<i>Барышников В. Н.</i> Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг.....	236

III. Научные сообщения.

<i>Плонски Ш.</i> Крепость Бреслау.....	264
---	-----

<i>Кузнецова Ю. И.</i> Реформа или революция? Вопросы внутривосточного развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции.....	270
<i>Жарков А. В.</i> Англо-бурская война глазами русских добровольцев.....	280
<i>Виватенко С. В.</i> Победа Раймона Пуанкаре на президентских выборах во Франции 1913 г.....	287
<i>Савинова Н. В.</i> Война в тылу: борьба англичан с «внутренними немцами» в 1914 - 1915 гг.....	295
<i>Гордеев О. С.</i> Участие вооружённых сил США в Первой мировой войне.....	299
<i>Шеметов Г. С.</i> Решение «еврейского вопроса» и послевоенная немецкая историография.....	304
<i>Колоджей М.С.</i> О сносе памятника Советскому солдату в Эстонии.....	310

IV. Источниковедение и историография.

<i>Фокин В. И.</i> Особенности использования произведений искусства в качестве исторического источника.....	318
---	-----

V. Историческая антология.

<i>Виноградов К. Б.</i> Осада Парижа пруссаками (1870 - 1871 гг.).....	332
<i>Бодров А. В.</i> Донесения контр-адмирала Лихачёва с Франко-прусской войны (подборка документов).....	344

VI. Рецензии.

<i>Шершнев С. В.</i> Рецензия на монографию: Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520 - 1620-е гг.):	
---	--

Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: ИП Генкин А.Д., 2007. - 560 С.....	362
<i>Заостровцев Б. П.</i> Рецензия на издание: «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г.» - СПб., 2007.....	364

VII. Хроника.

<i>Массов А. Я.</i> Соломон Абрамович Могилевский.....	369
<i>Евдокимова Н.П.</i> Памяти Ревекки Семеновны Мнухиной (1908 - 2008).....	378
<i>Бодров А. В., Ярко А. А.</i> О деятельности Студенческого научного общества кафедры истории нового и новейшего времени за 2007/2008 учебный год.....	379
Международная научная конференция «Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора), 11 декабря 2007 г.....	382
Десятая международная научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», 16 - 17 апреля 2008 г.	388
Международная научная конференция «Проблемы истории России и Финляндии», 4 октября 2008 г.	391
Научная конференция «Власть и культура», 22 ноября 2008 г.	392
394	
Наши юбилеи.....	394
Защита диссертаций.....	402

Краткие сведения об авторах.....	403
---	------------

CONTENTS

I. Preface	13
-------------------------	----

II. Scientific Articles.

<i>Angerman N.</i> The Trade between Pskov and Derpt/Tartu in the XVIth and at the Beginning of the XVIIth Centuries.	15
<i>Shkvarov A. G.</i> “The Christian Horde” against Sweden (a religious aspect).	22
<i>Vozgrin V. E.</i> The Fortune of the Schlezwig-Hollschtain Heritage of Russian Emperors.	60
<i>Sidorenko L. V.</i> The Gordon’s Rebellion: Radicalism and the Problem of the Cabinets’ Stability in England (1780).	77
<i>Brodskaya K. M., Prof. Ushakov V. F.</i> The Perception of George Washington by Russian Contemporaries.	98
<i>Goncharova T. N.</i> The Russian Empire’s Foreign Policy and Her Creators in Diaries of the French Diplomats.	167
<i>Borisenko V. N., Kuznetsova J. I.</i> The British periodicals of 1830 - 1831 about home affairs and the July Revolution 1830 in France.	199
<i>Vasara V.-T.</i> The Activity of the Academic Society of Karjala in Finland.	222
<i>Baryshnikov V. N.</i> Germany and the End of the Soviet-Finnish War 1939 - 1940.	236

III. Reports.

<i>Plonsky Sh.</i> (Poland). The Breslaw Fortress.	264
<i>Kuznetsova J. I.</i> Reform or Revolution? Problems of the British Home Policy Development and the July Revolution 1830 in France.	270
<i>Zarkov A. V.</i> The Anglo-Boer War and Russian Volunteers.....	280

<i>Vivatenko S. V.</i> Raymond Poincare’s Victory in the Presidential Election 1913 in France.	287
<i>Savinova N. V.</i> “Inner Germans” as the Main Enemy on the Home Front in Britain 1914 - 1915.	295
<i>Gordeev O. S.</i> The U.S. Army Participation in the First World War.	299
<i>Shemetov G. S.</i> The “Jewish Question” Decision and the German Historiography (postwar years).	304
<i>Kolodzei M. S.</i> (Poland). Reflections in connection with the Replacement of the Soviet Soldier Monument in Tallinn.	310

IV. Sources-booking and Historiography.

<i>Prof. Fokin V. I.</i> Works of Art as a Historical Source (specialties of use).	318
---	-----

V. The Historical Anthology.

<i>Vinogradov K. B.</i> The Siege of Paris by the Prussians 1870 - 1871.	332
<i>Bodrov A. V.</i> Reports of Rear Admiral Likhachov from the Franco-Prussian War (documents collection).	344

VI. Reviews.

<i>Shershneva S. V.</i> P Review of the Makarov I. V. Esseys of the Reformation History in Finland (1520 - 1620): the National Churchability Formation. - St. Petersburg, Genkin A. D. Publishing House, 2007. - 560 P.	362
<i>Zaostrovitsev B. P.</i> Review of the Summary Materials of the International Conferece “The Great Nothern War,	

St. Petersburg and Europe during the First Quarter of XVIII Century”, St. Petersburg, December, 2006. - SPb., 2007.	364
--	-----

VII. The Chronicle.

<i>Massov A. J.</i> Solomon Abramovitch Mogilevsky.	369
<i>Evdokimova N. P.</i> In Memoriam of Rebekka Semenovna Mnukhina (1908 - 2008).	378
<i>Bodrov A. V.</i> The Students’ Research Society of the Chair of Modern and Current History in 2007/2008.	379
International Scientific Conference “Problems of War and Peace in Modern and Current History (in connection with 200 th Anniversary of the Tseliz Agreement Signing).	382
The Xth International Scientific Conference «St.-Petersburg and Scandinavian Countries», 16th - 17th April 2007.	388
Our Greetings.	394
Scientific Theses Defending.	402
Personal Data of Authors.	403

I. Вступительная статья.

Во втором выпуске сборника «Труды кафедры истории нового и новейшего времени» (2008 г.) публикуются последние результаты, достигнутые в научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры, а также аспирантов и студентов, которые на ней обучаются.

Учитывая специфику кафедры, к участию в сборнике также были привлечены исследователи из Германии, Финляндии и Польши, а также из различных научно-исследовательских центров России. Кроме того сборник содержит ряд ранее нигде не опубликованных материалов различных исследователей, которые были представлены на международных конференциях, организованных кафедрой (Российско-немецкая научная конференция «Власть и общество в истории Европы» и Российско-польская студенческая научная конференция, посвященная Первой мировой войне).

Особое внимание при составлении второго выпуска было обращено на подбор материалов касающихся раскрытия генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях Запада в эпоху нового и новейшего времени. Важное место в данном плане занимают такие научные статьи и сообщения как «Торговля между Псковом и Дерптом/Гарту в XVI - начале XVII вв.» (проф. Ангерманн Н.), «“Христианская орда” против Швеции. Казаки. Религиозный аспект» (к. и. н. Шкваров А. Г.), «Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров» (проф. Возгрин В. Е.), «Внешняя политика Российской империи и её творцы в описаниях французских дипломатов (1814 - 1840-е гг.)» (Гончарова Т. Н.), «Решение еврейского вопроса» и послевоенная немецкая историография» (Шеметов О.), «О сносе памятника Советскому солдату в Эстонии» (Колоджей М.) и другие.

Кроме того в «Трудах» были сохранены рубрики, сохранившиеся в предыдущем выпуске, такие как: «Историческая антология», «Рецензии», «Хроника», поскольку они, очевидно,

помогают в достаточно полной мере представить то разнообразие, которое отличает жизнь университетской кафедры от деятельности иных исследовательских центров.

Как и раньше к участию в сборнике в последующих выпусках редколлегии предполагает привлекать не только тех, кто трудиться или учиться на кафедре, но всех тех, кто в какой-либо форме сотрудничает с ней (novist@yandex.ru).

I. Preface.

In a second issue of the Transactions of the Chair of Modern and Current History (2008) accumulated results achieved by the staff and post-graduate students in different fields of research activity and, first of all, they reflected achievements in study of problems of the historical development of countries and regions of the West Europe during Modern and current times.

Amidst authors of the issue you can find representatives of European (Germany, Poland, Finland) and Russian scientific centers. The presents of materials which never were published before is very special feature of the Transactions.

Special attention was payed to problems of genesis, evolution, discursive and political practices of polynational communities of the West in epoc of Modern time. In connection with the mentioned we would be like mark next articals and reports: The Trade between Pskov and Derpt/Tartu in the XVIth and at the Beginning of the XVII Centuries (Prof. Angerman N), "The Christian Orda" against Sweden (a religious aspect) (Shkvarov A. G.), The Fortune of the Schlezwig-Hollschtain Heritage of Russian Emperors (Prof. Vozgrin V. E.), The Russian Empire's Foreign Policy and Her Creators in Diaries of the French Diplomats (Goncharova T. N.), The "Jewish Question" Decision and the German Historiography (postwar years) (Shemetov G. S.), Reflections in connection with the Replacement of the Soviet Soldier Monument in Tallinn (Kolodzei M. S. (Poland)) and other.

The Transactions keeps rubrics of past year issue - The Historical Anthology, Reviews, The Chronicle. They will be fruitful for a whole-scale understanding of varied everyday life as a main difference of the university Chair in comparison with other research centers.

We are hope that the second issue of the Transactions will meet deep attention of specialists, non-professional historians and students whose participation in the next issue would be welcomed (all proposals must be deliver to our e-mail address novist@yandex.ru).

II. Научные статьи

Н. Ангерманн

Торговля между Псковом и Дерптом/Тарту в XVI - начале XVII вв.*

Торговля между ганзейскими немецкими и русскими купцами с северо-запада началась в XII в. Важнейшими городами-партнерами в этой торговле долгое время выступали Любек, главный центр Ганзы и боярская республика Великого Новгорода. Однако уже с XIII в. в этой немецко-русской торговле центральную роль стали играть ливонские ганзейские города Рига, Ревель/Таллинн и Дерпт/Тарту, значение которых в последующие века возрастало. Город, о котором пойдет речь ниже - Дерпт - на первый взгляд кажется не мог иметь какого-либо значения для этой торговли, поскольку он был в невыгодном для торговли географическом положении, находясь далеко от моря, а потому не имел морского порта. Однако Дерпт был самым восточным из всех городов Ганзейского союза, и через него проходили речные и сухопутные пути сообщения через Псков в Новгород Великий.

Таким образом, Псков играл посредническую роль, был важным промежуточным пунктом на весьма интенсивно используемом пути; кроме того, он был и самостоятельным торговым центром. В Средние века Псков отступил в тень Новгорода Великого с его обширной торговлей мехами и воском, которую вели богатые бояре, выступавшие как поставщики и покупатели. Но после закрытия новгородской ганзейской торговой конторы в 1494 г., Псков до середины XVII в. выступал в качестве главного торгового партнера немцев. Рассмотрению именно этого отрезка истории немецко-русских торговых отношений и посвящена данная статья.

Касаемо исследования торговых отношений Ганзы и

русских купцов, то внимание российских и немецких историков главным образом привлекал почти исключительно только Новгород Великий, что было обусловлено среди прочего интенсивными и весьма результативными раскопками, которые велись в последнее время. В немецкой историографии о торговой истории Пскова имеется весьма обстоятельная статья Пауля фон Остен-Закена, опубликованная в 1907 г. /1/, затем несколько десятилетий спустя были опубликованы результаты исследований Гертруды Пикхан /2/, Антьекатрин Грассманн /3/ и автора этих строк /4/. Количество отдельных исследований российских историков значительно превосходит количество немецких; относительно недавно Андрей Юрасов защитил кандидатскую диссертацию по этой теме /5/ и опубликовал, среди прочего, совместно с Анной Хорошкевич статью по этой же тематике /6/. Кроме того, наши знания о Пскове серьезно расширились благодаря археологическим находкам в Пскове /7/. Впрочем небольшое число немецких исследований обусловлено тем, что почти все средневековые документы Дерпта были утеряны еще в годы Ливонской войны 1558 - 1582 гг.

Эта потеря весьма болезненно сказалась на изучении вопроса поскольку Дерпт был вплоть до XVI в. ганзейским форпостом в торговле с Псковом, а также потому, что псковские купцы часто посещали Дерпт, в котором у них была даже своя православная церковь с XV в.

С тех пор как Тарту в постсоветские времена избавился от своего статуса закрытого по военным причинам города, я, как пенсионер, получил возможность чаще приезжать в Тарту для исследовательской работы с фондом «магистрат Дерпта» в Эстонском историческом архиве /8/. Особенно полезной для меня оказалась работа с протоколами заседаний городского магистрата Дерпта 1547 - 1555 гг., так как они представляют собой единственный массив документов, которые сохранились со времен Ливонской войны. Кроме того, весьма важной оказалась неожиданная находка таможенных регистрационных книг Дерпта 1601 - 1602 гг.

На основе изучения этих документов я и хотел бы поделиться своими соображениями об эволюции торговли между Дерптом и Псковом в означенный промежуток времени. С тем, чтобы представить фон развития этой торговли, следует помнить, что Дерпт до 1558 г. был центром одноименного ливонского княжества, затем город в 1558 - 1582 гг. находился в руках русских, а потом отошел к польско-литовской части Ливонии. В годы войны между Швецией и Речью Посполитой за ливонское наследство, которая длилась с 1600 по 1629 гг., Дерпт был в 1601 - 1603 гг. в шведских руках, а потом был отвоеван польско-литовскими войсками. Лишь с 1625 г. он на долгое время оставался под шведской короной (а с 1704 г. оказался в русских руках) /9/.

Протоколы заседаний магистрата Дерпта 1547 - 1555 гг. позволяют констатировать, что город жил весьма насыщенной и интенсивной жизнью /10/. Хотя протоколы и не дают прямого отражения повседневной жизни города, обстоятельства которой обсуждать на этих заседаниях не было принято, но зато на основании этих документов можно сделать важные выводы о развитии торговли города.

Очевидно, что из всех русских городов важнейшим для Дерпта был Псков. Только с псковским воеводой магистрат Дерпта состоял в деловой переписке, ни одного письменного уведомления из Новгорода не было обнаружено. Интересно, что из двух обветшалых дерптских православных купеческих церквей - новгородской и псковской - в 1550 г. по решению магистрата Дерпта подлежала обновлению и ремонту только псковская Никольская церковь. Из протоколов можно сделать вывод, что псковичи хотели вытеснить новгородских купцов из торговли с Дерптом как неудобных конкурентов. Как нам удалось выяснить на основе архивных документов из Дерпта, в Пскове был гостиный двор новгородцев, но если купцы из Дерпта, приехавшие в Псков по делам, стремились его разыскать с тем, чтобы на законных основаниях завязать деловые отношения, то псковичи всячески этому препятствовали. Для

купцов из Москвы в Пскове также было устроено отдельный гостиный двор /11/. Очевидно, что и по отношению к московским гостям (купцам) псковичи стремились утвердить свою монополию в посреднической торговле. Псковские купцы иногда выступали в Дерпте и как розничные торговцы, чему магистрат Дерпта пытался противодействовать, ссылаясь на полное запрещение немецкой розничной торговли в России. Отмеченные случаи этой торговой активности псковичей относятся к 1550 г. Расцвет активности псковичей в розничной и уличной торговле в Дерпте и в торговле с крестьянами окрестностей Дерпта отмечается и в XVI - начала XVII вв.: в протоколах магистрата эта торговля постоянно упоминается как спорная проблема.

С приходом русских в Дерпт в июле 1558 г., то есть после начала Ливонской войны, ситуация изменилась. В несколько приемов немецкое население Дерпта было переселено в Россию. Русская внешняя торговля с Западом тогда, как известно, концентрировалась в Нарве /12/, но и Дерпт, в котором теперь преобладало русское население, также имел ограниченное значение в качестве торгового центра. В это время в Дерпте было основано русское поселение и гостиный двор с 31 амбаром и лавками, в которых, предположительно, прежде всего сбывали свой товар преимущественно псковские купцы /13/. Этот гостиный двор использовался русскими купцами и в последующее время польского и шведского владычества в Дерпте.

В самом конце Ливонской войны Нарва попала в руки шведов, и русская внешняя торговля стала с этого момента концентрироваться в первую очередь в Пскове. Через Дерпт в то время тянулись многочисленные любекские, голландские и ливонские купцы в город на реке Пскова при ее слиянии с рекой Великой /14/. Правда Дерпт должен был бороться в этих условиях против использования нового, более короткого пути между Псковом и Ригой. Этот путь вел через Нойхаузен/Vastseliina и Венден/Cēsis к Риге, значение которой сильно возросло в это время, поскольку она почти не пострадала во время Ливонской войны.

Несмотря на то, что борьба Дерпта против использования дороги на Нойхаузен не была очень успешной, Дерпт всё равно процветал. Но, когда в 1600 г. началась долгая война между Швецией и Речью Посполитой, это означало для Дерпта период упадка.

К начальному периоду этой войны относится упомянутая таможенная регистрационная книга, датированная 10 июня 1601 г. - 9 июня 1602 г. /15/. Судя по этому документу, торговля в Дерпте не была значительной, тем более, что связь с Ригой, которую осадили шведы, была прервана. Источники отмечают преимущественно торговлю через Дерпт на Ревель. Удивительно, что в отчетный год не много ни мало 125 русских купцов и прочих поставщиков, а также 20 речных судов, прибыли в город и с них получили таможенную пошлину. Число немецких торговых партнеров - преимущественно жители Дерпта и Ревеля, которые упомянуты в таможенной книге, составляет около 100. Среди русских купцов и розничных торговцев совершенно очевидно преобладали псковичи, лишь иногда были отмечены купцы из других мест псковской земли - преимущественно из Печор, которые в качестве торгового центра приобрели некоторое значение, и в XVII в. там появился даже специально для немецких гостей „Deutsche Hof“. К русским мелким торговцам в 1601 - 1602 гг. принадлежали купцы, облагавшиеся совсем незначительной пошлиной, свои товары - чеснок, лук, редьку, капусту они выращивали на собственных участках земли. Значительная часть ассортимента товаров, предлагаемых псковскими купцами, состояла из изделий мелких ремесленников: ножи, горшки, металлические котелки, ложки, сапоги, свечи и многое другое. Часть изделий ремесла - мыло, рукавицы, юфть и кожа, которые в 1601-1602 гг. также поставлялись псковичами, шла и на международный рынок /16/, но многое покупали и прямо в Дерпте жители города и окрестных деревень. Благодаря этому же источнику (при сопоставлении с более ранними свидетельствами), становится ясно, что обеспечение Дерпта продуктами и изделиями ремесла из Пскова началось еще в позднее

средневековье.

В заключение следует еще раз указать на большое число русских визитеров в Дерпт даже в неблагоприятных условиях, на существование довольно большого русского торгового поселения в Дерпте и на товарный ассортимент, который состоял из обмена товаров с Запада - полотна, соль, соленая сельдь и металлы на товары из России - воск, рогожа, кожи, жир. Вывод таков, что экономические отношения между Псковом и Дерптом в названный отрезок времени были гораздо более интенсивными и разнообразными, чем это обычно принято считать.

1. Osten-Sacken, P. von der. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts//Beiträge zur russischen Geschichte. Theodor Schie-mann von Freunden und Schülern dargebracht. Berlin, 1907. S. 27 - 82.
2. Pickhan, G. Pleskaus Handel mit Livland im Mittelalter//Jahrbuch des baltischen Deutschtums 33. Lüneburg, 1986. S. 35 - 42.
3. Graßmann, A. Der Lübecker Hof in Pleskau. Zu Baulichkeiten und Einrichtung im 17. Jahrhundert//Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis zum 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag, hg. von Ortwin Pelc und Getrud Pickhan. Lüneburg, 1996. S. 269 - 280.
4. Angermann, N. 1. Zu den rechtlichen Grundlagen des Hansehandels in Pleskau//Recht und Alltag im Hanseraum, hg. von Silke Urbanski. Lüneburg, 1993. S. 17 - 30; 2. Zum Handel der livländischen Städte mit Pleskau im späten 16. Jahrhundert//Hamburg und Nordeuropa. Studien zur Stadt- und Regionalgeschichte, hg. von Christina Deggim und Silke Urbanski. Münster, 2004. S. 11 - 20 und weitere Arbeiten.
5. Юрасов А. В. Внешняя торговля Пскова в XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998. В ней приведен впечатляющий список источников и литературы по данной теме: с. 251 - 273.
6. Юрасов, А. В. Тенденции развития и динамика развития объема торговли Пскова в XVII веке // Города европейской России конца XV - первой половины XIX века. Материалы междисциплинарной научно-практической конференции 25-28 апреля 2002 года. Тверь - Кашин - Калязин. Часть II. Тверь, 2002. с. 422 - 434; Кредит в псковс-

ко-прибалтийской торговле XVII века // От древней Руси к России нового времени. Сборник статей. К 70-летию Анны Леонидовны Хорошевич. М., 2003. с. 307 - 327; Хорошевич, А. Л. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в средние века и в начале нового времени // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 1. М., 2003. с. 33 - 39.

7. См.: Михайлов, А. В. Предметы импорта из раскопок на ул. Ленина в Пскове (1967 - 1991 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков, 2006. с. 113 - 129.
8. Eesti Ajalooarhiiv. Tartu (ЕАА). F. 995.
9. Пуллат, Р. Тарвел, Э. История города Тарту. Таллинн, 1980, passim.
10. ЕАА. F. 995. Op. 1. D. 235. L. 1 - 555.
11. Эти данные основываются не на протоколах магистрата Дерпта, Как почти все в данной статье, а на следующем издании: Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 5. Псков и его приговоры. Кн. 1. М., 1913. С. 14 - 15.
12. См.: Köhler, M. Die Narvafahrt. Mittel- und weateuropäischer Russland handel 1558 - 1581. Hamburg, 2000, passim.
13. ЕАА. F. 995. Op. 2. D. 8. L. 4 (Privileg des Königs Stephan Báthory für das soeben von den Polen besetzte Dorpat vom 7. Dezember 1582, in dem der russische Handelshof bereits erwähnt wird); F. 995. Op. 2 D. 429. L. 1(zur Größe des Hofes).
14. Gadebusch, F. K. Livländische Jahrbücher. Zweyter Theil. Zweyter Abschnitt von 1587 bis 1629. Riga, 1789. S. 166.
15. ЕАА. F. 995. Op. 2. D. 302. L. 1 - 33; D. 303. L. 1 - 17. Cp.: Angermann N. Zum Handel zwischen Dorpat/Tartu und Pleskau/Pskov im frühen 17. Jahrhundert//Hansische Geschichtsblätter 122. Trier, 2004. S. 175 - 189.
16. Cp.: Siewert, F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck im 16. und 17. Jahrhundert. Berlin, 1897. S. 236 - 237 (Lübecker Verzeichnis russischer Einfuhrgüter von 1603).

* - перевод статьи с немецкого языка осуществлён доктором исторических наук, профессором кафедры истории нового и новейшего времени СПбГУ О. Ю. Пленковым.

**«Христианская орда» против Швеции. Казаки.
Религиозный аспект.**

Почти каждый вооруженный конфликт в долгом без малого семисотлетнем противостоянии Швеции и России провозглашался и с одной и с другой стороны «войной за веру». Разделение христианства на Западную и Восточную Церкви привели к непримиримой вражде бывших единоверцев. С крестом пошли против креста. Принятие Швецией протестантства, казалось, должно было как-то уравновесить христианский мир, ибо католическая церковь теряла свои позиции, обретя значительное количество «еретиков» из числа своих бывших союзников, а значит и новых врагов, помимо православных «схизматиков» и мусульман.

И действительно, век победного шествия протестантства в Северной Европе, предвещал быть более мирным для Швеции и России. Так и происходило с 1497 по 1554 гг. Очередная война 1554 - 1557 гг. не носила характер ярко выраженного религиозного столкновения, а более напоминала пограничный конфликт.

Значительную роль в успешном проведении переговоров, завершивших войну, сыграло прекрасное владение богословием лютеранских священнослужителей, входивших в состав шведской делегации - архиепископа Лаврентиуса Петри и епископа Микаела Агриколы. Послами не оспаривалось происхождение русского царя от римского императора Августа, но и логика их доводов о выборности царей Израиля, в качестве аналога для Швеции, избравшей королем Густава Вазу, основанная на безупречном знании Библии, произвели хорошее впечатление на Грозного уже тогда имевшего тягу к теологическим дискуссиям. Иван Грозный и сам стремился завершить войну поскорее, поэтому им был даже прощен один из слуг, сопровождавших шведскую делегацию, виновный в сожжении икон в Новгороде, где шведы ожидали начала мирных переговоров /1/. «Король не-

мецкий сгрубил нам. Мы побиили его людей...» - заявил царь, и вопрос о заключении мира был решен /2/.

Лютеран изначально принимали в России благосклонно. В них видели врагов папства, а следовательно, как бы союзников в борьбе против латинистов. Лютеранам Грозный даже разрешил иметь в Москве две церкви. Царь с уважением относился к дерптскому пастору Веттерману, с прихожанами переселившемуся в Россию и позволил открыть для него царскую библиотеку. Иван Грозный любил слушать проповеди голштинского пастора Христиана Бокгорна и открыто высказывал, что лютеранское учение, по-видимому, близко к истине, и что его можно было бы терпеть, если бы Лютер, нападая со всем даром своего красноречия на папское иго, не ниспровергал древнего церковного чина и не помрачил бы своих познаний в Священном Писании постыдным отступничеством, свергнув с себя монашеские одежды и клобук и женившись на монахине. Помимо упомянутых лиц и другие лютеране и кальвинисты пользовались благосклонностью и доверием царя. Он часто беседовал с ними о верованиях и обрядах у разных народов и с большим вниманием выслушивал, что сообщали ему о новых христианских сектах, их учениях и различиях между собой. Один из любимцев царя (Эберфельд) будто бы даже пытался склонить его к принятию Аугсбургского вероисповедания /3/.

Не в малой степени такому отношению к протестантам способствовали и личные дружественные связи царя с новым шведским королем Эриком XIV - сыном Густава Вазы. Объединенными усилиями Грозный рассчитывал нанести сокрушительный удар по католической Польше. Ухудшение наступило сразу же после свержения Эрика его сводным братом, вступившим на шведский престол под именем Юхана III в 1569 г. Уже в следующем году на встрече с представителем протестантских общин Чехии и Моравии - Иваном Рокитой царь обвинил последователей Лютера в ереси, но согласился выслушать ответную речь проповедника, направленную против Римской Церкви. Грозный даже сказал, что ему понравилось выступление Роки-

ты, и через некоторое время выдал ему письменное опровержение на все его доводы. В заключении было сказано: «Ты в глазах моих еретик, потому что все твое учение превратно и совершенно противно христианскому и церковному учению, и не только ты еретик, но и слуга антихристов, воздвигнутый дьяволом. Не только ты лютеранин, есть и другие, еще худшие тебя. Потому, мы запрещаем тебе распространять свое учение в наших владениях!» /4/.

Начавшаяся в 1575 г. очередная война со Швецией уже могла иметь характер религиозной войны. По крайней мере, царь приказал сжечь (в 1579 г.) обе лютеранские церкви в Москве, и лишь через пять лет по просьбе английского посланника Горсея, разрешил построить новую, и то за городом. В то же время, Грозный лавировал между католицизмом и протестантством, стараясь усилить их вражду и извлечь из этого собственную выгоду, в условиях конфликта России и с католической Польшей и с лютеранской Швецией одновременно.

Отказавшись идти на примирение с протестантской страной, царь насильно удержал у себя шведскую делегацию Павла Юстена, прибывшую с целью заключения мира, в своей переписке с Юханом III оскорблял шведского короля, но в то же время категорически отказался идти на сближение с Римом в вопросах веры. На просьбу посланника папы Григория XIII - Антония Поссевина не держать у себя «магистров люторских», отвечал, что в России «живут люди всяких вер, и живут все своим обычаем, их не стесняют и не преследуют, но только никому из них не позволяют совращать русских в свою веру». Запретив строить латинскую церковь, царь, тем не менее, позволил восстановить протестантскую. Цель здесь была двоякая - Грозный нуждался в поддержке английской королевы Елизаветы, и, во-вторых, несомненно, был осведомлен о недовольстве шведами попытками Юхана III, с подачи королевы Катаржины Ягеллонки - истинной католичке, вернуть некоторые римские церковные обряды, и что в свою очередь предвещало возможную гражданскую войну /5/.

Времена Русской Смуты не отличались религиозными предпочтениями, католические и протестантские партии имели достаточное количество сторонников среди русских. После заключения выгодного для Швеции и позорного для России Столбовского мира 1617 г. религия уже не была непреодолимым препятствием для развития отношений между двумя странами. Однако, здесь, скорее сыграло роль то, что шведская корона получила во владение земли с преимущественно православным населением, и старалась хоть как-то найти компромисс, соблюдая, безусловно, свои интересы. В 1614 г. в Нарве даже состоялся богословский диспут между лютеранскими проповедниками Йоганном Рудбекиусом и Йонасом Пальма и православными священниками. В 1620 г. была защищена диссертация Йогана Ботвиди, которая называлась «Тезисы к вопросу о том, является ли московиты христианами?». Крещение по православному обряду было признано терпимым, однако, почитание икон осуждалось /6/. Якоб Делагарди, командовавший шведами во время их пребывания в Новгороде, не рискнул выполнить приказ короля Густава II Адольфа о доставке в Стокгольм т.н. «Сигтунских» ворот Софийского собора, понимая, к каким последствиям может привести оскорбление главной святыни новгородцев. Тем более, как он сообщил в письме канцлеру Акселю Оксеншерне, его уверяли в греческом происхождении ворот, привезенных не из Швеции, а из Корсуни (Херсонеса) /7/.

В 1615 г. шведский и финский писатель Петр Петрей де Эрлезунд, четыре года проведенный в России во времена Годунова, а также побывавший там еще дважды (в 1608 и 1611 гг.) в качестве посланника Карла IX, выпустил книгу о России - «Muschowitische Cronika», в 1620 г. перевел ее на немецкий, где он безоговорочно отзывался о русских, как о добрых христианах /8/.

В 1646 г. королева Кристина позволила православным священникам ездить в Константинополь на рукоположение греческим патриархом, но предложение Выборгского губернатора Карла Мёрнера (Mörner) в письме от 02.09.1650 о привлечении

православных священников на службу с жалованием от шведской короны не было принято. С 1681 г. лютеранская власть и церковь в Ингрии начали войну против православных, в том числе и их финскоговорящей части. Все это вызывало массовый отток православного населения, которое, в конце концов, было заменено на иммигрировавших сюда протестантских финнов, что означало фундаментальное социальное и религиозное изменение в этих провинциях /9/.

Великая Северная война вызвала новый виток религиозного противостояния двух стран. Хотя, официально Петр Великий отказывался объяснять народу войну за веру те тяжкие испытания (вплоть до снятия колоколов), которым подверглась Россия в борьбе со шведами. «Речь шла не о вере, а о мере!» - писал царь /10/. Во-первых, он не желал отталкивать от себя протестантов на русской службе, во-вторых, не хотел спланивать против себя всю северную протестантскую Европу, в-третьих, он не собирался усиливать позиции православного духовенства, которое в таком случае приобретало слишком большое значение. Отсутствие религиозного аспекта в войне давало возможность при заключении мира, а таковой представлялся Петру возможным после Полтавской победы, избежать обсуждения пункта о начале войны, связанного с нарушением крестоцелования, заключавшего предыдущий мирный договор. При подписании каждого мирного договора между Россией и Швецией этот вопрос вызывал всегда самые ожесточенные споры - кто начал первым, тот нарушил крестоцелование, а значит является клятвопреступником и Богоотступником.

По этой же причине, Петр уклонился от крестного целования при подтверждении условий Кардисского договора, когда в 1699 г. Москву прибыла большая шведская делегация по случаю вступления на престол Карла XII. Русские объяснили так: «Когда в 1684 году Московским постановлением договоры ветхие (прежние) подтверждались, тогда и крестоцелование было. А второй раз незачем!».

Во всем этом проявилась трезвость и своеобразная рели-

гиозная совесть Петра: при всех своих диких поступках (всеобщие соборы и так далее) он был глубоко верующим православным человеком, который не хотел себя пятнать откровенной ложью и так использовать веру. С другой стороны, совсем не использовать потенциал православной церкви в борьбе со Швецией царь тоже не мог. Это нашло отражение в тексте ряда богослужений, особенно посвященных победам русской армии. Подобные сочинения Петр редактировал лично. И то, что он не мог позволить себе в официальной пропаганде, он разрешал делать образными средствами через литургии /11/.

Шведская пропаганда с началом Северной войны и особенно в годы Великого Лихолетия (1712 - 1721 гг.) обрушила поток памфлетов, публикаций и бюллетеней об ужасающих действиях русских, где главными виновниками всех злодеяний назывались казаки /12/. В большинстве своем среди авторов этих сочинений были лютеранские священнослужители. Х. Кувая приводит свидетельства пастора Николауса Эйmeliуса из Стуркюро о том, как были сожжены 120 человек в Пюхяйоки, 40 человек в Лумийоки, пастор из Ййо сообщал какими жестокими способами были уничтожены 230 человек в его деревне, приходской vikарий Юли-Каннуса - Юхан Агриландерс об убийстве 36 человек, пастор Эрик Фант из Педерсере - о 444 чел., капеллан Виландер из Уппяри - о 120, и так далее. Финский историк упоминает и месяцесловы профессора Лаврентия Таммелина за 1717 и 1718 гг., в которых описываются, прежде всего, акты насилия над священниками, но подчеркивается, что и простое население терпело много страданий от русских варваров /13/. Враг всегда принимал облик чудовища, (включая царя Петра), которому помогали казаки и солдаты. «Русский», «враг», «дьявол», «сатана» - были синонимами. Положение жителей Финляндии ассоциировалось с библейским сюжетом о страданиях народа Израиля в египетском рабстве. Русские назывались ассирийцами, их царь незаконнорожденным сыном вавилонского правителя Навуходоносора /14/.

Иерархи русской православной церкви платили шведам

той же монетой. Феофан Прокопович в проповеди «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю и Великому Князю Петру Алексеевичу... в лето господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» сравнивал русскую армию с Давидом, победившим и обезглавившим Голиафа - шведского короля /15/. Сравнение царю понравилось, и он поручил другому православному богослову Феофилакту Лопатинскому составить службу в честь Полтавской баталии, с обязательным условием сравнить Карла XII с язычником Голиафом, хулившим истинного Бога (1 Царств. 17, 4-10, 26), а самого себя - с кротким и благочестивым Давидом, будущим помазанником Божиим, победившим Голиафа практически без оружия, силою Божией (1 Царств - 17, 42-51). Это ясно обозначало ситуацию священной войны для любого, хоть маломальски знакомого со Священным Писанием. Феофилакт безусловно учел рекомендации царя, но пошел еще дальше и представил всю войну со Швецией, как апокалиптическую брань с диаволом. Антипротестантский настрой отражен в стихах:

и поруган Непочитатель Креста Святого, лжехристианин
И Божественных икон посмеятель,
Силою Креста Святого побежден есть ... /16/

В греческом, византийском понимании иконоборцы всегда назывались лжехристианами. Это введено было еще посланием Псевдо-Иоанна Дамаскина. Факт бегства Карла XII к мусульманам-туркам также дискредитирует шведского короля и сравнивает его с первым иконоборческим византийским императором Львом III, которого историк Феофан-проповедник когда-то назвал «сарацинолюбивым». Но самым характерным местом сочинения Лопатинского является аллюзия на два места из Священного Писания - Мф. 7, 24-25 и Мф. 16, 18 - где автор Россию отождествляет с Церковью, основанной Самим Христом на камне, а Швецию с вратами адовыми. Самого же Карла XII сопоставляет с Навуходоносором и его видением огромного ку-

мира, на который обрушился камень, отсеченный без рук. Учitando, что по-гречески имя Петр это камень или скала, следовательно, можно провести не просто аналогии, но и смешать Христа-камень и Петра-камень. И Прокопович и Лопатинский именуют Петра христом, только с маленькой буквы /17/.

Подобные утверждения должны были смертельно оскорбить не только самого шведского короля, но и унижить в глазах его же набожных подданных, уверенных в чрезвычайном благочестии Карла XII. И это не могло не сыграть своей роли, ведь религиозный настрой каролинским солдатам задавали капелланы, внушая им фатальное восприятие войны. В атаку шведские солдаты должны были идти с высоко поднятой головой и думать, что без воли Бога ни одна пуля не заденет никого из них. Для поддержания убеждения в непобедимости шведской армии прибегали даже к софизмам и фальсификации Священного писания, рассказывая, например, о том, что шведы - это скандинавские израильтяне, так как если прочесть наоборот древнее название главного противника избранных Богом евреев Ассирии - Асур, то получается «Руса», то есть враг, по определению Божьему. Непонятно почему этому верили, ведь первые евреи появились в Швеции вслед за вернувшимся туда из Бендер Карлом XII - получить долги. До этого времени ни мусульман, ни евреев в стране не было /18/.

Поражение шведов и разорение Финляндии, а потом и побережья Швеции лютеранское священство ассоциировало с Божьей карой в лице несущих смерть, насилие, разорение бородатых воинов-казаков: «В сентябре 1714 года казаки пришли в Гамлакарлебу... людей забивали, как скот...»; «...приходя в деревню (Сока. - А. III.), казаки убивали тех, кого встречали там, насаживали на пики или рубили..., женщина сначала насиловали, а потом убивали. Не щадили даже детей...» и так далее /19/.

Также большинство финских историков связывают все бедствия Финляндии именно с казаками, не считая их цивилизованными людьми, а самыми ужасными варварами /20/.

Вопрос реального участия казачества и доля их вины в насилиях над мирным населением прибалтийских провинций Швеции изучен автором в отдельной монографии /21/. Здесь же мне хотелось рассмотреть действия казаков с точки зрения религиозности, поскольку основой их мировоззрения, жизненной философии, даже если это и «философия войны», было Православие. Но Православие не в абсолютно каноническом смысле, а в непосредственном, личном взаимоотношении человеческой души и Создателя, причем с примесью языческого мировосприятия, связанного с Высшими силами природы исходящими от воды и степи. В каких взаимоотношениях именно с религиозной точки зрения находилось казачество с православным государством - Россией, призвавшим их на войну со Швецией, и могли ли православные иерархи воздействовать на казаков - это один вопрос. И второй - как относились казаки к другим христианам - католикам и лютеранам.

Все исследователи истории казачества выделяют православное христианство, как один из основных структурообразующих элементов самосознания казаков, а в традиционной иерархии казачьих ценностей ставят его на первое место. Однако, при этом, православная церковь была по существу автокефальной, и никогда не играла в казачьих сообществах государственно-политической роли /22/.

Подонская или Сарайская (Сарская) епархия была образована еще в 1261 г., то есть спустя всего два с небольшим десятка лет после вторжения монголов и подчинена митрополиту Киевскому и Всея Руси. Основанием для такого решения Константинопольского патриарха было то, что ранее все земли, где проживали казаки, входили в Тмутараканское княжество и Киевскую митрополию. Возникли даже территориальные споры между епископами Сарайским и Рязанским о границах епархий в связи со сбором церковной десятины /23/.

Упадок Золотой орды явился причиной того, что в 1460 г. Сарайский епископ Вассиан перенес кафедру в Москву, на Крутицы /24/. Однако связь Крутицких архиереев и казаков бы-

ла номинальной вследствие отдаленности и своеобразного строя жизни казачества, ее не признавали ни сами казаки, ни их священнослужители. Тем более, что часть казаков, после вторжений Тамерлана в 1382 и 1395 гг. временно покинула донские земли и сдвинулась на север к Рязанскому и Московскому княжеству, а также на юг к Азову и в Крым, и на восток - на Гребень (к Кавказским горам), на Кубань. Отсюда появляются и названия «рязанских» (1444 г.), «московских» (1467 г.), «азовских» (1401 г.) и гребенских казаков /25/.

Централизация Московского государства и присоединение к нему в Рязани (1517 г.) вызвала отток казаков обратно в Придонье. С признанием Иваном Грозным Войска Донского и все земли, заселенные казаками переходят под подчинение Патриарху Московскому и Всея Руси. К нему обращались казаки с просьбами о благословении на постройку церквей, снабжении их церковными принадлежностями, о литье колоколов и тому подобное /26/. Кроме удовлетворения этих нужд высшая церковная власть не имела никакого влияния на религиозную жизнь казаков, которые даже священников выбирали себя сами, из своей среды, и по утверждению круга, посылали в Москву для наставления. Поминание в молитвах Патриарха начинается лишь с 1687 г., после усмирения бунта Степана Разина /27/.

Да и в условиях специфического образа жизни казаков в течение столетий каноническая служба была не возможна, главным таинством было крещение. Его совершение было равносильно принятию в казачество. Религиозность казаков проявлялась не во внешних ритуалах, а носила характер ощущения внутренней связи человека с Богом /28/. Церквей, как таковых, не было, а были лишь часовни и молельные дома. С конца XV в. начинается переселение на Дон новгородцев, бежавших сюда после череды московских нашествий в 1471 - 1478 гг., завершившихся ликвидацией всех республик, существовавших на Северо-Западной Руси - Новгорода, Пскова, Вятки. Влияние новгородской культуры, в том числе, и религиозной, на казаков, по мнению историков казачества Быкадорова и Савельева ока-

залось чрезвычайным. На Востоке через полстолетия после гибели республик образовался особый мир, противоположный московскому, но родственный новгородскому /29/. Тем более, что многое в образе жизни новгородцев и казаков было схоже. Это касалось и вопросов веры. Можно сказать, что это был некий синтез язычества и Православия /30/. Христианство в новгородских областях прививалось очень медленно - и в XI и в XII вв. новгородцы еще упорно сохраняли остатки своего языческого культа. С этим, вполне вероятно, связано и довольно мирное присоединение земель карел, одного из самых многочисленных представителей финно-угорского мира, к новгородским владениям, в отличие от насильственной католизации коренных жителей Финляндии. Новгородцы в 1384 г. отказались подчиняться московскому митрополиту и постановили, что духовные дела решаются вечевым судом. Венчание проходило не только в церкви, но и возле ракиты, при этом брак, как и развод, узаконивались публично на вече. Жениться можно было неограниченное количество раз. При обряде церковной свадьбы священник с крестом возглавлял свадебную процессию. виновных же в прелюбодеянии сажали на цепь при церкви. Вместо воды в день Св. Николая освящали вино. Все те же обычаи были в ходу и на Дону. Большинство из этих обрядов были запрещены собором 1667 году /31/.

Присутствие новгородцев среди казачества подтверждается рядом географических названий городков и станиц - Раздоры, Ярыженская, Каргальская, Гундоровская и так далее, и рядом слов - «атаман», «молодец», «стан», «ватага» и др. Внешний вид казаков, проживавших в районе Раздор и выше, в тех областях, что позднее назывались 1-м и 2-м Донскими округами, также сильно отличался - они были выше ростом, имели русые волосы, бороды рыжеватые, лицо белое, нос большой, прямой и хрящеватый. Савельев также отмечает типично новгородский говор в этих станицах. Интересны грамоты, составлявшиеся казаками. Стиль их написания, обороты речи, ирония и противопоставления, совершенно отличны от московской письмен-

ности, для которой очень характерны постоянные повторы одного и того же. Влияние Великого Новгорода отчетливо видно и в народном творчестве - былины о Ермаке и Разине удивительно напоминают Садко /32/.

Казаки не отличались домовитостью и семейностью, этому способствовал их образ жизни. Между тем, новгородцы были самыми искусными плотниками в России. Они первые начали строить укрепленные городки на всем протяжении среднего и нижнего Дона - Раздоры Верхние и Нижние, при устьях Маныча и других рек. Они считались и лучшими мастерами в деревянном церковном зодчестве. План и фасад их церквей был свой, особенный, древнеславянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий, - «это архитектура языческих капищ, близко напоминающая древнеперсидскую», считает Савельев /33/. Правда, другой исследователь казачьего церковного зодчества - Н. Лаврский находил связь с галицко-киевскими постройками /34/. В качестве подтверждения новгородского происхождения архитектуры церквей Савельев приводит еще несколько аргументов: невысокие иконостасы, больше похожие на католические, в отличие от греческих, принятых в Москве и Киеве; характерная резьба по дереву; а также то, что самым популярным святым в честь которого строились и церкви и часовни был Св. Николай, что свойственно было новгородцам. Кстати, первый же город, основанный Ермаком в Сибири, назывался Кокуй - по имени главной башни Новгородского кремля /35/.

В целом, делает вывод, еще один авторитетный исследователь казачьей истории С. Г. Сватиков, в XVI - XVII вв. Донское Войско представляло из себя военно-демократическую республику, имеющую свою территорию, свой народ, свои законы, свою веру и свою власть. Так продолжалось до 1673 г., до момента принесения присяги русскому царю, однако, это не означало потери суверенитета, а лишь признавало вассальную зависимость от Москвы /36/.

Донское казачество смотрело отрицательно на все войны против христианских государств, и участие в них было весьма

ограниченным, можно сказать даже вынужденным, поскольку Войско нуждалось в «жаловании», которое выдавалось Москвой и состояло в основном из пороха и свинца, крайне необходимых для народа, который вел постоянную борьбу с мусульманским Востоком. Сконцентрированная религиозная идея войны с магометанами выражалась, прежде всего, в освобождении Азова, древнего христианского города, где с незапамятных времен существовала церковь Иоанна Предтечи (Крестителя). Азов стал для казачества тем же, чем был Иерусалим для крестоносцев.

В царствование Ивана Грозного казаки охотно участвовали в его походах на Казань (атаман Сусар Федоров), но отказались участвовать в наступательной Ливонской войне и в 1579 г. самовольно покинули армию. Уход казаков, позволил свалить на них всю вину за неоказание помощи осажденному Баторием Полоцку /37/. Зато участвовали в героической обороне Пскова против того же Стефана Батория в 1581 г., где прославился и погиб донской атаман Миша Черкашенин. Кстати, тот же Миша Черкашенин увел своих казаков двумя годами раньше, но никакого наказания от царя не было /38/. Участвовали казаки и в обороне Орешка от шведов в 1582 г. - атаманы Григорий Картавой и Иван Лукьянов. При царе Федоре Иоанновиче атаман Посник Лунев с казаками ходили под Ругодив (Нарва), Ивангород (1590 - 1591 гг.) и Выборг (1592 г.) /39/.

Что касается событий Смутного времени, то никакой религиозной подоплеки они не содержали. Участие казаков в гражданских войнах этого периода связано, прежде всего, с обидами, нанесенными им правительством Бориса Годунова. Этим объясняется их выступление на стороне Лжедмитриев I и II. Присутствие поляков-католиков казаков не смущало. Дело было именно в царе. Никакая Москва или Русь для казаков особого значения не имела, тем более в смысле «Третьего Рима». Лишь русский царь, как «помазанный Божий» олицетворял в их представлении Православие, за которое они были готовы сражаться. Таким им представлялся Лжедмитрий. Именно по этой причине, как только в качестве претендента на престол был выдвинут

польский королевич католик Владислав, казаки поддержать его отказались /40/. Такая же участь постигла и шведского претендента сына Карла IX - Филиппа. Командовавший объединенным польско-казацким войском гетман Я. П. Сапега заявил казакам: «Вам он не надобен, еретик и не люб вам будет» /41/. С чем казаки согласились. Завершение Русской Смуты и воцарение династии Романовых, как известно, тоже не обошлось без участия казачества.

Однако, в дальнейшем попытки привлечь казаков к войне против христианских государств натолкнулись на скрытое неподчинение. В 20-е гг. XVII в. Дон дважды отказал Москве, а в отписке атамана Епихи Родилова было сказано прямо: «в неволю не служат!». Казакам предлагалось заключить союз с Турцией и выступить против Польши. Мотив отказа заключался в несовместимости казачьих традиций заключать союз с «басурманским» государством против христианского /42/. Отказ был настолько категоричен, что казаки заявили даже о готовности уйти с Дона и переселиться на турецкие территории /43/. Когда в 1630 г. русское посольство возвращалось из Стамбула в Москву, казаки прознали, что посланные в столицу атаман Наум Васильев со товарищами схвачены и отправлены в ссылку в Холмогоры. На кругу им было зачитана грамота о том, что сейчас им нужно воевать не с турками, а с поляками. Обозленные заточением своих товарищей, казаки зарубили при всех царского воеводу Ивана Карамышева, а в отписке оправдались тем, что при чтении царской грамоты он «против государева имени шапку не снял, стоял, закуся бороду»/44/. И, наконец, весной 1632 г. из Москвы вернулись атаман Тимофей Яковлев и казак Денис Парфенов с царской грамотой, в которой было «жалованное к казакам слово и патриаршее благословение», а также просьба встретить на Дону царского посла князя Ивана Дашкова «с честью».

Прибывший посол передал казачьему кругу новую грамоту от Михаила Федоровича, где от лица царя и патриарха Филарета от казаков требовалось целование креста на верность, а

также повелевалось произвести перепись - «взять в смету, сколько их казаков на Дону будет», а потом вновь указывалось «итить на недруга, на польского и литовского короля, и на литовских людей». Приносить присягу за то, что они и так всегда выполняли, тем более через целование креста - «великое и страшное знамение» для казаков, круг посчитал оскорбительным и решительно отказался /45/.

Отказались они и переписывать себя - «как нас в разъезде много, то войско не велико, а какой час в разъезде мало, то нас, что водных источников, в иную пору мало, в иную много, а потому нам росписи сметной писать нельзя». На требование же идти против Польши и Литвы, не желая проливать христианскую кровь, ответили еще более туманно /46/.

В 1656 г. во время очередного военного конфликта между Россией и Швецией было набрано 570 опытных в морском деле казаков с Дона. После взятия Ниеншанца планировалась морская операция на Стокгольм. В 20-х числа июня Сила Потемкин с 1000 человек вместе с «промышленными людьми и кормщиками (имеются в виду, скорее всего, казаки. - *А. Ш.*)» вышел в Финский залив и захватил шведский полукорабль. Однако, ряд ответных ударов со стороны Швеции заставил забыть о морской экспедиции /47/.

В тоже время идеализировать казаков по отношению ко всем остальным христианам, как православным, так и лютеранам с католиками, безусловно, не стоит. Во главе угла их философии стоял принцип «талиона» /48/. Пострадала в Москве казачья станица - в отместку зарублен царский воевода Карамышев, убиты солдатами князя В. В. Долгорукова жители казачьих городков, поддержавших бунт Булавина - в ответ казаки-некрасовцы разоряют православные деревни, а жителей угоняют в рабство /49/. Хотя, надо оговориться, в данном случае работорговля или угон православного населения - исключение из правил, обоснованное лишь убежденностью в равном возмездии. Не тронули бы петровские солдаты и малороссийские казаки жен и детей донских казаков, а выместили бы все лишь на

мужчинах, способных держать оружие, возможно, месть некрасовцев коснулась бы лишь их. В данном случае вопрос вероисповедания отходил на второй план, при всем том, что продажа христианина в рабство категорически запрещалась казачьим обычным правом. Если же в руки казакам попадал тот, кто был уличен в работорговле христианами, его ждала смерть на колу. При этом, если это были армяне или греки, то есть христиане, приговор звучал, как «изменников веры Христовой», а если попадался, кто-то из своих или иных казаков, например, запорожцев, - их казнили пострашнее перекупщиков - в котлах с кипящим маслом или просто рубили на пятаки, начиная с ног. Особенно лютовали бывшие запорожцы, переселившиеся на Дон в 1570 - 1580 годы /50/.

Считем необходимым упомянуть и об украинском или запорожском казачестве. До конца XVI в. Запорожское казачество исповедовало те же принципы, что и донское - Православие и Воля. Их жизнь также протекала в непрерывной войне с турками. Однако, соседство с католической Польшей наложило свой отпечаток. Иезуиты, имевшие значительное влияние на польскую шляхту и королей, не сводили глаз с этой могучей силы, противостоящей мусульманскому востоку. Запорожцы будучи по мнению иезуитов «схизматиками», то есть уклонившимися от «истинной» веры, тем не менее, были надежным щитом для католического государства. Именно иезуиты провели через польский сейм ряд законов, позволяющих давать некоторым казакам шляхетство - дворянство, со всеми вытекающими отсюда благами... и пересмотром их отношения к некоторым основополагающим некогда принципам /51/. Земли, которыми их наделяла Польша, требовали рабов-крепостных, которые должны были их обрабатывать. Где их брать? Не пленных же мусульман - турок или татар, которых держать вместе было небезопасно, да и имеющих мало представления об обработке земли, соответственно, нужны были христианские рабы-крестьяне /52/.

К примеру, кузнец Вакула из знаменитой «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя. Такого имени в Святках нет, зато

есть тюркское слово «байкул», что в переводе означает раб богача. Не напомнил ли Гоголь, дав такое имя своему герою, о работорговле и рабовладельцах на Украине?

Все это внесло раскол среди некогда монолитного запорожского братства и в 1570 - 1580 гг. около 2 - 3 тыс. запорожцев переселилось на Дон, образовав городок под названием Черкасск /53/.

Запорожцы заключали договоры с Польшей и постепенно втягивались в европейские войны. Украинский историк казачества В. Б. Антонович рассказывает, как в 1600 г. запорожцы под предводительством кошевого атамана Самуила Кошки участвовали в походе поляков на Молдавию, затем в 1601 - 1602 гг. ходили воевать со шведами. Польская летопись сообщает о том, что «были в Швеции запорожские казаки числом 4000, над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такую содомию учинили, что хуже злых неприятелей или татар... Приехал посланец от короля... напоминал, грозил казакам... К этому посланцу приносил один мещанин девочку шести лет, прибитую, изнасилованную, едва живую; горько, страшно было смотреть; все люди плакали, Богу Создателю молились, чтобы такие своевольников истребил навеки. А когда казаки назад поехали, то великие убытки селам и городам делали, один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3» /54/.

Другой украинский историк Д. И. Эварницкий, которого трудно упрекнуть в нелюбви к запорожцам, посвятил 8 и 9 главу II тома «Истории запорожских казаков» описанию жесточайших расправ с православным населением Стародуба, Чернигова, Новгород-Северского, Мосальска, Зарайска, Вологды, Калуги, Путивля, Козельска и других русских городов в период Русской Смуты в 1610 - 1612 гг. «Действую с невероятной жестокостью против людей православной веры на Севере России, запорож-

ские и украинские казаки в тоже время энергично отстаивали православную веру на юге России» - поражался этому парадоксу украинский историк /55/.

С таким же успехом запорожцы нанялись на службы к шведам и в 1614 г. промышляли в районе Олонца, где были разгромлены татарами и служивыми казаками /56/.

Последующие годы XVII столетия отмечены непрерывной чередой ожесточенных войн Польши с казаками /57/. При этом «христианский» фактор не рассматривался вовсе, и украинские казаки действовали постоянно в союзе с татарами. Любопытно, но уже через два года после Переяславской Рады, означавшей переход Левобережной Украины в русское подданство, в конце 1656 - начале 1657 гг., гетман Богдан Хмельницкий заключает военный союз с Карлом X и семиградским (венгерским) князем Юрием (Георгием) II Ракочи (Ракоци) против Польши, а точнее, против любого врага, несмотря на начавшуюся в 1656 г. очередную русско-шведскую войну /58/, то есть, выступив фактически на стороне противника. Складывается впечатление, что политические, как и материальные мотивы участия в войне для украинского казачества стали преобладающими. Да и с точки зрения Православия сама Украина не переживала той болезненной церковной реформы, которая вошла в историю России под названием раскол. Украина спокойно приняла греческую обрядность, вызвавшую столь ожесточенное противостояние в России /59/. Мнение же иерархов об украинском казачестве было нелицеприятны. Вот так, например, отзывался о них Иерусалимский патриарх Досифей: «Хотя и исповедуем казаков бытии православными, однако, многие из них имеют нравы растленные и нравы сии не подобает от них перенимать тамошним (то есть украинским. - *А.Ш.*) православным» /60/.

Первые попытки обновить Русскую церковь были приняты еще столетием ранее. Знаменитый богослов Максим Грек перевел заново Священное Писание, но отношение к нему со стороны православного духовенства было недружелюбным,

на него смотрели с подозрением, как на всех греков из-за Флорентийской унии 1439 г., и его перевод не был принят. Митрополит Макарий, ставший Московским архиереем после новгородской кафедры придерживался уже Иерусалимского устава церкви (как и в Киеве, Пскове, Новгороде), однако собор 1551 г., вошедший в историю под названием Стоглавый собор, осудил его действия и постановил креститься по-прежнему двумя перстами, однако принял необходимость переписать Священное Писание.

Патриарх Никон, заручившись поддержкой иерархов восточной церкви - Антиохийского патриарха Макария, Сербского патриарха Гавриила, Никейского митрополита Григория и Молдавского митрополита Гедеона на соборах 1654 - 1655 гг. подверг резкой критике всю систему действующих православных обрядов совершенно упустив из виду, что как раз обрядность среди русского православного населения имела перво-степенное значение и была равноценна вероучению. Получив христианство от греков уже в готовом, по внешнему виду, обряде, русские его сохранили в первозданности, и если греки в конце XII - начале XIII вв. признали правильным трехперстное крестное знамение, как символ Св. Троицы, то для русских это означало отказ от «истинной» веры, символом которой стало двухперстное крестное знамение /61/. Естественно, что все это вылилось в беспощадную борьбу. Тех, кто придерживался старых обрядов, нарекли раскольниками, и подвергли самым жесточайшим гонениям. В ответ начались бунты, потрясшие всю Россию - Соловецкое восстание (1668 - 1676 гг.) и мощнейшая война под предводительством Степана Разина (1670 - 1671 гг.). Сторонники старой веры разделились на два течения - «поповщина» (собственно старообрядство) и «беспоповщина». Различие исходит из названия, последние придерживались того мнения, что раз не осталось необходимого числа архиереев - приверженцев старых обычаев, то некому рукополагать в священники, а соответственно можно обходиться без них. «Беспоповщина» получила распространение в основном на Севере России, хотя, например, сам

Степан Разин типичный пример «беспоповщины». Это следует из его лозунга: «На что церкви? На что попы? Венчать что ли?» /62/.

Разгром разинцев и приведение донского казачества к присяге на верность Москве усилили расслоение среди самих казаков. В большинстве своем они были сторонники старой веры, хотя для них она означала фактически лишь двухперстное крестное знамение. Казаки считали, что они сохраняют обряды, доставшиеся от отцов и дедов, ничего не прибавляют и не убавляют. Разгром Соловецкой обители, наиболее почитаемой среди казачества, вызвал естественное возмущение на Дону. Вместе с тем усилился поток беженцев-раскольников из России, которые селились по реке Медведице. Требования царского правительства о разорении расколичьего городка на Медведице оставались без удовлетворения /63/.

Войсковой атаман Фрол Минаев ориентировался на Москву, однако выдавать никого с Дона без решения круга не мог. Хотя по его же приказу сожгли одного монаха, публично поносившего царя и патриарха. Между тем на Дону образовалась партия тех, кто не желал идти ни на какие уступки Москве, стремясь сохранить все права казачества, в том числе и на старую веру. Во главе ее стал видный старообрядец Самойло Лаврентьев. Получив большинство голосов на круге, он добился отправки сначала в Москву, а затем и с Голицыным в Крымский поход Фрола Минаева, а сам занял его место. Однако, объединения староверов с раскольниками с Медведицы не произошло. Слишком нелепые вещи стал излагать казакам их предводитель Кузьма Косой, так что Лаврентьеву пришлось арестовать его. Вернувшийся из похода Фрол Минаев склоняет круг на свою сторону и добивается (впервые с Дона!) выдачи Москве раскольника Косого. Под пытками последний выдает имена всех казаков, приверженцев старой веры /64/. Москва требует выдать их, и, в конце концов, добивается своего /65/. Наступает год 1688-й - роковой для всех раскольников на Дону. Часть казаков атамана Петра Мурзенко уходит на Кубань, еще около 2000 че-

ловек с атаманом Левкой Манацким - на Куму /66/. В отчаянии староверы заявляют: «... у нас-де горше Крыму... лучше-де крымский, нежели наши цари на Москве» /67/.

В это же время на Дону появляется и знаменитый духовный лидер раскола Досифей, бывший игумен Никольского монастыря под Тихвином, но ему ничего не остается, как последовать вместе с казаками на Кавказ /68/. Правительство срочно приказывает митрополиту Воронежскому Митрофану направить дополнительно священников на Дон /69/.

Раскольничьи городки на Медведице разорены атаманом Иваном Аверкиевым /70/, частично староверы ушли, частично перебиты, остальные, значительная часть, спрятались до лучших времен /71/.

Казаки Фрола Минаева успешно участвовали в Азовских походах и сыграли немалую роль во взятии самой крепости - это полностью соответствовало их вековым устремлениям. Но начинается Великая Северная война, война с христианским государством...

Потерпев сокрушительное поражение под Нарвой, Петр I остался практически без армии. Образовавшуюся брешь на северо-западном фронте он затыкает казаками - гетманскими, запорожскими и слободскими. Начинаются «знаменитые» рейды Шереметева. В первом походе участвует около 4000 слободских казаков, в том числе - 430 донских походного атамана Максима Фролова со старшинами Ефремом Петровым и Леонтием Поздеевым. Вторжение казаков в Лифляндию сопровождалось разорением жилищ и уводом в плен около 4000 мирных жителей /72/. Шереметьев «Чухну у Черкасс отбирать не велел, чтоб охочее были» /73/. Фельдмаршал конкретно указывает на виновников разорения и захвата пленных, для дальнейшего обращения их в рабство - «Черкасы», так именовали слободских украинских казаков. Это же подтверждает автор «Истории Харьковского слободского полка» Е. С. Альбовский: «...и сами татары не могли бы лучше очищать страну от жителей и имущества» /74/. Что касается донских казаков, то их история хранит упоминание

о разорении мызы Красной (совр. Хуммули, Эстония), однако, о пленных ничего не сообщается, хотя историография того периода не страдала стыдливостью.

Ко второму походу Шереметева возвращаются гетманские полки - Миргородский с Украины (полковник Апостол) и Гадячский из корпуса Репнина от Динабурга (полковник Бурховский), вместе с последним приходят еще два охотничьих компанейских полка. Масловский сообщает о 5500 «Черкасс и слободских казаках» /75/. После сражения при Эрестфере 29 декабря 1701 г. Прибалтику покидают гетманские, затем слободские полки. Остаются кампанейские и донские. В рейды уходят вперед драгунские регулярные полки преуспевшие в деле грабежа. Пленные и угнанные жители исчисляются тысячами, не «считая розданных ратным людям» /76/. Казаки несли в основном дозорную, разведывательную службу, хотя и записали на свой счет 600 разоренных мыз, но по-прежнему о пленных ни слова /77/. Да и сама цифра 600 вызывает определенные сомнения, скорее всего, это общее количество разоренных русской армией населенных пунктов.

5 декабря 1703 г. донские казаки Максима Фролова царским указом отпущены домой /78/, однако, общее количество казаков увеличилось до 3700 чел. за счет прихода так называемых «низовых» полков /79/ (то есть «служивых» казаков) Моисея Мурзенко, Ивана Назимова, Михаила Хиленского, Дмитрия и Ивана Бахметьевых /80/ а также какого-то контингента донских казаков /81/.

Между тем на Дону усиливалось противостояние центральной власти, которая все больше и больше вторгалась не только на земли Войска, но и во внутреннюю жизнь казаков. Царские указы, поступавшие на Дон, часто были противоречивы. Это объяснялось тем, что большинство таких грамот составлялось не лично царем, а дьяками Посольского приказа, действовавшими от его имени и от имени бояр, заправлявших делами в Москве и по-прежнему относившимися к казакам, как к потенциальным бунтовщикам. Казаки были ограничены в рыб-

ных промыслах в низовьях Дона - их передали Азовскому гарнизону, соляные промыслы на Бахмуте также отошли в казну, кроме того, Москва постоянно требовала выдать всех беглых с Дона. Все это чрезвычайно нервировало казачество и требовало постоянной переписки с Москвой, в результате подобные указания частично отменялись - рыбные промыслы были отданы в общее пользование, а выдаче подлежали лишь поселившиеся на Дону после 1695 г. - то есть до Азовского похода. Полковник Изюмского слободского полка Шидловский, используя царское повеление о соляных промыслах Бахмута, в 1701 г. сделал попытку изгнать казаков и присоединить эти земли к своему полку. Бахмутский станичный атаман Кондратий Афанасьевич Булавин выбил изюмцев с казачьих земель /82/. Напряжение на Дону возрастало. Это отмечали даже иностранцы. Так, 25 декабря 1702 г. австрийский посланник сообщал в Вену об «опасности казацкого мятежа, ежечасно возрастающей» /83/.

Однако, в 1706 г. казаки Максима Фролова и Леонтия Поздеева приняли участия в подавлении Астраханского восстания, за что заслужили награды и похвальную грамоту всему Войску.

Апофеозом всего стало прибытие в 1707 г. на Дон отряда князя Ю. В. Долгорукова с целью поимки беглых. При поддержке казачьей старшины (Ефрем Петров) вводились даже казаки, принимавшие участие в Азовских походах, сопротивлявшихся уничтожали, причем, не взирая ни на пол, ни на возраст - женщин насиловали, младенцев «давили меж колод». Это всколыхнуло Дон и казаки во главе с Булавиным в ночь на 9 октября 1707 г. уничтожили весь отряд Долгорукова, включая его самого. Старшине удалось ускользнуть, и собравшись с силами, войсковой атаман Лукьян Максимов с Тимофеем Федоровым и Матвеем Матвеевым нанесли поражение восставшим. 10 человек было повешено, 12 выслано в Москву в Преображенский приказ, около 100 отрезали носы. Булавину удалось скрыться в Запорожской Сечи. Официально Сечь его не поддержала, но позволила набрать добровольцев, с которыми Булавин вернулся

на Дон. Гетман Мазепа, внимательно наблюдая за событиями Северной войны неумолимо приближающейся к Украине, не препятствовал Булавину и пропустил через свои территории. Булавин обратился с воззваниями к казакам, а также отослал отписку и самому Петру I, где объяснял всем, что они борются «за дом Пресвятой Богородицы, за истинную веру, за благочестивого царя», показывая тем самым, что их война ведется не против Петра, а против тех, кто переиначивает его указы. Обращаясь к староверам, ушедшим еще в конце 80-х гг. на Кубань, Булавин писал: «...не спущать того, что вводят всех в Еллинскую веру и отвращают своими знаменами от веры христианской». Булавину удалось взять 1 мая 1708 г. Черкасск, собрать огромный круг, который его выбрал атаманом, а бывших старшин, в том числе и бывшего атамана Лукьяна Максимова, казнить. Старшина была, видимо не без оснований, обвинена в присвоении денег - 20000 руб. за помощь в подавлении Астраханского бунта и 10000 руб. жалования Войску за 1708 год /84/.

На Дон была двинута целая армия, возглавляемая братом убитого Ю. В. Долгорукова - В. В. Долгоруким. Булавин потерпел поражение под Азовым, а 11 июля 1708 г. застрелился, окруженный изменившими ему казаками во главе с Ильей Зерщиковым - казаком из старообрядцев, участников выступления 1686 - 1688 гг. В расправах над мятежными городками помимо солдат Долгорукова приняли участия и малороссийские казаки: слободские полки - Острогожский, Сумский, Ахтырский и Изюмский; от гетмана Мазепы были посланы Полтавский полк и один кампанейский. Общее количество убитых и замученных казаков и их родных историки называют в 7 - 10 тысяч человек, но при этом, абсолютно все говорят о том, что цифры явно занижены, поскольку учет велся весьма приблизительный. Кроме царских войск и украинских казаков в подавлении бунта приняли участие и калмыки, естественно не подсчитывавших количество своих жертв. Восстание Булавина было расценено, как военное преступление - дезертирство, поэтому к уцелевшим казакам применялась децимация - казнь каждого десятого. Кстати, ак-

тивное участие малороссийских казаков в подавлении восстания привело окончательную пропасть между украинским и донским казачеством. В подавлении знаменитой «колиивщины» на Украине и в Польше весьма значительную роль сыграли донские казаки Гурьева, потомки некогда казненных булавицев /85/.

Значительное число семейств казаков во главе с атаманом Игнатом Некрасовым покинуло Дон и переселилось за Кубань на земли Крымского хана, на столетия превратившись в ярых врагов России. Но при этом, надо отметить, что, безусловно, руководствуясь в своих действиях принципом «талиона» казаки-некрасовцы совершали набеги и терроризировали православные окраины России, однако, в дальнейшем, именно они, старoverы, особо ценились турками за то, что не занимались грабежом, по этой причине им даже доверяли охрану казны /86/.

Какие же потери понес Дон в результате противостояния старoverов и Москвы. Исходя из документов, после 1688 г. ушло на Кубань 3 - 4 тыс. человек, в результате бунта Булавина погибло не менее 10 тыс., и 8 тыс. ушло с Некрасовым /87/. Таким образом, можно говорить о 25 - 30 тыс. человек. Среди оставшихся казаков по-прежнему процент старoverов был очень высок. Даже в 1737 г., когда в Воронежской канцелярии допрашивали казака-некрасовца Резенку, он показал о готовности 10000 человек перейти с Дона на Кубань /88/.

Естественно, что и среди тех донцов, кто принимал участие в Северной войне, процент старoverов был очень значителен. Большая часть донского казачества находилась в армии Шереметева на Украине с атаманами Максимом и Василием Фроловыми и Кутейниковым /89/. Это объяснялось главной угрозой со стороны шведской армии Карла XII и необходимостью присматривать за южными рубежами. Функции донского казачества на прибалтийском театре сводились к разведке, добычанию языков и охране обозов. Количество донских казаков здесь минимально и ограничивалось несколькими сотнями. Даже карательные меры, применяемые Апраксиным по отношению к местному населению Ингерманландии возлагались или на

«городовых» казаков Дмитрия Бахметьева или на драгун Монастырева или Манштейна /90/. Представляется естественным, что Фроловы держали рядом с собой верных казаков, отправляя подальше тех, кто казался им ненадежными, то есть сторонников старой веры.

А вот еще один интересный факт, подтверждающий эту гипотезу. В мае 1705 г. в Петербург направляются донские, яицкие и гребенские казаки. Одно присутствие здесь гребенских казаков, которые были все поголовно старoverы, говорит о многом /91/. Количество их неизвестно, но свидетельства таковы: «Ехали с Олонца, с Лодейного Поля донские и яицкии и гребенские казаки в Санкт-Петербург, и у нас, сирот, хлеб в житницах, и овес семенной лошадям брали, и животы и статки грабили, и животину, и коров и овец, и свиной многих на полях в стаде побиили, а по полям рожь прикормили без остатку, и подвод под них ставили, и тем подводам и доныне от них отпуска нет» - жаловались крестьяне архимандриту Иверского монастыря Аарону /92/. С одной стороны, факт, для военного времени как бы обыденный, жалованья казакам не платили, питаться им нужно было - в способах добычи этого пропитания они себя не ограничивали. Интересно другое - крестьяне были монастырские, принадлежавшие Иверскому Валдайскому монастырю. Монастырь был построен по личному благословению и под патронажем Патриарха Никона (в 1657г.), и занимался его возведением ни кто иной, а Иоаким, будущий Патриарх (с 1674 по 1690 гг.), предшественник последнего Патриарха Андриана. Иоаким вошел в историю, как наиболее ревностный и жестокий борец с расколом, ратовавший за строгость во внешней обрядности церкви. Будучи еще Новгородским митрополитом принял самое деятельное участие в подавлении восстания монахов Соловецкого монастыря (1673г.), наиболее почитаемой обители среди казаков /93/.

Не зная об этом, и о самом Иоакиме, казаки не могли. Тем более, что в основной массе, если не все, они были старообрядцы. Разорение крестьян монастыря, символизирующего

для казаков никонианство, вполне укладывается в рамки принципа «талиона».

Что касается дальнейших боевых действий в Финляндии, то функции казачества оставались прежними - отдельными небольшими партиями проникать на территорию противника и захватывать языков. При осаде и взятия Выборга казаки не упоминаются, однако, есть известия о неоднократной посылке партий к Вехжелаксу (Хамина), об охране обозов с хлебом. Точно также не упоминаются они и при взятии Кексгольма, однако некоторое количество (150 - 200 чел.) можно обнаружить в ведомости на раздачу хлеба /94/.

Вторжение в Финляндию в 1713 г. осуществляется морским десантом Апраксина (16050 чел., в том числе - 150 казаков) и сухопутным путем идет конница князя А. Волконского с обозами (в том числе около 500 каз.). Апраксин постоянно сетует, что казаков недостаточно и Петр I направляет с Украины атамана Василия Фролова с 1000 казаков в Финляндию, которые прибывают в Саволак 8 января 1714 г. Лишь в сражении при Стор-Кюро казаки собраны вместе и при отступлении шведов и финнов перебили огромное количество ополченцев. Финский историк Эйно Юттикало пишет о том, что большие силы казаков просочились через лес и обошли шведскую армию с юга и севера, отрезав пути к отступлению /95/.

В дальнейшем, все казаки были приданы регулярным кавалерийским драгунским полкам в количестве от 100 до 200 человек. Участвовали ли они в разорительных и жестоких рейдах русской армии? Частично, да! Но все-таки, это была прерогатива регулярных солдат. Что касается насилия, убийств, похищений детей, увода в плен мирных жителей, то участие в этом донских казаков вызывает сомнения - причиной их пресловутый принцип «талиона». Казакам не за что было мстить! Финские деревни слишком далеко расположены от их городков, шведские или финские солдаты, в отличие от русских, не наносили ни малейшего вреда их близким. Во-вторых, казачье право запрещало просто так убивать или грабить христиан - мирных

жителей. В-третьих, пробудить в казаках религиозную ненависть было весьма сложно, ведь православная пропаганда, объявлявшая шведов и финнов еретиками, напоминала, как раз о том, что говорили казакам их священники только в отношении Петра I и всех его нововведений. И не раз они сами слышали, как его называли «антихристом», и знали, как погибали многие из них только от рук русских, преследовавших казачество за старую веру. Да и православное духовенство относилось к казакам с предубеждением. Например, к гребенским (терским) казакам - старообрядцам так и не удалось «подобрать ключ». Даже Петр I приказал не тревожить их, так как служат они верно и без измены, не идут против церковной власти, не нарушают государственного порядка. Для светских властей главными были вопросы обороны и покорности государству, а не веры. Что касается донских казаков, то внешне приняв некоторые из нововведений, и активно участвуя в возведении новых храмов на Дону, до конца XVIII в. они противодействовали церковным властям в некоторых вопросах, которые затрагивали их традиции. Например, казаки отчаянно отстаивали право на «выборность» своих священников, не позволяли им каким-либо образом воздействовать на решение круга или, что из области фантастики, оспаривать, не подчиняться атаману или кругу. Дон был присоединен к Воронежской епархии в 1718 г., однако еще в 1762 г. епископ Иоаким доносил Св. Синоду, что «казаки, под страхом наказания, запрещают своим священникам слушаться распоряжений архиерея и судят их по своему обычаю в круге; а атаман Иловайский прямо писал, чтобы архиерей не смел вмешиваться в духовные дела казачьих приходов, так как причты их определяются по утверждению казачьего круга и старшин». В 1765 г. воронежский епископ Тихон вновь доносил Синоду, что в трех благочиниях 58 лиц самовольно определены без его, архиерейского, благословения, и что беспорядки казачьих церквей (не подходящих под порядки московские) исправить нет никакой возможности. В том же году и тот же епископ сообщал в Синод, что казачьи церкви не ведут вечных записей и метрик

и что атаман Иловайский набил колодки на протопопа Черкасского собора за то, что тот осмелился власть своего архиерея поставить выше войскового круга. Надо отметить, что Иловайский, один из героев века Екатерины II, не был ни старообрядцем, ни крамольником /96/. Отмечает нелюбовь к священникам и другой историк казачества М. Харузин, «дюже сребролюбивы они» /97/.

Что касается военной добычи, то, безусловно, это имело место! Только в каких размерах? Здесь надо учесть крайне малую численность казаков в составе русской армии – не более 5, максимум 10%. Все, что забиралось регулярными частями, тщательно фиксировалось документально. И сегодня мы можем увидеть эти поразительные по дотошности списки награбленного имущества в фондах различных архивов - РГА ВМФ Фонд 233 «Канцелярия Апраксина», Архив СПбИИ РАН Фонд 83 «Канцелярия Меншикова» и так далее. Однако, как совершенно справедливо отметил профессор В. Е. Возгрин, размеры ущерба, определяемого шведскими источниками, практически совпадают с русскими /98/. А это свидетельствует о том, что на долю казаков приходилось совсем немного. Да и времени-то на грабеж у них было слишком мало. Огромный падеж конского состава среди регулярных кавалерийских частей, в отличие от казачьих, вынуждал русское командование постоянно отсылать казаков или в разведку, или на охрану обозов, или использовать в качестве фельдъегерей, ординарцев и тому подобное. Спешенные драгуны занимались в это время методичным грабежом. Высаживаясь с десантами на шведское побережье, казаки устремлялись вперед, наводя страх своим появлением, выскакивая на окраины шведской столицы, в то время, как регулярная армия стаскивала все что представляло ценность на галеры. Вернувшись казакам, главное было разместить своих коней на отплывающих кораблях. Конечно, и они уходили не с пустыми руками и сумами. Где можно было быстро пожить - в церкви, где всегда имелось и серебро, и утварь, и деньги у местного пастора. Заодно, если представлялась такая возможность, могли стащить

и колокол - на Дону шла массовая постройка церквей, да и по старой традиции казаки очень много жертвовали на свои храмы и монастыри /99/. Прихватывали с собой мелкий скот - поросят, овец, домашнюю птицу, а вот интересная подробность, отмеченная еще одним казачьим историком В. Д. Сухоруковым - казаки не употребляли в пищу говядину или телятину /100/. Отогнать скотину, а что с ней делать дальше - передать русским? А зачем? Поэтому угон стад для них не представлял личного интереса, хотя в отношениях с кочевниками баранчатство - кража скота, как и пленение людей - невольничество, счи-талось военной доблестью /101/.

Но психологический фактор, попросту страх, способствовал появлению мифа о чрезвычайной суровости казаков - «христианской орды», как назвал их В. И. Даль /102/. Внезапность появления и исчезновения, необычный внешний вид, одежда, вооружение, больше похожие на азиатские, в отличие от солдатских мундиров, бороды, необычная тактика, звуковые эффекты - свист, гиканье, преимущественно ночное время атаки, безжалостность к сопротивляющимся, применение пыток к захваченному языку, ограбление священников и церквей, все это создало устойчивое мнение о казаках, как о всадниках Апокалипсиса. А массовость зверств и насилия, производимых регулярными частями, автоматически переключала на казаков. Даже командовавшего регулярной кавалерией в Финляндии бригадира Ф. Г. Чекина финский историк Г. Вилкуна называет «казачьим» генералом /103/, хотя никакого отношения к последним Чекин не имел. В чине бригадира он прибыл в 1708 г. из Кракова в распоряжение Ф. М. Апраксина и командовал сперва Нарвским и Луцким драгунскими полками, а с 1714 г. в чине генерал-майора всей кавалерией русской армии в Финляндии, с 1722 г. - на административной работе /104/.

Но «все-таки можно утверждать - считает финский историк Х. Кувая, - что казаки не относились к цивилизованным солдатам...» /105/, что только они, как истинные дикари могли творить то, что описывают предания о Великом Лихолетье в Фин-

ляндии. При этом Х. Кувая соглашается, что «нет каких-либо доказательств того, что русские отрезали женщинам груди и насаживали младенцев на изгороди» в Финляндии /106/, в отличие от того, что признают за «цивилизованными» солдатами и генералами каролинской армии, а также за «благочестивым» Карлом XII сами шведы.

Жестокость казаков в бою или при малейшем сопротивлении - рефлекс - «если не убить врага - он убьет тебя!», «не отомстить за павшего или раненного товарища - предать войсковое товарищество!», это традиции, это философия войны, которой жили казаки. Вполне вероятно, что те случаи сожжения жителей в домах, что имели место в Пюхяйоки и Лумийоки /107/, результат действий казаков, получивших отпор, и возможно понесших потери. По крайней мере, абсолютно аналогично казаки поступили и без малого 30 лет спустя, во время войны 1741 - 1743 гг. 8 марта 1742 г. партия атамана Себрякова понесла потери (2 убитых, 12 раненых) от крупного партизанского отряда (до 500 чел.), засевшего в «одном укрепленном доме» в районе Кидежского погоста. Казаки брать в плен никого не собирались, поэтому просто подожгли дом и не давали никому оттуда выйти живым. Лишь подошедшие две гренадерские роты смогли спасти 103 человека, остальные все погибли /108/. Аналогично поступал с французами и знаменитый партизан, гусар и поэт Денис Давыдов во время Отечественной войны 1812 года /109/.

В любом случае, война - это трагедия, и абсолютно прав русский философ И. Ильин, который отмечал, что «как бы ни был добр и силен в самообладании человек, но если он вынужден к сражению, - то самый состав тех действий, к которым он готовится и которые совершает, легко будит его страсть, вводит в ожесточение, дает ему особое наслаждение азарта, наполняет его враждой, берedit в нем свирепые и кровожадные инстинкты...оставляя для начала положительной любви...самое небольшое поле действия (акты личного сострадания и пощады, законы о раненых, больных и пленных)» /110/.

Вместе с тем, в заключении, следовало указать, что протестантская религия оказала определенное воздействие и на казачью среду, в основном, старообрядческую. Бесспорным является сходство духоборского учения с квакерским, а молоканского с протестанствующим, тверетиновским /111/. По крайней мере, имеются упоминания о казаках-молоканах, высланных в 1830 г. с Дона в Карабах /112/, а также и в дальнейшем, о наличии в казачьей среде духоборов и молокан, которые в 1905 г. провели свой съезд в Ростове-на-Дону /113/.

1. Таркиайнен К. Мирные переговоры между Россией и Швецией . 1557 г. - последняя миссия Микаела Агриколы. Материалы международной конференции 9.06.2007. в Выборге, посвященной 550-летию со дня смерти М. Агриколы. С. 5.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Т. IX - XII. М. 2003. С. 561.
3. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Из «Истории Русской Церкви»//Царь Иван IV Грозный. М., 2005. С. 520.
4. Там же. С. 519 - 521.
5. Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. Helsinki.2003. S. 130 - 132.
6. Таркиайнен К. Финляндия. Образ восточного соседа времен Московского царства//Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII - XX вв. М., 2006. С. 55.
7. Коваленко Г. М. Легенда о Сигтунских воротах//Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI - XX веков. СПб., 1999. С. 179 - 180.
8. Русский перевод выполнен А. Шемякиным: История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведённых там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 г., М., 1867.
9. Мёрнер М. Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617 - 1704 гг. //Материалы международной

- научной конференции «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб. 2007. С. 131 - 160.
10. Рункевич С. Г. Архиепиеи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1905. С. 223.
 11. Василик В. В. Северная война в гимнографических памятниках Петровской эпохи. (Служба в память Полтавской виктории) //Материалы международной научной конференции «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 65 - 66.
 12. Финский историк Х. Кувая рекомендует следующие источники: Finlands svenska folkdikting II. Sägner: Historiska sägner, utgivna av V. E. V. Wessman. (Helsingfors 1924). S. 9 - 10, 19 - 20, 57, 69, 70, 71; профессор Возгрин В.Е. рекомендует: Ett Udtog af negre ifra Stenau, den 20 Julii 1707 daterade bref om dhe Muskowitiske Callmuckers och Cosakers grufweliga firtfarande. Stockholm, 1707.
 13. Кувая Х. Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713 - 1715 гг. //Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. М., 2006. С. 177 - 178, 191 - 192.
 14. Vilkuна К. Н. J. Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Juväskylä. 2005. S. 580 - 581.
 15. Феофан Прокопович. Сочинения. М. 1961. С. 34.
 16. Минея. Июнь. Часть 2. М., 2002. С. 391.
 17. Василик В. В. Указ. Соч. С. 66 - 69.
 18. Уредссон С. Карл XII, Царь Петр и Карл XI. Два правителя и их народы. М., 2006. С. 59.
 19. Кувая Х. Указ. Соч. С. 177 - 178.
 20. Кувая Х. Указ. Соч. С. 198. Vilkuна К. Н. J. Ibid. S. 580.
 21. Шкваров А. Г. По закону и казачьему обыкновению. К вопросу о «геноциде и военных преступлениях» казачества на территории Финляндии во время шведско-русских войн XVIII - XIX вв. Хельсинки. 2008. 303 с.
 22. Быкадоров. История казачества. Кн.1. Прага. 1930. С. 149.
 23. Там же. 75 - 79.
 24. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону. 1998. С. 266.
 25. Быкадоров. Указ. соч. С. 91 - 92.
 26. Например: Грамота от 5 июля 1645 г. о написании 8 икон и отливке

- 2-х колоколов. Акты, относящиеся к истории Войска Донского /собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск. 1891. С. 40. (Далее - Акты Лишина)
27. Савельев Е. П. История казачества в 3-х ч. Репринтное издание 1915 - 1918 гг. Ростов-на-Дону. 1991. С. 269.
28. Михайлов Т. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринбург, 1910, С. 46. Сопов А. В. Религиозность казачества: Мифы, факты, проблемы // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп, 2000, С. 59 - 60. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVII - XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001, С. 125 - 126.
29. Быкадоров. Указ. соч. С. 111; Савельев Е. П. Указ. соч.. С.263 - 291.
30. Можно добавить сюда и некоторые обычаи, пришедшие с Востока, например, выкуп невесты - «калым» или «кладка». Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. 126.
31. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 271 - 272; Харузин М. Указ. соч. С. 72 - 76, 144 - 150.
32. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 266.
33. Савельев. Е. П. Указ. соч. С. 274.
34. Лаврский Н. Черкасск и его старина. М., 1917. С. 14.
35. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 280, 283.
36. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549 - 1917). Исследования по истории государственного и административного права и политических движений. Белград. 1924. С. 16.
37. Карамзин. Т. IX. С. 132.
38. Скрынников Р. Г. Ермак. М., 2008. С. 25 - 26.
39. Материалы для истории Войска Донского. Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1915. Вып. 3. № 13. С. 160 - 166.
40. Станиславский А. М. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 168
41. РГАДА Ф. 184. Д. 133. Л. 1 - 3об.
42. Царская грамота от 22.10.1625 г. Донские дела. Т. XVIII. СПб., С. 248.
43. РГАДА Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 336 - 337.
44. РГАДА Ф. 89. Ед. хр. 1630. №5 Л. 114 - 115.
45. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 324 - 325.

46. Отписка казаков 26 мая 1632 г. Материалы для истории Войска Донского. Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1915. Вып.3. № 13. С. 160 - 166.
47. Сорокин П. Е. Предшественники Петербурга: Ландскрона - Невское устье - Ниеншанц//Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 2002. Вып. 30 - 31. С. 27.
48. Талион - (лат. talion, от talio - возмездие, равное преступлению, от talis - такой же), это правило, которое в развернутом виде гласит: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Книга Исхода, 21:24-26).
49. РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 374.
50. Алмазов Б. А. Военная история казачества. М., 2008. С. 124 - 125.
51. Подобная практика существовала до конца XVII в. Пример этому полковник Войска Запорожского Остап Гоголь - предок русского писателя Н. В. Гоголя, утвержденный в шляхетстве в 1660 г. См. Чухлиб Т. Тарас Бульба - предок Гоголя?//Родина. №5. 2004. С. 27
52. Алмазов Б. А. Мы - казачьего рода. Т. 1. Хельсинки. 2008. С. 209 - 211.
53. Быкадоров. Там же. С. 131.
54. Антонович В. Б. Неизвестный доселе гетман и его приказ //Киевская старина. Кн.5. К., 1883. С. 140 - 145.
55. Эворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. II. Киев. 1897. С. 140 - 141.
56. «Распросные речи черкасского сотника Федьки Бутого» РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 8. Ст. 2. Л. 14 - 20.
57. Этот период истории с исторической достоверностью прекрасно освещен в художественной литературе - Г. Сенкевич «Потоп», «Огнем и мечом», «Пан Володыевский», Н. В. Гоголь «Тарас Бульба» и так далее.
58. Літопис Самовидця. Київ: «Наукова думка», 1971. С. 74.
59. В 1640-х гг. Киевский митрополит П. Могила отказался от старого русского устава и ввел в Западно-русской Церкви целиком новогреческий устав. Кантперев Н. Ф. Церковно-обрядовые реформы Никона// Богословский Вестник №9. СПб., 1908 г. С. 249.
60. Свщм Илларион (Троицкий). Богословие и свобода церкви //Богословский вестник. Т. III. Сергиев Посад. 1915. С. 245.
61. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Выпуск второй: Время патриаршества Никона//Православное обозрение. Т. I. СПб., 1888. С. 62 - 78.
62. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. 2008. С. 627.
63. Царские грамоты от 9 марта 1675г.; от 10 сентября и 18 ноября 1683г. Акты Лишина. Т. I. С. 88, 114, 118.
64. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 383 - 388.
65. Грамота от 8 мая 1688 г. Акты Лишина. Т. I. С. 144.
66. Броневский В. Б. История Донского Войска. Ч.1. СПб. 1834. С. 200.
67. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889. С. 182.
68. Митрополит Макарий (Булгаков). История русского раскола, известного под именем старообрядства. 3-е издание. СПб. 1889. С. 273.
69. Грамота от 23 сентября 1688г. Акты Лишина. Т. I. С. 147.
70. Грамота от 22 мая 1689 г. Акты Лишина. Т. I. С. 155 - 156.
71. Грамота от 14 августа 1688 г. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Изданы под редакцией М. Прянишникова. Новочеркасск., 1864. С. 122 - 123.
72. Многие из которых были или бывшими православными, так называемыми «полуверцами» или староверами. См. Трусман Ю. Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии // Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1895. С.1 - 38. Рихтер Е. Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976. С. 13 - 28, 34.
73. Устрялов. История царствования Петра Великого. Ч. IV. СПб., 1864. С. 112.
74. Альбовский Е. История Харьковского слободского казачьего полка (1651 - 1765). Харьков. 1895 С. 101.
75. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск I (1683 - 1762). СПб., 1891. С. 81.
76. Волынский Н. П. История Л.-Гв. Кирасирского Е.И.В. полка. 1701-1901. Т. I. Кн. I (1701 - 1733) СПб., 1902. С. 6-7, 9, 11.
77. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. 145.
78. Акты Лишина. Ч. I. С. 266.
79. Понятие «низовые» подразумевало в первую очередь города Поволжья, но сюда же могли относить Смоленск, Новгород, Луцк и так далее. Например, полк Мурзенко сформирован из смоленских «грунтовых» казаков и городовых казаков Новгорода и так далее.

80. Масловский. Там же С. 82, 84.
81. Материалы Военно-Учетного архива Главного Штаба под редакцией А. Ф. Бычкова. Т. I. С. 75 - 106.
82. Сватиков. Там же. С. 137.
83. Елагин. История русского флота. Приложения. Т. I. 1864. С. 513.
84. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 137 - 147.
85. Антонович В. Уманьский сотник Иван Гонта (1768 г.) // Киевская старина. 1882. Кн. 11. С. 250 - 276.
86. Короленко П. П. Некрасовские казаки. Екатеринодар. 1899. С. 6
87. Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М. 1846. С. 95 - 96.
88. Дмитренко И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия Общества любителей изучения кубанской старины. Вып. 1. Екатеринодар. 1899. С. 65 - 68.
89. До конца 1711 г. - общее число казаков в армии 14266 чел. - Савельев Е. П. Указ. соч. С. 418. В 1712 г. численность уменьшена до 5000 чел. - Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате, в царствование Петра Великого за 1711 - 1712 гг. Т. III. СПб., 1889. С. 506; Из них на 13.08.1713 в армии Шереметева и П. М. Апраксина - 3900 чел. Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 - 1714 гг.: (Документы Государственного архива) СПб., 1893. С. 398 - 399.
90. Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 46, 57.
91. Великая Н. Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII - начале XX в. // Православие в исторических судьбах Юга России. Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов-на-Дону. 2003. С. 30 - 43.
92. Архив СПбИИ РАН Ф. 181. Валдайский Иверский монастырь. Оп. 1. Д. 6146. Л. 7.
93. Боголюбский М. С. Московская иерархия. Патриархи. М., 1895. С. 31 - 45.
94. Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 100, 108, 123 - 128.
95. Jutikkala E., Pirinen K. Ibid. P. 212 - 213.
96. Савельев Е. П. Указ. соч. С. 269 - 271.
97. Харузин М. Указ. соч. С. 280
98. Возгрин В. Е. Морские журналы Н. А. Сенявина и Ф. М. Апраксина, как источник по истории Северной войны // Санкт-Петербург

- и страны Северной Европы. Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2008. С. 206 - 214.
99. Только к 1709 г. за время царствования Петра I построили 24 церкви, а к 1718 г. их количество значительно увеличилось. Картины былого Тихого Дона. С. 161.
100. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII - XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск. 1892. С. 64.
101. Мануйлов А. Н. Обычное право кубанских казаков. СПб. 2007. С. 196.
102. Даль В. И. Христианская орда. Заметки об истории казачества // Казаки России. Кн. 3.: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 19. М.: Наука. 1993, С. 29.
103. Vilkuna K. H. J. Viha. 2005. S. 566 - 567.
104. Голиков. Деяния Петра Великого. М., 1792 Т. IV. С. 116, 463, Т. VI. С. 73, 377.
105. Кувая Х. Русские идут... С. 198.
106. Кувая Х. Там же. С. 194.
107. Кувая Х. С. 178.
108. Санкт-Петербургские Ведомости за 1742 г. Примечания 30 - 32. С. 117.
109. Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 124 - 130.
110. Ильин И. О сопротивлении злу силою // Путь очевидности. М., 1993. С. 101, 107.
111. Грицанов А. А., Семенова В. Н. Протестантство. Минск., 2006. С. 338 - 339.
112. Финогенов Е. И. Шемахинская губерния. Записка о русских переселенцах-раскольниках в Каспийской области. Из актов, собранных Кавказской Археологической комиссией. (Архив Главного Управления Наместника Кавказского). Тифлис. 1885. С. 281.
113. Малахова И. А. Духовные христиане. М., 1970. С. 23.

Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров

В последние месяцы правления Елизаветы Петровны обострилась проблема владений в Шлезвиге и Гольштейне, некогда принадлежавших герцогу Шлезвиг-Гольштейн-Готторпскому Карлу-Фридриху, супругу старшей дочери Петра I. Поскольку герцог умер в 1739 г., то право владения этими территориями перешло к его сыну Карлу Петеру Ульриху, то есть наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу. Сами по себе эти земли были по российским масштабам не очень обширны, но ценность их заключалась не в размерах, а в стратегическом расположении на юге Ютландского полуострова, на перешейке между Северным и Балтийским морями. Обладатель их мог вести как балтийскую, так и океанскую торговлю, а, проведя судоходный канал длиной всего 100 км, вообще избавиться от выплаты датчанам Зундской пошлины.

Однако еще в годы Северной войны датчане заняли Шлезвиг, основываясь на старинном праве владения им: как и Гольштейн, эта земля управлялась герцогами принадлежавшими к датской королевской династии Ольденбургов (младшая ветвь), имели общих предков /1/, а иногда, как это было в XVI в, даже короновались в Дании. Каждая из земель издавна делилась на двое - на герцогскую и королевскую части. Полностью Шлезвиг был занят датчанами в 1684 г., а по датско-шведскому мирному Фредериксборгскому договору 1720 г. он целиком и навсегда возвращался датской короне, тогда как герцогскую часть Гольштейна король освободил для герцога, оставшись властителем второй части этой земли.

При этом передачу Шлезвига датской короне гарантировали Англия и Франция, в 1732 г. - Россия с Австрией, а в 1734 г. - и Швеция. Еще позднее, 25 апреля 1750 г. в Копенгагене был заключен так называемый «Окончательный договор»

(Definitivtraktat) с шведской короной, согласно которому тогдашний голштинский герцог и наследник шведского престола Адольф Фредерик Шлезвиг-Гольштинский отказывался от Шлезвига в пользу датского короля Фредерика V и его венценосного потомства по мужской линии. Взамен Фредерик V обязался с течением времени выплатить 200 000 талеров из дворцовой казны, но шведский король этих денег так и не увидел /2/.

После смерти отца, точнее, в 1741 г. 14-летний Карл Петер Ульрих был приглашен своей теткой Елизаветой Петровной в Петербург. По достижении совершеннолетия, то есть в 1745 г., он обрел статус правящего герцога Гольштейна. Однако на родину он не вернулся, там от его имени правил брат его отца Фридрих Август - в качестве штатгальтера. Но с 1751 г., когда последний был возведен в сан епископа Любекского, управление герцогством осуществлялось Тайным правящим советом, резиденция которого находилась в Киле, а пост штатгальтера оставался незанятым.

Таким образом, шлезвиг-гольштейнская проблема в сер. XVIII в. заключалась, с одной стороны, в том, что великий князь Петр Федорович стремился вернуть себе шлезвигские земли предков. Это было вполне реально, так как высокие гаранты договора 1720 г. по разным причинам от своих обязательств к тому времени отказались. С другой стороны, датский король, считая весь Шлезвиг своим, постоянно опасался, что герцог, заручившись поддержкой какой-либо сильной державы, попытается вернуть свою часть этой земли вооруженной силой. То есть, датская корона нуждалась в обновлении добровольной передачи герцогских прав на владение его частью Шлезвига уже новым герцогом, то есть великим князем Петром Федоровичем. Кроме того, в Копенгагене давно был готов план мирного возвращения короне и герцогской части Гольштейна. Для этого король Фредерик IV ещё в 1719 г. предложил обменять герцогскую часть этой земли на другую свою собственность - более обширные графства Ольденбург и Дельменхорст /3/, а также помочь герцогу силами всей датской армии, если его законному восхожде-

нию на стокгольмский престол попытается какая-либо группировка шведов, не желавших видеть корону на голове у голштинца /4/.

Предложение было заманчивым, но различные внешние обстоятельства не позволили пока приступить даже к обсуждению конкретных условий и порядка его воплощения. И это несмотря на то, что российско-голштинские отношения в последние годы жизни Петра I и при его ближайших преемниках поднялись на ранее небывалую высоту - достаточно упомянуть о браке герцога Карла Фридриха и дочери Петра Анны, состоявшемся по инициативе первого императора России. Тогда же Петру удалось получить от шведского короля Фредрика I официальный документ, датированный 20 ноября 1723 г. «О признании герцога Королевским величеством с гарантией возведения на шведский престол как единственного потомка мужского пола Густава Вазы» /5/.

Шлезвиг-голштинская проблема обострилась в годы Семилетней войны. Дания, как и Швеция, в ней не участвовали, а для того, чтобы оградить свои торговые суда от нападений каперов воюющих сторон, заключили в 1756 г. союз о вооруженном нейтралитете. Кроме того, опасаясь так или иначе быть втянутым в войну, копенгагенский кабинет заключил 4 мая 1758 г. союз с Францией. Согласно этому трактату Дания обязывалась не поддерживать Англию и Пруссию и ввести в Гольштейн 24-тысячное войско, которое было в состоянии воспрепятствовать нападению Пруссии на богатые Гамбург и Любек. Взамен Париж давал средства на содержание этого корпуса и обещал приложить все усилия для того, чтобы Петр Федорович, став императором, согласился уступить свою часть Гольштейна в обмен на упоминавшиеся датские графства. Вскоре к договору приступила и Австрия /6/.

Впрочем, Франция, экономически ослабевшая во время войны и терпевшая в ней поражение за поражением, вряд ли была способна исполнить последнее обещание. Задача эта была трудна и по чисто субъективной причине - Петр Федорович, как

и большинство его земляков-голштинцев, испытывал горячую ненависть к Дании, уже много десятилетий стремившейся целиком присоединить Гольштейн к коронным владениям, в том числе и вооруженной силой. Возможно, именно для того, чтобы смягчить жесткую позицию великого князя, Дания поступилась своим нейтралитетом и в марте 1760 г. пошла на предложение России закрыть Зундский пролив для английских судов. Взамен и Россия присоединилась к датско-французскому договору 4 мая 1758 г.

Делались попытки сблизиться с Россией и иным путем. Известно, что, живя отдельно с Петром Федоровичем (вместе со своим окружением тот имел резиденцию не в Петербурге, а в Ораниенбауме), Екатерина постоянно нуждалась в деньгах для содержания своего небольшого двора. Эти средства, не скупясь, давал ей датский посол А. С. Остен. Постепенно он вошел в такую доверенность у будущей императрицы, что стал ее *postillon d'amour*, передавая любовные послания великой княжны тогдашнему ее любовнику кн. Станиславу Понятовскому /7/. Поэтому привлечь Екатерину на свою сторону в деле обмена земель А. С. Остену не составляло труда, тем более, что она питала привязанность к Гольштейну, сохраняя самые теплые воспоминания о герцогстве, где провела лучшие годы своей ранней юности /8/. Таким образом, проблема обмена земель медленно, но продвигалась к своему решению.

Но внезапно произошло событие, повергшее датский кабинет в шок. Выяснилось, что согласно секретному договору с Австрией Россия должна была получить по окончании войны Восточную Пруссию. Это означало не только новый шаг в процессе российской экспансии на Балтике в направлении Дании, что с точки зрения датчан было опасным само по себе. Теперь Россия оказывалась гораздо ближе к датским границам, всего в двух днях морского пути. Такое усиление позиции державы, во главе которой не сегодня - завтра окажется самый жесткий противник королевства, ставило Данию в ситуацию крайне угрожаемую. Причем это были не пустые опасения. В июле 1761 г.

великий князь потребовал от Дании 24 млн. талеров в качестве компенсации налога, который казна герцогства могла бы получить с Шлезвига за 41 год, прошедший с момента его захвата датчанами. При невыполнении этого требования Петр Федорович угрожал жесткими санкциями, если не немедленными, то в будущем /9/. А будущее это было не за горами - императрица Елизавета все больше слабела, истекали последние месяцы ее бурной жизни.

Министр иностранных дел Дании И. Х. Э. Бернсторф издавна опасался Пруссии, хорошо зная, что ее король Фридрих II строит экспансионистские планы, в том числе и в отношении южно-ютландских герцогств. Однако российская угроза заставила министра сделать попытку коренной переориентации во внешней политике страны. Он решил примкнуть к прусскому противнику России, рассчитывая, что после этого ход войны может измениться, и Петербургу станет не до герцогских земель. Начались переговоры с прусским королем, который с радостью пошел навстречу датским предложениям - здесь была важна не столько реальная сила датской армии, сколько психологическая поддержка в трудную для Пруссии минуту.

Но эта инициатива Копенгагена не встретила понимания в союзном Париже, хотя французский кабинет и был крайне обеспокоен стремлением России сохранить за собой оккупированную Восточную Пруссию. Личный друг И. Х. Э. Бернсторфа, министр иностранных дел Франции герцог Шуазель направил своему датскому коллеге резкое письмо, в котором указывал, что переговоры с Пруссией ставят под вопрос само дальнейшее пребывание Дании в союзе с Францией - со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, французские и австрийские дипломаты совместно заверили датчан, что приложат все свое немалое влияние при российском дворе с тем, чтобы великий князь согласился на обмен территорий. Но когда такие переговоры начались, то оказалось, что дипломатические представления Франции и Австрии бесполезны: Елизавета, как и раньше, проявила полную пассивность во всем, что касалось голштин-

ской проблемы, а самые влиятельные политики Петербурга также уклонялись от поддержки союзников, опасаясь перейти дорогу будущему императору Петру Федоровичу. Единственным результатом этих переговоров был полученный союзниками в июле 1671 г. ответ великого князя, который можно было расценить лишь как насмешливый отказ обсуждать с ними эту проблему /10/.

По этой причине И. Х. Э. Бернсторф был вынужден и далее придерживаться последовательного нейтралитета, однако эта политика едва ли могла быть поддержана вооруженными силами державы. Датская армия была слаба в численном отношении (мобилизационный максимум - всего около 70 000 солдат и офицеров) и безнадежно отсталой. Руководитель военного ведомства оберкригссекретарь К. Алефельдт был в силу своих личных качеств не в состоянии реформировать армию, и в 1761 г. было решено пригласить для этого опытного и одаренного французского полководца Клода Луи де Сен-Жермена. Этот генерал энергично взялся за дело, сменил ряд высших офицеров, в том числе командующего корпусом, стоявшим в Гольштейне у Седерберга, Ф. Э. Бранденбург-Кульбаха и лично возглавил эту часть датской армии. Однако на глубокие реформы, как воздух необходимые датским вооруженным силам, времени практически не оставалось, - 25 декабря 1761 умерла Елизавета Петровна, и на российский престол взошел Петр Федорович. Начались 186 дней этого недолгого, но яркого правления.

Первой из внешнеполитических акций нового императора стало прекращение войны с Пруссией. В июле 1762 г. Петр III заключил союз с Фридрихом II, не скрывая, что сделал это, среди прочего, для совместной с немцами войны против Дании, отказавшейся возвратить императору его шлезвигское наследие /11/. Согласно комментарию А.Ф. Малиновского «Император Петр III при вступлении своем на Всероссийский престол более всего обр...л [неразб.] себя тем, чтоб возвратить, чего бы то ни стоило, принадлежащую ему долю в Герцогстве Шлезвигском и отмстить за обиды, нанесенные Ему и предкам Его от королей

Датских, учредив 18 мая при дворе своем под собственным руководством собрание, которое состояли: Его Высочество Герцог Георг-Людовик, его светлость принц Голштейнский, Генерал-фельдмаршалы: Граф Миних и князь Трубецкой, Канцлер граф Воронцов, Генерал-Фельдцейхмейстер Вильбоа, Генерал-Поручик князь Волконской». Это собрание направило в Иностранную коллегию Предписание «О выгодах настоящего времени к войне с Даниею за Шлезвиг».

В Предписании, среди прочего говорилось: «Последний Дацкого двора ответ на učinенное с стороны нашей через Действительного Тайного Советника Корфа требование категорического объяснения, а именно, хочет ли Дания удовлетворять справедливые наши притязания и умноженные его как на море так и на сухом пути войска могут не только для нас, но и для всего света неопровергаемым служить доказательством, что Дания со всем не имеет склонности полюбовно с НАМИ разделаться, но почитая долгое и спокойное владение похищенных земель за право, видимым образом ищет только время выиграть в таком чаянии, что не всегда Армия НАША будет в близости к доставлению нам праведного удовлетворения, а тем временем могут обстоятельства сделаться и полезными Дании... Нам напротив того всемерно не оставалось принять другой Резолюции, как... воспользоваться следующими обстоятельствами, а именно:

1-е Что Армия наша находится по большей части в Померании, следовательно в близости от Голстинии, и по благополучном ныне заключенном мире с Его Величеством Королем Пруским ни что ей не препятствует, показать НАМ в Голстинии новые заслуги и тогда возвратиться в отечество с новою славою.

2-е Что не токмо превосходные противу Дацких числом силы можем мы поставить, но есть долг отдать нашим справедливость, что оныя столько к трудам, сколько к победам приобькли; вместо того, что дацкие войска уже столь много лет в употреблении были...» /12/.

Таким образом, для нового царя не существовало воп-

роса - воевать с Данией или же пойти на какой-либо компромисс. Поэтому после заключения мира российское войско под командованием генерал-поручика графа П. А. Румянцева не вернулось на родину, а двинулось в направлении датской границы, правда, остановившись в Мекленбурге, откуда до Дании оставалось несколько дней марша. В июле ждали прибытия в войско Петра III, который пожелал лично участвовать в отвоевании дедовского наследства. Одновременно датский корпус К. Л. Сен-Жермена покинул лагерь у Седерберга и также вошел в Мекленбург, чтобы остановить противника на дальних подступах к границе. Между Килем и Ростокom крейсировал довольно мощный датский флот (14 линейных кораблей и 8 фрегатов, превосходивший российский также в смысле организованности и выучки экипажей) под командованием адмирала К.Ф. Фонтеная. Он должен был прикрыть сухопутный корпус с моря от возможной высадки российского десанта /13/. Однако надежды на успех вооруженного сопротивления российскому войску, испытанному в сражениях Семилетней войны, были весьма слабы. Корпус К. Л. Сен-Жермена, состоявший главным образом из необстрелянных наемников, страдал от нехватки средств /14/ и дезертирства, а денег в датской казне было катастрофически мало. С этой целью была сделана попытка взять у Гамбурга ссуду в 1 млн. талеров, а когда ратуша отказалась дать деньги, город осадили датские войска и он был вынужден выдать запрошенную сумму из 4% годовых. После этого датская армия, нуждавшаяся в порте для доставки боезапаса и провианта из Копенгагена, захватила после разрушительной бомбардировки любекскую крепость Травемюнде /15/.

Между тем датское правительство отнюдь не питавшее иллюзий относительно успеха в военном противостоянии с Россией, тем не менее, приняло решение драться до конца. И. Х. Э. Бернсторф писал в эти дни своему французскому коллеге герцогу Шуазелю: Мы готовы ко всему, и, несмотря на наше традиционное стремление к миру, решили, что лучше пусть нас погребут руины отечества, чем попасть под российское иго, что

произойдет, если им удастся заполучить себе одну колонию посреди наших земель (здесь министр имел в виду Шлезвиг - В.В.), а вторую - между Данией и Германией (т. е. Гольштейн - В.В.)» /16/.

Ситуация для датчан сложилась тяжелейшая. Петр III уже делил в своём ораниенбаумском кругу датские владения. Царь не скрывал, что после захвата Дании собирается узурпировать древний престол этой державы, а короля с семьей отправить то ли в Транкебар (датская колония в Индии), то ли подарить ему имение и пенсион где-нибудь в Лифляндии /17/. То есть, завоевание Дании русско-прускими войсками было делом решенным, и Фридрих II уже пошучивал насчет того, что датские министры «готовы утопиться из страха, что их расстреляют победители» /18/.

Нужно сказать, что прусский король был неправ. Датское правительство решительно готовилось к войне с превосходящими силами противников. 22 марта 1762 г. Датская канцелярия (высший правительственный орган) постановила, что держава ни при каких обстоятельствах не должна уступать российским требованиям о передаче Шлезвига и Гольштейна. Король утвердил это постановление с единственным уточнением: датские войска не должны первыми открывать военные действия, предоставив играть роль агрессора России. Конечно, при этом утрачивались преимущества наступательного ведения войны, но политика страны выигрывала во мнении европейского общества. Любопытно, что эта позиция критиковалась датским генералитетом, прекрасно понимавшим всю бесперспективность решения судьбы страны на поле боя /19/. То есть, в этой драматической ситуации штатские чиновники и король проявили больше мужества, чем профессиональные военные.

Уже 31 марта была закончена мобилизационная компания, в армии было объявлено походное положение, а флот переведен на Кильский рейд. В главную ставку (она находилась в Травентале) прибыл король, пожелавший личным участием в походе поднять боевой дух своей маленькой армии. Одновре-

менно в Мекленбург и Ганновер были посланы уведомления о возможном марше главной армии Дании через территорию этих княжеств. 9 - 12 июля 1762 г. примерно половина датской армии под командованием К. Л. Сен-Жермена форсировала р. Траве и вошла в Мекленбург.

Между тем датское правительство предпринимало последние перед началом войны шаги, чтобы не допустить вооруженного столкновения с превосходящими силами противников. В Петербург был отправлен голштинский дворянин Ш. К. Рантцау-Ашенберг, который должен был достичь какого-то соглашения с царственной парой. Но его миссия провалилась, так как он пришелся настолько не по нраву императрице, что был выслан домой. Затем 11 июля 1761 г. в Ораниенбаум прибыл талантливый дипломат, посланник И. Х. Э Бернсторфа, подданный голштинского герцога, принятый в России в службу и получивший должность конференц-советника, Каспар Салдерн /20/.

К. Салдерн также пытался предотвратить вторжение в Данию, склоняя императора к переговорам в Берлине, которые организовал Фридрих II - прусскому королю не слишком хотелось начинать новую войну, еще не оправившись от Семи-летней. В целом же позиция этого голштинца была ясна: будучи свидетелем довольно жалкого управления герцогством немецкой администрацией, всячески старавшейся ассимилировать датское меньшинство местного населения, он делал все, чтобы и вторая часть Гольштейна перешла под власть датских королей. Обретя с течением времени немалое влияние при российском дворе, он с этой целью буквально подстегивал Н. И. Панина, не менее влиятельного дипломата и воспитателя цесаревича Павла, но несколько пассивного по отношению к голштинскому вопросу. Он же стал инициатором встречи российских и датских политиков где-нибудь на нейтральной территории, например, в Пруссии.

Российским участникам Берлинской русско-датской конференции, которая должна была проходить под патронатом короля Пруссии, было предписано императорским рескриптом от

18 мая 1762 г. всеми мерами и способами пытаться склонить Данию к уступке голштинских имений Петра Федоровича. Далее, послу в Дании барону И. А. Корфу и отправлявшемуся одновременно с ним в Берлин К. Салдерну было велено в «кратчайшее время» провести и закончить переговоры «для соглашения распрей» по голштинской проблеме датского и российского дворов /21/. При этом российские дипломаты должны были не стесняться в средствах достижения поставленной перед ними цели - добиться от датской стороны удовлетворения требования императора о возвращении наследственных территорий под угрозой применения чрезвычайных мер. Позднее датским участникам переговоров камергеру А. Ассенбургу и советнику И. Г. Адлефельту был передан ультиматум: возврат Петру III его частей Шлезвига и Гольштейна - или война с конечной целью ликвидации Дании как суверенного государства.

О том, что царь сознательно поставил перед датчанами заведомо невыполнимые условия с целью силового разрешения конфликта, было известно как современникам, так и первым исследователям истории голштинского вопроса: «Несмотря на грозящую датчанам бурю за ранее известно было, что они никак не согласятся на предписанные им при конгрессе уничижительные и разорительные пожертвования, а Император Всероссийский того только и желал, чтоб иметь повод к формальному объявлению войны...»** Поэтому первое заседание Берлинской конференции (1/12 июля 1762 г.) стало и последним. На нем стороны еще раз заявили друг другу о решимости придерживаться уже заявленных позиций. Увидев, что компромисс невозможен, участники конференции разъехались по домам.

По общему мнению, Дания была обречена. Кильская администрация герцога в преддверии неминуемой оккупации уже перевезла архивы и ценности правящей династии в Гамбург /22/. Российские войска пришли в непосредственное соприкосновение с датчанами, - конные разъезды противников уже встречались на нейтральной территории. И вдруг в главную ставку К. Л. Сен-Жермена поступило ошеломляющее сообщение датской

разведки от 17 июля: русские оставляют полевой лагерь и маршируют на восток. И лишь спустя некоторое время нашлось объяснение этому чуду, спасшему страну буквально накануне гибели: 23 июня (ст. ст.) в Петербурге произошел дворцовый переворот. Петр III был свергнут, на престол взошла Екатерина II, тут же приказавшая российской армии начать сниматься с мекленбургских позиций и маршировать в Петербург: «Предприятие Предшественника своего» императрица «почла несомненным ни с пользой, ни с славою Российской Империи» /23/. Кроме того, она сразу же заявила копенгагенскому правительству, что намерена возобновить и углубить вековую дружбу с датским королевским домом.

Фредерику V оставалось лишь благодарить свое мужественное правительство за твердую позицию несмотря на реальную российскую угрозу: если бы оно уступило и согласилось на передачу шлезвигских и голштинских земель, позднее вернуть их было бы неизмеримо труднее, чем отстоять в дипломатической дуэли 1761 - 1762 гг. Впоследствии в память этого драматического эпизода датской истории в парке королевского замка Фредериксборг была установлена колонна с надписью *Fortissima concilia tutissima* - «Самое мужественное решение - и самое правильное».

Правда, датско-российские отношения восстанавливались с трудом - возникла проблема опекуна. Как отметил старый российский историк, «Опека над несовершеннолетним тогда еще Государем Павлом Петровичем как властительным Герцогом Шлезвик-Голштинским произвела было затруднения и неприятности. Императрица в качестве матери изъяснила на то свои требования. Король же Датский Фредерик V считал себя вправе быть Администратором по введенному из стари обычаю и договорам. Основавшись на том, он вступил в опекунаство чрез двух Комиссаров, которых отправлены были от него в Киль» то есть столицу герцогской части Гольштейна /24/.

Однако местная, в основном немецкая администрация не позволила датским комиссарам выполнить возложенную на них

функцию, так что для поддержки королевского дела в герцогство пришлось ввести войска. Недоразумение с двумя кандидатами на опеку удалось уладить Екатерине II. Императрица вновь утвердила назначенного ещё Петром III штатгальтера Гольштейна принца Готторпского Георга Людвига, а когда он в 1763 г. умер, то это место волей Екатерины досталось другому члену младшей ветви династии Ольденбургов, брату покойного, любекскому князю-епископу Фредерику Августу /25/.

Все эти проблемы решались в течение двух с лишним лет. На протяжении всего этого времени почти постоянно велись датско-российские переговоры, и 28 февраля/11 марта 1765 г. между державами был заключен союзный договор. Согласно секретному артикулу трактата Екатерина II в качестве матери правящего герцога Шлезвиг-Гольштинского обязалась «кончить примирением все ссоры по Голстинским и Шлезвицким делам», имея в виду по достижению великим князем и наследником Павлом Петровичем совершеннолетия полный его отказ от Шлезвига и обмен герцогской части Гольштейна на графства Ольденбург и Дельменхорст /26/.

С первых месяцев 1767 г. в Копенгагене возобновились русско-датские переговоры по шлезвиг-голландской проблеме. Российскую делегацию возглавляли К. Салдерн и новый посол в Дании М.М. Философов. Данию неизменно представлял И. Х. Э. Бернсторф, непосредственно работая над вариантами текста будущего договора. В окончательном своем виде этот акт был готов 22 апреля 1767 г., но лишь 10 октября ратифицирован Екатериной, а 30 ноября - недавно взошедшим на престол королем Кристианом VII. Содержание договора осталось прежним: Екатерина как опекунша Павла Петровича отказывалась от его части Шлезвига и соглашалась отдать Гольштейн в обмен на уже упоминавшиеся графства. Взамен Кристиан VII обязался выплатить значительный внешний долг голландских герцогов (250 000 талеров). Одновременно его брат, наследный принц Фредерик, должен был отказаться от всех прав на епископство Любекское, передав их герцогам. Таким образом, договор удов-

летворял всех. Однако он мог вступить в силу лишь по достижении Павлом совершеннолетия и его согласия со всеми пунктами этого акта /27/.

Лишь в 1773 г., то есть через шесть лет тревожного ожидания наступила зрелость российского престолонаследника, и шлезвиг-голландская проблема вновь обрела актуальность. Датский двор с понятным волнением ожидал из Петербурга вестей о согласии (или несогласии) Павла Петровича расстаться с владениями своих предков-герцогов. К тому времени И. Х. Э. Бернсторф умер (1772 г.), но пост министра иностранных дел и директора Немецкой канцелярии /28/ занял его племянник, А.П. Бернсторф, досконально следовавший традиционному политическому вектору страны - к полному удовлетворению России. Теперь он должен был завершить дело об обмене территорий, начатое его знаменитым дядей. Долгожданное событие свершилось в Царском Селе 21 мая / 14 июня 1773 г., когда договор был, наконец, подписан совершеннолетним наследником российского престола.

Однако впоследствии текст договора претерпел кое-какие незначительные изменения и в окончательном виде был скреплен в Петербурге подписями великого князя Павла Петровича как полномочного герцога Гольштейн-Готторпского и короля Кристиана VII. Нового в нем было лишь обязательство российской стороны содействовать выбору соборным капитулом Любека в наследники князя-епископа не датского принца Фредерика, как намечалось, а Петера Фредерика Вильгельма, сына тогдашнего епископа Любекского.

Это был один из редких случаев, когда договор не вызвал недовольства ни у одной из договаривавшихся сторон. Неслучайно вскоре началось очередное сближение России и Дании. В том же году, 12 августа были подписаны два союзных датско-российских договора - оборонительный и наступательный. Учитывая неблагоприятные для Дании перемены в Швеции после бескровного переворота 19 августа 1772 г. (начало восстановления абсолютизма, чреватого новыми войнами шведов с сосе-

дями), эти трактаты оказались как нельзя более своевременными.

Фактическое же оформление обмена территориями состоялось 16 ноября 1773 г. в Киле и 10 декабря 1773 в Ольденбурге. Отныне Дания представляла собой единое целое вплоть до правого берега Эльбы включительно, а российские императоры утратили соблазн выступать в Кильской гавани в качестве хозяев и разделять управление герцогством с датскими королями. Было сделано большое дело - неудивительно, что в Копенгагене в этом году часто вспоминали И. Х. Э. Бернсторфа, инициатора и архитектора новых контуров королевства. Через год его вдова была приглашена во дворец, где ей вручили нагрудный портрет короля с бриллиантовым обрамлением. На футляре стояла надпись «В память о 16 ноября 1773 г.» /29/.

1. Единой семьей Ольденбурги были ещё во вт. пол. XVI в., при жизни датского короля Фредерика I.
2. Wienbarg L. Geschichte Schleswigs. Hamburg, 1861. Bd. II. S. 148-149. Далее: Wienbarg, 1861.
3. Графства Ольденбург и Дельменхорст были личной собственностью датских королей, политически они были связаны с Данией личной унией, чему не препятствовал их статус членов империи.
4. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 248. Этот источник, к которому мы будем неоднократно обращаться, - рукописное собрание копий документов и актов, осуществленное в 1803 г. известным архивистом А. Ф. Малиновским и озаглавленное как «Дипломатическое Собрание Дел между Российской Империей и Шлезвиг-Голстинским Герцогством происходивших... Сочинено из Российских Летописей, из достовернейших Иностранных повествований и из подлинных дел, хранящихся в Московской Коллегии Иностранных дел Архиве». Ценность этого собрания в том, что далеко не все источники, использованные А.Ф. Малиновским, удастся обнаружить в современных библиотеках и архивах. Не менее важны аналитические комментарии А. Ф. Малиновского к документам собрания и к политическим событиям, которых они касались.
5. Текст документа полностью приведен в: Архив СПБИРИ РАН. Ф.

36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 263 - 266.
6. Holm E. Danmarks Riges Historie 1699 - 1814. København, 1903. S. 218. Далее: Holm, 1903.
7. Cedergreen-Bech S. Opløsning og tolerance. 1721 - 1784 // Danmarks historie /Und. red. af J. Danstrup og H. Kock. København, 1965. Bd. IX. S.
8. Она жила тогда в Нойдорфе, имении своей матери, до замужества - голштинской принцессы. - Wienbarg L. Geschichte Schleswigs. Hamburg, 1861. Bd. II. S. 154. Далее: Wienbarg, 1861.
9. Cedergreen-Bech, 1865. S. 388.
10. Holm, 1903. S. 220-221.
11. Король охотно согласился помочь русскому царю, питая надежду, что тот в качестве вознаграждения передаст ему герцогскую часть Шлезвига. А когда Петр III наотрез отказался обещать ему эту землю, Фридрих II, тем не менее, остался верен данному слову и согласился выполнять договор просто в знак благодарности за фактически подаренный ему царем мир, а также рассчитывая на освобождение Восточной Пруссии от российских войск. Хотя, конечно же, ему хотелось бы видеть Гольштейн и Шлезвиг в датских, а не российских руках - Bremer I. Geschichte Schleswig-Holsteins bis zum Jahre 1784. Kiel, 1864. S. 342. Далее: Bremer, 1864.
12. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 263-266.
13. Kobbe P. v. Schleswig-Holsteinische Geschichte von Tode des Herzogs Christian Albrecht bis zum Tode Königs Christian VII (1694 bis 1808). Altona, 1834. S.192. Далее: Kobbe, 1834
14. Франция, обещавшая по союзному трактату от 4 мая 1758 г. содержать датский корпус в Гольштейне, деньги высылала крайне неаккуратно и к началу политического кризиса 1762 г. за ней числилось 6 млн. ливров долгу - Holm, 1903. S. 221.
15. Bremer, 1864. S. 343.
16. Cedergreen-Bech, 1965. S. 390.
17. Wienerbarg, 1861. S. 154.
18. Cedergreen-Bech, 1965. S. 391.
19. Исключение составлял К.Л. Сен-Жермен, настаивавший на немедленном наступательном ударе по позициям противника и на походе флота к берегам российской Прибалтики с целью их разорения, - это могло оттянуть часть полевой армии Румянцева на восток. - Op. cit. S. 394 - 395.

20. Подробнее об этом незаурядном политике см. в: Казакова С.В. Каспар фон Салдерн при дворе Петра III и Екатерины II // Забытый император. Материалы научной конференции 11 ноября 2002 г. СПб., 2002. Далее: Казакова, 2002.
21. Казакова, 2002. С. 38. ** Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 592.
22. Kobbe, 1834. S. 191.
23. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 606.
24. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 607.
25. Bremer, 1864. S. 343.
26. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 607 - 608.
27. Bremer, 1864. S. 216-217; Holm, 1903. S. 294-295.
28. Немецкая канцелярия, а, точнее, ее Иностранный отдел (Tyske Kancellis Udenlandske Afdeling) являлась, по сути, иностранным ведомством Дании, занимавшимся в основном внешней политикой государства в Европе.
29. Holm, 1903. S. 392.

Л. В. Сидоренко

Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г.

В течение XVIII в. массовые народные выступления жителей Лондона играли важную роль в политической жизни английской столицы. Апогеем этих акций без преувеличения можно считать знаменитые мятежи Гордона - самые масштабные беспорядки за всю историю города на Темзе, продолжавшиеся с 2 по 9 июня 1780 г. Несмотря на внешние религиозные (антикатолические) лозунги, эти мятежи нельзя отделять от общеполитического развития страны, переживавшей в 1780 г. тревожное время. Глава правительства лорд Норт, сумевший в начале 1770-х гг. стабилизировать правительство, к концу этого десятилетия в условиях неудачной войны с североамериканскими колонистами столкнулся с противостоянием парламентской и радикальной оппозиции. В атмосфере нараставшего политического кризиса мятежи Гордона едва не оказали катастрофическое воздействие на стабильность всей политической системы, но в итоге обернулись усилением кабинета. Целью данной статьи является выявление связи антикатолического и радикального движений, а также оценка мятежей Гордона как фактора, повлиявшего на министерскую стабильность и политическую жизнь страны в целом.

Рассмотрение поставленных проблем целесообразно начать с краткого историографического обзора. Несмотря на многолетнее изучение мятежей Гордона, историки так и не пришли к единому мнению об их природе. Существуют три взгляда на эти события. Первый, старый и традиционный, заключается в стихийном проявлении религиозного фанатизма толпой. Вторую точку зрения можно назвать политической: беспорядки 1780 г. были связаны с войной в Америке и имели целью или заставить правительство её прекратить (поэтому не исключались происки США и Франции), или были инспирированы правительством с

целью заглушить оппозицию /1/. Третью причину видели в стихийном недовольстве социальных низов богатыми слоями общества /2/.

По известным причинам в отечественной историографии была популярна последняя точка зрения. Разработка социального фактора в англоязычной историографии прочно ассоциируется с трудами известного историка-марксиста Дж. Рюде, считавшего мятежи Гордона типичным примером городских волнений XVIII в., проводимых по определённой схеме, предусматривавшей сбор большого числа людей во главе с лидерами на местах; понятные и популярные лозунги; намеченные объекты для атаки вроде домов определённых лиц, чью собственность уничтожали или сжигали. При этом, как отмечал Рюде, хотя мятежи Гордона и не были, строго говоря, политическими, но в данном случае восставшие черпали свой энтузиазм, пусть и не копировали образ действий, у более солидных сил общества вроде уважаемого мнения Сити /3/. На основе судебных протоколов Рюде приходит к выводу, что состав бунтовщиков точно отражал состав трудового населения Лондона. Среди неявных причин волнений Рюде видел продовольственные проблемы низов и классовую вражду бедных к богатым. Не случайно, по его мнению, жертвами были католики из социально благополучных слоёв населения, а не ремесленники и рабочие. Попутно проявилась и ненависть к иностранцам /4/.

Но, как считает современный историк Дикинсон, последние исследования показали, что антикатолицизм являлся основным мотивом восставших, а большинство жертв было или католиками, или сторонниками их эмансипации. Эта враждебность привела к атакам на бедных католиков и демонстрациям против них в ряде провинциальных городов. Только на последних стадиях мятежей восставшие атаковали объекты не связанные с католиками /5/. При этом нет никаких данных полагать, что лорд Гордон или Протестантская ассоциация планировали мятежи со злым умыслом. Скорее, можно говорить о фатальной цепи событий, приведшей к мятежам, когда руководители толпы утратили

над ней контроль /6/.

К 1780 г. из-за продолжавшейся войны в Северной Америке и из-за роста недовольства политикой правительства в стране положение администрации Норта было сложным. Текущая сессия отразила противостояние королевских министров и оппозиции: обсуждаемые вопросы стали более резкими, а дебаты - смелыми. Обсуждение в марте предложения Эдмунда Бёрка по отмене поста третьего государственного секретаря и рассмотрение обвинения Норта в коррупции показали шаткость министерства /7/. Натиск оппозиции возрастал. Историческим днём стало 6 апреля, когда при обсуждении петиций Джон Даннинг из группы Шелборна обратил внимание, что целью подписавших петиции людей было сокращение неконституционного влияния короны, расследование трат средств гражданского листа, отмена синекур и нецелевых пожалований. Усматривая причину неудач в влиянии короны, Даннинг внёс революционную резолюцию о том, что "влияние короны возросло, возрастает, и должно быть уменьшено", которая была принята /8/. Этот успех окрылил оппозицию, и, уверовав в победу, 10 апреля Даннинг предложил с целью защиты независимости парламента, чтобы ответственные должностные лица обнародовали все виды пожалований, дарованных членам парламента. Это быющее по прерогативе короля предложение также прошло /9/. Успех Даннинга имел огромное значение: впервые оппозиция смогла получить поддержку палаты по конституционному вопросу. Но Георг III отнёсся к резолюции Даннинга спокойно, не веря, что желание "перевернуть" конституцию может исходить от большинства подданных: "Фракционные лидеры и конченные люди желают этого; но большая часть нации не может думать так же" /10/. Впрочем, успехи оппозиции на этом окончились. Предложение Даннинга от 24 апреля принять адрес королю с просьбой не закрывать парламент до принятия мер по сокращению влияния короны не прошло, несмотря на яростные призывы вспомнить о духе резолюции 6 апреля /11/.

Парламентская атака оппозиции на короля и министров

сопровождалась её заигрыванием с радикальным движением, резко активизировавшимся в то время. Маркиз Рокингем, лидер крупнейшей оппозиционной фракции, одобрил образование в 1780 г. Йоркширской ассоциации /12/, ратовавшей за проведение парламентской реформы. При этом он выступал против требований “равного представительства”, ежегодных выборов и ликвидации “гнилых местечек”, считая идею сокращения срока деятельности парламента преждевременной. Рокингемиты верили, что пороки системы можно исправить не меняя её, победив коррупцию с помощью экономической реформы /13/, предполагавшей лишение права голоса держателей мест, исключение подрядчиков из палаты общин и отмену многочисленных постов и синекур с ограничением права короля назначать пенсии. Рокингемиты считали, что эти меры помогут сократить влияние исполнительной власти в палате общин /14/. При этом маркиз трепетно относился к существовавшим конституционным нормам, отвергая все иные проекты реформ как утопические. Практика прямой апелляции к населению продолжалась, а пример Йоркширского движения оказался заразительным для других областей Англии. Вскоре к нему присоединились Миддлсекс, а затем в той или иной форме ещё около 20 графств. Это явление не вызвало энтузиазма у правящих классов. Хотя члены администрации и другие должностные лица не были совсем беспомощными в борьбе с радикальными объединениями, в целом они были подавлены этим мощным течением /15/.

Параллельно с радикальным движением в стране проявилось и не менее популярное антикатолическое движение, поводом к расцвету которого стали меры по ослаблению притеснений католиков, принятые в мае 1778 г. Тогда по инициативе Джорджа Сэвила были отменены три главных законодательных положения, ограничивавших свободу вероисповедания, образования и права собственности католиков, ни одно из которых в предшествовавшие годы не выполнялось полностью, но которые в эпоху Просвещения смущали общественное мнение страны /16/. Стоит заметить, что частичное восстановление в правах ка-

толического меньшинства распространялось только на Англию, где было встречено относительно спокойно. Однако слухи о возможной эмансипации католиков в Шотландии вызвали в северном крае нешуточный протест и всеобщее недовольство, на волне которого появилось не менее 85 обществ и корреспондентских комитетов, связанных с Эдинбургом в едином антикатолическом порыве. Этот религиозный фанатизм подогревался речами, памфлетами, листовками, проповедями и в конечном итоге способствовал мятежам Гордона /17/. Но если в начале движение было стихийным, то постепенно оно обрело организованные формы. Создание в ноябре 1778 г. Протестантской ассоциации с целью защиты протестантизма объединило усилия разных антикатолических обществ и комитетов /18/. При этом ассоциация имела более широкую опору чем сугубо политический орган радикалов в Йорке. Её идеи достигли сознания низших классов, что подтверждается наличием в её петиции во многих случаях не подписей, а значков, характерных для малограмотных людей. По справедливому мнению Г. Баттерфилда, эта ассоциация была праобразом современных групп давления на политиков /19/.

Уже в начале 1779 г. прокатилась серия антикатолических выступлений в Глазго и Эдинбурге, направленная против католиков и поддерживавших их протестантов. Вскоре движению стало тесно в Шотландии: агитация против католиков пересекла границу и вылилась в протест не против воображаемого билля, а против уже принятого закона /20/. В ноябре 1779 г. президентом Протестантской ассоциации был избран лорд Джордж Гордон, о котором после мятежей, получивших его имя, сохранилась в основном недобрая память. Он прошёл через карманный округ Ладжерсхолл, выступал против войны в Америке, тиранического короля, продажного парламента и преступного министерства. Но при этом лорд отказывался участвовать в регулярной оппозиции, предпочитая держаться в стороне от тех, кто мог его затмить. Единственной амбицией лорда было, писал он, «найти безопасную гавань в привязанности народа, который

обнаружит во мне настоящего проводника его собственных интересов» /21/. Известный историк XIX в. Дж. Джессе писал о Гордоне как о молодом человеке «обычных способностей, слабого ума и сомнительного рассудка». Джессе видел в нём сочетание энтузиазма, амбиций и шутовства с оттенком плутовства. Оценки современников были похожими /22/. Например, Горацио Уолпол вспоминал: «Этот лорд Джордж Гордон был сумасшедшим, как многие в его семье...» /23/. В письме к Мэнну Уолпол упоминил интересный факт: семья лорда имела репутацию якобитов и католиков, что означало странную метаморфозу в его сознании /24/.

Лорда Гордона по праву можно считать эксцентричным и фанатичным человеком и политиком, верившим в свою правоту и пытавшимся доказать это всем. Так, по воспоминаниям Уолпола, во время аудиенции у короля 27 января 1780 г. Гордон стал зачитывать свой памфлет по Ирландии. Георг III слушал лорда в течение часа и, не выдержав, сказал, что потом сам дочитает остальное. Лорд согласился оставить текст, если его величество поклянется своей честью завершить чтение. Королю ничего не оставалось как дать такое обещание /25/. В начале 1780 г. Гордон также успел отметиться выступлениями в парламенте, характеризовавшимися фанатизмом и нетерпимостью. Примером может служить его заявление в ходе дебатов по финансовым вопросам о том, что реформация, в соответствии с петициями людей, должна предшествовать налогообложению. Лорд также представил петицию от Эйршира против роста папизма в стране, предварив её своими размышлениями /26/.

Зенитом деятельности лорда Гордона и Протестантской ассоциации стала кампания по подготовке представления их петиции парламенту. В понедельник 29 мая в Коучмэйкерс Холле состоялся митинг членов ассоциации с целью обсуждения спо-соба подачи петиции. После горячих речей лорда Гордона была принята резолюция, согласно которой вся Протестантская ассоциация должна была собраться в следующую пятницу в 10 часов на полях св. Георга, чтобы сопровождать его светлость до

парламента с целью помощи продвижению петиции. При этом лорд сообщил, что если придёт менее 20 тысяч, то он не будет вручать петицию. Члены ассоциации также заранее обговорили порядок сбора и отличительные знаки - голубые кокарды на головных уборах. Как и планировали, сбор людей начался 2 июня в 10 часов, в 11 прибыл лорд Гордон, а в 12 собравшиеся выдвинулись тремя колоннами к парламенту /27/. Отмечая опасность сбора большого числа людей не под политическими и социальными, а религиозными лозунгами, авторы ежегодника «Энньюэл Реджистер» писали: «Эта толпа была более могущественная и многочисленная, равно как и опасная, нежели все, которые можно припомнить» /28/. Сами беспорядки ещё не начались, но все предпосылки к ним были созданы.

В первый день мятежей Гордона главные события разворачивались в парламенте и вокруг него и были связаны с рассмотрением петиции, которая представляла коллекцию традиционных страхов протестантского населения страны перед католической опасностью. Несмотря на давление сторонников Гордона под окнами палаты, петицию поддержало лишь семь парламентариев, против выступило 192. В 11 часов палата проголосовала за приостановление заседаний до 6 июня /29/. Отказ поддержать петицию был равнозначен подвигу, учитывая агрессивную толпу у стен парламента, члены которого прекрасно видели, как народ поступал со спешащими на заседания лордами, многие из которых подверглись неприятным и унижительным нападкам. Например, архиепископа Йоркского и лорда Мэнсфилда народ открыто оскорблял, а лорд президент был схвачен, помят и бит по ногам. Лорд Стормонт, чей экипаж находился в руках толпы около получаса, пережил очень неприятные минуты, а герцог Нортумберленд, хотя с ним обращались более дружелюбно, лишился часов. Подобный приём встретили почти все парламентарии: эти примеры можно продолжать долго. Здесь примечательно, что почти никто из пэров физически не пострадал: в основном ущерб был моральным, реже материальным, когда пропадали личные вещи /30/.

Удивительно, что, несмотря на ожидаемую многолюдную толпу, никаких подготовительных мер со стороны властей предпринято не было. В итоге парламент оказался фактически беззащитным перед фанатиками лорда Гордона: в случае штурма безопасность пэров могли обеспечить лишь 6 констеблей, а спокойствие коммонеров зависело от привратников /31/. Ситуация осложнялась тем, что Гордон через двери и окна называл населению имена тех членов палаты, которые выступали против их мнения, что в итоге переполнило чашу терпения парламентариев. Генерал Конвей в общем и частном порядке делал лорду замечания, спикер и лорд Норт вызвали охрану /32/. Среди членов парламента, пытавшихся образумить Гордона, выделился генерал Джеймс Мюррей, который, положив руку на шпагу, сказал: «Лорд Джордж, если хоть один из ваших незаконных последователей войдёт в нашу палату, я приму это за начало восстания и проткну вас шпагой как их лидера и подстрекателя». Эти слова способствовали успокоению лорда Гордона /33/, который, видя, что ситуация выходит из-под контроля, обратился к сторонникам смягчающим тоном. Он понимал, что если не успокоит их, то возможна резня. Но было уже поздно - толпа стала слушать людей, не подчинявшихся влиянию Гордона /34/.

После возобновления заседаний нижней палаты 6 июня, всё внимание было сосредоточено на преодолении мятежей. Так Баллер предлагал резолюции по факту оскорбления парламента, Бёрк и Фокс настаивали на необходимости применения против восставших военной силы. Почти все парламентарии поддерживали это мнение, и лишь лорд Гордон пытался вступить в полемику, утверждая, что удовлетворение требований толпы будет способствовать её мирному рассеянию. Его не поддержали, а палата приостановила заседания до 8 июня, когда снова продлила перерыв уже до 19 июня /35/.

По случайному стечению обстоятельств в повестке дня высшей палаты также стояло рассмотрение популярного вопроса. Реформа парламента, речь о необходимости которой произнёс герцог Ричмонд, спровоцировала горячее обсуждение про-

блемы, плавно перешедшее в изложение мнений о текущих событиях в Лондоне: пэры отвлеклись от первоначального вопроса, из-за чего заседание палаты перенесли на следующий день /36/. Обсуждение ситуации в столице доминировало и 3 июня, но Ричмонд всё же представил свой билль как «Акт, провозглашающий и восстанавливающий естественное, неотчуждаемое и равное право всех общин Великобритании (кроме несовершеннолетних, умственно недееспособных и преступников) голосовать на выборах своих представителей в парламент; о регулировании метода и способа таких выборов; за возвращение ежегодных парламентам, за передачу в наследство 16 мест шотландских пэров, избираемых от Шотландии, за установление более справедливых правил в отношении пэрства Шотландии» Но по инициативе лорда Стормонта билль отвергли без голосования. В ходе мятежей лорды собрались ещё 6 июня лишь для приостановки заседания до 19 июня /37/.

Хотя подробное описание по дням действий восставших не входит в задачи данной статьи, всё же необходимо кратко коснуться общей динамики мятежей. После неудачи в парламенте 2 июня недовольство толпы вылилось в погромах католических объектов, самыми важными из которых были часовни сардинского и баварского дипломатов. Следующий день прошёл относительно спокойно, что породило у части политиков надежду на прекращение бесчинств народных масс. Однако 4 июня беспорядки возобновились, причём ярость толпы возрастала с каждым днём. Часовни, школы и дома католиков, а также сторонников их эмансипации подверглись целенаправленному уничтожению. По настоящему критическим днём стало 6 июня, когда восставшие полностью хозяйничали в Лондоне, а нападению подверглись уже и государственные учреждения, например тюрьмы: захваченная и разрушенная тюрьма Ньюгейт, а также сожжённый со всеми культурными ценностями дом лорда Мэнсфилда стали символами мятежей Гордона. Вскоре атаке подвергся и Английский банк. Каждый день в городе полыхало десятки пожаров, и лишь безветренная погода спасла Лондон от

массового возгорания, так как средства пожаротушения были уничтожены восставшими. В мятежах Гордона поражала не только массовость, но и вовлечённость в них широких слоёв общества. Вероисповедание, социальное положение, пол и цвет кожи не были доминирующими чертами. Среди арестованных мятежников встречались католики, в число 26 людей, подвергшихся наказанию, попал один еврей. Одна негритянка была повешена, а двум неграм предоставили отсрочку приговора. Среди казнённых были 4 женщины, которые «отличились» во многих позорных действиях мятежников наравне с мужчинами. А одним из самых колоритных мятежников был Эдвард Деннис, палач Ньюгейта /38/.

С первого же дня отличительной особенностью мятежей Гордона была полная неспособность власти обеспечить хотя бы попытку наведения порядка. Как раз, когда должны были пройти торжества, связанные с днём рождения короля, Лондон оказался в руках толпы. Вся столица поглубела от знаков принадлежности к петиционерам, хотя увеличение числа голубых кокард на улицах объяснялось элементарными требованиями безопасности: этот знак был гарантией от нападения, когда события развивались уже по своей логике /39/. Городские и военные власти были крайне осторожны в использовании силы, опасаясь, что в случае появления жертв предубеждённые присяжные будут судить должностных лиц за убийства. Из-за этого они были пассивны и неспособны приказать военным открыть огонь по восставшим в случае, если те будут провоцировать и дальше /40/. Здесь показательны слова лорд-мэра Кеннетта двум ведущим купцам, обратившимся к нему с просьбой о защите их собственности: «У меня есть предписания привлекать военных, если это потребуется, но я должен быть осторожным с этим, если не хочу привести толпу к моему дому» /41/. Ограничившись отдельными арестами, власти не предприняли ни одной серьёзной попытки подавить беспорядки, что вызывало справедливые упреки жителей столицы. Один современник написал 5 июня: «Правительство безгранично виновно в том, что не про-

вело более эффективные приготовления для сопротивления этим беспорядкам в самом начале», отметив, что «...пока немедленные и серьёзные усилия не будут предприняты, наша столица и, несомненно, королевство должны подчиняться фанатичной толпе» /42/. Вяло действовал и лорд Норт. Во время беспорядков он поспешил послать за охраной, чтобы защитить свой дом, но на меры по защите порядка в столице у него не хватило энергии: премьер-министр был зрителем /43/.

Когда казалось, что все органы власти были парализованы, лишь один человек в структуре управления сохранил самообладание и способность к действию. Им оказался монарх, не желавший, как парламент, быть пассивным. Георга III часто описывали как яростного противника католиков, что было не совсем так. Король искренне дружил с некоторыми членами католической элиты, что олицетворялось, например, хорошо освещённым визитом к лорду-католику Петри в разгар американской войны в 1778 г. Георг говорил Норту: «Если бы джентельмены католического вероисповедания и достойного характера попросили бы разрешения отдать своих сыновей в австрийскую или сардинскую службу, я всегда его подпишу». Единственным исключением была Франция. И теперь, когда монарх выразил намерение обеспечить «защиту жизней и собственности всех моих подданных», он поставил необходимость порядка выше религиозных предрассудков, показав недовольство популярному антикатолицизму /44/.

Вместо празднования своего дня рождения, самые тяжёлые дни мятежей Георг III провёл в королевском манеже, откуда он следил за передвижениями народных масс, периодически совершая короткие визиты к королеве и семье для поддержания их духа. По его приказу в Квинс-гарденз было сосредоточено до трёх-четырёх тысяч солдат, сперва не готовых к отражению нападков толпы. Не желая кровопролития, Георг отдал приказ войскам не стрелять, а лишь отеснять толпу с их дороги в Сейнт-Джеймский дворец /45/. Но постепенно у монарха крепла решимость активно бороться с восставшими, и 5 июня он писал Нор-

ту: «Я верю, что парламент примет все меры, которые потребует необходимость. Над этим мятежом надо взять верх, или он вдохновит желающих использовать его в качестве прецедента, чтобы поднять людей в других вопросах; если возможно, мы должны добраться до сути дела, и показать должный пример» /46/.

Видя беспомощность лондонских властей, 7 июня король созвал Тайный совет, на который явилось большинство его членов. Но в ходе заседания чувствовалась нерешительность: эффективных мер никто не предложил. Лорд Бэтарт, президент совета, и сэр Флетчер Нортон, спикер парламента, в целом одобрили применение вооруженной силы против восставших, но никто не решился подписать соответствующий приказ /47/. Однако Георг был настроен твёрдо и в частном порядке спросил генерального атторнея Веддерборна, можно ли применить военную силу без соблюдения юридических формальностей. Получив утвердительный ответ и подтверждение, что это мнение основывается на законе, король воскликнул: «Да будет это сделано». Веддерборн немедленно составил приказ, который монарх тут же подписал /48/. Опираясь на этот документ, генерал-адъютант Уильям Эмхерст передал инструкции войскам: «С целью исполнения приказа короля, отданного в Совете, военнослужащим предписывается действовать не дожидаясь указаний от гражданских должностных лиц и применять силу для рассеяния незаконных и мятежных собраний людей» /49/. Колебания членов совета были связаны с обсуждением двух важных конституционных вопросов, без ответа на которые законное подавление мятежей казалось невозможным. Первый заключался в степени подстрекательства толпы, которая позволила бы должностным лицам отдать приказ военным стрелять в мятежников. Второй - в необходимости соблюдения формы закона, то есть обязательного чтения акта о мятеже, что в тех условиях было проблематично. В итоге обе проблемы были разрешены в пользу короля /50/, чья решимость способствовала подавлению мятежей 8 - 9 июня. А через десять дней Георг произнёс речь перед

обеими палатами, в которой объявил беспорядки оконченными и озвучил заверения, что действовал по законам королевства с целью защитить права и свободы народа /51/.

Виновник мятежей лорд Гордон был взят под стражу в своём доме только 9 июня. Если верить Уолполу, в этот раз население округа выступило против лорда, оскорбляя его при аресте. Он сразу же был заключён в Тауэр, где в течение 10 дней к нему никого не допускали /52/. Гордона попытались осудить за измену, однако благодаря стараниям его защитников - Кеннона и Эрскина - он был оправдан к радости своих сторонников. Некоторые общества Эдинбурга даже открыли подписку в помощь Гордону, которая собрала 485 фунтов стерлингов, но это не смогло предотвратить постепенное забвение мятежного политика /53/, чья дальнейшая судьба сложилась неудачно. Он всё ещё пытался заявить о себе и привлечь внимание короля, однако в 1787 г. был признан виновным в оскорблении королевы Франции и французского посла. Побег от правосудия в Голландию закончился провалом: власти этой страны выдали беглеца, который по иронии судьбы был заключён в Ньюгейтскую тюрьму в годовщину её взятия воссташими. В заключении эксцентричный лорд продолжал удивлять, заявив о своём иудаистском вероисповедании, а 1 ноября 1793 года этот беспокойный человек скончался /54/.

Мятежи Гордона дорого обошлись столице. Материальный ущерб был оценён в 180000 фунтов стерлингов. По официальным данным 285 человек было убито, 173 получили тяжёлые ранения. По справедливым оценкам многих историков это число жертв является неполным: многие убитые и раненые были унесены их друзьями и близкими и похоронены тайно. Остаётся неизвестным и сколько людей погибло в горящих зданиях или просто перепилось насмерть в разграбленных винных погребах /55/. Современник событий Натаниэль Роксол отмечал, что тела убитых сбрасывали в Темзу, где течение уносило их далеко от города. Раненые не спешили обращаться за помощью, чтобы их не привлекли к ответственности за мятежи, а следы от

пуль на стенах старались быстро замазать. Роксол оценивал общее число убитых и раненых в 700 человек, отмечая, что эти данные вызвали огромные споры в обществе /56/.

Главным политическим результатом мятежей Гордона можно считать временное ослабление оппозиции и даже её сближение с правительством. Известный политик Графтон правильно оценил последствия беспорядков: «Эти мятежи, какими бы позорными они не были для нации, послужили временной опорой для немощной администрации, а страх анархии привёл состоятельных людей к поддержке любого правительства...» /57/. Мятежи Гордона стали таким экстраординарным событием, что привели к своеобразной революции в сознании отдельных политиков. В качестве примера стоит назвать, пожалуй, самого известного оппонента Георга III, Джона Уилкса, которого именно мятежи Гордона впервые вынудили принять сторону правительства. Встав на защиту порядка, Уилкс действовал решительно: он организовал и возглавил вооружённый отряд из всех своих соседей и помогал солдатам защищать Английский банк, когда ярость толпы достигла своего пика /58/. Во время беспорядков Уилкс не побоялся издать ордер на поиск и взятие под стражу всех праздных и бесчинствующих лиц, а также тех, кто прятал оружие. Он распорядился о закрытии в десять часов вечера на ночь всех общественных зданий и патрулировании района Фаррингтона. Во время встреч с лорд-мэром Уилкс настаивал на принятии жёстких мер в отношении восставших. Можно утверждать, что Уилкс ревностно следил за соблюдением закона и порядка как констебль /59/. В основном его усилия сводились к изданию и исполнению ордеров при помощи армейских частей. По иронии судьбы, как отмечал историк П. Фитцджералд, многие из этих ордеров были составлены так, что их без преувеличения можно считать теми самыми «общими ордерами», в борьбе с которыми в своё время Уилкс пал жертвой правительства /60/. Интересно, что даже после подавления мятежей Уилкс выражал крайние взгляды в отношении их участников. Так он заявил, что если бы обладал полномочиями

монарха, то не оставил бы в живых ни одного мятежника, чтобы те не могли хвастаться своими подвигами или умолять о прощении /61/.

Примечательно, что сближение правительства и оппозиции началось уже во время мятежей. Так Джон Гальт утверждал, что Джон Макферсон в начале мятежей предложил Норту открыть переговоры с членами оппозиции, чтобы погасить страсти, и переговоры с Фоксом даже начались, но чем они закончились, неизвестно /62/. В мемуарах Уолпол пишет, что 3 июня генерал Конвэй получил от доверенного лица короля письмо, где ему сообщалось о намерении Георга III сменить администрацию, состав которой поручалось определить Конвэю, при условии занятия им должности главнокомандующего и назначения Гермейна главой правительства. Ричмонду разрешалось вести переговоры с Францией, Кэمدену и Бёрку - с Америкой. Уолпол, которому Конвэй показал этот план, всесторонне раскритиковал его, назвав его «самым глупым, который я когда-либо видел» /63/. Впрочем, велика вероятность того, что Уолпол ошибся в интерпретации событий.

Разногласия Рокингема с Шелборном и поддержка маркизом правительства в подавлении беспорядков позволили министерству надеяться на союз с ним. В июне - июле состоялись переговоры Норта с Рокингемом, оцениваемые историком Й. Кристи как предвыборный манёвр /64/. Фредерик Монтегю выступил посредником. Норт не исключал назначений Тауншенда, Бёрка, Фокса, герцогов Портленда и Манчестера, но просил не настаивать на должностях для Фокса, которая бы требовала визитов к королю. В свою очередь оппозиция настаивала на отставке Сэндвича, проведения экономической реформы, мест для Ричмонда и Фокса. Решение американского вопроса временно отложили /65/. Но когда переговоры дошли до обсуждения деталей, разногласия проявились с новой силой: возражения министров вызвали кандидатуры Кеппела, Фокса и Ричмонда /66/. Переговоры окончились, что можно объяснить двойной тактикой лидеров оппозиции. Так, например, во время мятежей Фокс актив-

но участвовал в подавлении выступлений, помогая задерживать их участников, но уже после в парламенте он не проявлял никакой солидарности с министерством /67/.

В целом мятежи Гордона сыграли на руку правительству и королю, тронная речь которого 8 июля 1780 г., закрывшая сессию парламента, была спокойной. Георг III оценил военные усилия как успешные и призвал членов обеих палат предостеречь народ от новых попыток свергнуть "нашу свободную и счастливую конституцию", подразумевая лондонские беспорядки /68/. Если не принимать в расчёт ущерб городу, монарх остался в выигрыше. Его активная позиция в противовес пассивности парламента была не только правильной тактикой для подавления мятежей, но и способствовала дискредитации парламентской оппозиции, занятой заигрыванием с радикальным движением и фактически морально допустившей выход народных низов из под контроля.

Другим важным итогом мятежей стал неизбежный упадок массового общественного движения. Беспорядки 1780 г. на десятилетия вперёд стали политическим капиталом, сплотившим консервативную элиту и позволившим противостоять популярному движению. Утверждения о том, что мятежи были прямым результатом деятельности ассоциации и петиционной кампании, использовались для дискредитации самой идеи подачи петиций и образования ассоциаций /69/. Многие ассоциации в графствах потеряли доверие общества и их покинули те, кто прежде с воодушевлением в них вступал. Мятежи Гордона также привели к свёртыванию широкого общественного движения за избирательную реформу /70/. Идее продвижения реформы парламента и проамериканскому движению в Лондоне был нанесён катастрофический удар, после которого многие навсегда отошли от дальнейшего участия в оппозиционной политике /71/. Роксол писал, что после мятежей Гордона оппозиции было сложно доказать свою невиновность. Хотя её никто не обвинял, подозрения легли на лорда Шелборна, скорее всего необосновано /72/. Мятежи также окончательно убедили сторонников ми-

нистерства, аристократию и независимых консерваторов в их неприятии участия общества в политике. В этом плане иронией была сцена представления герцогом Ричмондом его билля под крики осаждавшей парламент толпы /73/.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что мятежи Гордона были комплексным явлением, вызванным политическими, религиозными и социальными причинами. Рост радикального движения в условиях войны с католическими державами Европы способствовал активизации не только политического, но и религиозного недовольства. Появление Протестантской ассоциации полностью соответствовало тенденции расширения сети популярных антиправительственных организаций, но в отличие от своих политических собратьев, благодаря подсознательным антикатолическим настроениям населения, организация лорда Гордона смогла привлечь больше приверженцев. Современники, поражённые масштабностью беспорядков и фанатичностью толпы, вынуждены были сплотиться вокруг короля Георга III, проявившего в противовес парламента решимость в подавлении мятежей, а оппозиция - поддержать правительство. В результате непопулярное министерство Норта получило отсрочку своего падения, а в сознании элиты надолго утвердилось неприятие всех форм массовых движений жителей страны, последствия которого были ещё долго заметны в политической жизни.

1. Эту точку зрения можно иначе назвать теорией заговора. К ней активно прибегали современники событий, что вполне естественно для политического сообщества в условиях войны с внешним врагом и борьбой с оппозицией. Например, один из парламентариев писал другому: «Я полагаю, что в основе этого мятежа находится американское предательство и английская измена, а религия является поводом». Mr. Batt, Q.C. to James Harris, Esq., M.P. June 8, 1780 // A Series of Letters of the First Earl of Malmesbury, His Family and Friends from 1745 to 1820 / Ed. by the Earl of Malmesbury. Vol. I. L., 1870. P. 465.
2. McLynn F. Crime and Punishment in Eighteenth-Century England. N.

- Y., 1989. P. 238.
3. Рюде Дж. Народные низы в истории: 1730 - 1848. М., 1984. С. 69-70, 74.
 4. Там же. С. 75-77.
 5. Dickinson H.T. The Politics of the People in the Eighteenth-Century Britain. Basingstoke, 1994. P. 141.
 6. Babington A. Military Intervention in Britain. From the Gordon Riots to the Gibraltar Incident. L. - N. Y., 1991. P. 21.
 7. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch It is Continued Downwards in the Work Entitled "The Parliamentary Debates". (Далее: PH) Vol. XXI. Comprising the Period from the Eleventh of February 1780, to the Twenty-Fifth of March 1781. L., 1814. Col. 193 - 217, 287 - 293.
 8. За было подано 233 голоса, против - 215. Ibid. Col. 340 - 374.
 9. За голосовало 215 членов парламента, против - 213. Ibid. Col. 374 - 386.
 10. King to Lord North. April 11, 1780 // Correspondence with Lord North from 1768 to 1783 / Ed. by W. Bodham Donne. Vol. II. L., 1867. P. 314.
 11. За голосовало 203 члена парламента, против - 254. PH. Vol. XXI. Col. 494 - 533.
 12. Йоркширская ассоциация являлась радикальной организацией, созданной в результате недовольства высшего класса Йоркшира политикой министерства Норта и американским кризисом. Она стала эффективным инструментом агитации за реформу парламентской системы. Подробнее о ней см.: Christie I. R. The Yorkshire Association, 1780-1784: A Study in Political Organization // The Historical Journal. Vol. III. No. 2. 1960. P. 144-161.
 13. The Marquis of Rockingham to Mr. Pemberton Milnes. February 28, 1780 // Memoirs of the Marquis of Rockingham and His Contemporaries with the Original Letters and Documents / Ed. by George Thomas, Earl of Albemarle. Vol. II. L., 1852. P. 396 - 398.
 14. Christie I.R. Economical Reform and "The Influence of the Crown", 1780 // Cambridge Historical Journal. Vol. XII. No. 2. 1956. P. 144
 15. The History of Europe // The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, For the Year 1780. The Second Edition. L., 1788. P. 87 - 88.
 16. Langford P. A Polite and Commercial People. England 1727 - 1783.

- Oxford, 1998. P. 550.
17. May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third, 1760 - 1860. Vol. II. L., 1878. P. 272.
 18. Adolphus J. The History of England, from the Accession of King George the Third, to the Conclusion of Peace in the Year One Thousand Seven Hundred and Eighty-Three. Vol. III. L., 1802. P. 273 - 274.
 19. Butterfield H. George III, Lord North and the People: 1779-80. L., 1949. P. 375 - 376.
 20. McCarthy J. McCarthy J. H. A History of the Four Georges and of William IV. Vol. III. L., 1901. P. 263.
 21. Black E.C. The Association: British Extraparliamentary Political Organization 1769 - 1793. Cambridge (Mass.), 1963. P. 148.
 22. Jesse J. H. Memoirs of King George the Third, His Life and Reign. Vol. III. Boston, 1902. P. 250 - 251.
 23. Journal of the Reign of King George the Third, from the Year 1771 to 1783. By Horace Walpole. Now First Published from the Original MSS. / Ed. with Notes by Dr. Doran. Vol. II. L., 1859. P. 362.
 24. To Sir Horace Mann. February 6, 1780 // The Letters of Horace Walpole, Earl of Orford / Ed. by Peter Cunningham. Now First Chronologically Arranged. Vol. VII. L., 1858. P. 328.
 25. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 362-363.
 26. PH. Vol. XXI. Col. 149, 533.
 27. Appendix to the Chronicle // The Annual Register... 1780. P. 256 - 257. По иронии судьбы, в будущем на месте сбора противников эмансипации католиков из Протестантской ассоциации был сооружён католический храм.
 28. The History of Europe // The Annual Register... 1780. P. 193. По разным оценкам, на призыв Гордона откликнулось от 40 до 100 тысяч человек.
 29. Кроме Гордона за петицию голосовали П. Дж. Клерк, М. Ле Флеминг, Джеймс Лоузер, а также Полхил, Телемах и граф Верней. PH. Vol. XXI. Col. 665 - 660.
 30. Huish R. The Public and Private Life of His Late Excellent and Most Gracious Majesty, George the Third, Embracing its Most Memorable Incidents as They Were Displayed in the Important Relation of Son, Husband, Father, Friend, and Sovereign... L., 1821. P. 405 - 406.
 31. May T. E. Op. cit. Vol. II. P. 273 - 274.
 32. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 404.

33. Holt E. The Public and Domestic Life of His Late Most Gracious Majesty, George the Third; Comprising the Most Eventful and Important Period in the British History: Compiled from Authentic Sources, and Interested with Numerous Anecdotes. Vol. I. L., 1820. P. 237 - 238.
34. McLynn F. Op. cit. P. 233.
35. PH. Vol. XXI. Col. 661 - 664.
36. Ibid. Col. 664 - 672.
37. Ibid. Col. 672 - 688.
38. Black E.C. Op. cit. P. 164.
39. Butterfield H. Op. cit. P. 377.
40. Bleackley H. Life of John Wilkes. L. - N. Y., 1917. P. 362; Sainsbury J. Disaffected Patriots. London Supporters of Revolutionary America, 1769 - 1782. Kingstone - Montreal, 1987. P. 28.
41. Цит. по: Babington A. Op. cit. P. 23.
42. Mr. Batt, Q.C. to James Harris, Esq., M.P. June 5, 1780 // Letters of Malmesbury. Vol. I. P. 462.
43. Lucas R. Lord North, Second Earl of Guilford, 1732 - 1792. Vol. II. L., 1913. P. 119.
44. Ditchfield G. M. George III: An Essay in Monarchy. Basingstoke, 2002. P. 100 - 101.
45. George the Third: His Court and Family. Vol. I. L., 1821. P. 473-474.
46. To Lord North. June 5, 1780 // Correspondence with Lord North. Vol. I. P. 323.
47. Wraxall N. Historical Memoirs of My Own Time. Vol. I. L., 1815. P. 345.
48. Ibid. P. 344 - 346; Adolphus J. Op. cit. Vol. III. P. 392 - 394.
49. Appendix to the Chronicle // The Annual Register... 1780. P. 266.
50. Wilson B. George III, as Man, Monarch and Statesman. L., 1907. P. 364.
51. PH. Vol. XXI. Col. 689.
52. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 410.
53. Adolphus J. Op. cit. Vol. III. P. 302.
54. McCarthy J. McCarthy J.H. Op. cit. Vol. III. P. 289-290.
55. Ibid. P. 287.
56. Wraxall N. Op. cit. Vol. I. P. 338, 340 - 341.
57. Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton, K.G. From Hitherto Unpublished Documents in the Possession of His Family / Ed. by William R. Anson. L., 1898. P. 313.
58. Bleackley H. Op. cit. P. 360, 364.
59. Treloar W.P. Wilkes and the City. L., 1917. P. 206 - 207.
60. Fitzgerald P. The Life and Times of John Wilkes, M.P., Lord Mayor of London and Chamberlain. Vol. II. L., 1888. P. 288-289.
61. McCarthy J. McCarthy J.H. Op. cit. Vol. III. P. 287.
62. George the Third: His Court and Family. P. 469 - 470.
63. Journal of the Reign of King George the Third... Vol. II. P. 405.
64. Christie J.R. The Marquis of Rockingham and Lord North's Offer of a Coalition, June - July 1780 // English Historical Review. 1954. Vol. LXIX. № 272. P. 388 - 390.
65. Minutes of Conversation with Mr. Montagu // Memorials and Correspondence of Charles James Fox / Ed. by Lord John Russell. Vol. I. L., 1853. P. 251 - 252.
66. Mr. Fitzpatrick to Lord Ossory. July 1780 // Ibid. Vol. I. P. 254.
67. George the Third: His Court and Family. Vol. I. P. 475.
68. PH. Vol. XXI. Col. 767.
69. Jephson H. The Platform: Its Rise and Progress. Vol. I. L. - N. Y., 1968. P. 124.
70. Aikin J. Annals of the Reign of King George the Third: from its Commencement in the Year 1760 to the Death of His Majesty in the Year 1820. Vol. I. L., 1820. P. 264.
71. Sainsbury J. Op. cit. P. 158.
72. Wraxall N. Op. cit. Vol. I. P. 349.
73. Black E.C. Op. cit. P. 66 - 67.

Джордж Вашингтон в восприятии современников в России.

В исторической науке не сложилось единого мнения о степени информированности российского общества в XVIII столетии о событиях в далекой Америке. Академик Н. Н. Болховитинов посчитал, что «американская тема не была совершенно новой для русского читателя последней четверти XVIII в.». Авторитетный американист написал: «В той или иной степени тема Америки, история ее открытия и колонизации привлекала внимание различных слоев русского общества и ранее» /1/. Он же назвал вышедшие в то время на русском языке публикации по указанной тематике и предположил, что «к середине 70-х гг. XVIII в. в России уже накопились первоначальные сведения и существовала некоторая (хотя и весьма ограниченная) литература» о Новом Свете. «Однако - продолжал свою мысль именитый автор, - только после начала войны в США за независимость и в результате этой войны в русском обществе впервые обнаруживается серьезный и всевозрастающий интерес к Америке и появляется возможность говорить о действительной осведомленности русского читателя об американских событиях... Волнующие вести из-за океана, - по мнению историка, - заставляют русского читателя с интересом относиться к самым разным сочинениям об Америке, даже не имевшим на первый взгляд прямого отношения к текущим событиям» /2/.

Эти суждения Н. Н. Болховитинов впервые обнародовал в 1976 г. в монографии, осветившей отношение России к войне США за независимость. С небольшими стилистическими изменениями автор повторно привел эти строки в 1991 г. в очередной книге о становлении и развитии контактов и связей России и Америки в XVIII веке /3/. Ранее, еще в 1942 г., во многом сходное предположение высказал и другой известный американист А. Н. Старцев. Он писал: «Для того чтобы представить себе насколько широко русское общество было знакомо с ходом со-

бытий за океаном, следует обратиться к...печати. Обе русские газеты - и «Санкт-петербургские ведомости» и «Московские ведомости» - в течение всего периода американской войны за независимость посвящают огромное внимание Америке... Газеты публикуют сообщения о выходе и продаже русских и иностранных книг, посвященных Америке. Обследование русских библиотек XVIII в., по словам автора, показывает, что образованные русские люди были знакомы со всей важнейшей европейской литературой, связанной с освободительной борьбой... Русские журналы, и петербургские и московские, печатают многочисленные сообщения и материалы, прямо или косвенно затрагивающие американские дела» /4/.

Известные американисты во многом верно оценили значение сведений о жизни в Северной Америке, и в целом масштабы этого информационного потока. Правда, в отношении прессы 1750 - 1770-х гг. возможны частичные коррективы с учетом наработок других специалистов. Некоторые поправки могут возникать и в ходе целенаправленного поиска и подробного изучения печатных материалов того периода по американской тематике. В возрастающих объемах интересные сведения появлялись в газетах и журналах, в альманахах, в сборниках и в других публикациях в России в XVIII столетии. А «свежесть и непосредственность восприятия» такой «продукции, как отечественной, так и переводной» вполне можно восстановить «листая газеты и журналы тех дней», либо, добавим, изучая изданные на русском языке книги /5/.

Одним из исследователей, который пытался пройти этим путем, стал авторитетный специалист по истории русско-американских литературных связей А. Н. Николюкин. Его оценки (как и положения историков Н. Н. Болховитинова и А. И. Старцева) с некоторыми поправками применимы и в настоящей работе. Так, согласно тезисам А. Н. Николюкина, «в петровские времена сведения об Америке начинали приобретать научную достоверность» и полноту. Эти сведения «медленно, но неуклонно распространялись» и в русской словесности, а число га-

зетных «сообщений из Америки возросло и приняло более систематический характер» в середине XVIII в., когда отдел иностранных известий в газете «Санктпетербургские ведомости» редактировал М. В. Ломоносов. Ему же, возможно, принадлежит и опубликованная 25 ноября 1750 г. в означенной газете оригинальная «без ссылки на иностранный источник» статья, в которой «впервые в России дано географическое и историческое описание Северной Америки и ее населения». Согласно же выкладкам А. Н. Николюкина, в 60-е гг. XVIII в. «начинается период более пристального знакомства русских литераторов и русских читателей с Америкой». Этот регион, по словам исследователя, «приобретает в сознании русских авторов и читателей конкретно-исторический облик», и означенный процесс получил новые импульсы «со времени войны за независимость», то есть в 70 - 80-ые гг. того же века /6/.

Сразу заметим, что процессы ознакомления читательской аудитории в России со сведениями о жизни в Северной Америке, вероятно, были более растянутыми по времени, информационный поток нарастал постепенно, его объемы менялись в зависимости от поступления новостей из Европы и Нового Света. Газетные сообщения все же существенно расширяли знания читателей, и наблюдательные, склонные к аналитическому мышлению россияне, могли составить картину событий на далеком континенте. Правда, им нередко приходилось как бы «просеивать» материалы: сопоставлять противоречивые сообщения, вспоминать детали предшествовавших публикаций и отбрасывать недостоверные данные. Тем не менее, один из современных ученых - В. В. Ишутин, работавший с периодикой того периода, высказал положение, согласно которому в России «всерьез «американская тема» зазвучала на страницах газет, можно сказать, с начала «колониально-парламентского» конфликта - с 1764 г.», а с середины 1770-х гг. «обе газеты» («Санкт-петербургские ведомости» и «Московские ведомости») «сплошь повествовали о войне в Америке», поскольку «грамотный российский читатель из газетных сообщений...мог составить доста-

точно объективную картину появления на политической карте мира принципиально нового государственного образования» /7/.

Как видно, А. Н. Николюкин и В. В. Ишутин посчитали, что, по крайней мере, уже в 1760-ые гг. поток поступающих в Россию сведений о положении дел во владениях европейских стран в Америке был весьма насыщенным и вел к качественным подвижкам в восприятии и осознании «американской тематики» российскими читателями и издателями. Согласно же оценкам современного историка Ю. Г. Акимова, рассмотревшего отражение на страницах газеты «Санктпетербургские ведомости» англо-французского соперничества в Северной Америке в середине XVIII в. (1755 - 1765 гг.), этот печатный орган черпал материалы из европейской прессы и «в целом достаточно правдиво освещал» происходившие события. «Отдельные искажения имен, географических названий были неизбежны и не играли большой роли», а «подача материала в главной российской газете» передавала и то значение, которое вступившие в конфликт стороны (Великобритания и Франция) придавали североамериканскому театру военных действий. Таким путем, подчеркнул петербургский историк, читатель «вполне мог составить себе представление о событиях в Северной Америке аналогичное тому, которое существовало в Западной Европе» /8/.

К такому же выводу приводит и анализ тематических указателей к материалам газеты «Санктпетербургские ведомости» за период с 1728 - 1770 гг. и за 1774 г. Объем информации и ее разнообразие (разделы: колонии в международных отношениях, торговля, промышленность, сельское хозяйство, финансы, статистика, быт и нравы, внутреннее положение и общественно-политическая жизнь, народные и национально-освободительные движения, вооруженные конфликты, армия и флот, др.) показывают значение и развитие американской тематики, интерес к ней со стороны российского общества /9/. Эти же материалы подтверждают и общий вывод о роли и «непреодоляемом» значении периодических изданий «в качестве важных источников информации по истории Нового Света». Обращение к

потоку таких сообщений раскрывает и специфику «отражения американской проблематики» в российской периодике, а в ряде случаев приоткрывает «возможность переосмысления на этой основе исторических фактов североамериканской истории» и восстановления других «малоизвестных фактов, утративших со временем свою актуальность, но остающихся принципиально важными для понимания существа давно происходивших процессов и явлений» /10/.

Очевидно, что в последние годы историки стали активнее работать с периодическими и иными изданиями, охватывающими «американскую тему» и опубликованными на русском языке еще до начала вооруженной борьбы за независимость США. Меняется и оценка такой литературы. Российские (советские) исследователи ныне высказывают разные суждения в отношении рубежа, с которого ценность и интенсивность сведений о Северной Америке достигла значимой величины и эти сведения повели к возможным изменениям в восприятии их современниками в России. В этой дискуссии при вынесении выверенных оценок свою роль может сыграть поиск и тщательное изучение всех доступных по теме материалов, в том числе и тех, которые проливают свет на жизнь и деятельность выдающихся американцев. Видное место среди них принадлежит «Отцу нации» и «Отцу-основателю» №1 американского государства Джорджу Вашингтону. Многочисленные и многообразные материалы о нем в России стали накапливаться еще при жизни героя. Вдумчивое прочтение этой информации отчасти позволит уточнить деяния и облик великого американца, а отчасти предоставит и дополнительные сведения специалистам для ведения означенной дискуссии, а в целом и для характеристики этапов и особенностей развития американистики в нашей стране.

Часть историков выделила по газетным меркам значительную статью «Известие о нынешних Аглинских и Францус-

ских селениях в Америке». Она появилась в «Санктпетербургских ведомостях» 25 ноября 1750 г. и не имела подписи, но специалисты с оговорками отдали ее авторство М. В. Ломоносову /11/. Статья стала своеобразным рубежом или точкой отсчета для оценки последующей информации о положении дел в Новом Свете. Очевидно, и поэтому ее переиздавали в подтверждение растущего интереса к «американской теме» в России. А анализ указанных материалов выявил их универсальность. Статья вобрала сведения по истории, географии, экономике, народонаселению британских и французских владений в Северной Америке. Ее начальные и заключительные строки указывали на острейшее соперничество европейцев за земли в этом регионе. Сообщалось и о вовлечении в борьбу на стороне европейцев индейских племен, о столкновениях и военных экспедициях на американских территориях, попытках дипломатического урегулирования территориальных и пограничных споров. В статье объемом около 550 (в том числе и служебных) слов ее автор четырежды упомянул в разных аспектах о «спорах Англии и Франции в Американских селениях» и, собственно, появление названных материалов во многом обязано этим усилившимся спорам /12/.

В виде рассказа о борьбе за колонии газета «Санкт-петербургские ведомости» подавала многие последующие материалы об Америке. И это была не только перепечатка новостей, прежде всего из немецких, французских, голландских и английских изданий /13/, но также отбор или подборка материалов в рамках одного или ряда номеров. Именно таким способом в 1754 г. и освещались нараставшие противоречия и столкновения на североамериканском континенте между действовавшими в основном из Канады французами, а с другой стороны - англичанами и американцами. Начиналась серия газетных материалов с, казалось бы, простого сообщения от 5 апреля, согласно которому «Французы, заняв место в Виргинии, построили у реки Огайо (Огайо. - *Авт.*) три крепостцы, и захватили земли, которые от Его Величества Короля розданы некоторым его поддан-

ным». Локальный по характеру инцидент предполагалось решать дипломатам на переговорах, а «Виргинскому Губернатору велено [было] между тем собрать все войско в тамошней стороне, дабы выгнать Французов из занятых ими мест, и для вспоможения ему, - сообщала газета, - посланы будут туда немедленно два корабля» /14/.

В последующих номерах «Санктпетербургских ведомостей» за апрель и по конец лета 1754 г. приводились не только «известия из Виргинии... не весьма радостные», но и материалы о безуспешных контактах дипломатов и разрастании франко-британо-американского противостояния в Европе и в Новом Свете. Захваты французами земель по границам «от новой Англии до Виргинии» несли подданным британской короны серьезные трудности, а в течение лета стало очевидным, что «произошедшие между Агличанами и Французами в Америке споры отчасу важнее становятся». Заговорили о подготовке и посылке в колонии серьезных морских и сухопутных сил, сборе средств для финансирования таких операций, заседаниях государственных мужей, получавших из Виргинии все новые «неприятные» известия и обсуждавших «плохое состояние» американских дел. Тогда же стали печатать и сообщения о начале боевых действий за океаном, о вовлечении в конфликт индейцев на стороне французов или англо-американцев, захвате французами американских судов и о возможном объявлении войны между Англией и Францией /15/. Наконец, в газетных номерах за август 1754 г. сообщалось о наборе в Виргинии войск, которые должны были выступить против укрепившихся в долине реки Огайо французов и, несмотря на гибель командира «полковника Фри» (Дж. Фрая), начале такой операции /16/.

Газета «Санктпетербургские ведомости» обычно печатала информацию «из Лондона» через 14 - 16 дней после ее отправки с Британских островов, а туда новости из Северной Америки доставляли с задержками, обусловленными трудностями перехода судов через Атлантический океан. Поэтому известия о событиях, случившихся в колониях в начале лета, в

метрополию поступали в августе, а соответственно в Санкт-Петербург они могли прийти в начале сентября, и временной разрыв между Америкой и Россией составлял до 2-3 и более месяцев. Именно такими и оказались материалы в выпусках российской газеты за начало сентября 1754 г. Номер от 2 сентября со ссылками на вести из Лондона от 20 августа сообщал, что «из Виргинии пишут... неприятельские действия в сей земле еще продолжаются», а в номере от 6 сентября со ссылкой на информацию из Лондона от 23 августа были опубликованы следующие строки: «... напротив того пришло подтверждение из Виргинии о выигрышах, какие одержал Маиор Васгинтон в прошедшем Июне месяце над Французами. В письмах же из Виргинии подтверждается, что Индейцы все обязались подкреплять нашу сторону, сколько французы не старались их склонить» /17/. Таким образом, при описании англо-французского конфликта в колониях в сентябре 1754 г. на страницы российской газеты впервые попала фамилия будущего героя Войны за независимость США и первого президента этой страны Джорджа Вашингтона.

Сообщение из Виргинии (через Лондон) в общих тонах извещало о первых свершениях тогда майора, затем подполковника ополчения Васгинтона (совр. написание - Вашингтон). Несколько газетных строк, конечно, не могли рассказать о том, что по поручению губернатора Виргинии Дж. Вашингтон с несколькими спутниками осенью 1753 г. направился вглубь континента к форту Лебеф, где передал французскому командованию письмо губернатора с требованием прекратить заселение долины реки Огайо и «перемены образа действия... относительно агличан». Миссия не привела к желаемым для американцев результатам, и им пришлось спешно набирать отряды ополченцев, которые под командованием подполковника Вашингтона в апреле 1754 г. выступили в поход. Преодолевая бездорожье, ополченцы достигли местности, «известной под названием Больших Лугов», а в конце мая индейцы вывели партию из 40 человек во главе с Вашингтоном к лощине, где отдыхал отряд

французов «из 30 человек». Французы были атакованы с трех сторон, выстрелы почти в упор положили 10 человек, включая командира Ж. де Жюмонвиля, остальных взяли в плен. Хотя французы, выдавая себя за парламентаров, пытались остановить нападавших, Вашингтон и стоявшие над ним власти представили дело как боевое столкновение отряда французских разведчиков (или шпионов) с индейцами и американскими колонистами. Благодаря сообщениям прессы, в том числе и российской газеты, имя «майора Васгинтона» (позднее писали - «Вассингтон» или «Васингтон»), стало известно в Европе, а в содеянном им часть комментаторов усмотрела военный успех. Современники, а затем и историки эту стычку посчитали «сигналом» к войне между Францией и Великобританией. Называвшие Вашингтона «убийцей Жюмонвиля» французы получили необходимый предлог для развязывания конфликта. Каждое из правительств обвиняло другое в нарушении мира, и, хотя «Семилетняя война» (1756 - 1763 гг.) формально началась почти через два года, вооруженная борьба в Америке - «Французская и индейская война» (1754 - 1763 гг.) - уже шла, и ее первые выстрелы произвели по приказу Дж. Вашингтона /18/.

Последующие «подвиги» Дж. Вашингтона «Санктпетербургские ведомости» опять-таки со ссылками на зарубежные источники излагали и характеризовали более обстоятельно. В сентябре и октябре 1754 г. вышли новые газетные номера с сообщениями о положении в Америке и происходивших там боевых действиях за контроль над долиной реки Огайо. Эта тема на то время оказалась даже главной в российской газете при освещении разраставшегося франко-английского конфликта /19/, а номер от 16 сентября содержал первую, доставленную за рекордно короткий срок из Лондона (в 10 дней), подробную информацию о неудаче, которую колонисты под началом Вашингтона потерпели в новом бою с французами и индейцами. Этот бой за форт «Нецессити» («Необходимость») от 3 июля 1754 г. биографы и историки по прошествии времени описывали уже иначе /20/, чем сообщали о нем газетчики в XVIII столетии.

Номер «Санктпетербургских ведомостей» от 16 сентября 1754 г. неясно упоминал о недавней акции, «которая происходила в Виргинии... и на которой Французы взяли несколько человек в плен». Известия об этом, очевидно, печатались в зарубежной прессе, но российская газета их ранее не приводила. Теперь же следовал рассказ о деталях: «... сего дня узнали мы подлинные от том обстоятельства, которые гласят так: «Маэор Вассингтон (таково написание в заметке фамилии Вашингтон. - *Авт.*) приблизился к реке Огио, дабы остановить предприятие Французов, и с 300 человеками стал лагерем на удобном месте. Он подждал к себе еще 500 человек, дабы после итти на Французов и выгнать их из некоторых их постов». А французы опередили американцев «и в 900 человек пошли на Маеора Вассингтона, который с командою окопался в своем лагере (форт «Несессити». - *Авт.*)... Французы приступали к ретранжементу два раза... и производили жестокий огонь». Ополченцы Вашингтона «напротив того делали храбрый и жестокий отпор. И хотя Французы потеряли уже много людей, однакож отважились еще на третью атаку, причем с обеих сторон бились с превеликою храбростью. И, наконец, Французы... атаковали с фланга, и взошли на ретранжемент. От 300 человек, сколько было их у Маеора Вассингтона с начала акции не осталось более 150 человек, которые не были более в состоянии чинить дальнейшее сопротивление, и так принуждены были здаться. Французы оставили у себя токмо одних солдат, а господина Вассингтона и прочих Офицеров на пароль отпустили...», так как те в течение года согласились не воевать в долине реки Огайо. Газетчики называли и причину неудачи американцев - задержку с прибытием подкрепления, которая и вызвала «сие нещастие» /21/.

Последующие номера «Санктпетербургских ведомостей» приводили новые данные о поражении американцев под началом Дж. Вашингтона и связанные с этим рассуждения. Так, по сведениям из Лондона от 6 сентября, пришедший из Виргинии в метрополию корабль доставил подтверждение того, что

французы «в своих предприятиях имеют совершенный успех, и корпус Маеора Вассингтона в 300 человек Агличан (виргинцев. - *Авт.*)... отчасти порублен, а отчасти взяли в полон». Частные письма из Америки содержали подобную же информацию, но, утверждала газета, «в оных письмах пишут, что Агличане для сего нещастия нимало не оробели, чтоб выгнать Французов из занятых ими мест. Между тем, - гласил этот текст, - двор (в Англии. - *Авт.*) не получил еще точного известия о сей акции» /22/. А в следующем номере «Санктпетербургских ведомостей» говорилось: «все здесь (в Лондоне. - *Авт.*) с нетерпеливостью желают узнать» достоверные сведения о случившемся столкновении французов с американскими колонистами, поскольку в некоторых газетах «напечатано, что Французы отняли у Агличан на сей акции несколько пушек, много ружья, батажу и военных припасов. Однако, невероятно, чтоб такой малый корпус из 300 человек состоявший, который каждого моменту ждал сикурсу, имел много батажу, военной аммуниции и артиллерии в ретранжементе зделанном вскорости. О сем обстоятельстве, - заключал мысль автор заметки, - не упомянуто в самой достоверной реляции, которая недавно в народе опубликована» /23/.

Как видно, британская пресса, а вслед за ней и российская газета предпринимали попытки как-то объяснить, отчасти сгладить или оправдать неудачу колониального ополчения в глубинных районах Америки. Последующие выпуски «Санктпетербургских ведомостей» демонстрировали развитие американской темы именно в указанном направлении. Материалы в № 77 говорили: «Наш (британский. - *Авт.*) двор получил наконец подтверждение о сражении происходившем на Виргинских границах между Агличанами и Французами; однако посему известию победа Французов весьма не столь велика, как объявлено перед сим». Далее следовал рассказ о самом бое, о переговорах и прочих действиях противостоявших сил: «Июля 3 числа около полудень началось сражение, и Французы приступили в 900 человек близко к нашим ретранжементам, из которых производилась по ним безпрестанно пушечная пальба, что

продолжалось до 8 часов в вечеру, в которые Французы учинили предложение о переговоре, на что Агличане и склонились. На оном, - сообщила газета, - положено, чтоб с обеих сторон войска, не причиняя себе вреда, разошлись, а именно Французам итти назад..., а Агличанам итти в Вилскрек... со всякою военною честью, с батажом и аммуницею, что и учинено на следующий день в добром порядке, ибо Агличане пошли с музыкою и распущенными знаменами» /24/. Но вмешались союзники французов - индейцы, которые были «весьма недовольны заключенным договором». Они совершали постоянные набеги и вынудили отступавший под командованием Дж. Вашингтона отряд «из-за недостатка лошадей... оставить весь багаж». Газета подводила и общие итоги этой военной операции: «агличан убито 30 человек, а ранено 70.... Какой урон Французы и их союзники Индейцы претерпели, того оценить невозможно, однако в силу известия, присланного некоторым Голландцом к его земляку убито и ранено у них около 300 человек, что весьма вероятно, понеже, - указывалось в статье, - Французы всю ночь препроводили в погребении своих мертвых, кроме раненых, коих унесли на носилках» /25/.

Автор развернутого описания превращал военные действия в долине реки Огайо чуть ли не в успех британского оружия. Дело выглядело так, что отряд Дж. Вашингтона с честью выстоял в тяжелейших условиях, нанес противнику огромные потери и вырвался из губительного окружения, отбивая наскоки вероломных и кровожадных индейцев. О просчетах же и ошибках, допущенных командованием виргинских ополченцев при планировании и проведении похода или непосредственно в ходе боя, не сообщалось. И все же оговорки, указывавшие на неблагоприятное для британцев развитие противоборства в колониях, встречались и в поступающей из Лондона информации. Завершающая часть уже цитируемой статьи в российской газете за № 77 содержала такие строки: «... малое число храбрых Агличан отданы на убиение сильнейшему неприятелю небрежением тех, коим надлежало по Королевскому указу соединиться уже за

несколько месяцев с сим корпусом (отрядом Вашингтона. - *Авт.*), ибо сие нещастие конечно бы не последовало, когда бы пришел заблаговременно сикурс из новаго Йорка и Южной Каролины». Последнее обстоятельство, безусловно, подрывало шансы отряда Вашингтона на успешное ведение боевых операций, но было не единственным в череде негативных факторов. Очевидно и потому в сентябре 1754 г. в Великобритании «двор не объявил еще обстоятельного известия о сем сражении (последовавшем 3 июля. - *Авт.*)», а ожидал «точнейшаго подтверждения из нового Йорка». А до тех пор читателю сообщали о переговорах с вождями мощных «шести Индейских племен», возобновлявших «мирный договор и доброе соглашение с Аглинскими депутатами» и согласившимися «итти войною на Французов и союзников их (индейцев. - *Авт.*)» /26/.

Более поздние материалы в «Санктпетербургских ведомостях» подтверждали нежелание властей Великобритании («Двора») спешить с публикацией «известия о последней акции (поражении 3 июля 1754 г. - *Авт.*) в народ». В газете приводили уже ранее обнародованные данные о тяжелых потерях французов, и на этом фоне - о весьма умеренных потерях отряда под началом Дж. Вашингтона. Называлась и еще одна причина «урона американцев» - недостаток «в потребной артиллерии» из-за опоздания направленного из метрополии в Виргинию корабля «с 30 тью пушками» /27/. Также поступали дополнительные материалы о неудаче Вашингтона и вытекавших из этого последствий. В № 79 газеты от 4 октября прошла следующая информация: «Из Виргинии уведомляют, что французского войска, которое учредило нападение на наше селение, считается до 2200 человек регулярных, и разделились они на три корпуса, из которых сильнейший атаковал Маеора Васингтона». О непосредственных результатах этой атаки читатель уже знал, теперь же его заверяли в том, что «...с Аглинской стороны и поныне чинят великие вооружения, чтоб Французов отогнать от реки Огио; и думают, что помощью тех вооружений, или по указам Французского двора наши (британцы и американцы. -

Авт.) скоро освободятся от сих ненужных гостей» /28/.

С ноября и по декабрь 1754 г. в Санктпетербургской газете со ссылкой на вести из Лондона писали и о стремлении дипломатов провести конференцию «о назначении границ в Америке» и добиться отвода французских войск из спорных районов на территорию Канады. Писали и о подкреплении таких требований силовыми мерами: о возможном направлении в воды Америки «30 Аглинских военных кораблей и шлюпов» и других военных сил, о наборе матросов на флот, о мобилизации под руководством колониальных властей ресурсов самих американцев «к защите Аглинских селений (колоний. - *Авт.*)» /29/. Все сильнее в прессе звучала и тема «спасения» американцев, тема общей угрозы, которую заокеанским колониям и в целом Британской империи несли агрессивные поползновения Франции. Поэтому-то «некоторые партикулярные люди, кои имеют земли в тамошней стороне, - согласно английскому источнику, - приняли намерение... представить правительству (Великобритании. - *Авт.*) о вреде, какой должен произойти им от предприятия Французов и нарушения мира...» Петиционеры просили «помочь сим неудобствам, и отвратить опасность, какой подвержены быть имеют Королевские подданные, ежели не скоро будут приняты сильные меры» /30/.

В 1754 г. подобные настроения и требования возникали по обе стороны океана. В этой связи российская газета поместила и информационные материалы из колоний. Из американского города Филадельфия пришло помеченное 8 октября сообщение о развернутом на подступах к Пенсильвании лагере из «2000 человек регулярного французского войска, и из великого числа союзных с ним индейцев». Они угрожали американо-американским колонистам и те желали, чтобы «Король и Парламент уведомились об опасности, в которой весь берег северной Аглинской части (континента. - *Авт.*) находится» /31/. О другом, рожденном по воле американца документе Санктпетербургская газета со ссылкой на вести из Лондона от 25 октября 1754 г. сообщила в ноябре того же года. Наряду с информацией о подготовке двух

полков с артиллерией и опытными офицерами для отправки в Америку, в номере говорилось: «Здесь (в Лондоне. - *Авт.*) показывают письмо некоторого офицера из Виргинии, которое может сильно поощрить народ против предприятий Французов у реки Огио. В оном сообщается описание реки Огио и лежащим по оной землям, которые на 500 миль простираются. В сем письме, между прочим, написано: «По моему мнению завоевание сей земли принесет больше пользы Французам, нежели взятие всей Фландрии. Франция тогда в состоянии будет завести и содержать ужасную морскую силу. Кажется, что натура сию землю всеми выгодами к содержанию жителя человеческого одарила» /32/.

Автор данного письма в российской газете не назван. Но по косвенным материалам можно полагать, что этот человек занимал весомое положение в Виргинии и земляки его хорошо знали. Он был военным и в чинах, проявлял общественную активность, обладал аналитическим складом ума. К тому же, какие-то сведения о нем уже могли достичь и берегов Британии, ибо маловероятно, чтобы письмо абсолютно неизвестного офицеришки из американского захолустья стало бы объектом ажиотажного интереса в столице Британской империи, а солидные газеты перепечатывали бы такое частное письмо. Письмо американца оказалось политически востребованным, и его автор располагал хорошими знаниями о внутренних районах североамериканского континента. Всем названным критериям могли тогда отвечать немногие виргинцы. Среди них следует назвать и Дж. Вашингтона: он в 1753 - 1754 гг. посещал и изучал американскую глубинку и с переменным успехом воевал в долине реки Огайо. За реальные или во многом преувеличенные подвиги «Маеор» («Маиор») Васгинтон (и он же - Вассингтон или Васингтон - три написания фамилии!) был отмечен в родной Виргинии, а затем попал в поле зрения прессы и, соответственно, политических кругов в Европе. Эти обстоятельства и дают некоторые основания на то, чтобы включить его в число вероятных авторов столь своевременно появившегося и расти-

ражированного документа.

К концу 1754 г. в столице Британской империи «начинают о том, что происходит в Америке между Францией и нашими рассуждать с большим против прежнего попечением». Упоминания о Васгинтоне или как его чаще в то время называли Вассингтоне (Васингтоне) исчезают со страниц газет, и все больше пишут о флоте и регулярных войсках, о заслуженных британских генералах, которых и призвали разрешить разрастающийся колониальный конфликт. «Маеора» из Виргинии, не сумевшего изгнать французов из долины реки Огайо в новостях сменил генерал Э. Брэддок (Браддок). В метрополии предложили «операционный план», которому «сей Генерал по прибытии его в Америку следовать имеет, чтоб Французов отбить от реки Огио, и принудить их к возвращению на их границы». Содержание под началом этого генерала британской пехоты и артиллерии должно было обойтись королевской казне «около пяти сот тысяч фунтов стерлингов», то есть сумма эта многократно превышала те средства, которые виргинцы затратили на военную экспедицию Вашингтона. Но и противник уступать не хотел: тысячи французов и союзные им индейцы сосредотачивались в Канаде и на спорных территориях, а в соответствии с планами флотоводцев 29 новых кораблей должны были пополнить морские силы Франции к концу года /33/. Старые соперники - британцы и французы и в Америке, а затем и в Европе неумолимо шли к новой масштабной войне.

Переменчивые вести об этом конфликте, получившем в Европе название «Семилетняя война» (1756 - 1763 гг.), а в Северной Америке «Французская и индейская война» (1754 - 1763 гг.) также достигали российского читателя. Начатая «Маеором Вассингтоном» вооруженная борьба за западные земли получила не менее разрушительное продолжение в виде экспедиции обозначенного ранее генерала Э. Брэдока. Само это мероприятие и его трагическое завершение весьма красочно описано в зарубежной и российской историографии, поэтому нет смысла приводить излишние детали. Можно сказать только то, что

некоторые авторы упор делали на разумном и едва ли не героическом поведении Дж. Вашингтона, а основную вину за разгром возлагали на властного, самонадеянного и не знавшего особенностей ведения боевых операций в американской глуши британского генерала. А другие историки в самых уничижительных тонах характеризовали эту военную кампанию в целом /34/. «Урон под командой Генерала Брэддока» описывался в «Санкт-петербургских ведомостях» (6 февраля 1756 г. № 11) и весьма подробные материалы о ходе войны и отдельных ее событиях в Северной Америке публиковали часто. Тогда же вспомнили и о виргинце Дж. Вашингтоне. Новости из Лондона от 26 марта 1756 г. звучали так: «По силе новейших писем из Америки французские американцы на Пенсильванских и Виргинских границах не перестают чинить всякие варварства. В тех же письмах объявляется, что в Новом Йорке и в новой Англии стараются приготовить все к скорейшему походу, что полковник Вассингтон пошел с командою к стороне Кровнской крепости». Российский читатель вновь встретился с будущим великим американцем, и это встреча была не первой. Правда, в № 31 «Санкт-петербургских ведомостей» Вашингтон впервые был представлен в воинском звании «полковник» /35/.

Еще шла «Семилетняя война», а исход ее современники уже предугадывали. Тогда же имя Дж. Вашингтона попало и на страницы книг, изданных в Европе. Одна из весьма емких работ, содержащая массу сведений о географии, природных условиях, народонаселении, экономике, общественном устройстве и административном управлении, о других сферах жизни, была издана на немецком языке. Естественно, в книге встречались материалы неоднозначные, достоверные сведения о французских и британских колониях перемешались с утверждением о «североамериканских диких жителях», которые «едят головы» англичан. А в целом этот труд можно признать весьма основательным не только по меркам XVIII столетия. Поэтому не удивительно, что он оказался в России и в 1765 г. в переводе был опубликован в Санкт-Петербурге. Примерно треть текста книги составила

часть девятая - исторический очерк о «произошедших ссорах между Коронами Великобританскою и Французскою... в северной Америке» за XVI - XVIII вв., и часть десятая - подробнейшее «описание войны, происходившей в северной Америке» между англичанами и французами. Такое описание колониальной войны дается по этапам с характеристикой каждого из них. Соответственно в разделе (§ 6) «Аглинские селения приходят в движение» в пересказе важной речи одного из губернаторов и упоминается Дж. Вашингтон /36/.

Названный раздел затронул начальную фазу колониального конфликта, но уже тогда «Намерения Французов должны быть... каждому явны. Они противу всех трактатов вошед в землю его величества, чинили жесточайшие неприятельские действия: ибо напав на Виргинское войско под командою полковника Вассингтона, разбили оное». Далее в книге названы и решения, которые американцы и британцы приняли под влиянием поражения, последовавшего летом 1754 г. Очевидно, что в указанном разделе (§ 6) воинский чин командира виргинцев указан с ошибкой: весной и летом того года Вашингтон числился «маеором» и подполковником, а в звании полковника он служил позднее - при подготовке и проведении похода генерала Брэддока. Эта катастрофическая для британской стороны экспедиция была подробно описана в книге, но об участии в ней Дж. Вашингтона не сообщалось. Британский генерал представлен как бы единственным творцом поражения, когда он сам «был смертельно ранен, и несколько сот Агличан убито на месте». «Вся артиллерия, багаж, казна и письма достались Французам» и «урон для Агличан был весьма велик». Остатки же разбитых войск «до 600 человек» собрал и увел в Пенсильванию полковник Думбар /37/.

Изданная в 1765 г. в переводе с немецкого книга не содержит каких либо других упоминаний о Дж. Вашингтоне. В первые годы войны между европейскими державами о нем сообщали за пределами колоний, в том числе и в далекой России, но известность эта оказалась преходящей. Исход затяжной и масш-

табной войны и судьбу Северной Америки решали военачальники и политики другого ранга, поэтому на их фоне офицера колониального ополчения если и не забыли, то упоминали в связи с тем первым походом виргинцев, который, согласно вольной трактовке тезиса Вольтера, и «погрузил всю Европу в пламя войны» /38/. Отчасти об этой минутной известности говорил и разноречивой в воспроизведении фамилии будущего великого американца (Васгинтон, Вассингтон, Васингтон), заметный по первым упоминаниям о нем в русскоязычной печатной продукции. И в то же время эти упоминания и рассказы о событиях, участником которых становился офицер из Виргинии, свидетельствовали об объемах и качестве информации, поступавшей в Россию из-за океана в основном через европейские страны. А отсюда возможны и некоторые выводы о востребованности в ту пору читателем «американской темы», следовательно, и характеристике тех условий, в которых начинала вызревать американистика еще как информационное направление, готовившееся охватить и сферы публицистики, и научной литературы.

Упомянутая книга и «Санктпетербургские ведомости» писали о молодом Дж. Вашингтоне в целом благожелательно. Правда, некоторые пассажи в газете можно трактовать и как укор в адрес командира ополченцев, но не эти материалы и тона главенствовали. Такой подход можно объяснить и характером зарубежных (английских, германских) источников, послуживших исходным материалом для сообщений на русском языке. А отчасти же и сложившимися к середине XVIII в. обстоятельствами: ведь до 1756 г. Франция часто выступала среди противников России, и страны подолгу не имели нормальных и устойчивых дипломатических отношений. Поэтому некоторая «героизация» противника французов была вполне приемлема и для издателя и читателя, и для сановных кругов российской державы.

В 1763 г. Парижский мир закрепил победу Великобритании в «Семилетней войне». В последующие десятилетия

произошли серьезные перемены в жизни Северной Америки и Британской империи в целом. Королевские власти ужесточали колониальную политику, а готовившиеся использовать плоды победы над Францией и Испанией американцы «копили» недовольство. В 1760 - 1770-ые гг. в колониях проходили массовые акции протеста, организовывались бойкоты торговли с метрополией, участились случаи неподчинения требованиям и законам правительства и парламента Великобритании. Сведения о волнениях и выступлениях населения колоний попадали в прессу, в другие издания, которые выходили в России. В то время «американская тема» становилась все более значимой для издателя и для читателя, хотя информация о событиях в Новом Свете, поступавшая в основном через европейские страны, не была однородной и однозначной. Ее поток усиливался или слабел в зависимости от ситуации за океаном и в Европе и, собственно, в России. В то время (включая и годы Войны за независимость США) на трактовку событий в прессе влияли факторы внешние и внутривластные. В самодержавной России еще культивировались иллюзии «просвещенного абсолютизма», но государство и общество в 1773 - 1775 гг. содрогались под ударами восстания под руководством Е. Пугачева. В этих условиях императрица Екатерина II и сановный Санкт-Петербург в отношении веяний из мятежной Америки занимали позиции вполне определенные, и лишние упоминания в печати о свободе и справедливости, о бунтах и восстаниях были нежелательны /39/.

Часть российского общества находилась под воздействием идеологических посылов с Запада. Англomania тогда обошла даже молодого Н. М. Карамзина, в будущем известного литератора и историка. Поэтому такие читатели одобряли далеко не все, что происходило в далекой Америке, а некоторые в англо-американском конфликте явно симпатизировали властям метрополии /40/. Издатели должны были учитывать интересы и реакцию проанглийски настроенной читательской аудитории. К тому же информация о волнениях в колониях чаще всего посту-

пала «из Лондона», она была весьма дозирована и не содержала дифирамбов лидерам американских бунтовщиков. Англичане о них писали скупо, по преимуществу в негативных тонах, а законопослушные российские издатели и переводчики учитывали политический момент, требования цензуры и чаще не лезли «на рожон». Эти общие моменты и характеризовали поток сведений о событиях за океаном.

В 1760 - 1770-ые гг. не во всех «селениях» (колониях) американские патриоты проявляли равную активность. Чаще вести поступали из крупных портовых городов, из Новой Англии и Массачусетса. Центральный город этой колонии - Бостон стал своего рода «колыбелью» американской революции. А полковник виргинского ополчения Дж. Вашингтон по окончании «Семилетней войны» вел жизнь рачительного и богатого плантатора. Его хозяйственная и общественная деятельность не выходила за пределы Виргинии и того графства, где находилось поместье Маунт-Вернон /41/. Вашингтон не проявил себя как политик-златоуст, он не вел жарких дебатов в стенах колониальной ассамблеи, не публиковал протестов и разоблачительных статей в газетах, не сочинял ярких памфлетов с критикой властей Британии и ее сторонников из числа американцев (лоялистов). Кроме участия в протесте виргинцев против политики метрополии в 1769 г. не был замечен Вашингтон и в организации массовых митингов, либо насильственных акций, подобных уничтожению груза чая в бухте Бостона («Бостонское чаепитие»). Интерес к наукам и изобретательство отличали виргинского плантатора, но его опыты и усовершенствования не вошли в золотой фонд науки и не освещались в печати колоний и европейских стран. Вашингтон, в отличие от Б. Франклина, не покидал родные края и не представлял колонии в Европе, не защищал публично интересы соотечественников на слушаниях перед сановниками и членами парламента Великобритании. Имя Вашингтона на годы выпало из поля зрения журналистов и сочинителей. Даже когда в Америке сложилась предреволюционная ситуация и началось вооруженное противостояние бри-

танцев и американских патриотов, о Вашингтоне вспоминали не часто. Какие-то сведения о нем, как организаторе виргинских ополченцев, промелькнули в метрополии /42/, но российские газеты «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» долго не сообщали о его деятельности.

Один из рубежей в развитии освободительного движения в Северной Америке пришелся на осень 1774 г. Тогда в Филадельфии открылись заседания I Континентального конгресса (5 сентября - 26 октября), в работе которого участвовала делегация из Виргинии. В ее состав вошел и Дж. Вашингтон, он, судя по записям современников, проявлял достаточную активность. Российская пресса в то время не упоминала ни о Вашингтоне, ни о большинстве других руководителей американских патриотов /43/. А 19 апреля 1775 г. сражение при Лексингтоне и Конкорде между британскими войсками и массачусетским ополчением повело к началу Войны за независимость США. Довольно подробный отчет о событии с указанием на соотношение сил и на боевые потери сторон, с именами британских и американских командиров последовал в номерах газеты «Санктпетербургские ведомости» в июне того же года /44/. Почти сразу же за апрельскими событиями патриоты начали фактическую осаду британского гарнизона в Бостоне, и о положении осажденных поступала дополнительная информация /45/. Наконец 17 июня 1775 г. на подступах к Бостону произошло сражение при Банкер-Хилл, в котором обе стороны понесли серьезные потери. Развернутые сообщения о сражении также появились в российской газете /46/. Но если военные новости освещались весь-ма оперативно и подробно, то сведения военно-политического толка давались дозировано. В начале лета 1775 г. «Санктпетербургские ведомости» мало писали о таких решениях «нового Филадельфийского конгресса» /47/ (II Континентального конгресса), где в качестве делегата от Виргинии присутствовал Дж. Вашингтон.

Все же в течение лета 1775 г. российский читатель узнал, что «Филадельфийский конгресс» закрыл для торговли с метрополией все порты и был намерен «обнародовать манифест и

всему свету показать, для чего селения приняли оружие». Конгресс распорядился «содержать войска 10000 человек, и жалование им производить посредством ассигнаций...», а позднее появились другие сообщения, по которым «Конгресс всякое делает распоряжение к своему защищению» и намерен «набрать непосредственно 70000 человек войска; и оные набираются из ландмилиции...». Тогда же сообщалось о решении делегатов II Континентального конгресса «для производства войны с Англией собрать два миллиона с половиной фунтов стерлингов». На военные нужды американцы получили якобы 1200 бочек пороха /48/. Однако конкретная организационная работа лидеров патриотов по созданию американских вооруженных сил - Континентальной армии, избранию ее генералитета и главно-командующего в звании генерала, а таковым в середине июня стал Джордж Вашингтон, в российской прессе не освещалась. О Вашингтоне многие месяцы не говорилось вообще ничего, хотя в номерах газеты в то время встречались имена политических руководителей американцев («Самуэль Адамс» и «Джон Гангок») и военных командиров (генералы Шайлер, Ли, Путнам и др.). О Вашингтоне не упоминали и российские журналы. Складывалась парадоксальная ситуация: brave британские генералы Гейдж, Гове (Гоу) и Бургойн получали подкрепление и летом и осенью 1775 г. с 8,5 тысячами солдат и офицеров без особых успехов обороняли Бостон, сражались против тысяч (по разным оценкам от 15 до 26 тысяч) вооруженных американских патриотов, находившихся под верховным командованием неизвестного лица /49/.

Такое небрежение к Дж Вашингтону было вызвано рядом обстоятельств. По канонам психологической борьбы упоминание имени главного командира противника вело к признанию за бунтовщиками прав воюющей стороны. В Великобритании как раз утверждались воинственные настроения: требования подавить силой мятеж и покарать отъявленных изменников озвучивала часть знати во главе с королем Георгом III. Да и какие генералы могли быть у мятежников, полагали британцы,

ведь их войско «состоит из одной только толпы необузданной подлости, которая стоять только может за кустами... и стенами, а не в открытом поле». Тогда британским стратегам казалось, что вся мощь (империи) быстро сокрушит сопротивление «провинциалов»-американцев и «король принял намерения не принимать никакого прощения от мятежников до тех пор, пока они не покорятся власти Британских законов». К тому же и не все члены Континентального конгресса оставили надежды на компромиссное разрешение колониального конфликта /50/. Следовательно, привлекать внимание к бунтовщикам казалось излишним и это объясняло позиции британской стороны, влияло на исходившую от нее информацию. А поскольку тон таких сообщений во многом соответствовал умонастроениям царских сановников и материалы европейских газет составляли заметный источник и ориентир для российской прессы, то и публикуемые в ней сведения были соответствующими /51/.

Но набрать дополнительно многие тысячи солдат и матросов в королевскую армию и на флот британским властям быстро не удавалось. Планы послать на войну в Америку до «60000 человек» полностью не были реализованы даже после «покупки» тысяч наемников («гессенцев») в германских княжествах. Фортификационные сооружения американцев все ближе продвигались к Бостону, а осажденный в нем гарнизон как бы «таял» («в армии», считая с 19 апреля 1775 г. «померло до 3000 человек»). Американцы располагали порохом на 100-тысячное войско, по паническим сведениям британцев против них продолжали воевать десятки тысяч вооруженных патриотов. Поэтому расчеты на то, что «войско бунтовщиков при наступлении зимы заметно уменьшится» и «американские несогласия прекращены будут еще до нового года» оказывались тщетными /52/. Патриоты постепенно наращивали давление на британские войска в колониях. Все же следует оговорить и то, что положение Континентальной армии под командованием Дж. Вашингтона также было весьма сложным: боевые потери, болезни, дезертирство значительно сокращали ряды защитников Америки,

а плохое снабжение, отсутствие средств и другие факторы грозили погубить дело свободы. Но в Европу такая информация не поступала и недостоверные или панические сведения о трудном положении блокированных в Бостоне британцев временно преобладали /53/. Тогда же - 15 декабря 1775 г. на страницах «Санктпетербургских ведомостей» вновь появилось имя Дж. Вашингтона, правда, читателям не объясняли тогда, как и в каком качестве упомянутый американец встал во главе армии. Газета просто сообщала: «Войско Генерала Васгингтона по сказкам Генерала Гажа (Гейджа. - *Авт.*) состоит из 50000 человек; а войска Королевскаго считается только 5000 человек, которым велено 4 декабря из своих линий итти в Бостон на зимовье» /54/.

Другая российская газета - «Московские ведомости» также не писала о головокружительной военной карьере Дж. Вашингтона в лагере патриотов и с задержкой познакомила с ним читательскую аудиторию. Материалы газетного номера от 22 марта 1776 г. говорили: «... Генерал Гове (Гоу. - *Авт.*), находясь в Бостоне, думает, что он верно был бы в состоянии с 10 тысячами войска взять лагерь Васгингтона и победить мятежников. Об американской же армии говорят, что она при всем своем в съестных припасах достатке, претерпевает великую нужду в платье». Далее упоминалось о возможном штурме Бостона войсками патриотов, которые могли «потерять при том до 10 тысяч человек. Как скоро солдаты о том прослышали, - утверждал автор материалов, - то вся почти (американская. - *Авт.*) армия разбежалась». Не испытывая симпатии к мятежникам, московская газета позднее писала о направлении в Бостон гессенских наемников и английских гвардейцев. «Отсюда, - сообщалось в заметке, - пойдут они противу стоящей под предводительством Генерала Васгингтона неприятельской (американской. - *Авт.*) армии, и будут стараться разбить при Кабридже его лагерь. Большая половина хранимого в Товере (Лондонском Тауэре. - *Авт.*) оружия... отвезена будет в Америку». Такие материалы московской газеты с отставанием по срокам в две недели фактически дублировали информацию, опубликованную ранее в

«Санктпетербургских ведомостях» /55/.

На первых этапах Войны за независимость США тон сообщений российской прессы по вполне понятным причинам не отличался доброжелательностью в отношении американских патриотов. Особых различий в подборке, подаче и интерпретации материалов о событиях в колониях, и, в частности, в освещении деятельности Дж. Вашингтона, выходявшие тогда в Санкт-Петербурге и в Москве две российские газеты не демонстрировали. Можно констатировать определенное сходство двух газет в отборе и подаче новостей из Америки, поступавших в 1775 - 1776 гг. Можно отметить и то, что большинство российских читателей скорее не помнило о «Васгингтоне» или «Вассингтоне» и его «подвигах» во время «Французской и индейской войны» (1754, 1756 гг.). Прошло уже десятилетие с тех пор, и фамилия генерала-предводителя войск мятежников даже газетчиков вряд ли заставляла думать о некогда скромном «маоре» виргинского ополчения. На первых этапах Войны за независимость США тональность сообщений менялась незначительно, но упоминать генерала стали чаще, и в прессе закрепилось написание его фамилии как «Васгингтон».

Обозначившуюся тенденцию иллюстрировали номера газет «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». В них описывалась эвакуация британской армии и флота из Бостона морем в Галифакс (Новая Шотландия). Этим событиям предшествовал приказ «Филадельфийского Конгресса... Генералу Васгингтону учинить на город Бостон... нападение». Американцы, соответственно поставив вблизи города батарею и начав обстрел, вынудили британского генерала Гоу просить патриотов о перемирии. Как писала московская газета, Гоу и Вашингтон достигли соглашения о беспрепятственной эвакуации королевских сил из Бостона, и в качестве своеобразной платы за прекращение обстрелов британцы оставляли в городе военное имущество и пушки. Правда, позднее Лондон опровергал саму мысль о каком либо соглашении британского и американского командующих и доказывал, что при отступлении королевские

войска не запятнали своей чести, захватили с собой на корабли к 17 марта 1776 г. всех сторонников метрополии из числа американцев (лоялистов) и не оставили мятежникам ничего, что могло бы укрепить их военный потенциал /56/.

«Московские ведомости» утверждали и то, что уход королевских сил из Бостона произошел не в результате военной операции американцев, а планировался давно и генерал Гоу лишь выполнил старый приказ. А американцы, согласно публикуемому данным, располагая огромным перевесом сил (150 - 170-тысячной армией и до 600 тысяч военнообязанных) реально угрожали осажденной в Бостоне 7-тысячной армии Гоу. Сам британский командующий и его подчиненные из-за задержки вестей из Англии упали духом, они были ослаблены «нехваткой продовольствия и болезнями», от которых «померло великое множество народа, так что город сей (Бостон. - *Авт.*) напоследок походил на госпиталь, нежели на военный стан». На этом фоне, согласно письму одного голландца, «проворное Вашингтоново войско вошло в сей город с распростертыми знаменами и громкою музыкою». Солдаты Вашингтона не боялись «всей той силы», которую «Англия на них ополчает» и согласно приведенному в газете письму «все его подчиненные смелы, и имеют у себя мужественных и искусных предводителей, которых можно употребить не токмо к военным действиям, так и в тайные советы». Однако подобные отзывы (из голландского источника) в московской газете в начале войны при характеристике Вашингтона и его армии выступали скорее как исключение, а более многочисленными и характерными были оценки с британского голоса. То есть, газетчики чаще рисовали картину иную: американским офицерам приходилось принуждать своих подчиненных к военным занятиям и в Бостон вошли не освободители, а скорее грабители-вандалы и этот город «занят теперь мятежниками, которые выбрав из оногo всякие надобности, верно его выжгут» /57/.

Сведения в газетах о соотношении сил воюющих армий в Америке постоянно дополнялись и уточнялись, что скорее

запутывало, чем проясняло картину. В любом варианте лучше вооруженным, обученным, и дисциплинированным королевским полкам и флоту, получившим в подкрепление тысячи наемных солдат из Германских княжеств («гессенцев») противостояли более многочисленные и, со слов апологетов регулярных частей, не столь боеспособные ополчение американцев и Континентальная армия. Ее командующий «Генерал Васгингтон», по сообщениям «Московских ведомостей», «то пошел также с осьмью тысячами человек» на завоевание Канады, то почти в то же самое время в следствии «великих» разногласий в «Филадельфийском конгрессе... от предводительства мятежнического войска отказался». Наконец 20-ти тысячное войско с сильной артиллерией «под предводительством Вашингтона» обнаружили «у Нового Йорка» /58/, где с конца лета и осенью 1776 г. проходили основные сражения этой фазы войны. А поскольку Дж. Вашингтон отвечал за оборону среднеатлантического региона, то его имя на страницах газет встречалось все чаще. «Генерал Васгингтон» окончательно получил своеобразные «права гражданства» в российской прессе и стал самым упоминаемым из военных и политических руководителей американцев. Правда, известность эта была с весьма негативным оттенком и о Вашингтоне чаще писали в связи с победами британцев и неудачами патриотов /59/. В частности, на подчиненных Вашингтона тогда пытались возложить и ответственность за пожары в Нью-Йорке, уничтожившие четверть города при отступлении из него американской армии /60/.

Российская пресса следила и за политическими событиями в Северной Америке. «Московские ведомости» отмечали движение восставших колоний к независимости, сообщали о разногласиях и борьбе в лагере патриотов и среди членов Континентального конгресса по данному вопросу, писали и о фактическом демонтаже власти Великобритании над американскими территориями и далеко не однозначной реакции их населения на перспективу полного разрыва с метрополией /61/. А 30 августа 1776 г. последовали следующие материалы: «По силе

известий, полученных через Глазгов (Глазго. - *Авт.*) из Америки, Филадельфийский конгресс 13 соединенных селений объявил независимыми от Великобритании, о чем уже сообщено по сеймам разных провинций. Виргиния, Пенсильвания, Новый Йорк и проч. согласны с мнением Конгресса, и заключили, чтоб впредь во всех своих публичных актах совсем не упоминать ни имени Короля, ни года его правления. Одна только Мирилендская провинция не довольна сим определением и держится еще Королевской стороны. Между тем конфискуют земли всех тех, которые преданы Аглинскому правлению, ... выгоняют их из американских селений. Причем многие были столь несчастливые, что их письма перехвачены, и они сами, яко предатели Американской вольности, посажены под стражу» /62/.

Эти материалы подробно не комментировались. Правда, затем соображения политического толка или цензура позволили только в завуалированном виде заявить об окончательном утверждении независимости США Континентальным конгрессом. Новость подавалась таким образом, что Дж. Вашингтон вновь оказался в нелюбимом положении, в дурной компании. Данный текст гласил: «Конгресс учредил ныне особый военный орден, под именем Ордена независимости. Оный состоит из президента ордена Иона Ганкока (Дж. Хэнкока. - *Авт.*) и из 24 Кавалеров в числе них находятся и мятежнические предводители Васгингтон, Путнам и Востер (Д. Вустер. - *Авт.*)». Далее московская газета описывала орденские знаки, которые «состоят из пятиугольной серебряной звезды, на груди, и светлозеленой ленте, которая перевешивается с правого плеча на левое, с изображением Америки, приносящей себя в жертву волности» /63/. Сама новость и карикатурное описание ордена появилось и в других печатных изданиях, в частности, в журнале Академии наук, но российский (советский) исследователь А. Н. Николюкин акцент делал не на тональности материала, а на действиях царской цензуры, из-за которых лишь в следующем номере означенного журнала сообщалось «о ясном объявлении от Конгресса» независимости американцев от Великобритании /64/.

Следовательно, этот автор не рассматривал возможное воздействие цитируемого материала на разные категории российских читателей.

В работе А. Н. Николюкина речь шла в основном о попытках осторожных журналов и издателей в обход цензурных препон сообщить о важных и де-факто революционных переменах в мире. Рассуждения автора имели свои резоны, но не исчерпывали все стороны в изучении восприятия «американской темы» в России. Материалы о таких переменах не всегда подавались лишь с целью «разбудить» и радикализировать общество. Не все литераторы хотели призвать соотечественников к борьбе за свободу и прогресс, или хотя бы указать на подвижки к лучшему устройству жизни. И, в исследуемом варианте, на сообщения об отпадении колоний от Великобритании накладывались другие материалы, которые серьезно влияли на трактовку и восприятие этой важнейшей новости в обществе. Уже само первоначальное известие об объявлении независимости США путем создания какого-то узкого и элитного ордена для высших главарей мятежников как бы подразумевало их огромные амбиции и корыстные интересы. В последующем на фоне слухов о бегстве некоторых утраившихся ответственности за содеянное известных американцев (Хэнкока, Франклина, Аламса), сведений о поражениях, панике и никчемности бунтовщиков во главе с Вашингтоном /65/, приводились и дополнительные данные об их непомерном тщеславии, преступной жажде власти и корысти. Согласно поступавшим из Англии вестям, растиражированным российскими изданиями: «Американцы начали заводить у себя Дворянство. И есть ли можно верить слуху, то Филадельфийский Конгресс дал Генералу [Вашингтону] Дворянское достоинство, и сделал его Йоркским и Албанским Герцогом, и Бароном Острова Статена. Достоинство Барона у Агличан особливо уважается, и значит начальство над Земскими Чинами» /66/.

По канонам психологической войны, в которую оказывались втянуты и российские газеты и журналы, эти сведения

самым серьезным образом подрывали веру в возможные революционные перемены в Северной Америке. И действительно, о какой победе могла идти речь, если «американцы терпят великую нужду в платье, и от того у многих часто бывает кровавый понос и другие скорби, кои служить мешают». И подобного рода сообщения компрометировали не только американских патриотов, но и легковых европейских читателей и издателей, посмеявших бы усомниться в законности и разумности политики короля и парламента Великобритании. Преступность планов смутьянов и бунтовщиков в колониях становилась как бы самоочевидной. А в подтверждение тезиса выстраивалась информация о массовом дезертирстве, сдаче в плен и переходе на сторону милостивых британцев целых полков из состава армии Вашингтона, заговорах против трусливых руководителей американцев и отказе населения городов и провинций от поддержки политики Континентального конгресса /67/. В то время как «Генерал Васгингтон, оставив американский лагерь (т. е. фактически бросив армию. - *Авт.*), отправился в Конгресс для советования о средствах спасения Селений (колоний. - *Авт.*)», многие из тех колонистов, кто «прежде утверждал, что... воюют единственно защищая свою вольность», устранившись провозглашения независимости США, переходили на «сторону Правительства». А содержащиеся «в разных известиях из Америки... прежалостные описания наглостей, от коих почти все терпевают совершенное разорение; ибо Американская чернь, называя себя защитниками пользы отечества, все грабит и расхищает...» да так, что «теперь многие Знатныя Фамилия пришли от того в крайний упадок» должны окончательно, казалось бы, отворотить от поддержки или сочувствия к американским патриотам даже самых стойких их сторонников из числа российских читателей /68/.

Часть материалов из российских газет перепечатывали и другие издания. Популярностью пользовались сообщения или слухи, подтверждавшие отрицательное мнение об американцах и их руководителях и, соответственно, принижавшие их шансы

в противостоянии с Великобританией. Выходившие в Санкт-Петербурге и в Москве газеты и журналы, конечно, имели и свое лицо: наблюдались некоторые отличия в источниках и отборе информации, ее подаче и трактовке, размещении и оформлении материалов в номерах изданий. Но при освещении «американской темы» указанные различия выявлялись постепенно, в соответствии с поворотами и превратностями войны, которая шла в Новом и Старом Свете. Считается, что «Санкт-петербургские ведомости» «перепечатывали большинство сообщений из Америки, из английских газет и занимали проанглийскую позицию, присущую определенным правительственным кругам в Петербурге». «Московские ведомости» отличала несколько большая объективность, разнообразие источников и материалов о событиях в Северной Америке. Эти особенности проявлялись при редактировании московской газеты Н. И. Новиковым (в 1779 - 1783 гг.), они нарастали по ходу войны и по мере того, как изменялась ситуация в зонах военных действий и множились успехи США и союзных им французов, испанцев и голландцев. Но вывод этот будет применим не ко всем выпускам того периода, и при Н. И. Новикове часть материалов публиковалась скорее в антиамериканском ключе. В столь же сложных условиях зависимости от политического момента и цензуры «американская тема» разрабатывалась не только в газетах, но и в петербургских журналах 70 - 80-ых гг. XVIII века/69/.

В подтверждение тезиса достаточно взять номера «Московских ведомостей» за зиму-весну 1781 г. и прочитать в них такого рода информацию. С одной стороны, о благородстве генерала Вашингтона, не пожелавшего мстить семье проклятого патриотами изменника Б. Арнольда и отпустившего его жену с детьми «на волю», предоставив ей «итти... к мужу своему, или в Филадельфию к сродственникам своим, после чего она избрала последнее». С другой стороны следовали неоднократные сообщения о «возмущении большей и наилучшей части Американской армии под командою генерала Васгингтона», о тяжелойшем положении американских военных, дезертировавших и

бунтовавших из-за задержек жалования, поставок продовольствия и других необходимых товаров. Газета, очевидно, стремилась удовлетворить и запросы читателей, которые хотели получить о лидерах американцев информацию в больших объемах, чем скудные газетные сообщения. В этой связи один из ее мартовских выпусков поместил роспись командного состава Континентальной армии: генералитета и «штаб-офицеров» с указанием «прежнего их состояния». Список начинался с «Генерал-аншефа» (главнокомандующего). «Васингтон, - сообщала газета, - был прежде Капитаном при Виргинской милиции с 1756 до 1762 года; после того он был уже Майором» /70/. Таким образом, составители информации игнорировали и социальное положение богатого виргинского плантатора и его продвижение в колониальный период по служебной лестнице до звания полковника ополчения. Выделяли в американской армии только двух бывших кадровых военных - англичан: им давали положительные характеристики. Остальным, что называется, доставалось «на орехи». Генерал-майоры и бригадные генералы в США были из матросов, портных, трактирщиков, пастухов, кузнецов, плотников, трактирной и прочей обслуги. Даже переметнувшийся к англичанам и «пригретый» ими Арнольд не удостоился доброго слова, а, согласно списку, он «прежде имел пропитание от лошадиного торга». Завершали перечень адъютанты при Вашингтоне - позументщик, стряпчий, купец. Финансы, обустройство и снабжение войск и вовсе оказалось в руках неудачников и аферистов. Один из них был трижды обанкротившимся купцом, а другой «также проторговавшийся купец и сидел несколько времени в тюрьме за то, что он в неправде присягнул и пр.» /71/. Генерала Вашингтона окружала весьма «теплая» компания простолюдинов (в глазах благородных господ - отребья) и банкротов и лжесвидетелей, что впрочем, как-то объясняло и постоянные спекуляции, растраты и воровство поставщиков и интендантов в армии США. И об этом родимом пятне Америки - бесконечных спекуляциях и жульничестве к 1781 г. неоднократно писали сам Дж. Вашингтон и американские и

европейские газеты /72/.

Представленную в «Московских ведомостях» информацию о Дж. Вашингтоне вряд ли можно считать по отношению к нему благожелательной или нейтральной. Она появилась в 1781 г., - можно сказать, в разгар редакторской деятельности Н. И. Новикова (1779 - 1783 гг.), которого советские исследователи дружно признают самым передовым и свободолюбивым из российских издателей той поры. Получается, что созданная в советской историографии схема не безупречна, и у «светилы» журналистики были свои изъяны. Впрочем, перемены в освещении американской тематики все же наступали: информация множилась и ее тональность менялась и в московской газете, и в прибавлениях к ней. Последние Н. И. Новиков издавал в 1783 - 1784 гг. Эти материалы об Америке и событиях в ней также достаточно полно охарактеризованы рядом исследователей /73/. Выделим те публикации, которые давали дополнительные и разнообразные сведения о родной колонии - штате Дж. Вашингтона - Виргинии, тем самым лучше готовили российского читателя к «встрече» с героем революционной войны. Читатель мог узнать о том, что Виргиния - самая крупная, населенная, развитая и богатая среди бывших британских владений на юге США. Фактически Виргинию можно было сопоставить с небольшим или средним государством, либо крупной провинцией в Европе. Следовательно, виргинец Вашингтон представлял значительные силы, за ним стояла и объединенная мощь уже независимых американских штатов, и к концу войны американцев поддерживала Франция, Испания и Голландия /74/. А поскольку «объявление независимости объединенных Северо-Американских областей» по мысли одного из современников тех событий принадлежало «к самоважнейшим приключениям нашего века, такого века, который в Истории будущих времен без сомнения будет блистательнее века Александра, или Августа...» /75/, то известный и влиятельный американский руководитель Дж. Вашингтон представлял интерес не только для праздного читателя, но также и для тех кругов в России, которые направляли ее

политику, влияли на торгово-экономическое развитие и связи. Отрывочные или только анекдотические сообщения в 1780-ые гг. оказывались уже явно недостаточными и неуместными.

Парижский мирный договор 1783 г. вел на международной арене к признанию де-факто и де-юре созданного бунтовщиками государства. Американская республика продолжала вхождение в мировое сообщество, на фоне монархических режимов она не была еще достаточно легитимной и уважаемой, хотя продвижение в указанном направлении и предпринималось. Многие здесь зависели от устойчивости новой страны, ее мощи и экономических успехов, разумной политики и авторитета ее руководителей /76/. Для европейцев в те годы самыми известными из американцев были долго живший в Старом Свете ученый - просветитель и искусный дипломат Б. Франклин и генерал Дж. Вашингтон, с именем которого связывали военные победы над Великобританией. Оба американца уже признавались значимыми фигурами в истории XVIII столетия, и о реальных достоинствах каждого из них читатель желал знать скорее и полнее.

Московская газета под редакцией Н. И. Новикова, весной 1781 г. публиковавшая еще нелюбимую информацию о Дж. Вашингтоне и его окружении, после поражения британской армии при Йорктауне и ее капитуляции 19 ноября 1781 г. перед американскими и французскими войсками, выступила уже с весьма положительными и все более подробными материалами о военном лидере молодой республики. Исследователи отслежили это значительное «полевение» (или демократизацию) второй российской газеты, и нет необходимости излагать их выводы /77/. Все же можно обратить внимание на радикальное изменение тона появившихся в 1783 - 1784 гг. публикаций, их информационную насыщенность и ценность для российского читателя. В сентябре 1783 г. «Московские ведомости» предложили развернутую характеристику роли Дж. Вашингтона, обеспечившего успешное завершение тяжелой войны за независимость и вхождение США в среду суверенных государств. По оценкам

газеты Вашингтон не стал одним из тех руководителей, «которые не питают в себе того же духа вольности», что и восставший народ, а используют ситуацию, чтобы пробраться к власти и переменить «только цепи, ни мало не облегчающие его (народа. - *Авт.*) неволю». Наоборот, в Америке «народ и его предводители» были «ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями». В результате, «целая нация» составила «одну глыбу» и она «своею тяжестью и величиною» смела все препоны на пути к победе. Единство народа и вождей, которое личным примером демонстрировал Вашингтон, во многом оказалось решающим «для воследовавшей в Америке перемены» /78/.

Опубликование в сентябрьском номере «Московских ведомостей» за 1783 г. «примечания» о Дж. Вашингтоне стало наиболее значимой на то время попыткой дать характеристику герою Войны за независимость США. Но только газетные сообщения по своему формату и стилю, вероятно, уже не удовлетворяли читательскую аудиторию. И вскоре в России появилась гораздо более подробная работа о Дж. Вашингтоне, которая была помещена в двух номерах «Прибавления к «Московским ведомостям»» за 1784 год /79/. То была достаточно емкая историко-биографическая статья журнального формата, которая получила название: «Краткое описание жизни и характера Генерала Васгингтона». В ней отслеживалась родословная героя, его юношеские годы и молодость (воспитание, обучение, начало самостоятельной жизни и работа в Виргинии землемером), затем военная карьера, походы и подвиги в период «Французской и индейской войны», а равно и поведение 23-летнего «маиора» колониальной милиции при обороне крепости «Нужды» (форт «Несессити») с объяснением обстоятельств этого поражения. В статье указывалось на военные операции Вашингтона в долине реки Огайо в 1753 - 1754 гг. как на действия, способствовавшие началу общеевропейской «Семилетней войны». Обрисовывалась также и роль «полковника Васгингтона» в 1755 г. при «несчастном» генерале Браддоке. Последний своим «презритель-

ным» упрямством и «великим пренебрежением» опыта колониальных офицеров довел до гибели вверенную ему экспедицию, а «провинциальные войска и храбрый их предводитель» (т. е. виргинцы и Вашингтон) в тяжелой ситуации действовали «с великою решимостью и твердостью, прикрывая беспорядочное отступление» англичан. В таких же восторженных тонах было описано и временное завершение «предводителем Виргинского войска» карьеры на военном поприще, его женитьба и общественная деятельность на благо Виргинии. Отмечалось и богатство «Генерала Васгингтона», его обширные земельные владения и ежегодные доходы /80/.

Очевидно, впервые на родном для него языке российский читатель знакомился со столь подробными и разноплановыми сведениями о герое Америки. Это повествование было продолжено и в отношении действий Дж. Вашингтона в период вызревания восстания американских колоний, а затем и во время войны за их независимость. Указывалось, что «по всеобщему желанию народа, избран он был одним из четырех депутатов на первом Генеральном конгрессе» (Континентальный конгресс 1774 г.). «С немалым неудовольствием вступил он» в общественно-политическую борьбу и, утверждал анонимный автор статьи, «я чистосердечно верю», что только «бескорыстнейшая» любовь к отечеству и могла «побудить его (Вашингтона. - *Авт.*) к оставлению домашних приятностей...и того великого удовольствия, кое находил он в сельской жизни и выправлении своего поместья». В любом случае, Вашингтон, оставив поместье и ежегодный доход «не менее 4000 фунтов стерлингов», откликнулся «когда все жители земли обратились» к нему и «он единогласно призван был к защищению своего отечества» /81/.

В статье далее говорилось и о военных свершениях генерала, его бескорыстном служении Америке, почтении и «знаках любви», которые за свое рвение получал он от благодарных соотечественников. Согласно публикации, Вашингтон был «способнее всех предводительствовать Американским войском» и даже «злейшие его неприятели» вряд ли в состоянии оспаривать

то, «что натура даровала ему чрезвычайные воинские способности». Из «толпы» людей он создал войско и, невзирая на трудности и лишения, одержал победы над крупной армией во главе с «самолучшими Европейскими Офицерами». А посему, полагал автор статьи, «свет должен почтить Генерала Васгингтона одним из величайших полководцев нынешняго века, и его имя потребует почтения от самых позднейших потомков» /82/.

Статья создавала облик «Отца страны» - Вашингтона: рисовала его благородную внешность, отмечала ум, характер, отношение к религии, семейные качества и общественное поведение. Все описанное выглядело как эталон. «Одним словом, все друзья и знакомцы его (Вашингтона. - *Авт.*)» признавали, что «никакой человек не показал еще в особе своей совершеннейшего соединения философских добродетелей с дарованиями Генерала». Таланты политика и государственного деятеля специально не перечислялись, но финальные аккорды публикации - фактического гимна во славу Вашингтона - подразумевали такие и говорили сами за себя. Ибо «американцы весьма бы неблагодарны были к Высочайшему Владыке судеб человеческих, естлибы не возсылали Ему непрестанной благодарности за то, что Он в такой опасности даровал им такого согражданина». И, указывалось в статье: «Почти все нации имели своих патриотических освободителей. Израильтяне имели Моисея, Рим имел Камилла, Греция имела Леонида, Швеция Густава, Англия Гамда, Руссея и Сиднея. Однако сие славные герои не ровняются Васгингтону; он основал республику, которая вероятно будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом» /83/.

Рассматриваемую публикацию можно считать рубежной в отечественной литературе. Она как бы открывала российскую «Вашингтониану», предвосхищала многие ее черты. В статье были проработаны или обозначены те направления, по которым и в XIX в. и позднее историки и биографы великого американца писали свои сочинения. Статья охватывала широкий спектр событий и по меркам той эпохи претендовала на научный подход,

соединяя в себе общеисторические сведения и факты из биографии Дж. Вашингтона. Большинство фактов излагалось достаточно точно, но работу характеризовал публицистический настрой. По тону повествования, интерпретации и объему материалов она отличалась от большинства газетных сообщений и заметок. Отход от указания на неудачи, ошибки, сомнительные решения и действия американских патриотов и их руководителей был более чем разительным; проявился крен в сторону безмерного восхваления и героизации Вашингтона и его деяний, совершенных до 1783 г. Таким образом, отдавалось должное не только бесстрашию, решительности, радикализму и прогрессивным началам, которые в той или иной мере воплощал «Отец-основатель» США, но открывался простор и для апологетической трактовки и восприятия событий и персоналий в американской истории.

Статья о Дж. Вашингтоне, да и ряд других материалов, представленных в изданиях Н. И. Новикова за те годы, по своему характеру и общественной направленности отличались от большинства опубликованных к тому времени сообщений по американской тематике. Этот феномен вызвал дискуссию в отношении возможных авторов или автора такой позитивной публикации. Часть советских историков предполагала, что их потенциальный автор был достаточно осведомлен о жизни в Америке, о ходе освободительной войны, а возможно, участвовал в ней. Иными словами, он посещал Новый Свет или даже подолгу жил там и не исключено, что был знаком с отдельными руководителями американцев. Среди российских путешественников нашлась и фигура, которая отвечала хотя бы части критериев. Ф. В. Каржавину - вольнодумцу, переводчику и литератору не чужды были авантюрные настроения и торговые интересы (об этом свидетельствовал его дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 гг.). Тем более, что «русский гость» Америки в составленной в 1788 г. автобиографии указал на то, что в 1779 г. на пути из Бостона в Филадельфию он шел «и сквозь Вашингтонову армию» /84/. Поэтому прямо или с ого-

ворками и возражениями его записали в американские корреспонденты Н. И. Новикова. Каржавина называли и автором тех или иных произведений. Дискуссия эта затянулась на годы, ее участники выдвигали свои гипотезы и резоны /85/. Критику подобных «фантазий» высказал и Н. Н. Болховитинов. В одной из статей он резко сократил перечень приписываемых Каржавину «геройских» подвигов, а также обратил внимание на возможные европейские источники, послужившие основой для появившегося в 1784 г. биографического очерка о Дж. Вашингтоне /86/.

Публикация такого рода обновленных материалов не была явлением случайным, эпизодическим. В сознании части россиян уже вызревали нравственно-идейные перемены. Этим переменам способствовала поступавшая с Запада позитивная информация о США (материалы газет и журналов, работы популярных авторов) и издательская и пропагандистская деятельность передовых людей России: Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Ф. В. Каржавина и особенно А. Н. Радищева /87/. О просветительской деятельности последнего написана обширная литература и авторы этих книг и статей во многом сходятся в оценке влияния Радищева на современников, в оценке его вклада в осмысление идеалов и опыта американской революции /88/. А. Н. Радищеву принадлежит и «самый проникновенный» отклик на нее. В оде «Вольность», созданной, вероятно, вскоре по завершению Войны за независимость США, поэт выразил «свое восхищение» примером американских патриотов, сбросивших «гнет» британцев и отстоявших и утвердивших свою «вольность» /89/. Отдельные строки автор посвятил американской армии и ее командующему. Вступив на путь героизации образа Дж. Вашингтона, А. Н. Радищев окружил его ореолом защитника свободы и республики и провозгласил:

«О воин непоколебимый мой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь - свобода, Вашингтон» /90/.

Как видим, время создания оды «Вольность» А. Н. Радищева и появление материалов о Дж. Вашингтоне в газете А. Н. Новикова «Московские ведомости» (1783 г.) и «Прибавлений» к ней (1784 г.) практически совпадает. Эти общественно-литературные явления весьма значимы. Намечались перемены и в отношении официальных кругов России к американской республике и ее руководителям. Перемены были ускорены событиями мировой истории: с конца 1780-х гг. США вступили в полосу относительной стабильности, укрепления государства, роста населения, экономики, торговли и мореплавания. И на фоне разраставшейся революции во Франции, американский эксперимент уже не казался столь радикальным и отталкивающим. Если Екатерина II в 1782 г. еще отказывалась принять в подарок портрет Вашингтона и строго выговаривала российским дипломатам за их контакты с американцами, то через несколько лет императрица была готова через маркиза Лафайета вести переписку на научные темы с Б. Франклином и Дж. Вашингтоном. Уже в 1787 г. за здоровье Франклина и Вашингтона поднимали тост на банкете у губернатора в далеком Барнауле /91/.

Великий американец и сам все чаще напоминал о себе. В 1794 г. президент США рассматривал кандидатуру на должность американского консула в Санкт-Петербурге. В середине 1790-х гг. с Вашингтоном, вероятно, могли встречаться и ходившие в походы к берегам Северной Америки молодые российские мореплаватели: И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский. Последний оставил запись о такой встрече с президентом (американские источники этот факт не подтверждают). Но, в любом случае, моряки возвращались на родину с восторженными отзывами об Америке и ее руководителе. В российские порты все чаще заходили и торговые суда из Соединенных Штатов и на их бортах красовались имена Дж. Вашингтона, Дж. Адамса и других известных американцев /92/. Даже на Тихом океане в устье далекой реки Колумбия российский перво-проходец-«байдарочник» Швецов летом 1807 г. встретил американских солдат, которые раздавали «медали с изображением Джорджа Вашинг-

тона». А первые тома биографической работы Дж. Маршалла о герое Войны за независимость - «Отце страны» Вашингтоне стали ценным подарком, который по дипломатическим каналам очередной президент США Т. Джефферсон в 1806 г. направил императору России Александру I, проявлявшему значительный интерес к американской конституции и федерализму /93/.

В последнее десятилетие уходящего XVIII и в начале XIX столетия имя Дж. Вашингтона уже прочно вошло в сознание россиян. Газеты, журналы, книги несли не только информацию, но и первые характеристики его личности, конкретных решений, либо жизни и деяний в целом. Критические оценки, доминировавшие в первые годы вооруженной борьбы за независимость США, полностью не исчезли, но негативные нотки звучали все реже и слабее. Тогда множилась литература, которая по меркам XVIII в. могла претендовать на «гриф» научных или справочных и учебных изданий. И к разряду таковых относились работы зарубежных авторов, издаваемые в переводах. Эти книги насыщали российское общество востребованной информацией о разных сторонах жизни в Америке, они же служили и своего рода фундаментом или образцом для профессионально растущих российских сочинителей. В свете научных достижений XXI в. такие зарубежные и российские издания привлекают внимание не всех историков. Но порой известные современникам Дж. Вашингтона факты, детали, их догадки и предположения весьма ценны и полезны. Для примера можно назвать изданную в переводе с немецкого книгу Ф. В. Таубе, характеризовавшую торгово-экономическое развитие Англии и колоний и причины англо-американской войны /94/, и емкое сочинение по английской истории Г. Купера. В последней работе описаны этапы освободительного движения американских патриотов после 1763 г., события военной поры и участие в них Дж. Вашингтона /95/.

Автор этой книги - англичанин, представитель державы, проигравшей войну против американцев. Если считать Купера и автором (?) приложения об Америке, то следует под черкнуть,

что он писал о военном руководителе противника только в уважительных тонах. Каждое решение и действие американского генерала автор представил как безупречное и единственно верное с того момента, когда «конгресс препоручил главное начальство всеми американскими силами Георгу Вашингтону, весьма богатому виргинскому дворянину, одаренному великими способностями к воинским делам, который во время последней войны, начальствуя над отрядами составленными из жителей тех областей приобрел великое искусство в повелительстве». Этот полководец - богатый «дворянин» не только победил королевские войска (скажем, у Бостона), но и продемонстрировал «великое свое искусство», спасая разбитые и отступавшие американские части в Нью-Йорке. Автор здесь не указал, что обороной этого региона все время руководил тот же Вашингтон, а, следовательно, он выступал не только спасителем, но и виновником неудачи /96/.

В книге приведены описания последующих победных для Дж. Вашингтона боевых операций, о поражениях американцев сказано скупно и вскользь. Даже эпизод с военным судом над британским майором Андрэ, который обычно трактовали в укор жестокосердным американцам, был представлен к выгоде генерала /97/. Говорилось и о том, что экспедиционный корпус французских войск в Америке под командованием Рошамбо должен был «действовать под повелительством генерала Вашингтона, и пребывать с Американцами в братском согласии». Главнокомандующему армией США передавались и основные лавры победы под Йорктауном - «пленение» (после Саратоги в 1777 г.) уже второй королевской армии вело к фактическому окончанию войны за Америку, которая для Великобритании завершилась потерей «наилучших...селений», гибелью нескольких тысяч военнослужащих и затратами «около 150 миллионов фунтов стерлингов» /98/.

Книга Купера закрепляла сугубо положительный образ Дж. Вашингтона в сознании жителей России. Она и другие подобные работы, не в меньшей мере, чем усилия российских

кам общественного мнения в отношении к растущей североамериканской республике. Можно обратить внимание и на то, что переводчик изданной в 1790 г. книги Купера отошел от устоявшегося на немецкий лад написания фамилии Дж. Вашингтона (как «Васгингтон») и впервые в печатном варианте привел эту фамилию в современном ее написании на русском языке. В этой же книге встречается и два вида написания национальной принадлежности противников Вашингтона - характерное для XVIII в. «агличане» и современное - «англичане» /99/. Поэтому стоит указать на то, что в советской историографии нет единого мнения о том, когда же издатели в России начали переходить на ныне привычное написание фамилии «Отца-основателя» США. В изданной в 1981 г. монографии А. Н. Николукин утверждал: «фамилию Вашингтон вплоть до конца XVIII в. писали «Васгингтон»...современное написание появилось в журнале Карамзина «Вестник Европы» в 1802 г. /100/. А историк Н. Н. Болховитинов в 1966 и 1991 гг. в двух монографиях цитировал стихотворное произведение «К текущему столетию» из «Московского журнала» за 1791 г., в котором фамилии Франклина и Вашингтона написаны на современный лад /101/. Из собранных специалистами материалов очевидно то, что в последнее десятилетие XVIII - в начале XIX в. переводчики, сочинители и издатели в России переходили к современному написанию фамилий великих американцев, а публицистика, литературные сочинения и переводные работы тех лет в большинстве случаев способствовали «героизации» истории США.

В подтверждение тезиса можно обратиться к творчеству весьма плодовитого литератора и переводчика Ф.В. Каржавина. Его имя уже упоминалось в связи с неподтвержденным авторством опубликованного в 1784 г. в «Прибавлениях к «Московским ведомостям»» развернутого очерка о Дж. Вашингтоне. Но Каржавин в других работах также знакомил российского читателя с именитыми американцами - Б. Франклином и Дж. Вашингтоном. Последний упоминался в переведенной с французского и изданной Каржавиным в 1791 г. работе, причем

написание фамилии Вашингтона отличалось от ставшего привычным немецкого варианта («Васгингтон») и более приближалось к английскому ее произношению - «Уашиггтон» /102/. В этой работе переводчик не стал сообщать каких либо сведений о герое Войны за независимость и первом президенте США. Таких разъяснений, очевидно, уже не требовалось, ибо имя американца уже 15 лет было на слуху благодаря усилиям российской периодики.

К концу XVIII - началу XIX в. в России появились новые периодические издания, которые также поднимали тему Вашингтона. «Московский журнал» в 1791 г. опубликовал поэтическое произведение под заглавием «К текущему столетию». Автор поэмы Н. М. Карамзин восторженно объявлял свое время веком «чудесностей, ума, изобретений» и «лучезарной славы». В эту эпоху, считал литератор, «исправились испорченные нравы... открылся путь свободный в храм Наук», и родились «Вольтер, Франклин и Кук, румянцовы и Вашингтоны... и естества познались законы...». Таким образом, с момента публикации в «Московских ведомостях» в 1781 г. списка командного состава американской армии, где «капитан» Вашингтон оказался в «теплой» компании трактирной прислуги, черни, сидевших по тюрьмам мошенников и банкротов, имидж американца изменился «сказочно». Он оказался достойным упоминания в связке из великих ученых, путешественников и прославивших Россию полководцев, да и не только современников, но также легендарных «Икаров», которые со слов Карамзина, «полет свой к небу направляют, в воздушных странствуют мирах, и на земле опять... себя являют» /103/.

Не менее показателен и очерк «Васгингтон», с подзаголовком «с французского», появившийся в ежемесячном издании на 1796 г. «Муза». Неизвестный автор этого очерка разбирал военные дарования и качества Вашингтона-полковника. Собственно говоря, большинство европейцев не имели контактов с военным лидером и тогда еще президентом США и могли бы с трудом рассматривать эту тему. Только подчиненные генерала,

а затем и президента, которые под его командой воевали и находились под его управлением, либо немногие доверенные лица, которым герой Америки без утайки излагал свои мысли, знали, что он склонен к жестким, авторитарным методам руководства. Следование долгу и неукоснительное исполнение обязанностей; дисциплина «начиная с самого себя»; дисциплина «невзирая на лица, заслуги и звания...»; дисциплина, подразумевающая неотвратимость наказания и справедливость награды и т. д. - вот был основной принцип военачальника и президента Вашингтона. Однако, пустившийся в «плавание» автор или переводчик очерка «изобрел» свою «науку побеждать» по Вашингтону. Отдельные ее положения в чем-то перекликались или напоминали установки передовых военных деятелей России и, скорее, имитировали «отеческое» (скажем, А. В. Суворова) отношение к подчиненным офицерам и солдатам. В век муштры такое напоминание о «человеколюбии» было весьма важным, а приведенный перечень военных и человеческих талантов и качеств, прививаемый российскому читателю в военной форме, позволял «соделаться» и ему «великим полководцем», и уподобиться «безсмертному ВАСГИНГТОНУ (заглавные буквы в статье.- Авт.)» /104/.

В XVIII в. появились и сочинения собственно и российских авторов, в которых излагались сведения по истории и географии, описывались природные условия, население, общественное и административное устройство колоний-штатов, вошедших в состав американской республики. Первой такой отмеченной специалистами работой /105/ стала изданная в Санкт-Петербурге в 1783 г. книга литератора и переводчика Д. М. Ладыгина (Лодыгина) «Известие в Америке о селениях аглицких...». В предисловии к книге автор пояснил необходимость подготовки ее потребностью разобраться в накопившемся за время войны материале и предоставить читателю «для справок» компактные и достоверные сведения о Северной Америке. Первая из глав отслеживала историю ее заселения, расширения на континенте владений Великобритании. А во второй главе по

регионоведческому принципу помещались сведения о колониях-штатах, вошедших в состав США. Хотя автор не называл имен Вашингтона и Франклина, в работе рассказывалось о Виргинии и Пенсильвании - штатах, с которыми эти известные американцы были связаны. Книга оказалась адресной, она призывала российское купечество обратить внимание на новый рынок, на торговлю с американцами. Публикация работы члена Коммерц-коллегии Ладыгина /106/ по времени совпала с выходом в свет в 1783 г. перевода уже рассмотренной книги Ф. В. Таубе о развитии «Аглинской» торговли, мануфактур, селений и мореплавания, и это дополнительно подтверждало мотивы и необходимость появления самостоятельного труда российского сочинителя.

К концу XVIII в. в России росла потребность в обзорах по географии, по экономике и народонаселению Америки, в добротной литературе историко-страноведческого профиля, которая могла бы служить и для образовательных целей. И подобные издания появлялись разные по объему и качеству /107/. А наиболее удачным и значимым стал труд И. Ф. Яковкина, который вышел в свет в 1787 г. /108/ и затем его охотно переиздавали. Российские историки первой половины XIX в. не сумели превзойти достижения этого автора. Особенности его сочинения как первого систематизированного и весьма профессионального изложения хода Войны за независимость в российской историографии уже подробно охарактеризованы в статье Ю. А. Михайлова /109/. Но емкую характеристику советского историка можно и пополнить рядом положений.

Так, в сочинении И. Ф. Яковкина американская тематика не только рассмотрена в отдельной главе части III («Глава Седьмая на десять. Соединенные Штаты»), но автор касается ее и в части II, в главах, посвященных истории и политике Великобритании и Франции (Гл. IV, VII). Эти две главы раскрывают ход соперничества европейцев за колонии в Новом Свете /110/. А в главе о «Союзных Штатах» (вероятно, Яковкин одним из первых в России использовал термин «Штаты», до этого чаще

оперировали терминами «селения», «области» или «провинции») подробно отслежено нарастание по завершению «Семи-летней войны» противостояния американцев колониальной политике «Аглинского правительства». Далее сообщалось о Конгрессе в Филадельфии, набравшем войска и поручившем «над ними начальство Генералу Вашингтону (современное написание фамилии! - *Авт.*), после бывшему Президенту Конгресса». Автор характеризовал основные сражения и этапы войны с 55-тысячной британской армией, объявление колоний «вольной республикой». А победа над «Генералом Корнвалисом», который «на виргинском берегу окружен был Вашингтоном и, лишившись всякой надежды к получению помощи, принужден был при всей отличной своей храбрости отдаться военнопленным», Яковкин приписывал полностью американскому главнокомандующему /111/.

К такому решению И. Ф. Яковкин мог подойти и под влиянием зарубежной или переводной литературы (например, книги Купера). Российский автор отмечал разрушительные последствия войны, обескровившей экономику и финансы Америки, но, как сообщалось в книге, «с того времени до ныне союзные Штаты» не ввязывались в крупные войны, и «стараяются со всеми державами жить мирно, и как торговлею, так и трудолюбием довольно уже поправили свое состояние». А «в последствии времени приняты в Союз еще области Кентукки, Фермонт и Тенессе (Вермонт и Тенесси. - *Авт.*), так что ныне Союзные Штаты состоят из 16 областей» /112/. Следовательно, И. Ф. Яковкин довел свое повествование до 1796 г., то есть до конца второго президентства Дж. Вашингтона. Сам лидер американцев в должности президента не упомянут, но положительные результаты его правления автор в книге подвел.

Интерес к американской тематике в России не угасал и на фоне Великой французской революции. Хотя революционный террор и войны между Францией и европейскими странами отодвигали на второй план вести из-за океана. В сравнении с охваченной террором Францией, США выглядели как тихая

гавань, где волнения фермерских масс и резкие выступления политиков в рамках формировавшейся партийной системы казались почти безобидными. А сама молодая республика превращалась во вполне уважаемое учреждение во главе с достойными лидерами. Правда, не все современники оставили критический тон по отношению к заокеанской республике в оценке тех или иных сторон жизни молодого общества и при описании свершений выдающихся американцев, включая Дж. Вашингтона.

Пример предоставил издаваемый Н. М. Карамзиным журнал «Вестник Европы». В декабре 1802 г. в статье «Общества в Америке» появились замечания в адрес «Филадельфии, где богачи живут только для себя, в скучном единообразии - едят и пьют». Эти замечания распространялись и на расположенную в этом городе бывшую резиденцию президента США и ее хозяина. Подобное описание вполне можно было бы вложить в уста антифедералистов и последующих оппонентов и критиков Дж. Вашингтона, которые не переводились в начале его карьеры на посту главы государства и резко умножились к концу его 8-летнего президентства. Итак, российский обыватель мог со смешанными чувствами узнать, что: «Дом президента Вашингтона (в Филадельфии. - *Авт.*) считался первым; однако, наблюдая во всем строгую благопристойность, он (Вашингтон. - *Авт.*) не умел приятным образом занимать людей, был сух, холоден и походил своею внешностью на какого-нибудь Азиатского Царя». Далее шло описание скучных президентских приемов: «всякой, приходя к нему, молчал и дожидаясь, чтобы Вашингтон начал сам говорить. В день аудиенции он ни о чем более не рассуждал, как о погоде. Самые друзья шутили над тем, и, собираясь идти к нему, обыкновенно повторяли: «теперь узнаем все перемены барометра!»». Конечно, эта информация, скорее, напоминала сплетни, но в свете гротескного описания президентских раутов, восторженное замечание простого российского лейтенанта (Ю. Ф. Лисянского) о теплой, если не горячей встрече с президентом США, выглядит уже не

столь вероятным. Автор статьи об Америке, правда завершал ее на мажорных нотах сообщением об обычном жилище Вашингтона на берегу реки Потомак (поместье Маунт-Вернон) и уверением в том, что описанный ранее недостаток «без сомнения не уменьшает достоинства великого человека, который, не умея говорить, умел действовать» /113/. Однако, осадок по прочтению небольшой статьи у множившихся читателей Вашингтона, вероятно, оставался.

Установление консульских и дипломатических отношений между Российской империей и США способствовало развитию научных, культурных, политических контактов. Торговцы, дипломаты, путешественники все чаще посещали пределы двух стран, они познавали жизнь зарубежья и несли частицы своей культуры и миропонимания. Интерес «гостей» вызывали и выдающиеся американцы и россияне, основатели и руководители государств. Путешествовавшие по Соединенным Штатам наблюдатели отмечали растущий культ Вашингтона в обществе, обилие его портретов в домах и стремление американцев умножить их число, а также возвести «великолепнейший» монумент «в память генералу Вашингтону...» ко дню рождения «сего знаменитого героя». Отсюда вполне объяснимым выглядело и сравнение «национального героя Америки Вашингтона с Петром», осуществленное в 1812 г. в одном из произведений российским дипломатом А. Г. Евстафьевым. Сравнение Петра I (Великого) с Колумбом и «великим» Вашингтоном стало одним из многих актов, которые также вели к утверждению в сознании россиян значимости «Отца-основателя» американской республики /114/.

Еще один российский дипломат, путешественник и литератор П. П. Свиньин (Свинин) описывал жизнь Северной Америки в дневниках, письмах и очерках, которые в разные годы публиковались в российской печати /115/. В 1814 г. в журнале «Сын отечества» появился его «Взгляд на республику Соединенных Американских областей» и в конце года работа была выпущена отдельным изданием с того же набора, но с

отдельной пагинацией /116/. Дополненные автором и снабженные иллюстрациями эти материалы в 1815 и 1818 гг. вышли двумя изданиями под названием «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» /117/. Академик Н. Н. Болховитинов назвал эту публикацию «первой оригинальной книгой о Соединенных Штатах», примечательной во многих отношениях, но не посчитал ее «настоящим историческим исследованием» /118/.

И все же стоит обратить внимание на стремление российских сочинителей полнее освещать текущие общественно-политические события и факты из истории заокеанской республики. П. П. Свиньин так обрисовал рождение американского государства и роль в этом Дж. Вашингтона: «В 1776 году 4 июля, - говорилось в книге, - колонии объявили себя вольными и независимыми. С сей минуты они начали действовать уже как независимая держава... и поклялись жертвовать жизнью и имуществом для поддержания своих прав». Далее российский автор продолжал свою мысль: «тогда показался на сцене Америки и обратился на себя глаза вселенной муж, преисполненный воинскими талантами и высокими добродетелями, бессмертный Вашингтон. Даровав после осмилетней войны соотечественникам своим мир и вольность, предписав им мудрые законы, коих взялся быть исполнителем. Напрасно, - указывал Свиньин, - после того благодарный, обожающий народ убеждал его (Вашингтона. - *Авт.*) принять бразды правления навсегда - Вашингтон не прельстился короною, и как древний Цинциннат, возвратился к полям своим» /119/.

Величие, мудрость и благородство Дж. Вашингтона, его многообразные таланты и достоинства, в российской литературе в первые десятилетия XIX в. были утверждены, пожалуй, окончательно. Можно было критиковать те или иные стороны жизни американцев, черты их национального характера, сомневаться в эффективности общественных или политических институтов, осуждать отношения властей и поселенцев к индейцам и к неграм-рабам, но «Отец» нации, основатель республики, защитник

прав и вольностей Америки Дж. Вашингтон в подавляющем большинстве случаев критике уже не подлежал. Более того, при характеристике, скажем, системы правления в США и ее важнейшего института - президентства, именно наличие мужей, «кои превыше похвал, и навсегда останутся в благодарной памяти Американцев» считалось «к счастию для Америки» чуть ли не главной гарантией ее успеха и безопасности. Само собою, что перечень особ, заслуживших «не только полную доверенность соотечественников своих, но и всеобщее уважение иностранных держав» открывал Вашингтон /120/.

Формирование такого отношения к Дж. Вашингтону, закрепление за ним особого статуса произошло еще при жизни поколения россиян - младших его современников. В какой-то мере этому способствовал и уход Вашингтона из жизни в декабре 1799 г. Волны откликов на это печальное событие прокатились по США и по странам Европы /121/. Российские авторы и издатели тоже не стояли в стороне и отзвуки этой траурно-величавой компании можно отследить и годы спустя. В частности, отличавшийся особым интересом к американской проблематике журнал «Дух журналов» /122/ поместил подробные хвалебные материалы в 1816г. и этот очерк назывался «Вашингтон» с пояснением: «перевод «с французского В. Ко-в. Тобольск» /123/.

По тону и подаче материала очерк напоминал речи, которые в изобилии произносили в память великого американца в США и в Европе в год его смерти и на последующих памятных мероприятиях. В стремлении объяснить читателю «преимущества великих характеров» автор очерка заявлял: «Бывают чрезвычайные люди, являющиеся по времени на театре мира с характером, всепокоряющего величия». А появляются они по воле Всевышнего, и «Высшая, неведомая Причина посылает их, когда наступает удобное время, для основания колыбели новых, или для обновления разрушающихся государств... десница провидения мгновенно исторгает их, и быстро влечет от препятствия к препятствию, от торжества к торжеству - на самый

верх могущества», к «лучезарной сфере славы». А для современников в этом видится «что-то древнее и священное». И именно такой характеристики, согласно тексту очерка, и был достоин «переворот в Америке... Вашингтон начал его с большим жаром, а кончил умеренностью. Он умел сохранить ее (умеренность. - Авт.) и после, в правлении - к великому благополучию страны сей...». Успех Вашингтона оправдывал «перед судом потомства сие чрезвычайное предприятие» /124/.

Дж. Вашингтон, обеспечив «совершенство и прочность революции» и утвердив независимость Америки, становился их символом. Дерзость Вашингтона разрушала старое и отжившее, его гений творил и озарял «славою народы», а «здравый ум» и мудрость утвердили безопасность и «прочность» американцев. Человеческая простота и воинская доблесть, готовность жертвовать собой ради «щастия» отечества, многие другие качества вели к тому, что «правление Вашингтона было твердо и человеколюбиво внутри, славно и благоразумно - извне». Автор уподоблял Вашингтона героям древнего Рима и описывал беспримерные деяния и подвиги, за которые «имя Вашингтона пребудет навсегда первым именем в Америке». А фактически автор очерка смело шел по пути обожествления, форменной канонизации Дж Вашингтона, становившегося с легкой руки и российских издателей и сочинителей не только спасителем и защитником американцев, но также и проявлением воли Небес, олицетворением могучего движения истории человечества /125/.

Как видим, за пять-шесть десятилетий в отображении российской печати, а следовательно, в восприятии и сознании читателей, Дж. Вашингтон претерпел серьезные превращения. О «маеоре» и затем полковнике виргинского ополчения в 1754 и 1755 гг. упоминали в основном в благожелательных тонах. Переменчивые военные события вели к тому, что о Вашингтоне быстро забыли, ибо исход «Семилетней войны» и судьбы Америки решали тогда люди иного ранга. С началом освободи-

тельной войны колоний против Великобритании о главнокомандующем войсками американских патриотов довольно долго умалчивали, но к концу 1776 г. «Генерал Васгингтон» получил «прописку» на страницах российских газет и журналов. Характер зарубежных источников, настроение правительственных кругов России, превратности вооруженной борьбы в Америке и другие факторы вели к тому, что враждебно-негативная информация о лидерах патриотов, порой слухи и сплетни преобладали почти до конца Войны за независимость США.

В первой половине 1780-ых гг. наметился поворот в освещении и оценке личности, деяний и исторической роли Дж. Вашингтона. К концу XVIII в. материалы становились все более насыщенными и разнообразными, менялся и их тон и критические высказывания встречались все реже. Перемены в освещении в России американских сюжетов диктовались как внешними процессами (положение в США и в европейских странах), так и изменениями в российском обществе, затрагивавшими и сановные круги, и передовых людей той эпохи. Процесс своеобразной литературной «реабилитации» Вашингтона был продолжен и в последующем, но с 1790-ых гг. он стал приобретать все более выраженный характер героизации американской истории, прославления генерала как защитника свободы и основателя молодой республики. Критические моменты слабели и в первые десятилетия XIX в. в разнообразной печатной продукции в России во многом уже утвердились апологетические оценки личности и свершений «Отца страны», а отдельные публикации отличало и стремление к непомерным восхвалениям (едва ли не к канонизации) Дж. Вашингтона. Такие перемены в восприятии истории США, в трактовке американской революции и республиканизма, опять-таки объяснялись воздействием ряда обстоятельств. И среди них немало важным была тяга к осмыслению американского опыта, которую демонстрировали как прогрессивные люди, начи-навшие осознавать необходимость перемен в самодержавной, крепостнической России, так и влиятельные круги, поддерживавшие

желание Александра I к сближению с Соединенными Штатами, и способствовавшие началу переписки между американским президентом Т. Джефферсоном и российским монархом.

В период с 1750-х гг. и по первые десятилетия XIX в. разработка американской проблематики стала одним из существенных направлений для выходящей в России печатной продукции. Интенсивность публикаций таких материалов менялась, их выход зависел от событий в Новом Свете и в Европе, от политической ситуации и действий цензуры внутри страны. В эти десятилетия стала формироваться и российская «Вашингтониана». На первом этапе в 1750 - 1760-ые гг. последовали сообщения в Санктпетербургской газете и эпизодические упоминания о виргинском полковнике в переведенной с немецкого языка книге. На втором этапе - во время Войны за независимость США и в последующие десятилетия - поток газетно-журнальной информации о Дж. Вашингтоне стал устойчивым и достаточно обильным. Такие материалы преобладали и по характеру они были разными: от кратких сообщений, заметок и поэтических произведений до обстоятельных публикаций. Биографический очерк о генерале Вашингтоне, помещенный в «Прибавлениях к «Московским ведомостям»» Н. И. Новикова здесь выделялся, как добротностью представленных сведений, так и их изложением и трактовкой. Этот очерк имел публицистический запал, но он обрисовывал и те основные направления, по которым историки и биографы в XIX и XX столетиях уже с большим профессионализмом освещали жизнь и свершения Дж. Вашингтона. В последние десятилетия «века Вашингтона» чаще начали выходить и книги - переводная литература и работы российских авторов. Они дополняли журнальную продукцию и содержали весьма разнообразные сведения о разных сторонах жизни в Америке, ее регионах и штатах, а равно - описание и оценки действий великого американца. Некоторые работы (скажем, И. Ф. Яковкина) служили и ценным источником информации и учебным пособием, уровень которого не был превзойден, пожалуй, и в первой половине XIX в. Таким образом, российская «Вашинг-

тониана» постепенно прирастала за счет более емкой книжной продукции.

Кончина первого президента США в 1799 г. открывала новый этап в восприятии личности и дел Дж. Вашингтона в США и в странах Европы. С начала XIX в. нарастали и процессы сближения и взаимовосприятия России и Америки. В российском обществе «канонизация» великого американца шла весьма активно, газетные сообщения о Вашингтоне и связанных с ним событиях становились более редкими, но множились публикации в журналах. Как и в предшествующие годы это были литературные произведения, записки путешественников, очерки и работы, которые были ближе к публицистическим выступлениям, а не к научным сообщениям и историческим исследованиям. В Россию поступали и написанные иностранными авторами биографии «Отцов-основателей» США. Их читали в подлинниках, но круг приобщенных к такой литературе лиц не был широким. Большинство подготовленных за рубежом исторических работ о революционной Америке, биографических сочинений о Вашингтоне на русский язык не переводили и не издавали. «Вашингтониану» в основном пополняли материалы газетно-журнального формата и некоторые более емкие издания.

В России за более чем полувековой период (с 1750-ых гг.) американистика как отдельная специализация еще не возникла, она начинала формироваться и скорее выступала как информационное направление в газетно-журнальном секторе. «Американская тема» также утверждалась в публицистике и проникла в «высокую» литературу и поэзию, выходили и выполнявшие описательную и аналитическую задачи книги, в том числе и российских авторов. На читательском рынке преобладали зарубежные источники информации и публикации, а также переводные издания. Европейские и американские авторы восполняли нехватку в российском обществе профессиональных американистов. В целом же такая литература имела серьезное значение для зарождения собственно российской «Американы» и ее составной части «Вашингтонианы». Ибо российские авторы

только становился «на крыло» и для них зарубежные работы в оригинале или в переводах служили источником информации и возможным образцом для подражания. Время для появления в России историков, философов, литературоведов, которые осмелились бы приступить к написанию более емких и серьезных сочинений о Дж. Вашингтоне и связанных с ним событиях американской истории еще не пришло.

1. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. М., 1976. С. 135 - 136.
2. Там же. С. 136 - 163 (Особо. С. 136 - 137).
3. Он же. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. М., 1991. С. 96 - 97.
4. Старцев А. [И.]. Америка и русское общество. Корни исторической дружбы русского и американского народов. Ташкент, 1942. С. 9.
5. Николокин А. Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1981. С. 10.
6. Там же. С. 10 - 25 (Особо. С. 18, 21 - 22, 25).
7. Ишутин В. В. Кто «разбудил» Декабристов, или «Голос Америки» в Екатерининской России: «Предупреждение» к вопросу об изучении истории президентства в России (от идеи до реализации) // Философский век. Альманах. Вып. 31, 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Мишина. СПб., 2006. Вып. 31 (Ч. 1). С. 241 - 248 (Особо. С. 297).
8. Акимов Ю. Г. Англо-французское соперничество в Северной Америке в середине XVIII в. на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» // Американская проблематика в периодике XVIII - XX вв. Сб. статей / Отв. ред. д. и. н. В. А. Коленеко. М. 2004. С. 10 - 19 (Особо. С. 19).
9. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Указ. к содержанию 1751-1755 гг. / Отв. сост. М. И. Фундаминский, С. Н. Коротков. СПб., 1992. С. 83 - 87; Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: Указ. к содержанию 1756 - 1760 гг. / Отв. сост. С. Н. Коротков. СПб., 1994. С. 72 - 74; Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века. Указ. к содержанию 1761 - 1770 гг. В 2 ч. / Отв. сост. Н. С. Трофимова. СПб., 2005. Ч. 1. С. 130 - 136; Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века. Указ. к содержанию. 1774 г. /

- Отв. сост. М. И. Фундаминский. Л., 1987. С. 26-27.
10. Коленеко В. А. История Нового Света сквозь призму периодики. От редактора // Американская проблематика в периодике XVIII - XX вв. С. 5 - 9 (Особо. С. 5 - 6).
 11. См. например: Николокин А. Н. Указ. соч. С. 21 - 22; Ишутин В. В. Указ. соч. С. 247; Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 9.
 12. Санктпетербургские ведомости. 25 ноября 1750. № 95. С. 756 - 757; См. также: Николокин А. Н. Указ. соч. С. 386 - 387 (Приложения); Взгляд в историю - взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США / Сост. А. Н. Николокин. М., 1987. С. 8 - 9, 627 - 628.
 13. Акимов Ю. Г. Указ. соч. С. 11; Никольская (Шпрыгова) М. Н. Русская печать о войне Северной Америки за независимость XVIII века. Автореф. дисс. к. и. н. М. 1968. С. 4 - 5.
 14. Санктпетербургские ведомости. 22 апреля 1754. № 32. С. [251].
 15. Там же. 29 апреля 1754. № 34. С. [266] - [267]; 6 мая 1754. № 36. С. [285]; 13 мая 1754. № 38. С. [300]; 24 мая 1754. № 41. С. [324]; 31 мая 1754. № 43. С. [340]; 3 июня 1754. № 44. С. [348]; 14 июня 1754. № 47. С. [371]; 21 июня 1754. № 49. С. [387] - [388]; 28 июня 1754. № 51. С. [405]; 12 июля 1754. № 55. С. [435]; 15 июля 1754. № 56. С. [443]; 19 июля 1754. № 57. С. [452]; 22 июля 1754. № 58. С. [459]-[460]; 26 июля 1754. № 59. С. [466]; 5 августа 1754. № 62. С. [491]; 9 августа 1754. № 63. С. [499].
 16. Там же. 12 августа 1754. № 64. С. [507]; 23 августа 1754. № 67. С. [531] - [532].
 17. Там же. 2 сентября 1754. № 70. С. [557]; 6 сентября 1754. № 71. С. [562].
 18. Подробнее см.: Чепинский В. Г. [Георг] Вашингтон, его жизнь, военная и общественная деятельность. Биографический очерк («Жизнь замечательных людей»). Биографическая библиотека Ф. Павленкова). СПб., 1898. С. 17 - 21; Яковлев Н. [Н.]. Вашингтон. (М., 1973), Ростов-на-Дону, 1997. С. 64 - 72, 82 - 88.
 19. Санктпетербургские ведомости. 9 сентября 1754. № 72. С. [562]; 13 сентября 1754. № 73. С. [579]; 16 сентября 1754. № 74. С. [588] - [589]; 20 сентября 1754. № 75. С. [595] - [596]; 23 сентября 1754. № 76. С. [603] - [604]; 27 сентября 1754. № 77. С. [610] - [611]; 30 сентября 1754. № 78. С. [619]; 4 октября 1754. № 79. С. [627] - [628]; 7

- октября 1754. № 80. С. [635] - [636].
20. Чепинский В. Указ. соч. С. 21; Яковлев Н. [Н.]. Вашингтон. (1997). С. 90 - 93.
 21. Санктпетербургские ведомости. 16 сентября 1754. № 74. С. [588] – [589].
 22. Там же. 20 сентября 1754. № 75. С. [595] - [596].
 23. Там же. 23 сентября 1754. № 76. С. [603] - [604].
 24. Там же. 27 сентября 1754. № 77. С. [610] - [611].
 25. Там же. С. [611].
 26. Там же.
 27. Там же. 30 сентября 1754. № 78. С. [619]; 7 октября 1754. № 80. С. [635].
 28. Там же. 4 октября 1754. № 79. С. [627].
 29. Там же. 4 октября 1754. № 79. С. [627] - [628]; 7 октября 1754. № 80. С. [635] - [636]; 11 ноября 1754. № 90. С. [716]; 2 декабря 1754. № 96. С. [762]; 13 декабря 1754. № 99. С. [787]; 16 декабря 1754. № 100. С. [795].
 30. Там же. 4 октября 1754. № 79. С. [627] - [628].
 31. Там же. 23 декабря 1754. № 102. С. [809].
 32. Там же. 11 ноября 1754. № 90. С. [716] - [717].
 33. Там же. 30 сентября 1754. № 78. С. [619]; 11 ноября 1754. № 90. С. [716]; 6 декабря 1754. № 97. С. [771]; 13 декабря 1754. № 99. С. [788]; 16 декабря 1754. № 100. С. [795]; 23 декабря 1754. № 102. С. [809], [811].
 34. Например см.: Чепинский В. Указ. соч. С. 21 - 23; Яковлев Н. [Н.]. Вашингтон. (1997). С. 96 - 105.
 35. Подробнее см.: Акимов Ю. Г. Указ. соч. С. 13 - 19 (Особо. С. 14); Санктпетербургские ведомости. 16 апреля 1756. № 31.
 36. Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей. Переведено с немецкаго на Российский язык А. Р.[азумович]. СПб., 1765. С. 251, 273, 301 - 420 (Особо. С. 378 - 381).
 37. Там же. С. 378 - 388, 400 - 402, 415 - 416, др. (Особо. С. 378).
 38. Цит. по: Яковлев Н.[Н.]. Вашингтон.(1997). С. 88.
 39. Подробнее см.: Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. С. 45 - 46, 53 - 64, 71 - 85, др.
 40. Подробнее см.: Партаненко Т. В., Ушаков В. А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII - первая половина XIX века). СПб., 2006. Гл. II (Особо. С. 93 - 95); См. также: Карамзин Н. М. Письма рус-

- ского путешественника / Изд. подготовили: Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 327 - 329, др.
41. Бродская К. М., Ушаков В. А. Быт виргинского плантатора, или Сельская жизнь Джорджа Вашингтона // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: Материалы XXII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 17 - 18 декабря 2007 г. В 2 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб., 2007. Ч. 1. С. 158 - 160.
 42. Ушаков В. А. Джордж Вашингтон: страницы истории. СПб., 2006. С. 21.
 43. Letters of Members of the Continental Congress / Ed. by E. C. Burnett. Vols. 1 - 8. (Wash., 1921 - 1936), Gloucester, Mass., 1963. Vol. 1. P. LXVI; Letters of Delegates of Congress 1774 - 1789 / Ed. by P. H. Smith et al. 25 vols. Wash., 1976-. Vol. 1. P. XXXII, 14, 33, 65, 109, 164.166 - 167; Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века. Указ. к содержанию. 1774. С. 26 - 27.
 44. Санктпетербургские ведомости. 16 июня 1775. № 48; 19 июня 1775. № 49; 26 июня 1775. № 52 (без пагинации).
 45. Там же. 19 июня 1775. № 49; 3 июля 1775. № 53; 10 июля 1775. № 55. 1775; 21 июля 1775. № 58 (без пагинации).
 46. Там же. 14 августа 1775. № 65; 18 декабря 1775. № 101 (без пагинации).
 47. Там же. 26 июня 1775. № 51 (без пагинации).
 48. Там же. 7 июля 1775. № 54; 14 июля 1775. № 56; 28 июля 1775. № 60; 11 августа 1775. № 64 (без пагинации).
 49. Там же. 19 июня 1775. № 49; 26 июня 1775. № 51; 30 июня 1775. № 52; 4 августа 1775. № 62; 9 августа 1775. № 62; 14 августа 1775. № 65; 18 августа 1775. № 66; 22 сентября 1775. № 76; 29 сентября 1775. № 78; 2 октября 1775. № 79; 6 октября 1775. № 80; 9 октября 1775. № 81; 16 октября 1775. № 82; 27 октября 1775. № 86; 3 ноября 1775. № 88; 6 ноября 1775. № 89; 24 ноября 1775. № 94 (без пагинации); См. также: Собрание новостей ежемесячное сочинение содержащее в себе краткую историю настоящего времени, для примечания важнейших в Свете и предпочтительно в России произшествий, успехов в науках и искусствах, полезных для человеческого рода изобретений, новых на Российском языке сочинений

- и переводов, и прочих любопытных вещей, кои могут служить к значению, пользе и увеселению людей всякого состояния. СПб., [Изд. И. Ф. Богданович]. Сентябрь 1775; Октябрь 1775; Ноябрь 1775; Декабрь 1775.
50. Санктпетербургские ведомости. 28 августа 1775. № 69; 8 сентября 1775. № 72; 3 ноября 1775. № 88 (без пагинации).
51. Подробнее см.: Никольская (Шпрыгова) М. Н. Русская печать о войне Северной Америки за независимость в XVIII веке. С. 4 - 5; Она же. Освещение в «Санкт-Петербургских ведомостях» войны Северной Америки за независимость // Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина. № 286. М., 1967. С. 5 - 21 (Особо. С. 6 - 9).
52. Санктпетербургские ведомости. 22 сентября 1775. № 75; 2 октября 1775. № 79; 9 октября 1775. № 81; 27 октября 1775. № 86; 24 ноября 1775. № 94; 5 декабря 1775. № 97; 8 декабря 1775. № 98; 11 декабря 1775. № 99 (без пагинации).
53. Там же. 18 декабря 1775. № 101; 25 декабря 1775. № 103; 26 февраля 1776. № 17; 11 марта 1776. № 21; 15 марта 1776. № 22; 18 марта 1776. № 25; 22 марта 1776. № 24; 29 марта 1776. № 26 (без пагинации).
54. Там же. 15 декабря 1775. № 100 (без пагинации).
55. Московские ведомости. 22 марта 1776. № 24. С. 189 - 190; 26 апреля 1776. № 34. С. 267-268. См. также: Санктпетербургские ведомости. 8 марта 1776. № 20; 11 апреля 1776. № 30 (без пагинации).
56. Санктпетербургские ведомости. 8 марта 1776. № 20; 1 апреля 1776. № 27; 11 апреля 1776. № 30 (без пагинации); Московские ведомости. 27 мая 1776. № 43. С. 343; 7 июня 1776. № 46. С. 366 - 367; 14 июня 1776. № 48. С. 381.
57. Московские ведомости. 7 июня 1776. № 46. С. 367; 14 июня 1776. № 48. С. 381 - 382; 17 июня 1776. № 49. С. 390; 21 июня 1776. № 50. С. 398; 24 июня 1776. № 51. С. 406 - 407; 9 августа 1776. № 64. С. 510.
58. Там же. 17 июня 1776. № 49. С. 390; 24 июня 1775. № 51. С. 406; 26 июля 1776. № 60. С. 475; 2 августа 1776. № 62. С. 494; 5 августа 1776. № 63. С. 499; 9 августа 1776. № 64. С. 510; 6 сентября 1776. № 72. С. 579; 4 октября 1776. № 80. С. 639.
59. См. например: Санктпетербургские ведомости. 7 октября 1776. № 81; 14 октября 1776. № 83; 25 октября 1776. № 86; 4 ноября 1776. № 89; 11 ноября 1776. № 91; 22 ноября 1776. № 94; 25 ноября 1776. № 95; 2 декабря 1776. № 97; 13 декабря 1776. № 100; 16 декабря 1776. № 101; 20 декабря 1776. № 102 (без пагинации); Московские ведомости. 18 октября 1776. № 84; 4 ноября 1776. № 89; 22 ноября 1776. № 94 (без пагинации); Московские ведомости. 4 ноября 1776. № 89. С. 707; 18 ноября 1776. № 93. С. 739; Собрание разных сочинений и новостей... СПб., [Изд. И. Ф. Богданович]. Декабрь 1776. С. 26.
60. Санктпетербургские ведомости. 18 октября 1776. № 84; 4 ноября 1776. № 89; 22 ноября 1776. № 94 (без пагинации); Московские ведомости. 4 ноября 1776. № 89. С. 707; 18 ноября 1776. № 93. С. 739; Собрание разных сочинений и новостей... СПб., [Изд. И. Ф. Богданович]. Декабрь 1776. С. 26.
61. Московские ведомости. 28 июня 1776. № 52. С. 412; 1 июля 1776. № 53. С. 423; 9 августа 1776. № 64. С. 510; См. также: Собрание разных сочинений и новостей... СПб., [Изд. И. Ф. Богданович]. Июль 1776. С. 31.
62. Московские ведомости. 30 августа 1776. № 70. С. 554 - 555.
63. Там же. 27 сентября 1776. № 78. С. 622 - 623.
64. Собрание разных сочинений и новостей... СПб. [Изд. И.Ф. Богданович]. Сентябрь 1776. С. 41; Октябрь 1776. С. 28; См. также: Николокин А.Н. Указ. соч. С. 39-40.
65. Санктпетербургские ведомости. 7 октября 1776. № 81; 14 октября 1776. № 83; 25 октября 1776. № 86; 4 ноября 1776. № 89; 8 ноября 1776. № 90; 11 ноября 1776. № 91; 22 ноября 1776. № 94; 25 ноября 1776. № 95; 29 ноября 1776. № 96; 2 декабря 1776. № 97; 13 декабря 1776. № 100; 16 декабря 1776. № 101; 20 декабря 1776. № 102 (без пагинации).
66. Там же. 4 ноября 1776. № 89 (без пагинации); См. также: Московские ведомости. 18 ноября 1776. № 93. С. 740; Собрание разных сочинений и новостей... СПб. [Изд. И. Ф. Богданович]. Октябрь 1776. С. 30.
67. Московские ведомости. 29 ноября 1776. № 96. С. 766; Санктпетербургские ведомости. 8 ноября 1776. № 90; 11 ноября 1776. № 91; 22 ноября 1776. № 94; 25 ноября 1776. № 95; 2 декабря 1776. № 97; 13 декабря 1776. № 100; 16 декабря 1776. № 101; 20 декабря 1776. № 102 (без пагинации); Собрание разных сочинений и ново-

- стей... СПб. [Изд. И. Ф. Богданович]. Октябрь 1776. С. 27; Ноябрь 1776. С. 44 - 45; Декабрь 1776. С. 21.
68. Собрание разных сочинений и новостей... СПб. [Изд. И. Ф. Богданович]. Октябрь 1776. С. 26, 28.
69. Николукин А. Н. Указ. соч. С. 40 - 47, др. (Особо. С. 40); Никольская (Шпрыгова) М. Н. Русская печать о войне Северной Америки за независимость в XVIII веке. С. 4 - 5, 7 - 14; Она же. Освещение в «Санкт-Петербургских ведомостях» войны Северной Америки за независимость. С. 7 - 11, 13, 16 - 19; Она же. Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» Н. И. Новикова // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1961. № 3. С. 74 - 89; Она же. Американская тема в петербургских журналах 70 - 80-х гг. XVIII века // Вологодский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 36. Сборник работ аспирантов. Вып. 1. Вологда, 1967. С. 93 - 103.
70. Московские ведомости. 16 января 1781. № 5. С. 36 - 37; 6 марта 1781. № 19. С. 146- 147; См. также: Там же. 10 марта 1781. № 10. С. 156; 17 марта 1781. № 22. С. 170-172; 20 марта 1781. № 23. С. 183; 24 марта 1781. № 24. С. 190; 31 марта 1781. № 26. С. 206.
71. Там же. 6 марта 1781. № 19. С. 148 - 149.
72. См. подробнее: Бродская К. М., Ушаков В. А. Джордж Вашингтон и проблемы войны и мира в последний год вооруженной борьбы за независимость США // Проблемы мира и войны в эпоху нового и новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора) [в печати].
73. Никольская (Шпрыгова) М. Н. Русская печать о войне Северной Америки за независимость в XVIII веке. С. 8 - 14; Она же. Война Америки за независимость в освещении «Московских ведомостей» Н. И. Новикова. С. 74 - 75, 80 - 84; Николукин А.Н. Указ. соч. С. 37 - 38, 41 - 51, др.; Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. С. 151 - 161; Он же. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 107 - 117.
74. «О торговле Европейцев в Америке («Владения Агличан в Америке»)) // Прибавления к «Московским ведомостям». 1783. №75 - 79. С. 293 - 299, 302 - 311; «Известия о Пенсильвании» // Там же. 1784. № 18. С. 137 - 144; «Влияние войны в разположение виргинского табаку» // Там же. № 28. С. 223 - 224; «О влиянии независимости Соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы» // Там же. № 39 - 43. С. 306 - 344; «Всеобщее описание американских нравов» // Там же. № 65 - 68. С. 489 - 516; «Об образе правления у американцев и о гражданском их установлении» // Там же. № 68. С. 516 - 520; «Понятие о торге невольниками» // Там же. № 72-74. С. 545 - 564; «Краткое известие о провинции Виргинской (Из письма некоего путешественника)» // Там же. № 76 - 77. С. 577 - 583, 585 - 591.
75. «О влиянии независимости Соединенных областей Северо-Американских в политическое состояние Европы». № 39. С. 306.
76. Подробнее см.: Бродская К. М., Ушаков В. А. Джордж Вашингтон и проблемы войны и мира в последний год вооруженной борьбы за независимость США. [в печати]; Ушаков В. А., Бродская К. М. Парижский мирный договор 1783 г. в восприятии американцев // Проблемы мира и войны в эпоху нового и новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора). [в печати].
77. Николукин А. Н. Указ. соч. С. 46 - 51, др.; Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. С. 153 - 156.
78. Московские ведомости. 2 сентября 1783. № 70. С. 557.
79. Краткое описание жизни и характера Генерала Вашингтона // Прибавление к «Московским ведомостям». 1784. № 47 - 48. С. 362 - 368, 369 - 372.
80. Там же. № 47. С. 362 - 368.
81. Там же. № 47. С. 368; № 48. С. 369.
82. Там же. № 48. С. 369 - 371.
83. Там же. С. 371 - 372.
84. Подробнее см.: Каржавин Ф. В. Дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 годы (Перевод с французского) // Взгляд в историю - взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. С. 10 - 39. См. также: Николукин А. Н. Указ. соч. С. 112 - 115; Дуров Н. П. Федор Васильевич Каржавин // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1875. Т. XII. С. 272 - 297 (Особо. С. 275).
85. Рабинович В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966; Он же. С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану. М., 1967; Он же. Вслед Радищеву: Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986; Старцев А. И. Был ли Каржавин другом Радищева // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 168 - 173; Он же. Ф. В. Каржавин и его амери-

- канское путешествие // История СССР. 1960. № 3. С. 132 - 139; Он же. Русско-американские этюды. М., 1995. С. 39 - 78; Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л., 1984; др. работы.
86. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. М., 1966. С. 131 - 144; Он же. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 170 - 172 (Особо. С. 171).
87. Старцев А. [И.]. Америка и русское общество. Корни исторической дружбы русского и американского народов. С. 8 - 9; Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. С. 41.
88. См. например: Старцев А.[И.]. О западных связях Радищева (к 150-летию выхода «Путешествия из Петербурга в Москву») // Интернациональная литература. 1940. № 7 - 8. С. 256 - 265; Он же. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960; Николюкин А. Н. Указ. соч. С. 61 - 67, др.; Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. С. 164 - 175; Он же. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 119 - 128; др. работы.
89. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 119 - 123.
90. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Том первый. М., Л., 1938. С. 11, 14.
91. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. С. 71, 232 - 234; Он же. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. С. 45 - 46; Он же. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 146 - 148; См. также: Россия и США: становление отношений 1765 - 1815. Сб. док. / Ред. кол. С. Л. Тихвинский, Л. И. Панин, Н. Н. Болховитинов, др. М., 1980. С. 9, 108 -109, 154 - 155, 165, др.
92. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. С. 206; Коршунов Ю.Л. Первые кругосветные мореплаватели России - гости Дж. Вашингтона // США. Экономика. Политика. Идеология. 1992. № 8. С. 27 - 30; Козлов С. А. Путевые заметки Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна 1793 - 1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007. С. 22 - 23, 87 - 88. См. также: Россия и США: становление отношений 1765 - 1815. С. 196 - 203, 274, 428, др.
93. Марков С. Русские на Аляске. М., 1946. С. 62; Партаненко Т. В., Ушаков В. А. Взаимовосприятие России и Запада (XVIII - первая половина XIX века). С. 121 - 122. См. также: Россия и США: становление отношений 1765 - 1815. С. 271, 282, 293, 295, др.
94. [Таубе Ф. В.]. История о Аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании в древняя, средняя и новейшая времена, до 1776 года; с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке и прочих тому подобных вещей до 1776 года. Описанная Фридрихом Вильгельмом Таубе. Перевод с немецкого. Изданием Н. Новикова и Компании. В Москве, В Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1783 года. (Особо. Предисловие).
95. [Купер]. Сокращенная Аглинская история от древнейших до нынешних времен, Сочиненная Г. Купером, по расположению Графа Честерфилда, с присовокуплением в дополнение из другого автора описания войны Англии с соединенными Американскими областями. Переведено с Аглинского. В Санкт-Петербурге, При Императорской Академии Наук. 1790 года.
96. Там же. С. 179, 182, [183] 193, [185 - 186] 195 - 196 (здесь в книге произошел сбой нумерации страниц и дается одновременно нумерация фактическая и поставленная издателем).
97. Там же. С.[187 - 190] 197 - 200,[200 - 202] 210 - 212.
98. Там же. С. [200] 210, [217 - 221] 227 - 231.
99. Там же. С. 179, [212] 222,[220] 230, др.
100. Николюкин А. Н. Указ. соч. С. 62. См. также: Муза. Ежемесячное издание на 1796 год. Часть IV. Месяц Октябрь 1796. С. 29 - 31.
101. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775 - 1815. С. 247; Он же. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 154. См. также: Московский журнал. Часть вторая. Книжка третья. Месяц Июнь 1791. С. 219.
102. [Каржавин Ф. В.]. Вожак показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских (Le Juide Francais par Teodore Carjavine). СПб., 1794. Р. 198 - 199, 211; [Каржавин Ф. В.]. Краткое известие о достопамятных приключениях Капитана д'Сивилия, трижды умершего; и проч...Перевод Ф...К...я, с приложением о неправильном выговоре и написании многих иностранных слов. М., 1791. С. 33.
103. Московский журнал. Часть вторая. Книжка третья. Месяц Июнь. 1791. С. 218 - 220 (Особо. С. 218,219). См.также: Николюкин А. Н.

- Указ. соч. С. 96.
104. Вашингтон // Муза. Ежемесячное издание на 1796 год. Часть IV. Месяц Октябрь 1796. С.29 - 31 (Особо. С. 31). См. также: Ушаков В. А. Джордж Вашингтон: страницы истории. С. 34; The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources 1745 - 1799/ Ed. By. J. C. Fitzpatrick. Vol. 1 - 39. Wash., 1931 - 1944. Vol. 4. P. 80 - 81.
105. Николукин А. Н. Указ. соч. С. 34; Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732 - 1799. С. 97; Никольская (Шпрыгова) М. Н. Американская тема в петербургских журналах 70-80 гг. XVIII века. С. 99 - 100; Старцев А. [И.]. Американская война за независимость в русской печати конца XVIII в. // Историческая литература.
106. Ладыгин Д. М. Известия в Америке о селениях Агличких, в том числе ныне под названием Соединенных Провинций, выбрано перечнем из новейших о том пространно сочинителей. В Санкт-Петербурге 1783-го в январе. С. [7], 14, 42 - 45, 46 - 50, 58 - 59.
107. См. например: Зрелище света или Всемирное землеописание. Сочинения И. Я. СПб., 1789.
108. Яковкин И. Ф. Всемирная история, изданная для народных училищ Российской империи. Ч.1 - [3]. СПб., Комиссия об учреждении училищ Российской империи. 1787.
109. Михайлов Ю. А. Американская буржуазная революция XVIII века в историографической традиции дореволюционной России // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 3. / Научн. ред. доц. В. И. Адо. Казань, 1974. С. 125 - 149 (Особо. С. 129 - 130).
110. Яковкин И. Ф. Новая всемирная история о происшествиях в Европе, Азии, Африке и Америке. Изданное в Пользу Народных Школ Российской Империи. 2-м тиснением. Ч. 1 - 3. СПб., 1789 - 1800. Ч. II. С. 208 - 213, 358 - 361; Ч. III. С. 333 - 349.
111. Там же. Ч. III. С. 333 - 340 (Особо. С. 338 - 339, 340).
112. Там же. С. 340 - 341.
113. Общества в Америке (Перевод с манускрипта) // Вестник Европы. Часть VI. Декабрь 1802. № 24. С. 315-318 (Особо. С. 316 - 317, 318). О взаимоотношениях президента США и общественности, об этикете в резиденции президента. См. также: Ушаков В. А. США: правила управления неформальной империей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 1. Март 2007. С. 209 - 214.
114. Россия и США: становление отношений. 1765 - 1815. С. 521, 527; Николукин А. Н. Указ. соч. С. 130 - 131.
115. См. например: Свинин (Свиньин) П. [П.] Наблюдения Русского в Америке. Описание Стимбота (парового судна) // Сын отечества, исторический, политический и литературный журнал. 1814. Часть 16. № XXXVI. С. 142 - 144; № XXXVII. С. 175 - 182; Он же. Письма Русского путешественника из Северной Америки // Санкт-петербургский зритель. Журнал, издаваемый Борисом Федоровым. Часть первая. Книжка 1-я. Генварь и февраль 1828. С. 97 - 112; др. работы
116. Николукин А. Н. Указ. соч. С. 141 - 144; Свинин (Свиньин) П. [П.]. Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын отечества, исторический, политический и литературный журнал. Часть 16 - 18; Он же. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб., 1814.
117. Свинин (Свиньин) П. [П.]. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815; То же. Изд. 2. СПб., 1818. См. также: Плешков В. Н. Свиньин. Американские дневники и письма (1811 - 1813). М.: Издательский дом «Парад», 2005. 559 с. // Новая и новейшая история. 2007. №2. С. 207 - 210.
118. Болховитинов Н. Н. Российская американистика. 1814 - 1999 // Исторические записки. М., 2000. Вып. 3 (21). С. 48.
119. Свинин (Свиньин) П. [П.]. Опыт живописного путешествия по Северной Америке (1815). С. 8 - 9.
120. Письмо из Вашингтона // Дух журналов, или Собрание всего того, что есть лучшаго и любопытнейшаго во всех других Журналах, по части Истории, Политики, Государственного Хозяйства, Литературы, разных Искусств, Сельскаго Домоводства и проч. 1816. Часть XV. Книга 20. (Мая 17). С. (935) 45.
121. Подробнее см.: Ушаков В. А. Джордж Вашингтон: страницы истории. С. 77 - 80, др.; Бродская К. М., Ушаков В. А. Отклики в Европе на кончину «отца-основателя» США Дж. Вашингтона // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 15 - 16 мая 2006 г.: В 2 ч. // Под. ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. Ч. 1. С. 221 - 224; Бродская К.

Внешняя политика Российской империи и её творцы в описаниях французских дипломатов (1814 - 1840-ые гг.).

Главным содержанием дипломатических депеш, отправленных из Санкт-Петербурга французскими дипломатами периода Реставрации и Июльской монархии, были традиционно внешнеполитические вопросы. Но кроме непосредственного рассказа о внешней политике России, депеши наполнены впечатлениями дипломатических агентов от общения с императором и высокопоставленными лицами империи, от атмосферы, в которой вершатся дела во внешнеполитическом ведомстве России. При этом следует иметь в виду слова автора нашумевшей «России в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина о том, что «здесь правительством с его византийским духом, да и вся Россия, всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов» /1/. Действительно ли это так? Сами заинтересованные лица, послы, поверенные в делах, секретари посольства и атташе, как нельзя лучше подходят для ответа на этот вопрос.

В марте 1842 г. французский поверенный в делах, сын популярного председателя Совета министров Июльской монархии 1831 - 1832 гг., Казимир Перье писал из Санкт-Петербурга министру иностранных дел Франсуа Гизо о том, что Восточный вопрос, еще недавно бывший объектом пристального внимания, кажется почти забытым в России. Это было тем более удивительным, что контрастировало с энергичными действиями русской дипломатии 1839 - 1840 гг., приведшими к изоляции покровительницы египетского паши Франции от других европейских государств, и прежде всего Англии, в вопросах урегулирования турецко-египетского кризиса. Однако Казимир Перье призывал свое правительство не обольщаться: ведь Россия потеряла преимущественное положение в районе проливов Босфор и Дарданеллы в результате подписания Лондонской конвенции 13 ию-

М., Ушаков В. А. Великие американцы и революционная Франция: отклики на кончину «Отца-основателя» США Дж. Вашингтона // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова. С.-Петербург, октябрь 2005 г. СПб., 2006. С. 164 - 168.

122. Подробнее см.: Болховитинов Н. Н. Американская тема на страницах «Духа журналов» (1815 - 1820 гг.) // Американский ежегодник. 1972. М., 1972. С. 266 - 302 (Особо. С. 266 - 275); Он же. Русско-американские отношения 1815 - 1832. М., 1975. С. 451 - 491.

123. Вашингтон // Дух журналов... 1816. Часть XV. Книга 42 (Октябрь 18). С. (711) 157- (720) 166. (Особо. С. (719) 165 - 720) 166).

124. Там же. С. (711) 157 - (712) 158.

125. Там же. С. (713) 159 - (718) 164.

ля 1841 года. «Здесь, за пределами императорской канцелярии, которая бодрствует и действует, несмотря на кажущуюся дремоту, этим вопросом мало занимаются...» /2/. Это предположение К. Перье о неусыпном оке императорской канцелярии совпадает с соображениями А. де Кюстина. «Если среди русских находят лучших дипломатов, чем среди народов более передовых в смысле цивилизации, - писал знаменитый своими жесткими суждениями о российской действительности путешественник, - это потому что наши газеты их предупреждают обо всем, что происходит и планируется у нас, и потому, что вместо того, чтобы скрывать от них с осторожностью наши слабости, мы выставляем их напоказ каждое утро с увлечением, в то время как их византийская политика, напротив, работая в тени, заботливо скрывает от нас то, что они думают, что они делают и то, чего у них боятся. Мы идем с открытым забралом, они продвигаются с закрытым: партия неравная. Невежество, в котором они нас оставляют, слепит нас; наша искренность их просвещает; нашим слабым местом является болтливость, они обладают силой секрета; вот что в особенности составляет их ловкость» /3/.

Казимир Перье заключал из вышесказанного, что в России надлежит руководствоваться скорее опытом, чем рассудком. И питать постоянное недоверие к собственному суждению /4/.

Свобода французской прессы, о которой упоминал А. де Кюстин в вышеприведенном отрывке как о факторе, ослабляющем французскую дипломатию, зачастую служила источником недоразумений во взаимоотношениях сторон. Дипломаты много раз указывали на чрезвычайную чувствительность императора Николая I к этой теме. Знали они и о существовании специального департамента («третьей экспедиции») в составе личной канцелярии руководителя внешнеполитического ведомства России, Карла Васильевича Нессельроде. В задачу этой административной структуры под руководством французского эмигранта, графа Ивана Степановича Лавалья, входили перевод и переписывание для императора отрывков из английских, фран-

цузских и немецких газет /5/.

В период Июльской монархии дипломаты часто прибежали к деревянному языку, чтобы разубедить российские власти и столичных жителей в распространенном мнении, которое приписывало «Journal des débats» роль официозного органа французского правительства. Секретарь посольства Теодор де Лагре не неоднократно предпринимал попытки разуверить своих собеседников на этот счет. «Я смог привести, - докладывал он, - множество примеров расхождений во взглядах по внутренним вопросам и особенно неуместных соображений в вопросах иностранной политики, которые, я надеюсь, повлияют на убеждение вице-канцлера и помешают ему в будущем видеть в статьях «Journal des Débats» нечто большее, чем личное мнение редакторов» /6/. Но вице-канцлер и тем более Николай I нелегко поддавались на подобного рода аргументы. Они были правы, так как оппозиционный в эпоху Реставрации, этот орган печати стоял на орлеанистских позициях при Июльской монархии /7/. Благоприятный правительствам Июльского режима, «Journal des débats» отражал, как правило, правительственную точку зрения на иностранную политику. Журналисты газеты могли без всякого препятствия позволить себе выразить самые глубинные мысли правительства, но в случае критики государственные деятели отмежевывались от какой-либо причастности к сказанному, приводя в качестве аргумента формально независимое положение газеты, на которое ссылались и французские дипломаты в России. Официально «Journal des débats» не являлся инструментом правительства.

Частью работы посольства было опровергать утверждения некоторых французских и иностранных газет. Ни «Moniteur» («Монитор»), официальная газета, ни «Annuaire historique» («Исторический ежегодник») Шарля-Луи де Лезюра, публициста иностранного ведомства, как правило, не подвергались такой правке.

Французским дипломатам случалось указывать на некоторые преимущества абсолютной власти для ведения внешней

политики и в этом их мнение полностью совпадало с взглядами А. де Кюстина, изложенными в процитированном выше отрывке из его «России в 1839 году». «Абсолютная власть, - пишет К. Перье, - не смущаемая ни дискуссией, которую она не разрешает, ни прессой, которой она руководит единолично, ни мнением, которое она подавляет, обладает крупными составляющими успеха. Речь здесь идет о преимуществах, которыми ни одна европейская держава не обладает в равной степени» /8/. Но для работы иностранных дипломатов эти стороны абсолютизма, проявлявшиеся в области внешней политики, представляли собой, прежде всего, препятствие.

Сдержанность их собеседников, культивируемая ими секретность, множество раз вводили дипломатов в заблуждение и ставили перед фактом. Так, до 1 апреля 1820 г. ничто не предвещало указ об окончательном изгнании иезуитов из пределов Российской империи /9/. В 1823 г. близкие к правительственным кругам лица пребывали в полном неведении о намерении Александра I встретиться с австрийским императором Францем I и его ловким канцлером Клеменсом фон Меттернихом в Черновицах для обсуждения вопроса о восстановлении мира в Греции, истощавшей свои силы в борьбе против османского господства /10/.

В августе 1833 г. путешествие Николая I в Богемию для встречи с императором Австрии Францем I и королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III осталось под покровом той же секретности: «Ничто не просочилось в публику, - докладывал Т. де Лагрене, - и у меня появилась уверенность в его реальности только 15-го числа этого месяца, за два дня до отправления последнего парохода, благодаря позднему признанию одного из дворцовых служащих. Восемнадцатого это путешествие не было более тайной ни для кого; о нем открыто шла речь вечером в Елагином дворце и в салоне вице-канцлера» /11/.

Безразличие российской общественности к правительственным проектам было одной из трудностей, отмеченных в дипломатической переписке. В мае 1836 г. в ответ на предпи-

сание министра иностранных дел Адольфа Тьера проверить точность слухов о вербовке на военную службу, будто бы имевшую место в Валахии и Молдавии для Сербии, Проспер де Барант признается, что не имеет возможности выполнить это поручение. «По множеству очень важных предметов, - жалеет он, - правительство может иметь планы, волю, озабоченность, в то время как русское общество, даже в лице высокопоставленных персон, не проявляет к ним ни малейшего интереса» /12/.

Но иногда дипломатам приходилось сталкиваться с трудностями, происходившими не от безразличия, а от излишней восторженности русских. Согласно Теодору де Лагрене, русская общественность «любит приписывать событиям цвет своих надежд»/13/. В 1833 г., несмотря на поражения сторонников дона Мигеля в ходе гражданской войны в Португалии, общественное мнение продолжало считать, что борьба не закончена и возлагало самые большие надежды на военные таланты бывшего наполеоновского генерала Луи де Бурмона. Легкость, с какой петербургское общество поверило в восстановление русско-французских отношений на дружеской ноге, основываясь на одном только позитивном факте посещения французского порта великим князем Константином Николаевичем в 1845 г., была предметом бесконечного недоумения французского поверенного в делах графа Альфонса де Райневаля /14/.

Отражалось ли пребывание в России каким-либо образом на характере и образе мыслей дипломатов? Граф Огюст де Ла Ферроннэ писал, что, живя в России, «человек научается быть подозрительным и недоверчивым» /15/. Это чувство, без сомнения, было порождено быстротой решений и их неожиданностью, секретом, довлеющим над всеми звеньями администрации, всеобщей коррумпированностью. Но в свою очередь, барон П. де Барант писал в 1836 г.: «Мы не знаем здесь никаких передраг вашей парламентской и салонной жизни. Если бы можно было употребить слово сибарит применительно к 60-му градусу широты, оно бы прекрасно подошло к жизни в Петербурге, настолько она создана исключительно для спокойствия и

благополучия» /16/.

Кроме обыкновения русских хранить тайну в государственных делах, существовали и другие препятствия, которые приходилось преодолевать дипломатам. В депешах рефреном повторяется, что даже самые незначительные дела представляют трудность в России. Император, абсолютный властелин, был центральной фигурой российской внешней политики в отличие от Франции, где монарх был малодоступен для дипломатов /17/. Русские государи любили говорить о политике и занимались ею всерьез; поэтому дипломаты предпочитали иметь дело напрямую с царем, когда предоставлялась такая возможность.

Обычно, за некоторыми исключениями, являвшимися следствием заранее сформулированных пожеланий, посол не выбирал тему своих бесед с российским императором. Последний, пользуясь своим неограниченным статусом, не упускал инициативу /18/. Полю де Бургоэну, который поступил на службу в посольство в 1828 г., не довелось узнать Александра I лично, но общение с секретарями с давних пор на службе в России, дало ему представление о том, как император вел политическую беседу с иностранными представителями. Кроме того, он смог прочесть в архиве «запись многочисленных очень длинных бесед, сделанных послами, которые обсуждали дела непосредственно с ним (Александром I. - Т. Г.)». Это были «настоящие модели изящного стиля и ловкой дипломатической контроверзы. В подобных аудиенциях, этот Император, который, вероятно всего, предварительно к ним готовился, представлял с ясностью мнение, которое хотел отстаивать. Его противник или политический друг мог чаще всего ограничиться слушанием; каждое возражение, даже если оно было совершенно непредусмотренным, вызывало со стороны Императора Александра реплику, которую можно было принять за заранее продуманную. Один из послов наиболее совершенных со всех точек зрения, которого Франция когда-либо использовала в своих переговорах, граф де Ла Ферроннэ, пересказал множество двух или трехчасовых бесед, во время которых этот государь почти один поддерживал разговор.

В самом начале этих встреч Император усаживал посла перед собой и немедленно приступал к рассмотрению злободневных вопросов» /19/.

Александр I имел репутацию тонкого дипломата, а его искусство диссимуляции и нюансов делало из него незаурядного собеседника. У Николая I, напротив, О. де Ла Ферроннэ обнаружил «тон, который свидетельствует о его уверенности в своих силах и в энергии своего характера; это не были фразы искусно и элегантно составленные, которые часто оставляли того, кто беседовал с Императором Александром в некоем подобии туманности и неопределенности относительно его решений. Император Николай излагает вам очень ясно и четко то, что желает сказать, потому что именно так он и решил поступить» /20/.

По мнению П. де Бургоэна, который часто встречался с императором Николаем, «этот государь обладал в высшей мере даром речи. Его язык, краткий и лаконичный, был лишен ненужных украшений; но выражения его были всегда ясными, часто удачными и хорошо подобранными. Красота его голоса, немного горделивое достоинство его разговорной речи, которое часто сочеталось с непринужденно ласковой снисходительностью, очаровывали и привлекали почти всегда, даже в том случае, если не убеждали. Испытывал ли он благожелательность или дружбу по отношению к тому, с кем разговаривал, или видел какой-либо интерес в том, чтобы склонить собеседника к своему мнению, эта аргументация одновременно энергичная и продуманная была зачастую неотразима. Иностранные дипломаты после беседы с ним не всегда выходили из его кабинета покоренными и совершенно убежденными, так как, в таком случае, они бы плохо владели своим ремеслом, и зачастую пренебрегли бы своим долгом; но все без исключения признали, после подобных аудиенций, что этот государь умел представлять сам аргументы своей политики так же хорошо, как смогли бы это сделать за него наиболее прославленные из его дипломатов» /21/.

Эта манера вести разговор, живая и непосредственная,

позволяла собеседнику отвечать в том же тоне. В случае же необходимости, например в разговоре с малознакомым ему чрезвычайным уполномоченным, император Николай умел сдерживать себя. Когда же чрезвычайная миссия затрагивала деликатные вопросы, как миссия генерала Атталена в сентябре 1830 г. с целью добиться признания Луи-Филиппа Орлеанского королем французов, Николай I оставлял их на рассмотрение своих министров.

Впрочем, у каждого дипломата была своя тактика ведения переговоров с государем. Огюст де Ла Ферроннэ был часто откровенен, считая, что прямота - самая ловкая политика.

Поль де Бургоэн предпочитает более тонкий подход. В разговоре о Польше в 1831 г., когда Николай I начал перечислять благодеяния, которыми эта страна была обязана ему и его предшественнику, и обличать ее черную неблагодарность, П. де Бургоэн мог бы оспорить многие пункты из этого перечня, но воздержался. «Я подумал, что дипломатическая беседа с глазу на глаз с государем столь расположенным ко мне, но привыкшим к неограниченной власти; что политическая беседа этого рода имела другие правила, совсем другие требования, чем те, которые руководят дебатами парламента или адвокатуры. Я поостерегся поэтому искать пустое удовлетворение от правоты в некоторых деталях; более глубокая аргументация была бы большой ошибкой; я должен был помышлять не о том, чтобы убедить, а о том, чтобы растрогать...» /22/.

Действительно, необходимо было щадить самолюбие России, как это признает и О. де Ла Ферроннэ. В апреле 1824 г., извещая министра Франсуа-Рене де Шатобриана о том, что не следует уповать на согласие Александра I отложить переговоры о судьбе испанских колоний в Южной Америке до тех пор, пока не удастся склонить лондонский кабинет к участию в них, он пишет: «Самолюбие здесь, к несчастью, заинтересовано в том, чтобы поддерживать его в сопротивлении; этот мотор, чье действие столь часто ощущается во всем, что исходит из этого кабинета, удваивает трудность, с которой я сталкиваюсь...» /23/.

Немного позже он упоминает еще раз о «самолюбии, столь легко воспламеняемом» /24/.

Жизнь российского императора была довольно упорядоченной: конец лета и осень посвящались путешествиям по империи или за границу; зима - столице и учениям в городских манежах; весна - коротким путешествиям в Варшаву, чтобы держать под контролем строптивых поляков, не утративших надежд на возрождение своей родины, или в Новгород с целью посещения военных поселений; начало лета - большим маневрам в военных лагерях, устроенных поблизости от Санкт-Петербурга.

Маневры предоставляли благоприятные возможности для общения с государем в том случае, если посол принадлежал к военному сословию. Так, в июле 1826 г., во время маневров, О. де Ла Ферроннэ смог затронуть вопрос о кризисной ситуации в Португалии, сложившейся после смерти короля Жоана VI в результате возобновившейся борьбы между либералами и абсолютистами /25/. Напротив, поверенный в делах Теодор де Лагрене не будучи офицером, оказался «на некоторое время лишен всяких средств информации» в июле 1833 года /26/. Как бы то ни было, дела обыкновенно были заброшены в это время года, и К. В. Нессельроде занимался разведением георгинов в своем доме на островах.

На самом деле, внешнеполитические дела отправлялись не регулярно, активизируясь или замедляясь в зависимости от настроений императора. Александр I никого не принимал в годовщину смерти своего отца, императора Павла I, и на следующий день. При обстоятельствах, не терпящих отлагательства, приходилось обращаться к К. В. Нессельроде /27/. В тех случаях, когда какое-либо событие международной политики вызывало повышенный интерес государя, встречи становились более частыми. Так, в апреле-сентябре 1823 г., когда французский экспедиционный корпус под предводительством герцога Ангулемского сражался в Испании против верных Кортесам войск в целях восстановления абсолютистской власти Фердинанда VII, утраченной им в результате мартовской революции 1820 г., О.

де Ла Ферроннэ виделся с Александром I по несколько раз в месяц. Российский император тревожился, что французское правительство, вынужденное к этой войне под давлением Священного Союза и внутренних ультра-роялистов клерикалов, пойдет на уступки революционным Кортесам, во власти которых находился испанский король.

В конце своей жизни Александр I все больше и чаще уединялся. Но, проявив проницательность, посол Людовика XVIII Жюст де Ноайль указал на эту тенденцию в поведении российского государя уже в 1817 году /28/. В январе 1820 г. в ответ на жалобы О. де Ла Ферроннэ, недовольного холодным обращением с ним императора, статс-секретарь по иностранным делам граф Иван Антонович Каподистрия указывал ему на то, что другие дипломаты не могут похвалиться более доверительным отношением к ним Александра I. «Вы, наверное, заметили, что со времени вашего прибытия ни один из ваших коллег не был удостоен никакого знака особого расположения, которому вы могли бы позавидовать» /29/. О. де Ла Ферроннэ подтверждает слова министра: «Верно, что Император скорее избегает, чем ищет случая видеть дипломатический корпус, хотя в прошлом он поступал совершенно иначе» /30/. В августе 1824 г. поверенный в делах Габриэль де Фонтенэ сообщает графу Анн-Гиасинт де Дама, в руках которого находился портфель иностранных дел, что с наступлением теплого времени года император не удостоил аудиенцией никого из членов дипломатического корпуса, если не считать прощальных встреч с О. де Ла Ферроннэ по случаю его отъезда в отпуск /31/. Даже на дипломатические рауты, казалось, был наложен запрет с 1 января 1824 года /32/. Дипломаты были склонны объяснять это изменение в поведении императора Александра отчасти страданиями, которые причиняло ему воспаление на левой ноге, отчасти длительными путешествиями во внутренние области империи, вносящими разлад в его столичные привычки /33/.

Так же, как и его старший брат, Николай I проявил себя более общительным государем в начале своего правления. В

двадцатые-тридцатые годы его можно было встретить в столичных салонах /34/. Позднее он чаще уединялся вследствие семейных забот, а также политических неурядиц, как, например, во время европейского кризиса 1839 - 1840 гг., вызванного вооруженной борьбой турецкого султана против своего честолюбивого египетского вассала. «Здесь полная стагнация», - отмечает посол Проспер де Барант в декабре 1839 года /35/.

1831 г. был катастрофическим для императора Николая и его империи. Польское восстание, смерть великого князя Константина Павловича, неурожай, враждебность к Июльскому режиму держали императора в стороне от дипломатического корпуса. 29 июня 1831 г., в тот день, когда было сделано официальное объявление о холере в Петербурге, Казимир де Мортелар отмечает, что вот уже шесть недель, как император не видел никого из трех послов Франции, Австрии и Англии, делаясь своими опасениями как бы эпидемия не стала новым предлогом для самоизоляции монарха /36/. Действительно, отбытие К. В. Нессельроде вместе с двором в Петергоф, где уже находился Николай I, привнесло новое препятствие в сношения французского посольства с императорским кабинетом /37/. Герцог К. де Мортелар натолкнулся на невозможность отправить министру иностранных дел графу Орасу-Франсуа Себастиани информацию о вопросах, которые занимали европейскую политику. Санитарные кордоны, покрывшие северо-запад Российской империи, почти прервали циркуляцию депеш.

В отсутствие монарха дела велись исключительно через посредство курьеров, которых посылали иногда вплоть до границы с Китаем. Вице-канцлер К. В. Нессельроде остерегался выразить сколько-нибудь значительное мнение до получения императорского приказа.

Сразу же после отбытия императора Александра на Венский конгресс, Ж. де Ноайль с горечью констатирует, что его корреспонденция лишилась какого-либо интереса /38/. В августе 1823 г. в предвидении турне Александра I по югу империи, посол О. де Ла Ферроннэ делает то же самое наблюдение: «Что

же касается общих дел, мы окажемся в полном неведении и забвении: в Петербурге не знают абсолютно ничего из того, что происходит внутри Империи, и мы, возможно, не услышим ни единого упоминания о Его Величестве во время его отсутствия. Таким образом, вполне вероятно, что в течение этих трех месяцев, я не буду в состоянии написать ни одной политической депеши» /39/. В сентябре 1835 г., после того, как Николай I отбыл в Калиш, где должны были состояться объединенные маневры русских и прусских войск, поверенный в делах граф Феликс-Эдуар де Серсэ констатирует: «В этой столице нет более ни общества, ни правительства, и каждый пользуется не теплым временем года, так как здесь не знают, что это такое, но отсутствием императорской фамилии, чтобы наслаждаться нечаянной свободой» /40/.

Императорские путешествия в разные уголки обширной империи и за границу повторялись из года в год, возобновляя ту же самую ситуацию политического вакуума в столице. Неудивительно, что дипломаты приобрели привычку отлучаться в то же самое время, что и император. Но некоторые из них использовали эту передышку для составления основательных рапортов на различные темы, касающиеся внутренней жизни империи, экономики, религии и так далее. В сентябре 1822 г. Эдмон де Буалекомт заявляет, что вследствие отбытия Александра I на конгресс, миссия займется «изучением предметов, которые скрыты от ее внимания преобладающим значением больших политических вопросов в ходе прямых переговоров с императорским двором, но которые, тем не менее, могут помочь разобраться в политике русского правительства» /41/. Это намерение воплотилось в обстоятельном рапорте о причинах, признаках и последствиях того переворота в политической жизни России, который Э. Буалекомт видел в переходе Александра I от «либеральной системы», следуемой на протяжении двадцати лет, к «репрессивной системе». Таким образом, в отличие от русских историков, окрестивших десятилетие после 1814 года «реакционной декадой» /42/, французский дипломат, современник со-

бытий, видел реальные признаки нарастания реакционных тенденций в политике императора лишь с 1820 - 1822 гг. Запрещение деятельности тайных обществ на территории империи (указ 13 июня 1822 г.) стало кульминационным пунктом в этой эволюции взглядов императора, среди благих деяний «либеральной системы» которого Э. де Буалекомт отмечал прогресс в образовании, считая, кроме того, польскую конституцию 27 ноября 1815 г. главным из либеральных творений Александра I. Как видим, военные поселения не были для французского дипломата проявлением реакции, скорее он был склонен отмечать их вклад в распространение образования на территории империи. Причины же смены политического курса, которая не была мучительна для императора («принцип системы противоположной той, которой он следовал, существовал в нем: понадобились лишь благоприятные условия для его развития» /43/), Э. де Буалекомт видел в духе независимости Царства Польского. Рапорт поверенного в делах, назвав явления своими именами, облегчил задачу последующих дипломатов, которые сосредоточили свое внимание на признаках реакционных настроений императора во внешней политике.

Временами, когда переговоры между императором и его иностранными партнерами продолжались за пределами русских границ, в частности во время конгрессов, официальные лица в Париже были лучше информированы о ходе переговоров, чем в Санкт-Петербурге, и поток информации изменял направление /44/.

Посол О. де Ла Ферроннэ говорил о колеблющейся почве, имея в виду непредсказуемость русской политики в царствование Александра I /45/. При Николае I все осталось по-прежнему, как если бы русское правительство не имело никакой внутри и внешнеполитической системы, и было неспособно планировать свою политику на более отдаленное будущее, чем несколько дней. «Отсюда такое количество досадных противоречий, бесполезных уверток и времени потраченного на отмену неосторожных решений. Вместо того, чтобы взять за точку от-

счета постоянную и твердую базу, вроде здравого смысла и интереса, русское правительство устремляется наугад на дороги, выбор которых продиктован стерильными сожалениями или химерическими надеждами. Может сложиться впечатление, что императорский кабинет старается воспроизвести в своем действии непредусмотрительность и легкомыслие, которые являются отличительными чертами русского народа» /46/. То, что кажется в Париже следствием хитрости и расчета, на самом деле не больше, чем легкомыслие. И поверенный в делах Теодор де Лагрене рекомендует своему правительству извлекать из этого небрежения как можно больше выгоды в интересах Франции.

В феврале 1833 г. русский кабинет внезапно переключил внимание с голландско-бельгийского спора о границах независимой Бельгии, за перипетиями которого до этого пристально наблюдал, на военные действия Ибрагима-паши против турецкого султана Махмуда II, проявляя столь же пылкий интерес к новому конфликту. Дипломаты жаловались на легкость, с какой русское правительство переходило от одного увлечения к другому, считая, что она порождает застой в делах /47/. Для Т. де Лагрене решения русского правительства являются «не-политическими» в отличие от решений парижского или лондонского кабинетов, последовательных, логичных, преследующих интересы своих стран, а не теории, как в случае с Россией, торопящейся «раскрывать и преследовать повсюду мнимое революционное движение», пренебрегая своими истинными интересами /48/. Эта непоследовательность русской политики, выразившаяся во внезапных сменах акцента, была тем более неприятна дипломатам, что она нарушала связность дипломатической переписки.

Кроме встреч с императором, дипломаты поддерживали также регулярные отношения с министром иностранных дел и различными членами правительства.

Статс-секретарь по иностранным делам после отставки Николая Петровича Румянцева в 1814 г., вице-канцлер с 1828 г., канцлер с 1845 г. Карл Васильевич Нессельроде, сын немецкого

дипломата на русской службе, был на протяжении изучаемого периода самым частым собеседником иностранных представителей при российском дворе. В сентябре 1814 г. первый официальный представитель Людовика XVIII в Российской империи Жюст де Ноайль, прибыв в Санкт-Петербург, не застал там К. В. Нессельроде, который был уже на пути в Вену, спеша на конгресс. Вот почему французский посол, новичок в дипломатии, был вынужден сначала иметь дело с тайным советником Иваном (Иоанном) Андреевичем Ведемейером, который исполнял должность управляющего Коллегией иностранных дел с февраля 1814 года /49/. Дипломат немецкого происхождения, И. А. Ведемейер ничем особенным себя не проявил. В 1816 г., приобретя некоторый опыт жизни в России, Ж. де Ноайль называет И. А. Каподистрию, К. В. Нессельроде и А. А. Аракчеева тремя министрами, которые, по его мнению, более других облечены доверием императора Александра, причем первые два делили между собой иностранные дела /50/. Кроме того, граф Николай Петрович Румянцев, несмотря на подорванный авторитет вследствие симпатий к Наполеону, сохранял и после своей отставки звание канцлера и особые отношения с императором. Такая двусмысленность не облегчала задачу дипломатического корпуса /51/.

Жюст де Ноайль описывает статс-секретаря по иностранным делам К. В. Нессельроде как человека проникнутого симпатиями к Австрии и Англии, сухого в общении, с путаной речью /52/. Неудивительно поэтому, что он предпочитал иметь дело со вторым статс-секретарем, горячим греческим патриотом, графом Иоаннисом, в русской традиции Иваном Антоновичем Каподистрией /53/. Действительно, несмотря на раздел компетенций, в основе которого лежал географический принцип и различные взгляды статс-секретарей на политический курс империи, И. А. Каподистрия отвечая за отношения с Турцией, а К. В. Нессельроде ведая общим управлением министерства и европейским направлением, именно греческий патриот был неформальным лидером в министерстве и пользовался значи-

тельным влиянием на Александра I /54/.

По многочисленным свидетельствам, граф И. А. Каподистрия намного превосходил своего коллегу в интеллектуальном и нравственном отношении. Приятный собеседник, обладавший обширными познаниями, «он совершенный француз, и тем паче считает себя русским» /55/. Переписка послов Ж. де Ноайля и О. де Ла Ферроннэ с дипломатическим ведомством в Париже представляет достоверный отчет об их частых беседах с этим министром, чья политическая система тяготела к русско-французскому сближению /56/.

Противопоставляя двух министров, Ж. де Ноайль писал: «Превосходство ума одного, посредственность другого, неприятность манер одного, некий шарм присущий манерам другого, все должно было бы обеспечить триумф графа Каподистрии, и этот самый триумф не казался бы мне сомнительным, не будь известно, что Император, имея претензии на самоличное ведение дел, способен забыть о благе службы для удовлетворения своей гордыни, бояться соседства человека выдающегося и искать общество человека посредственного, который никогда не сможет разделить с ним славу успеха» /57/.

Но Иоаннис Каподистрия, уроженец острова Корфу, никогда не упускал из вида интересы своей родины. Он не принял русского подданства, и в 1821 г., разойдясь с Александром I во мнениях относительно позиции, которую следовало занять по отношению к греческому восстанию, предпочел удалиться от дел. Граф Карл Васильевич Нессельроде, начиная с 1821 г., остался единственным руководителем русской внешней политики, не считая императоров Александра и Николая, которые видели в министре иностранных дел покорного исполнителя своей воли.

Граф К. В. Нессельроде, которого при жизни и после смерти резко критиковали хулители авторитарической России как человека чуждого национальным интересам страны, был представлен в не лучшем свете и в советской историографии, где слыл антипатичным человеком /58/. Некоторый пересмотр тра-

диционно негативного отношения к личности и деятельности К. В. Нессельроде заметен, однако, со второй половины XX в. в зарубежной и новейшей российской историографии /59/.

В дипломатической переписке образ К. В. Нессельроде заметно изменяется с годами. Если Ж. де Ноайль отзывался о нем крайне негативно, то О. де Ла Ферроннэ уже менее суров, а дипломаты Июльской монархии единогласно восхваляют его терпение и хладнокровие, которые являли собой столь разительный контраст с нетерпимостью его повелителя.

Изменение в оценках, даваемых К. В. Нессельроде дипломатами, объясняется отчасти репутацией компетентного чиновника, которую он постепенно приобрел. В царствование Николая I, когда появилось новое поколение людей исключительно русских по духу, К. В. Нессельроде оставался почти единственным, кто хорошо знал другие страны и кабинеты /60/. И с опорой на опыт он приобрел внушающую доверие зрелость.

В некоторых ситуациях предпочтительнее было обратиться к вице-канцлеру, чтобы развить перед ним французскую точку зрения на то или иное событие, чем сразу же искать разговора непосредственно с императором. В марте 1824 г. О. де Ла Ферроннэ сослался на Пасхальные празднества, чтобы отсрочить встречу с Александром I по вопросу об испанских колониях. Его смущала горячая приверженность императора проектам насильственного примирения мятежных колоний с властью испанского дома. Руководитель французского дипломатического ведомства Ф.-Р. де Шатобриан, который сошелся с императором Александром во взглядах на данный вопрос во время Веронского конгресса, теперь под влиянием противодействия Форин оффис и косности испанского короля Фердинанда VII, отвергавшего всякую мысль о том, чтобы предоставить испанским колониям политическую автономию, ратовал за мирное решение конфликта. Вот как О. де Ла Ферроннэ объясняет Ф.-Р. де Шатобриану свое желание отсрочить разговор с императором: «Только после того, как г-н де Нессельроде доложит Его Императорскому Величеству о сделанных мною сообщениях, я смогу

судить, будет ли эта аудиенция действительно полезна для службы Короля при настоящих обстоятельствах. Пока у меня нет причин думать это; действительно, я смогу лишь повторить Императору аргументы, употребленные мною в последнем разговоре, которые, несмотря на блестящую манеру изложения в сегодняшних депешах Вашей Светлости, еще долго останутся без влияния на точку зрения, слишком хорошо усвоенную, чтобы тешить себя надеждами, что она может быть изменена иначе, как временем и очевидностью» /61/.

Как бы то ни было, и Александр I, и сменивший его на троне Николай I, держали иностранные дела под своим непосредственным контролем, и ничто не решалось без их участия. Были случаи, когда российский министр иностранных дел узнавал о том или ином решении государя от дипломатического корпуса. В 1826 г. именно посол О. де Ла Ферроннэ известил министра о радикальном изменении императорской политики в греческом вопросе, чем немало смутил его. Слишком сильный контраст между предыдущими заявлениями Николая I о своей приверженности в Восточном вопросе политике своего предшественника, готового, как известно, накануне своей смерти вступить в вооруженный конфликт с Турцией из-за греков, и его новой позицией полного равнодушия к судьбе этих бунтовщиков был предметом недоумения не только дипломата, но и министра. «Насколько мне известно, - пишет посол, - ничто не могло навести его на мысль о предстоящей столь резкой перемене в намерениях Императора; и испытанное им огорчение было тем более естественным, что, узнав посредством чужих голосов о решении, последствия которого должны представляться роковыми его благоразумию, он получил доказательство того, что его влияние при новом государе будет еще ничтожнее, чем при покойном Императоре» /62/.

В царствование Николая I, отличавшегося вспыльчивым нравом, мягкость и сдержанность К. В. Нессельроде скрывали от иностранных представителей дурное расположение духа государя, хотя нельзя сказать, чтобы эти последние обманыва-

лись насчет реального положения вещей, имея в своем распоряжении другие источники информации. Так, долгий разговор с чиновником иностранного ведомства Филиппом Ивановичем Брунновым, в июле 1836 г., подтвердил П. де Баранту его догадки о недовольстве Николая I ходом греческих дел, как ни старался К. В. Нессельроде скрыть это /63/. В депешах П. де Баранта часто встречается предположение, что будь К. В. Нессельроде предоставлен самому себе, ответ мог бы быть совсем другим. Впрочем, в 1830-ые гг. К. В. Нессельроде предпринимал частые попытки смягчить решения императора Николая, но не всегда ему это удавалось /64/.

Уже в январе 1836 г., при первом же знакомстве с К. В. Нессельроде, П. де Баранту стал ясен характер его будущих отношений с министром: «легкие, достаточно доверительные и без больших результатов». Во время их первого разговора К. В. Нессельроде уверил его в том, что почитает своим долгом приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить пагубные последствия, могущие произойти из затаенной Николаем I вражды к Июльскому режиму. На самом же деле, ему оставалось лишь уповать на действие времени /65/.

Дипломаты неоднократно замечали, что вице-канцлер предпочитает заниматься только делами, имеющими непосредственный сиюминутный интерес. «Он взял в привычку, - констатирует посол П. де Барант, - со мной и со всем дипломатическим корпусом говорить только на злободневные темы, требующие прямого обсуждения для принятия какого-либо решения или ответа» /66/. На каждый день хватает своих забот: «Нессельроде занимается текущими делами; он говорит о них, когда это необходимо, радуется всему, что не требует ни мгновенного действия, ни объяснения; и поскольку при настоящем положении Европы никакое правительство не в состоянии активно искать решение своим проблемам, не утратив при этом осторожности, эта политика вовсе не лишена ловкости» /67/. Встречаясь с П. де Барантом в обществе, К. В. Нессельроде избегал разговоров о политике, поэтому, как правило, их деловые беседы проходили в

официальной обстановке министерского кабинета в восточном корпусе грандиозного здания полуциркульной формы, отстроенного напротив Зимнего дворца по проекту К. Росси /68/. Поверенный в делах Т. де Лагрене подозревал даже, что К. В. Нессельроде случалось продлевать свои отсутствия, чтобы «уклониться от встреч и дел, которые обычно предваряют отправление каждого парохода» /69/.

Бывали случаи, однако, когда невозмутимый министр иностранных дел приходил в волнение. В августе 1839 г. при известии о нотах Парижа и Лондона, продиктованных опасением, что Россия попытается в одностороннем порядке, основываясь на Ункяр-Искелесийском договоре (26 июня/8 июля 1833 г.), оказать помощь молодому султану Абдул-Меджиду в его борьбе с амбициозным египетским вассалом, рассказывает П. де Барант, «краска залила лицо Нессельроде <...> и, впервые, я увидел его, всегда такого мягкого и спокойного, уступающим живости впечатления» /70/.

Но он взял себя в руки впоследствии, вернувшись к привычной роли. В 1842 г., после урегулирования Восточного кризиса, поверенный в делах Казимир Перье отмечает, что «его речь оставалась всегда пристойной, умеренной, примирительной. Вице-канцлер, робкий перед лицом своего государя и слишком придавленный, вероятно, под игом, которое давит здесь на всех, не разделяет, однако, ни вспыльчивости, ни всех предубеждений Императора. Вице-канцлер недолюбливает Францию, но он не всегда несправедлив: он слишком спокоен и холоден характером, предпочитая прислушиваться к советам своего разума, а не к побуждениям чувств, ставя практическую политику над пристрастной политикой. К тому же, немного усталый, немного безразличный к делам, г-н де Нессельроде счастлив, когда может избежать занятия ими, и никогда не способствует по доброй воле их возникновению» /71/.

На протяжении 1814 - 1848 гг. не было недостатка в слухах о близкой отставке К.В. Нессельроде. В октябре 1815 г. поверенный в делах Луи-Туссен де Ла Муссэ докладывает, что пу-

тешестве К. В. Нессельроде на воды Пирмона рассматривается как предзнаменование его опалы /72/. В январе 1826 г. О. де Ла Ферроннэ не уверен, что К. В. Нессельроде сможет продержаться у власти сколько-нибудь длительное время после восстания 14/26 декабря. «Русская партия» тогда во весь голос выражала свой протест против «немецкой партии», к которой принадлежал К. В. Нессельроде в силу, как своего происхождения, так и своих политических симпатий. Затем слухи об отставке К. В. Нессельроде были связаны с прибытием барона Григория Александровича Строганова в Санкт-Петербург в 1826 г., покинувшего свой пост посла в Константинополе, как предполагалось, для того, чтобы возглавить министерство; впоследствии, когда Николай I поддержал освободительную борьбу греков, предполагали скорое возвращение И. А. Каподистрии. В 1833 г. упоминалось еще имя генерала от кавалерии графа Алексея Федоровича Орлова, проявившего недюжинное дипломатическое искусство при заключении Ункяр-Искелесийского договора с Османской империей, в качестве возможного кандидата на портфель министра иностранных дел /73/. Однако все эти предположения оказались беспочвенными.

На время своего отсутствия вице-канцлер возлагал обязанности министра иностранных дел на того или иного второстепенного сотрудника дипломатического ведомства. В 1817 г. временно исполняющим обязанности министра иностранных дел стал тайный советник Петр Яковлевич Убри, бывший поверенный в делах (1801 - 1804) и специальный комиссар в Париже (1806). Ж. де Ноайль обнаружил в его образе действий ярко выраженную симпатию к Пруссии, при том, что его компетентность во внешней политике не вызывала сомнений /74/. В 1818 г., во время нового отсутствия К. В. Нессельроде, сопровождавшего Александра I на Аахенский конгресс, П. Я. Убри вторично был поставлен во главе иностранных дел /75/.

Но, начиная с 1820 г., министра заменял чаще всего сенатор Павел Гаврилович Дивов. По отзывам дипломатов, он был плохо сведущ в политике, но приложил старание к тому, чтобы

завершить различные частные дела, рекомендованные ему французским представительством /76/. П. Г. Дивов руководил министерством иностранных дел во время конгрессов Священного Союза в Лайбахе и Вероне в 1821 и 1822 гг., потом в сентябре и октябре 1824 г., во время длительного отсутствия К. В. Нессельроде /77/.

В начале июля 1830 г., находясь в Варшаве и намереваясь отбыть на Карлсбадские воды, К. В. Нессельроде известил глав дипломатических миссий циркулярным письмом о том, что Христофор Андреевич Ливен, с 1812 г. чрезвычайный и полномочный посол в Лондоне, возьмет на себя политические дела императорского кабинета, в то время, как сенатор П. Г. Дивов сохранит руководство департаментскими канцеляриями /78/. Князь Х. А. Ливен заведовал, таким образом, российской внешней политикой в течение чреватого международными осложнениями августа месяца 1830 г., когда стало известно о произошедшем во Франции перевороте.

По свидетельству П. де Бургоэна, «так же, как и большинство членов русской дипломатии, проводивших длительное время за границей, он (Х. А. Ливен - Т. Г.) принадлежал к партии мира и умеренности». К. В. Нессельроде поспешил вернуться из Карлсбада при первом же известии об Июльской революции, но пока он отсутствовал, у П. де Бургоэна не было причины сожалеть о нем, поскольку «на его месте находился человек мудрый, опытный, преисполненный, подобно ему, самых умеренных и примирительных чувств» /79/.

В августе-сентябре 1833 г. К. В. Нессельроде сопровождал Николая I в Богемию на переговоры с австрийским императором Францем I, возложив временное исполнение своих обязанностей на сенатора Константина Константиновича Родофиникина, директора азиатского департамента, «человека умного и способного, но почти полностью чуждого по роду своих занятий европейских проблем» /80/. Как известно, после подписания двух австро-русских конвенций, предусматривавших взаимную гарантию османских и польских владений, а также вы-

дачу участников революционного движения, К. В. Нессельроде отправился в Берлин, где в октябре заключил третью конвенцию с участием Пруссии, которая конкретизировала совместные действия трех северных дворов против революционеров. Т. де Лагрене, исполнявший в 1833 г. обязанности поверенного в делах, узнав о закулисных сделках из статьи, опубликованной в «Moniteur», не стал досаждать российскому кабинету претензиями, вопреки пожеланиям министра герцога Л.-В. де Бройя. Свое ослушание поверенный в делах объяснял бесплодностью подобного демарша перед К. К. Родофиникиным. «Для меня не представляло труда тотчас понять, что этот министр не имеет ни полномочий, ни желания заниматься подобными вопросами. Он пробормотал несколько ничего не значащих слов и ограничился тем, что ответил мне, что, так же, как и я, сожалеет о дискуссии, спровоцированной императорским правительством и о вызове, который оно, по-видимому, бросило европейской прессе, после чего становилось бесполезным продолжать разговор на эту тему» /81/.

Наконец, в 1840-ые гг. Иван Илларионович Воронцов-Дашков, главный церемониймейстер и член Государственного совета, в свою очередь, неоднократно замещал министра иностранных дел, в частности, во время двухмесячного отсутствия К. В. Нессельроде осенью 1845 года /82/.

Французские дипломаты, как и представители других наций, время от времени вступали в контакты с российскими государственными деятелями, пользующимися особым доверием и расположением императора. Однако в эпоху правления Александра I, который, как известно, все больше изолировался от общества с 1816 г., дипломаты не упоминают практически ни одного лица, который выступал бы неофициальным посредником между ними и государем. Можно упомянуть все же генерал-адъютанта графа Александра Ивановича Чернышева, который воспринимался французскими дипломатами как «нечто вроде дипломатического гласа». Так писал о нем Ж. де Ноайль в 1817 г., выслушав в очередной раз «затасканные аргументы в пользу

тесного союза Франции с Россией» /83/. Несомненно, этой репутации графа А. И. Чернышева способствовала его предыдущая деятельность в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента в Париже с 1810 по 1811 гг. Что же до могущественного временщика графа Алексея Андреевича Аракчеева, то он вопросами внешней политики не занимался, всецело предаваясь осуществлению внутренней политики государя, и упоминается в дипломатической переписке главным образом в связи военными поселениями, организатором и начальником которых являлся.

У императора Николая было больше приближенных лиц, которые вникали в вопросы внешней политики, такие как генерал от кавалерии граф Алексей Федорович Орлов, генерал от кавалерии граф Александр Христофорович Бенкендорф, генерал от инфантерии граф Павел Дмитриевич Киселев, а также тот же самый граф А. И. Чернышев. Доказав свою преданность престолу 14/26 декабря 1825 г. в качестве командующего конной гвардией, которая атаковала каре восставших на Сенной площади, А. Ф. Орлов с тех пор пользовался особым расположением императора. Названное обстоятельство не могли не заметить в дипломатическом корпусе, тем более что знаки признательности императора А. Ф. Орлову были многочисленны. Это и помилование его брата-декабриста Михаила Орлова, и ответственные дипломатические поручения, такие как подписание Адрианопольского мирного договора, который увенчал победу России над Османской империей (2/14 сентября 1829 г.), восстановление дружественных отношений с Портой в 1830 г. и союзный русско-турецкий Ункяр-Искелесийский договор (26 июня/8 июля 1833 г.). Кроме того, с 1844 г. А. Ф. Орлов возглавлял Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, сменив на этом посту другое доверенное лицо императора Николая - А. Х. Бенкендорфа. Если Александр I, по видимому, не испытывал расположения к А. Х. Бенкендорфу, то усердный царедворец был с лихвой вознагражден за эту «опалу» близостью к императору Николаю. Он, как и А. И.

Чернышев, вызывал особый интерес среди французских дипломатов, так как в 1807 - 1808 гг. состоял при русском посольстве в Париже. Сблизившись с молодым императором во время следствия по делу декабристов, облагодетельствованный им, поставленный во главе органа политического сыска и следствия с момента его создания в 1826 г., А. Х. Бенкендорф, неизменно сопровождал Николая I в путешествиях по России и за границей. Так, в августе 1833 г. среди персон, назначенных сопровождать Николая I в Богемию, Т. де Лагрене называет А. Х. Бенкендорфа и А. Ф. Орлова, которые «имеют в любое время доступ к Императору и в затруднительных ситуациях служат посредниками графу де Нессельроде, живущему несколько месяцев в году вдали от императорских резиденций, и располагающему всего двумя рабочими днями в неделю» /84/. По прошествии нескольких лет, П. де Баранту часто приходилось вступать в разговор с этими людьми, которых император Николай посылал исподтишка выведать французскую точку зрения на то или иное событие.

Генерал П. Д. Киселев, как и А. И. Чернышев, был приближенным лицом обоих императоров. Но в силу специфики своей деятельности большую часть времени проводил вне столиц и, следовательно, вне досягаемости дипломатов. Так, в 1814 г. он сопровождал Александра I на Венский конгресс, с 1819 г. был начальником штаба 2-й армии в Тульчине Подольской губернии. В царствование Николая I принимал активное участие в войне против Турции 1828 - 1829 гг., далее с 1829 по 1834 гг. командовал войсками, размещенными в Дунайских княжествах, после войны официально находившихся под протекторатом России. Лишь с 1835 г. П. Д. Киселев обосновался в столице, возглавив V отделение по делам казенных крестьян Собственной его императорского величества канцелярии и министерство государственных имуществ. Умный, честолюбивый и обаятельный П. Д. Киселев был душой общества, и дипломаты пытались через его посредство выведать детали реформ в области управления государственными крестьянами. Что же до

графа А. И. Чернышева, то поставленный в 1832 г. во главе военного министерства, он находился в постоянных контактах с дипломатическим корпусом.

Барон Филипп Иванович Бруннов, пользовавшийся особым расположением К. В. Нессельроде и бывший его самым близким сотрудником в 1830-ые гг., имел репутацию человека, хорошо владеющего пером. Кроме редактирования дипломатических бумаг, Ф. И. Бруннов получал иногда от своего начальника задание зайти к послу Франции П. де Баранту для доверительных бесед на животрепещущие политические темы /85/. Но репутацию блестящего дипломата Ф. И. Бруннов приобрел в связи с успешным исполнением особого политического поручения в Лондоне во время обострившегося турецко-египетского конфликта 1839 - 1840 гг. /86/. Результатом его деятельности стало крушение согласия между Англией и Францией, а также сближение Англии и России на почве восточных дел, которое выразилось в подписании русско-австро-английской конвенции от 3/15 июля 1840 г., принесшей Ф. И. Бруннову большую ленту Белого Орла и сделавшей его объектом ненависти французов.

На основании вышеприведенных свидетельств из переписки французских дипломатов в Санкт-Петербурге за период с 1814 по 1848 гг., возлежащая на них обязанность проникновения в тайны российской внешней политики представляется делом, усеянным препятствиями. Прав был А. де Кюстин, когда писал о том, что вся Россия видит в иностранных представителях шпионов. Французским дипломатам в Санкт-Петербурге приходилось считаться с чрезвычайной подозрительностью своих собеседников. Первым следствием этой подозрительности был секрет, окружавший деятельность российской дипломатии, тем лучше сохранявшийся, что император лично руководил внешними делами с помощью небольшого количества практически несменяемых министров. Среди этих министров главными собеседниками дипломатов были, несомненно, главы российского министерства иностранных дел, характеристика которых, дан-

ная в депешах, поражает иногда глубиной психологического анализа. Зыбкость почвы, непостоянство идей, приверженность отвлеченным теориям являются характерными чертами российской внешней политики, по мнению французских представителей. В результате, дипломаты приходят к неожиданному выводу. А именно, российскую дипломатию вовсе нельзя назвать ни ловкой, ни блестящей, в противоположность мнению, сложившему на Западе.

1. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. В. Мильчиной. М.: Терра, 2000. Т. 1. С. 305.
2. Деша Перье от 29 марта 1842. Archives du ministère des affaires étrangères. Correspondance politique. Russie. Vol. 198. F. 100. Впоследствии АМАЕ. CP Russie.
3. Custine A. (marquis de). La Russie en 1839. Paris: Solin, 1990. Т. 2. P. 374.
4. Деша Перье от 21 октября 1841. АМАЕ. CP Russie. Vol. 197. F. 55.
5. См. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 - 1883). Москва: «Наука», 2002. С. 20.
6. Деша Лагрене от 23 февраля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 101.
7. Livois R. de. Histoire de la presse française. 2 vol. Lausanne: Spes, 1965. Т. 1: Des origines à 1881. P. 239.
8. Деша Лагрене от 23 февраля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 101.
9. Деша Ла Ферроннэ от 10 апреля/30 марта 1820. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 162.
10. Деша Ла Ферроннэ от 1 октября 1823. АМАЕ. CP Russie. Vol. 165. F. 473.
11. Деша Лагрене от 22 августа 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 102.
12. Деша Баранта от 21 мая 1836. Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782 - 1866). Paris: Calmann Lévy frères, 1895. Т. 5. P. 388.
13. Деша Лагрене от 8 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 146.

14. Депеша Райневаля от 20 октября 1845. АМАЕ. CP Russie. Vol. 200. F. 144.
15. Депеша Ла Ферроннэ от 10 апреля/30 марта 1820. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 162.
16. Письмо Баранта к Аниссон дю Перрон без даты. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 399.
17. Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français, sous la direction de J Baillou. Paris: CNRS, 1984. Т. 1. P. 551.
18. См. что по этому поводу говорит П. де Барант в своей депеше Адольфу Тьеру от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433.
19. Bourgoing P. de. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques. Paris : E. Dentu, 1864. P. 570.
20. Конфиденциальная депеша Ла Ферроннэ к Дама от 14 октября 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 171. F. 267.
21. Bourgoing P. de. Souvenirs... P. 569 - 570.
22. Ibid. P. 561.
23. Депеша Ла Ферроннэ от 25 апреля 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 145.
24. Письмо Ла Ферроннэ к Шатобриану от 14 мая 1824. Ibid. F. 177.
25. Депеша Ла Ферроннэ от 12/24 июля 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 171. F. 93 - 97.
26. Депеша Лагрене от 11 июля 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 52.
27. Депеша Ла Ферроннэ от 25 марта 1823. Mikhaïlowitch N. (grand-duc). L'empereur Alexandre 1er. Essai d'étude historique. Saint-Pétersbourg, 1912. Т. 2. P. 439.
28. Депеша Ноайля от 30 октября 1817 из Москвы. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie avec leurs gouvernements de 1814 à 1830. Т. 2. SPb.: Edition de la Société Impériale d'Histoire de Russie, 1904. P. 420.
29. Депеша Ла Ферроннэ от 9 января 1820/28 декабря 1819. АМАЕ. CP Russie. Vol. 160. F. 25.
30. Ibid. F. 26.
31. Депеша Фонтенэ от 18 августа 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 297 - 298.
32. Депеша Фонтенэ от 25 декабря 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 167. F.

- 76.
33. Депеша Ла Ферроннэ от 4 февраля/23 января 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 35. См. также Архангельский А. Александр I. М.: Молодая гвардия, 2006. С.309.
34. Депеша Баранта от 22 марта 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 325 - 330.
35. Депеша Баранта от 14 декабря 1839. Ibid. Т. 6. P. 364.
36. Депеша Мортемара от 29 июля 1831 №33. АМАЕ. CP Russie. Vol. 183. F. 16.
37. Депеша Мортемара от 2 июля/20 июня 1831. Ibid. F. 26.
38. Депеша Ноайля без даты и номера. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 83.
39. Депеша Ла Ферроннэ от 31 августа 1823. АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 153.
40. Депеша Серсэ от 2 сентября 1835. АМАЕ. CP Russie. Vol. 190. F. 178.
41. Рапорт Буалекомта от 5/17 сентября 1822. АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 63.
42. См. Геллер М. История Российской империи. В 2-х томах. М.: изво «МИК», 2001. Т. 2. С. 218.
43. Рапорт Буалекомта от 5/17 сентября 1822 (№9). АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. P. 73.
44. Депеша Лагрене от 26 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 181.
45. Депеша Ла Ферроннэ от 26 марта 1823. Mikhaïlowitch N. L'Empereur... Т. 2. P. 441.
46. Депеша Лагрене от 30 января 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 63.
47. Депеша Лагрене от 9 февраля 1833. Ibid. F. 83 - 85.
48. Депеша Лагрене от 16 февраля 1833. Ibid. F. 93.
49. Депеша Ноайля от 6 сентября 1814. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 72 - 73.
50. Это разделение дипломатических обязанностей между двумя министрами было достаточно традиционным в России, позволяя преследовать противоположные тенденции в международных отношениях.
51. Депеша Ноайля от 3 июня 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... Т. 1. P. 525.

52. Деша Ноайля от 28 сентября 1816. Ibid. P. 636.
53. Деша Ноайля от 31 декабря 1817 из Москвы. Ibid. T. 2. P.528 - 533. Недоброжелатели из современников прозвали графа К. В. Нессельроде «австрийским министром русских иностранных дел». Troyat H. Pouchkine. Paris: Plon, 1953. P. 700.
54. Деша Ноайля от 3 декабря 1816. Ibid. P. 706 - 712. См. также: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 291 - 293.
55. Деша Ноайля от 28 сентября 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... T. 1. P. 636.
56. Деша Ла Ферроннэ от 23 июля 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol.171. F. 74 - 85.
57. Деша Ноайля от 28 сентября 1816. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... T. 1. P. 635 - 636.
58. Это отчасти объясняется неприязнью, которую великий национальный поэт А. С. Пушкин питал к министру, по ведомству которого числился. См., например, негативную характеристику К. В. Нессельроде как карьериста и слепого исполнителя монаршей воли в издании: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова: В 5 т. М.: «Три века истории», 2000. Т. V. С. 502 - 503.
59. См. в частности Grimsted P. The foreign ministers of Alexander I. Political attitudes and the conduct of Russian diplomacy, 1801 - 1825. Berkeley, 1969; Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700 - 1918 гг. М., 2004. С. 241; Ташшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: «Прометей», 2005. С. 171.
60. Деша Баранта от 24 марта 1837. Souvenirs du baron de Barante... T. 6. P. Н. Ж. Мезону и Э. де Серсэ, впрочем, довелось свести знакомство с К. В. Нессельроде еще до прибытия в Россию.
61. Деша Ла Ферроннэ от 17 апреля 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 138.
62. Деша Ла Ферроннэ от 24 марта 1826. АМАЕ. CP Russie. Vol. 170. F. 203.
63. Деша Баранта от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... T. 5. P. 429 - 433.
64. К. В. Нессельроде не удалось, например, убедить Николая I в деле греческих займов. Деша Баранта от 9 и 18 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... T. 5. P. 429 - 433 и P. 440 - 443.
65. Деша Баранта от 12 января 1836. Ibid. P. 251.
66. Деша Лагрене от 15 июня 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 14.
67. Деша Баранта от 20 декабря 1836. Ibid. P. 510.
68. Министерство иностранных дел переехало в здание Главного штаба на Дворцовой площади в 1829 г., до этого оно располагалось по адресу Английская набережная д. 32.
69. Деша Лагрене от 15 июня 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 14.
70. Деша Баранта от 3 августа 1839. Souvenirs du baron de Barante... T. 6. P. 227.
71. Деша Перье от 9 марта 1842. АМАЕ. CP Russie. Vol.198. F.92-93.
72. Деша Ла Муссэ от 13 октября 1815. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... T. 1. P. 312.
73. Деша Лагрене от 26 октября 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 185 - 186.
74. В 1806 г. П. Я. Убри подписал неприемлемый для русской стороны договор с Францией, который не был ратифицирован. См. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М.: «Астрель», 2003. С. 126 - 132. Деша Ноайля от 30 октября и 27 ноября 1817. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... T. 2. P. 472 - 474.
75. Деша Мальвирада от 30 апреля 1818. Ibid. P. 669 - 670.
76. Деша Фонтенэ от 8 октября/26 сентября 1824. АМАЕ. CP Russie. Vol. 166. F. 339.
77. Деша Фонтенэ от 18 августа 1824. Ibid. F.289 - 291.
78. Деша Бургоэна от 10 июля/28 июня 1830. АМАЕ. CP Russie. Vol. 180. F. 146 - 149.
79. Bourgoing P. de. Souvenirs... P. 503.
80. Деша Лагрене от 22 августа 1833. АМАЕ. CP Russie. Vol. 187. F. 103 - 104.
81. Деша Лагрене от 18 сентября 1833. Ibid. F. 132.
82. Деша Райневаля от 30 сентября 1845. АМАЕ. CP Russie. Vol. 200. F. 131.
83. Деша Ноайля от 14 декабря 1817 из Москвы. Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres... T. 2. P. 520.

84. Деша Лагрена от 22 августа 1833. AMAE. CP Russie. Vol.187. F. 98 - 99.
85. Деша Баранта от 9 июля 1836. Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 429 - 433.
86. Деша Баранта от 5 ноября 1839. Ibid. Т. 6. P. 352.

В. Н.Борисенко, Ю. И.Кузнецова

Периодические издания 1830 - 1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции.

Первая парламентская реформа 1832 г. является одним из наиболее известных этапов совершенствования системы избирательного права в Англии XIX века. Борьба за проведение реформы началась в 1830 г., когда произошли события значительно изменившие обстановку внутри страны, и предопределившие необходимость и возможность принятия Билля о реформе 1832 г. Среди законодательных мер, предпринятых правительством в 1830 г. и за несколько лет до этого, следует выделить Акт об эмансипации католиков, который повлиял на авторитет лидера тори герцога Веллингтона. В число событий, которые воздействовали на расстановку сил «за» и «против» реформы, можно отнести смерть Георга IV в конце июня 1830 г. и Июльскую революцию во Франции.

Таким образом, хронологические рамки исследования, ограничены 1830 г. В этот же период была проведена ноябрьская сессия парламента, которая сделала очевидным падение партии тори как основной политической силы. Учитывая специфику использованных в исследовании источников, ежеквартальных обзоров, целесообразно расширить рамки исследования и на первую половину 1831 г. В первую очередь это связано с тем, что каждый выпуск охватывал в среднем около трех месяцев, и некоторые из статей, посвященные интересующим нас событиям, были опубликованы в номерах начала 1831 г.

Источники представлены тремя ежеквартальными политическими и литературными обзорами: «The Edinburgh Review», «The Quarterly Review», «The Westminster Review», - изданными в Лондоне и Эдинбурге в этот период. Обращаясь к рассмотрению статей, следует обратить внимание на особую черту политических изданий в жизни Англии. В сопоставлении с французскими газетами, которые пропагандировали революци-

онную борьбу и играли значительную роль в событиях трех дней 1830 г., английские политические издания являлись «справедливым выражением того, о чем думает и что чувствует вся страна, откуда может быть выведено общее суждение» /1/. При таком подходе ценность ежеквартальных обзоров как исторического источника, который может выразить «мнения наиболее разумных представителей той партии, к которой относятся подписчики». Изучив эти материалы, мы можем составить развернутое представление об интересующих нас событиях с позиции партийной принадлежности современников.

Следует сделать акцент на темах статей, которые были выбраны для рассмотрения. В первую очередь внимание было уделено статьям, посвященным Июльской революции во Франции. Так как после получения известий об изменениях в системе избирательного права, достигнутых французами посредством революционных выступлений, активизировалось движение в пользу парламентской реформы в Англии. Но в связи с тем, что взгляды на реформу соответствовали разным интересам, трактовка событий представителями политических сил не могла быть одинаковой. Сравнение этих мнений поможет нам объективно оценить влияние произошедшей во Франции революции на ситуацию в Англии. В число статей, отнесенных нами к этому разделу, вошли публикации: «О необходимости диктатуры» /2/ с размышлениями о книге с одноименным названием М. Коттю, советника королевского двора Парижа, «Политика принцев; эссе содержащее полезные советы законным монархам и картину настоящего положения европейских государств» /3/ основанной, видимо, на размышлениях члена австрийской делегации, «Парижские события 27, 28 и 29 июля 1830 года» /4/, «Политические размышления о настоящем времени» /5/.

Второй по важности и частоте упоминаний является тема власти и компетентности герцога Веллингтона, фигура которого стала одной из самых ярких и противоречивых в рассматриваемый период. Непосредственно герцогу Веллингтону посвящена статья «Чего добился герцог Веллингтон своей отстав-

кой?» /6/, но его деятельность освещена и во фрагментах, связанных с эмансипацией католиков, личными отношениями короля Георга IV и вопросом о проведении парламентской реформы. Хотелось бы выделить ещё одну публикацию, которая называется «Страна без правительства; или простые вопросы о несчастном состоянии существующей администрации» /7/, в которой в равной степени уделено внимание, как личности герцога Веллингтона, так и покойного короля Англии, теме смерти которого, согласно нашему мнению было оказано минимальное почтение и внимание деятелей парламента как на сессии в ноябре 1830 года, так и в ежеквартальных обзорах. Тем не менее, среди публикаций, рассмотренных нами, была и статья посвященная Георгу IV /8/. Но следует отметить, что характеристика монарха в вышеупомянутой работе содержит в основном негативную оценку.

Безусловно, что в определении влияния событий 1830 г. на проведение первой парламентской реформы не может быть не рассмотрено мнение современников о необходимости принятия мер по изменению системы избирательного права. Внимание к этой теме мы можем наблюдать в выпусках Вестминстерского ежеквартального обзора, а именно в статьях под названиями: «Размышления о реформе в Палате общин» /9/ и «Парламентская реформа» /10/.

В отдельный блок мы считаем необходимым выделить статьи, опубликованные в «The Quarterly Review» в январе-марте 1830 г. Они посвящены происхождению знати, её роли во Франции и влиянию пэров в Англии. Детально эти работы рассмотрены не были, так как носят в основном теоретический характер, тем не менее, упоминание о них необходимо. В первую очередь это является показателем интереса к исторической оправданности власти аристократии, ее законности и необходимости.

Внимания также требуют статьи, затрагивающие тему экономического состояния Англии /11/, в которых большинство авторов рассматривает проблемы налогов и снабжения зерном.

Эти публикации были бы более важны для исследования мер правительства, направленных на исправление недостатков в законодательстве, обеспечивающем финансовое благополучие населения.

Для объективной оценки мнений, высказанных на страницах статей, рассмотрим краткую историю создания трех ежеквартальных политических и литературных обзоров, таких как «The Edinburgh Review», «The Quarterly Review», «The Westminster Review».

«The Edinburgh Review» был одним из наиболее влиятельных британских журналов девятнадцатого века. Основанный в 1802 г. Сиднеем Смитом и Генри Врохэмом, обзор предназначался для публикаций политического и литературного содержания авторы которых поддерживали партию вигов, постоянно призывая к реформе.

«The Quarterly Review» литературное и политическое периодическое издание, основанное в марте 1809 г. Джоном Мюррэ первоначально, для того, чтобы противостоять влиянию на общественное мнение «The Edinburgh Review». При третьем редакторе, Джоне Гибсоне Локарте, пребывавшем на этом посту с 1826 по 1853 гг., «The Quarterly Review», реагируя на раскол в партии тори, стал менее последовательным в политической философии, которую он проповедовал ранее. В издании нашла отражение и более консервативная точка зрения герцога Веллингтона, «The Quarterly Review» стоял на стороне тори.

Последним из рассмотренных нами изданий был «The Westminster Review», основанный в 1824 г. Джереми Бентамом и Джеймсом Милем как журнал философских радикалов.

Необходимо отметить, что среди работ, посвященных парламентской реформе 1832 г., большинство авторов использует цитаты из политических изданий того времени для обоснования утверждений по некоторым вопросам, но исследований, касающихся исключительно темы освещения событий в периодической печати немного. Среди них хотелось бы выделить книгу Джонатана Катмора «Консерватизм и Quarterly Review: крити-

ческий анализ», вышедшую в 2007 году /12/.

Перейдем теперь к анализу статей, разделяя их на блоки в соответствии с темами. Основное внимание в политических еженедельниках было уделено июльской революции 1830 г. во Франции. Сведения о событиях трех дней в Париже, достигнув Англии, подняли новую волну агитации в пользу проведения парламентской реформы. Политические силы, настаивавшие на переменах, не упустили возможности использовать эти факты для обоснования необходимости внесения на рассмотрение в парламент проекта о реформе избирательного права. Очевидна закономерность обсуждения фактов и последствий Июльской революции в статьях, опубликованных в The Westminster Review в течение 1830 - 1831 гг.

Статья «События 27, 28, 29 июля 1830 года в Париже» носит описательный характер с весьма сдержанными суждениями. Большой интерес для темы исследования представляет работа «Политические размышления о настоящем времени» /13/, опубликованная в том же номере, но посвященная Июльской революции в рамках европейской политической системы и в первую очередь английской истории. Революция во Франции ещё в 1830 г. часто сравнивалась со Славной революцией 1688 года, что особенно четко прослеживается в статье «Великобритания и Франция» /14/. Там же мы находим мнение автора по вопросу легитимности монарха: «Наш король в течение этих ста сорока лет был законен на основании его незаконности; <...> Есть ли кто-нибудь, кто не видит, что вещь, названная законностью, имеет значение только для дурака? <...> Мы законны, потому что мы создаем закон» /15/. В таком случае получение престола Луи Филиппом Орлеанским может получить сравнение с историей Англии во второй половине XVII столетия и оправдать получение власти в результате революционных потрясений. По мнению автора, преимуществом французов в урегулировании внутривнутриполитических споров является оружие в их руках, но это в свою очередь может либо привести к анархии, либо допустить к власти неприемлемо большое количество людей, в то время

как англичане действуют конституционными методами. Но вернемся к рассмотрению событий 1830 г.

Рассмотрев статьи, которые были опубликованы в *The Westminster Review* и посвящены Июльской революции, мы можем сделать вывод о том, что в изложении фактов об июльских событиях и в положительной оценке действий народных масс авторы статей пытались провести параллели с политической ситуацией в Англии, сделать акценты на возможных методах борьбы с «несправедливостью» и в итоге сравнить революционный опыт обеих стран. Необходимо отметить, что прямых призывов к революционным действиям или подъему массового движения за избирательную реформу в этих работах высказано не было. Следовательно, оживление требований сторонников билля о реформе, связанное с известиями о происходящем во Франции, наиболее вероятно возникло стихийно, без навязывания его политическими лидерами либеральных и радикальных кругов.

Обратимся теперь к статье, опубликованной в *The Quarterly Review*. Какие идеи консервативно настроенные авторы противопоставили своим политическим противникам? Для этого рассмотрим материал о политическом состоянии и перспективах Франции под названием «О необходимости диктатуры» /16/. Основной мыслью рассматриваемой работы является необходимость ограничения доступа к власти лиц, не обладающих крупной собственностью. «Врожденная ненависть, которую они испытывали ко всем людям более состоятельным, чем они сами...» /17/ во многом была одной из основных причин кровопролития и революционных выступлений. Автор статьи на примере предположения дальнейшего развития событий во Франции после июля 1830 г., пытается объяснить отрицательное влияние наделение избирательным правом более низких слоев населения, которые в силу своего численного преимущества над крупными и средними собственниками получили бы большее представительство в парламенте, а следовательно, и влияние на политику государства. Такая закономерность имеет место в ог-

раниченной или конституционной монархии, поэтому сохранить привилегии собственности в Англии было бы особенно важно. В оценке событий июльской революции для дальнейшего развития и процветания Франции М. Коттю высказывает мнение о том, что «нет страны более неосведомленной о политике, чем Франция», так как являясь страной прогрессивных идей управления государством, совершающей революцию она «никогда не бывает столь гибка и покорна, как в момент после совершения яростного восстания» /18/.

Принцип «антиновшества» и консервативности, представляется автору благоприятным для государственного реформирования. Однако, помимо отклонения законопроектов, носящих временный характер, может быть задержано проведение и благотворных мер. Таким образом, М. Коттю пришел к заключению о том, что сформированная в результате июльской революции избирательная система изначально содержит в себе грубое противоречие, объединяя в одном правительстве различные классы: «Опыт предоставления конституционной формы правления (по аналогии с английской. - *Авторы.*) во Франции не был успешным, <...> и представляет практическую иллюстрацию нелепости, которую называют телега перед лошадей» /19/ Нация, получившая свободу правления, не имеющая ограничения отличиями собственности и власти, не знающая как свободой нужно обладать, будет подобна «клоуну, который выиграл в лотерее десять тысяч фунтов» /20/. По нашему мнению, эта цитата, даже не подкреплённая другими аргументами в пользу отрицания необходимости реформы системы представительства, могла быть единственной и достаточной для тори.

Гарантией свободы в государстве должна стать аристократия, которая будет действовать как «защита короны от людей и защита людей от короны» /21/. Несомненным преимуществом консервативности британской законодательной системы в сравнении с французской мы склонны считать, то «что любой человек без особой опасности для общества может предложить любую нелепость политического или религиозного характера» /22/.

В то время как «масса здравомыслящих людей» ограничит возможность их принятия.

Интересные сравнения автор приводит в своей статье относительно действий французской революции: уничтожение привилегированных слоев общества по мнению автора подобно «сжиганию дотла дома, чтобы избавиться от гнезд нескольких воробьев под карнизом» или «лечению зубной боли посредством удаления челюсти» /23/. Нельзя в данном случае не отметить твердую позицию автора по отношению к аристократии и яркость приведенных сравнений для создания картины уничтожения аристократии во Франции. С нашей точки зрения, статья полностью отражает отношение тори к июльской революции и подчеркивает нежелание консерваторов принимать реформу представительства. Что же касается желания видеть дальнейшее развитие Франции в восстановлении полномочий короны без «старых» злоупотреблений, то, безусловно, оно полностью соответствует взглядам консервативно настроенной части правительства. Нельзя не обратить внимания на литературные способности в описании публицистом действий, направленных на предотвращение распространения революционных идей на другие европейские страны. Наиболее запоминающимся среди них является сравнение Франции с соседом, который, желая сжечь свой дом, не требует вмешательства в его личные дела, но если он разбрасывает головешки, угрожающие целому округу, он заставляет нас интересоваться его внутренними делами. Другим интересным «решением» задачи нераспространения революционных идей, с точки зрения автора, стало желание окружить французов великой китайской стеной, в пределах которой они могли бы передуть друг друга и сколь угодно экспериментировать со способами политического устройства страны /24/.

Подводя итог изучению трактовки Июльской революции во Франции в политических изданиях 1830 г., следует выделить безусловное преимущество консервативных кругов в умении аргументировать свои позиции. Защита аристократии кажется нам более удачным ходом, чем сравнение Июльской революции

во Франции со Славной революцией 1688 г. в Англии. В первую очередь это связано с тем, что вопрос реформы избирательного права в большей степени связан не с монархом, а с мнением правительства. Проанализировав статьи «The Westminster Review» мы также можем отрицать часто приводимый факт о том, что сравнение революции во Франции и Англии внесло оживление в обсуждение вопроса о продвижении реформы избирательного права. Активность населения была вызвана схожестью политических требований революционных кругов Франции и не представленных в парламенте широких слоев населения в Англии. Стоит теперь перейти к рассмотрению темы парламентской реформы в публикациях политических изданий, вышедших во второй половине 1830 - начале 1831 гг.

Необходимо обратить внимание на то, что непосредственно реформе посвящены две статьи, которые были опубликованы в выпусках «The Westminster Review» за 1830 - 1831 гг. Именно тогда, в 1831 г., в парламент лордом Расселом был внесен проект билля о реформе. Возможно, что материал был собран еще до этого события, но не учитывать такую особенность при анализе позиции сторонников реформы было бы ошибкой.

В данной части исследования мы обратимся к статьям «Размышления об умеренной реформе в палате общин» /25/ и «Парламентская реформа» /26/. Умеренная реформа в палате общин сводится в этой работе к принятию акта об избирательном бюллетене, который, в свою очередь, обеспечил бы возможность тайного голосования. Действительно, право голоса было практически превращено в фарс с заранее известными результатами. В таких условиях возможность отдать свой голос за будущего представителя, соответствовавшего личным политическим симпатиям избирателя, был практически исключен, в то время как введение тайного голосования предполагалось как средство борьбы со «злом развращенного избирательного права» /27/. Противниками введения данной меры был приведен аргумент о том, что те люди, которые желают добиться тайного голосования желают разрушить законное влияние собствен-

ности. Логичными становятся вопросы о том, кто более неблагороден в своем поступке? Но «нет никакого сравнения между низостью человека, который нечестно голосует при таких обстоятельствах, и низости того, кто подкупает его» /28/. Все это происходит потому, что «бедность толкает людей Англии, жить на подачки и пожертвования, а в зависимых обстоятельствах заниматься продажей своего голоса. Тайное голосование, тем не менее абсолютно гарантирует его независимость, но «человек голосует согласно своему желанию в том случае, если он не получит никакой прибыли при голосовании одним способом и ему не грозит какое зло при голосовании другим способом» /29/.

Введение независимого голосования в округах, наделенных этим правом, положило основу существующим политическим технологиям и ведению предвыборных кампаний. У кандидатов в представители появилась необходимость привлекать избирателей на свою сторону. Таким образом, в умах людей выбор претендента основывался на принципах достоинства. Элемент соревнования в выборах приблизил бы их к современности. Но сам автор отмечает малую вероятность осуществления таких мер на момент публикации, однако полагает, что в скором времени очевидность необходимости этой меры станет понятна всем. Завершая характеристику данной статьи, мы должны отметить, что предлагаемый проект несет в себе не требование расширения числа голосующих, а призыв к тому, чтобы результаты выборов соответствовали мнению избирателей. Здесь же можно вспомнить и о том, что борьба с «карманными» местечками в дальнейшем стала одним из пунктов билля о реформе 1832 г. В процессе логического обоснования необходимости тайного голосования на примере США и Франции, таким образом, метод сравнения, так часто используемый в статьях, возможно и объясняет нам тот факт, что Великобритания XIX века рассматривается историками как пример ровного безреволюционного развития. Возможно, предпосылками для этого были консервативность и умеренность правящих партий, но мы склонны считать, что анализ событий, произошедших в других

странах, использование их исторического опыта и попытки «примерить» на себя ту или иную меру правительства сыграли в этом определяющую роль.

Обратимся теперь к рассмотрению статьи о проекте парламентской реформы. В этой публикации, согласно выявленной уже закономерности, снова уделяется внимание революции 1688 г. и недавно произошедшей июльской революции во Франции. Остановившись на основных тезисах статьи опубликованной в «Westminster Review» мы можем снова говорить о том, что помимо обвинений партии тори, аргументы в пользу проведения парламентской реформы не были приведены. Как и в предыдущей статье, особое внимание уделено вопросу о необходимости устранения «гнилых» местечек из управления страной. Свойственная радикальным и либерально настроенным кругам скандированная речь, непоследовательность могли заинтересовать лишь существующих приверженцев вышеназванных направлений политической мысли. Привлекает наше внимание и то, что тема промышленных городов, так сильно развитая в советской историографии второй половины XX в., в данных статьях и в связи с реформой не упоминается вовсе. Следовательно, можно придти к выводу о том, что выступления в пользу реформы носили скорее анти-аристократический характер, чем про-городской. Отсюда можно сделать заключение о том, что виги во главе с графом Греем взяли инициативу проведения реформы в свои руки, отнюдь не из-за желания расширить избирательные права жителей Великобритании. Их привлекала возможность таким образом придти к власти, так как это могло создать бы условия для формирования нового кабинета под председательством либерального премьер-министра в политически благоприятных условиях.

Рассмотрение двух статей о реформе избирательного права в Великобритании делает очевидными еще несколько фактов. Первым из них мы склонны называть то, что проект реформы получил развитие уже непосредственно перед внесением его на рассмотрение в парламент и в процессе обсуждений его в

обеих палатах. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что представители разных слоев населения к апрелю 1831 г. не были объединены в движение в пользу реформы представительства. Мы считаем возможным предположить, что политические требования выдвигались в частном порядке от районов и городов, а следовательно еще не существовало проекта реформы в том виде, в котором она была принята в 1832 г.

Перейдем теперь к освещению деятельности политика, который противостоял реформе до последнего - герцога Веллингтона.

Политические издания 1830 - 1831 гг. уделяли значительное внимание герцогу Веллингтону в связи с несколькими вопросами: эмансипацией католиков и личностью Георга IV на всем протяжении его правления. В ряду рассмотренных нами статей необходимо выделить публикации под названиями «Ответ на памфлет озаглавленный «Чего добился герцог Веллингтон своей отставкой?» /30/ в «Westminster Review» и вышедшей на страницах «The Edinburgh Review» работы «Страна без правительства или простые вопросы о печальном состоянии настоящего министерства» /31/.

Падение Веллингтона как лидера тори произошло в 1829 - 1830 гг., но это трагическое завершение его политической карьеры сопровождалось насмешками, а не сочувствием. Доверие нации уменьшалось с каждым его выступлением, с каждой попыткой предпринять что-либо. Статья об отставке герцога сравнивает его с мухой на передней части колесницы, которую хвалят за скорость и направление, подразумевая начало карьеры, когда Веллингтон подчинился импульсу мнения и гению своего возраста /32/.

Провозглашение герцогом антиреформаторской позиции «через час заставило ненавидеть его, а меньше чем через неделю - презирать, терпеть насмешки целой страны» /33/. Подобное поведение Веллингтона по его глубокому заблуждению было успокоить людей, но в действительности оно являлось только причиной их раздражения.

После принятия акта об эмансипации католиков начался раскол внутри партии тори. Крайние тори, высказывание которых приведено автором статьи, огласили следующую точку зрения: «Мы не будем доверять ему. Хоть он и произносит наши лозунги, на него нельзя положиться» /34/. Последствием этого раскола стало то, что вместо союзников герцог получил врагов даже среди своих единомышленников. Правительство Веллингтона ушло в отставку после поражения по вопросу о Civil list (список расходов королевской семьи), но главной ошибкой герцога стало наиболее распространенное и свойственное многим правительствам предположение о том, что «люди настоящие дураки, неспособные к восприятию даже уловок правительства» /35/.

Спровоцированное действиями пошатнувшегося министерства напряжение внутри страны могло в любой момент захлестнуть Англию и военная сила в подавлении беспорядков была бы в этом случае так же неэффективна, как штык, для того чтобы повернуть вспять поток Ниагары.

Картина, описываемая в этой статье, по нашему мнению, преувеличивает возможность возникновения революционных событий в Великобритании. «Первая революция во Франции полностью уничтожила аристократию, которая в свой худший день не была так высокомерна как английская, <...>, но мы должны пройти тот же самый путь в других условиях» /36/. Это можно объяснить тем, что в Англии не было такой возможности влиять на народные массы посредством прессы, как это имело место во Франции. Автор статьи также указывает на необходимость «спускать» власть, распространять её на более низкие классы общества. Народ в сопротивлении неуголному им правительству осознал силу своего единства.

Следующей публикацией, анализ которой важен для описания положения герцога Веллингтона, является статья «Страна без правительства; или простые вопросы о печальном состоянии существующей администрации» /37/. В рассмотрении данной работы необходимо снова вернуться к оценке вопроса об эман-

сипации католиков и роли этого акта в политической биографии герцога. Автор высказывает мнение о том, что эмансипация католиков не изменила их положения, а министерство тем временем разрушила. При этом отрицать то, что ответственность за столь радикальную реформу в стране с англиканским вероисповеданием взял на себя именно герцог Веллингтон невозможно. Ещё одним важным фактом в политической биографии герцога Веллингтона является то, что при жизни Георга IV у герцога в сравнении с остальными политиками было неоспоримое преимущество «он был единственным человеком способным управлять страной просто потому, что он мог управлять королем» /38/. Личные отношения лидера вигов графа Грея и Георга IV разрешились со смертью короля: антипатии монарха умерли вместе с ним.

Способности герцога Веллингтона в управлении внутренней политикой так же подвергаются сомнению. Министерство потеряло всё влияние в палате общин. После акта об эмансипации католиков герцог Веллингтон стал «другом либеральной политики», что очевидно уменьшало его влияние на крайних тори. Проигнорировав мнение представителей партии по вопросу об эмансипации католиков, он стал в их глазах еретиком и объектом враждебности.

Подводя итог освещению отставки герцога Веллингтона с поста премьер-министра и причин, повлекших за собой падение политического авторитета герцога, особо следует отметить последовательное изложение подробностей, связанных с принятием акта об эмансипации католиков. Как можно проследить на примере большинства статей, опубликованных в 1830 - 1831 гг., воспоминания о столь противоречивой мере Веллингтона были еще были живы. Последствия же этого шага мы можем наблюдать и позднее.

Анализируя статьи политического характера, вошедшие в исследование, следует обратить внимание на то, что интерес к освещению болезни и смерти монарха был проявлен лишь в одной из рассмотренных публикаций. На заседании парламента,

открывшемся осенью 1830 г. тема смерти правителя так же практически не упоминалась. Единственной статьёй, соответствующей этой цели стала публикация в номере «The Westminster Review» за период январь-апрель 1831 года /39/. Рассуждения о качествах характера покойного Георга IV построены на основании двух биографических трудов: «Жизнь и времена Георга IV» А. М. Кроли и «Георг IV. Воспоминания о жизни и правлении» Г. Е. Ллойда. Нельзя не отметить крайнюю критичность к личности монарха. Еще одним моментом, связывающим периодическую печать и смерть монарха, является то, что Георг IV во время своей болезни не желал того, чтобы народ знал о действительном состоянии его здоровья. После личной встречи тяжелобольного короля с представителями печати газеты постоянно объявляли об улучшении состояния короля вплоть до его смерти /40/.

В статье сделана попытка оценить характер Георга IV и степень уважения к нему в государстве. Вполне естественно, что суждение о нем не может быть сделано независимо от действий рассматриваемой нами личности. Необходимо сделать поправку на то, что человек, вовлеченный в общественную жизнь, может характеризоваться с точки зрения официальной и личной. Смерть короля сделала его законной темой для историков, и автор ставит своей целью привести мнения современников о монархе. Для настоящего исследования, безусловно, будут наиболее важны моменты, связанные с взаимоотношениями Георга IV и деятелями парламента, представляет интерес и мнение монарха относительно действий правительства в период 1829 - 1830 гг.

Благотворительная деятельность короля оценивается в ключе сопоставления размеров пожертвований и доли личной «жертвы» Георга IV. Тысяча фунтов, направленная ткачам, воспринимается общественным мнением как показное милосердие: «Действительно ли хоть одна прихоть короля осталась невыполненной? Или не была куплена хоть одна безделушка? Было ли в Букингемском дворце на одну статую меньше? Мо-

жет стало на одну лошадь меньше в королевских конюшнях?» в то время как тысячи умерли от голода и миллионы жили в ужасной бедноте.

В рассматриваемой нами статье также уделено внимание проведению акта об эмансипации католиков 1829 г. Необходимо отметить, что наиболее часто поведение, связанное с принятием этого законопроекта фигурирует в оценке политической карьеры герцога Веллингтона. В данном случае автор логически связывает вопрос брака короля и его противостояния эмансипации католиков. Благодетельство Георга IV в его несогласии с проведением эмансипации католиков считали «незабываемым случаем чистых принципов религии». Но автор опровергает истинную приверженность религиозным догмам: «...христианин Англиканской церкви должен быть не только постоянным охранителем церкви, но также и борцом с жаждой плоти» /41/. Таким образом, набожность и поведение Георга IV в сочетании с нарушением им ведущих доктрин религии не заслуживают уважения, а король признается «опасным человеком» и «порочным преступником». В тексте авторы просят не воспринимать вышеприведенные суждения, как обвинение, а видеть в этом только факты.

Здесь же автор статьи утверждает, что никакие исследования, связанные с интересами человечества, открытия в морали, физике, политике не вызывали интерес со стороны царственной особы, что в очередной раз характеризует Георга IV с отрицательной стороны. Сумма, выделенная профессорам науки и искусства, ограничивалась «несколькими скудными грошами». «Любовь» к науке непосредственно заключалась лишь в покупке книг, которые он никогда не читал. Человек при таком поведении «...может иметь необычайную любовь к книгам, или может кичиться обладанием ими, но, конечно о нем нельзя сказать, что он испытывает любовь к знаниям, которые содержат эти книги...» /42/, с тем же успехом в комнате король мог иметь стены с нарисованными корешками книг. Собрание живописи голландских мастеров и вкус в одежде, возможно, представлялись

современникам единственными достижениями короля в области культуры. Автор предлагает посмотреть на жизнь покойного короля и задается вопросом: «...сколько мужчин в этой стране могли сделать и сделали вещи неизмеримо ценнее (чем он, король. - *Авт.*) в жизни которого нужно фактически рыться, чтобы найти хоть одно действие, проявляющее умственную власть (Георга IV - *Авт.*)...» /43/. «Благородная посредственность» не позволяла Георгу IV требовать превосходства ни в какой области. Байрон, к примеру, поставленный на место короля, по своей умственной силе остался бы почти единственным в мировых анналах среди людей, обладавших королевским титулом. Вновь составитель статьи встаёт на позицию полного отрицания положительных моментов в правлении покойного короля и находит исключительно печальным, тот факт, что «судьбы нации доверялись такому невежеству» /44/.

Таким образом, характеризуя большую часть статьи, посвященную личным качествам Георга IV, можно утверждать, что автор занял критическую позицию. Необходимо отметить, что невозможно судить человека только по ограниченной части его жизни и действий, но существуют случаи, оценка которых и без дальнейшего свидетельства является полноценной и достаточной. Так, например, «единственное убийство, на существующей стадии цивилизации может быть достаточным, чтобы установить существование преступной небрежности по отношению в человеческой жизни» /45/, и приведенные выше свидетельства, по мнению автора, относятся именно к подобной ситуации в их оценке.

Одна из частей эссе, посвященного положению Георга IV в общественной жизни, подразумевала, что обязательства короля должны были господствовать над всеми остальными его чувствами и быть для него разновидностью религии, но единственной его целью было потакание собственным желаниям. «Искать большие качества достойного правителя» /46/ в рассматриваемой личности, автор признал бесполезным.

В деле реформ Георг IV, далекий от философского ос-

мысления реальной политики, участвовал только в подписании актов. Эмансипация католиков, о которой в дальнейшем будут говорить как о случае либеральности короля, не делает никакой чести монарху. Основным принципом действий правительства стало, по мнению автора, следующее: «Пока мере можно было сопротивляться, этому сопротивлялись, когда же оппозиция стала опасной, - эмансипацию предоставили. Принцип нашего правительства не сделать возможные улучшения, не продвинуться вместе с людьми и не опередить их с предложениями усовершенствования, но стойко сопротивляться любому прогрессу упрямо, чтобы сохранить каждую пагубную привилегию пока это возможно; приводит к выгоде только в состоянии принуждения» /47/. С мнением автора по этому вопросу нельзя не согласиться, наилучшим примером таких принципов в истории Англии после 1831 г. может служить заключительный этап принятия законопроекта о парламентской реформе. Король всегда соглашался с решениями, принятыми обеими палатами, но меры, не вызывавшие его одобрения, были отсечены от рассмотрения посредством содержания без законодательной инициативы людей, способных внести на рассмотрение в парламент неприемлемую для него меру /48/.

Поиск оснований для доброй памяти о покойном короле автор оставляет труду и изобретательности исследователей, которые с ним не согласятся. Опровергать критические заключения не представляется возможным, однако можно сделать поправку на то, что все события политической жизни времен правления Георга IV были еще слишком яркими в памяти современников, для того, чтобы о них писать. Несмотря на то, что статья была опубликована примерно через полгода после смерти короля, о политических последствиях смены монарха, таких, например, как выборы в парламент или вступление на престол Вильгельма IV, материал не представлен. В статье мы можем видеть интересное освещение принципа политики уступок с логично выстроенной цепочкой отношений оппозиция-требование-опасность-правительство-реформа, представленной на

примере принятия акта об эмансипации католиков. Острота выпадов в сторону короля так же может объясняться либеральной принадлежностью рассмотренного нами издания.

Оценка событий, произошедших в 1830 г., является чрезвычайно важной для исследований, посвященных первой парламентской реформе. В первую очередь, анализируя содержание статей, опубликованных в рассматриваемый период, мы можем оценить мнения современников по основным вопросам политической жизни Англии того времени: проведение Акта об эмансипации католиков, смерть Георга IV, Июльская революция во Франции и выступление герцога Веллингтона в парламенте 2 ноября 1830 г.

Наибольшее значение в глазах современников имел Акт об эмансипации католиков, который вызвал общественный диссонанс и существенно отразился на политическом авторитете герцога Веллингтона. Но необходимо отметить, что согласно замечаниям *The Westminster Review*, лидер тори обладал военным талантом, но был абсолютно не знаком с проведением внутренней политики. Учитывая это мнение, можно предположить, что «авторитет» Веллингтона, а точнее его позиция по вопросу эмансипации католиков является важным не в личном аспекте, а в том, что непосредственно после этого раскол партии тори стал очевидным. Таким образом, были созданы условия для выхода на лидирующую роль в правительстве вигов во главе с графом Греем.

Вторым по значимости событием для современников стала Июльская революция 1830 г. во Франции. При анализе статей, посвященных этой теме, мы должны обратить внимание на некоторые особенности описания свершений трех революционных дней. Трактовать события с партийных позиций удалось представителям нескольких политических сил, но, несмотря на то, что факт революции был более удобным для продвижения либеральных взглядов, противники расширения избирательных прав по нашему мнению более объективны. Консервативным кругам в одной статье, противостоящей 3 - 4 либеральным пуб-

ликациям, удалось выстроить более сильную логическую цепочку, в то время как о полной убедительности сторонников реформы говорить нельзя. При анализе ситуации с этой точки зрения встает вопрос о том, насколько велико было пропагандистское влияние статей либерального лагеря на население? В связи с тем, что проведение параллелей между Славной революцией в Англии и Июльской во Франции, согласно нашей точке зрения, не содержит аргументов, в пользу проведения реформы представительства и её необходимости в целом. Таким образом, вывод настоящего исследования о воздействии Июльской революции на политическую обстановку в Англии дает основания поставить под сомнение роль сторонников парламентской реформы в новом подъеме требований за изменение системы представительства. Мы полагаем, что волна выступлений в пользу реформы в первое время имела стихийный характер и лишь позднее использована вигами.

1. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. Political condition and prospects of France. //The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 232.
2. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. Political condition and prospects of France. //The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 215. - 242.
3. The Policy of Princes; an Essay, containing, together with much useful Advice to Legitimate Monarchs, a Faithful Picture of the present State of Europe. By a Member of the Austrian Legation. //The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 240 - 265.
4. Evenements de Paris des 27, 28 et 29 Juillet, 1830. //The Westminster Review. London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 475 - 488.
5. Considerations Politiques sur le temps present. //The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 509 - 522.
6. Reply to a Pamphlet entitled "What has the Duke of Wellington gained by the Dissolution".//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January-April 1831. - P. 232 - 245.

7. The Country without Government; or Plain Questions upon the unhappy State of the present Administration.// The Edinburgh Review or critical journal. - Edinburgh, 1830. - Vol. I for April - July, 1830. - P. 159 - 176.
8. Character of George the Fourth.//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 103 - 137.
9. Thoughts on Moderate Reform in the House of Commons.//The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 1 - 39.
10. Parliamentary Reform //The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIII for January - April 1831. - P. 440 - 456.
11. Thoughts on the Present Distress.//The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 278 - 305.
12. Jonathan Cutmore. Conservatism and the Quarterly Review: A Critical Analysis. - London: Pickering & Chatto, 2007.
13. Considerations Politiques sur le temps present. //The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 509 - 522.
14. Great Britain and France // The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 240 - 265.
15. Considerations Politiques sur le temps present. //The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 513.
16. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. (Political condition and prospects of France).// The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 215 - 242.
17. Ibid. P. 216.
18. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. (Political condition and prospects of France). //The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 218.
19. Ibid. P.223.
20. Ibid. P. 224.
21. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. (Political condition and prospects of France). //The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 226.
22. Ibid. P. 231.
23. Ibid. P. 234.

24. De la Necessite d'Une Dictature. Par M. Cottu, Conseiller a la Cour Royale Le Paris. (Political condition and prospects of France). //The Quarterly Review. - London, 1830. - Vol. XLIII for May - October 1830. - P. 240.
25. Thoughts on Moderate Reform in the House of Commons//The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 1 - 39.
26. Parliamentary Reform //The Westminster Review London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 440 - 456
27. Thoughts on Moderate Reform in the House of Commons //The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 4.
28. Ibid. P. 13
29. Thoughts on Moderate Reform in the House of Commons//The Westminster Review. - London, 1830. - Vol. XIII for April - July 1830. - P. 27.
30. Reply to a Pamphlet intituled "What has the Duke of Wellington gained by the Dessolution?". //The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 23 - 245.
31. The Country without Government; or Plain Questions upon the unhappy State of the present Administration.//The Edinburgh Review or critical journal. - Edinburgh, 1830. - Vol. I for April - July, 1830. - P. 564-583
32. Reply to a Pamphlet intituled "What has the Duke of Wellington gained by the Dessolution".//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P.232.
33. Ibid. P. 233.
34. Ibid. P. 234.
35. Reply to a Pamphlet intituled "What has the Duke of Wellington gained by the Dessolution".//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 238.
36. Ibid. P. 291.
37. Country without Government; or Plain Questions upon the unhappy State of the present Administration.//The Edinburgh Review or critical journal. - Edinburgh, 1830. - Vol. I for April - July, 1830. - P. 564 - 583.
38. Country without Government; or Plain Questions upon the unhappy State of the present Administration.//The Edinburgh Review or critical journal. - Edinburgh, 1830. - Vol. I for April - July, 1830. - P. 569.
39. Character of George the Fourth.//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 103-137.
40. Cassel. History of England. Special edit. Vol. 5. - London: Cassel and comp. [after 1850]. - P. 310 - 311.
41. Character of George the Fourth.//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 119.
42. Ibid. P. 122.
43. Ibid. P. 125.
44. Character of George the Fourth.//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 125.
45. Character of George the Fourth.//The Westminster Review. - London, 1831. - Vol. XIV for January - April 1831. - P. 126.
46. Ibid. P. 129.
47. Ibid. P. 135.
48. Butler J. R. M. A history of England 1815 - 1918. - London: Thorthon Butlerworth, [1932]. - P. 72.

Деятельность Академического карельского общества (АКС) в Финляндии (1922 - 1944 гг.).

В 1920 - 1930-е гг. Финляндия жила под впечатлением событий 1918 г. Окончание гражданской войны не улучшило внутреннего и внешнего положения Финляндии. После войны в обоих лагерях остались недоверие, страх, ожесточение и даже ненависть. В правом лагере все эти настроения усугублялись деятельностью коммунистов, которые считали своей целью установление советской власти в Финляндии и ее присоединение к Советскому Союзу. Накануне основания Академического карельского общества противоречия между центристами и правыми силами стали уменьшаться, и новым лозунгом на политической арене стало сотрудничество буржуазных партий /1/. У буржуазных центристов были тесные идеологические связи с белой Финляндией. Таким образом, позиции правых укрепились. Кроме вышесказанного, главными условиями возникновения АКС можно считать подписание Тартуского мирного договора между Финляндией и Советской Россией 1920 г., и так называемые «Карельские походы» на рубеже 1910 - 1920-ых гг.

Правый радикализм начала 1920-ых гг. имел внешнеполитический характер, такой же, как и у активистов первой волны. Наследие белой Финляндии сохранилось. Активисты требовали, чтобы все финноязычные народы объединились в единое государство. Карельское дело также занимало свое место в университетской жизни Финляндии. Студенчество представляло собой бывших активистов, егерей и других участников Гражданской войны в белом лагере. Агрессивные высказывания студентов о внешне- и внутривнутриполитических проблемах, в частности, о Тартуском мирном договоре, свидетельствовали о вере в свои силы. После падения вооруженного восстания в Советской Карелии, участие в котором принимали и финны и пассивного отношения финского правительства к этим событиям,

студенты стали еще меньше доверять официальному внешнеполитическому курсу. Именно неясные внешнеполитические перспективы периода возникновения АКС в основном определили его идеологию и проблема беженцев - формы активной деятельности.

22 февраля 1922 г. трое студентов из числа так называемых «солдат-соплеменников» Элиас Симелиус, Эрkki Ряйккёнен и Рейно Вякьякаллио в Карельском землячестве Хельсинкского университета решили основать организацию, посвященную карельскому делу. Эта организация получила название «Академическое карельское общество» («Акатееминен Каряла-Сеура») (АКС) /2/. Официальное учредительное собрание организовали 5 марта 1922 года /3/. На учредительном собрании деятельность АКС было решено вести по следующим направлениям: просветительскому, военному, организации размещений и пропаганде.

Из АКС быстро сформировалась твердая идеально - политическая боевая организация. Ее целью, согласно первым постановлениям общества, являлось пробуждение национального чувства всех карелов /4/. Важное место в постановлениях имело и просвещение беженцев. Особенно важно было поручить поддержку академической молодежи карельскому делу /5/. Количество членов общества росло быстрыми темпами. Самых усердных членов АКС получило из числа студентов землячеств Похьянмаа, Саво и Карелии /6/. Активно действуя, общество внедрялось во многие студенческие организации и долгое время доминировало в университетской политике, например, в главной студенческой газете «Юлиоппиласлехти» («Студенческая газета»), которая находилась долго в его руках. Идеология АКС во многом повлияла на мировоззрение студенчества /7/.

Программа АКС была основана главным образом на идеях Элмо Э. Кайлы и Юрьё Рууту. Согласно программе, надо было сплотить народ и просветить его, чтобы в будущем он был готов выполнить свою задачу как сильная единая страна. Важно было создать сильную национальную экономику и культуру,

привить крайне отрицательное отношение ко всему русскому, укрепить обороноспособность страны. Иначе говоря, целью общества было продолжать ту работу, которая уже давно получила название активизма.

Основная линия программы АКС сохранилась в том же самом виде до роспуска общества, хотя планы ее осуществления и центры тяжести менялись со временем. Главной задачей в начале 1920-ых гг. было объединение нации, под влиянием ИКЛ («Патриотическое народное движение»), в 1930-ые гг. стремились получить поддержку рабочих, а после разочарования в левых основное внимание уделялось интеллигенции и крестьянам. Со временем контакты с партиями перестали приносить пользу. Таким образом, единственным союзником АКС на политической арене стал ИКЛ во второй половине 1930-х гг.

Программа АКС предлагала присоединить Восточную Карелию и Ингерманландию к Финляндии, считая, что они исторически ей принадлежали. Поэтому эти районы должны были «освобождены» финнами. Нужно заметить, что в программе говорилось только об освобождении Карелии и Ингерманландии, а не о дальнейшем устройстве. Это остался непонятным пунктом программы и впоследствии, так как большинство членов общества говорило о бесспорном праве Финляндии только на Беломорскую и Онежскую Карелию и Ингерманландию. Небольших по численности представителей финских племен Финляндия не могла требовать себе, а довольствовалась бы тем, что финно-угорские племена Лянсипохья, Руйа, ингерманландцы Эстонии и другие соплеменные народы, находившиеся на территории Прибалтики, получили бы защиту прав национальных меньшинств, либо гарантию о сохранении гражданства и языка. Затем в терминологии АКС закрепилось выражение «быть национальной грязной совестью по карельским делам» /8/, то есть постоянно напоминать о невыполненной задаче освобождения Карелии.

Идеал АКС представлял собой абстрактную Великую Финляндию, с которой связана «рюссявиха» («ненависть к руса-

кам») - крайне отрицательное отношение ко всем русским. АКС убеждало, что Россия являлась заклятым врагом Финляндии и что финнам свойственна вечная ненависть ко всему русскому /9/. Но было все же неясно, что эта ненависть представляла собой. Обычно в статьях главного печатного органа АКС «Финское племя» ее связывали с любовью к отечеству и соплеменным народам, считали что она - противоположность им. С любовью к отечеству академической молодежи связано презрение ко всему русскому: та самая ненависть к русакам. Согласно позиции АКС, эта ненависть возникла вследствие угнетения русскими финнов, а также из-за основных черт характера - русские не лучше, чем сам черт. Таким образом, заклятая враждебность рассматривалась как следствие географического положения и исторической традиции. Это демагогическое и пропагандистское представление о русских стало примером тому, как надо относиться к русским.

Вопрос об отношении к Советскому Союзу неоднозначен. Обычно члены общества занимали общие позиции, которые характеризуют такие выражения, как «о русаках можно говорить лишь скрипя зубами» или «в ненависти к русакам». Однако анализ и критика внутреннего и внешнего порядка советского государства были редким явлением внутри АКС. Это может быть связано с тем, что особенно в 1920-ые гг. АКС пока не имело таких сильных политических идей. У АКС не было такого идеала государственной и финансовой системы, с которым они могли бы сравнивать советскую систему. Категоричность внешней политики и соплеменное дело настолько доминировали в идеологии и деятельности общества, что другие вопросы неизбежно имели лишь второстепенное значение. АКС интересовал низкий уровень жизни в СССР лишь потому, что от него страдали и соплеменные народы. Именно поэтому считали, что «коммунизм - это восточная чума, мерзость, ложь и обман» /10/.

Кроме внешнеполитической программы, второе требование, присущее АКС - феннизация общества. Главным требова-

нием было единство народа, который является основной силой на политической арене. Поскольку существовал лишь один народ, должен был существовать лишь один язык /11/. В 1924 г. провозгласили новый лозунг - «против черта и шведомании», наряду со старым «против черта и русака» /12/. Позднее, в 1930-ых гг., в университетской политике языковой вопрос и вопрос финнизации стали основными спорными пунктами. Затем отправной точкой программы АКС стало то, что именно двуязычие является главным препятствием в формировании «Великой Финляндии». Следующим шагом от идеи целостности общества стала пропаганда, чтобы поднять военно-оборонный дух населения. Это стало важным пунктом программы в конце 1930-ых гг., когда общество начало испытывать иноземное влияние /13/.

Многие современники охарактеризовали АКС как полувойсковую организацию. Правда, оно имело свои корни в егерском движении и в карельских походах. Общество было поделено на отделы, секции и круги, каждый из которых имел своего руководителя и действовал по системе четкой иерархии. Дирекция, получившая затем название «правительство» состояла из этих руководителей. Председателя общества стали называть вождем. Вождь имел право решать многие вопросы самостоятельно, и роль правительства зависела от того, насколько хорошие отношения оно имело с вождем /14/.

Самым значимым из председателей АКС стал Элмо Э. Кайла. Он был своеобразным человеком. Кайла носил шюцковскую форму не только на официальные мероприятия, но и в свободное время. Он был харизматичным оратором, имевшим необычный стиль речи, для которого характерна была «святая ненависть», ненависть ко всему русскому. Наряду с Юрьё Рууту и Ниило Кярки, он являлся главным идеологом АКС. Председателем общества он работал в 1923 - 1927 и в 1928 - 1930 гг. и в остальное время он также пользовался огромным влиянием не только внутри общества, вплоть до своей смерти 1935 г. Хотя у Кайлы были противники внутри АКС, его можно считать отцом

Академического карельского общества. Он, безусловно, был идеологическим лидером белых кругов 1920-х гг., его даже планировали сделать диктатором страны /15/.

Об общественном положении членов АКС трудно судить. Согласно своему названию, общество являлось именно академическим, то есть его члены были либо студентами университета, либо его выпускниками. Также таинственный характер деятельности не позволяет этого сделать. Членом общества не мог стать любой человек, оно само пополняло свои ряды и стать его членом можно было только дав клятву. Из числа членов Академического карельского общества примерно одна четверть происходила из интеллигенции, пятая часть - из крестьянства. Потомков торговцев, мелких директоров и чиновников было значительно больше.

Первоначально главным направлением практической деятельности АКС была помощь карельским беженцам /16/. Общество хотело гарантировать им финансовую и духовную помощь, и, таким образом, поднять их боевой дух. В некоторых местностях были созданы особые лагеря для беженцев. Руководство АКС в итоге приняло решение переместить карелов в деревни на сельскохозяйственные работы, что показалось им более выгодным. Планировали обучать их военному делу и преподавать им финский язык, математику и историю. Кроме этого, с помощью идеологических бесед хотели укрепить национальное чувство /17/. Одна из самых успешных школ была создана в местечке Лапуа, известном районе активистов. В этой «Лапуаской школе для карельских беженцев» была 6-месячная программа обучения. Одним из организаторов школы был активист и будущий лидер Лапуаского движения - Вихтори Косола /18/.

Впоследствии были организованы «Молодежные карельские общества» в 1924 г., и «Карельские клубы» в следующем году. В этих подразделениях АКС беженцы и финские студенты могли ближе познакомиться, и у карелов появлялась возможность для дальнейшего обучения. Чтобы подготовить руководи-

телей для этих организаций, создали «Карельские курсы», где карелов учили развивать организационные способности, и кроме того, они изучали историю и географию Карелии. Существовал даже предмет, названный «национальный вопрос» /19/.

Для придания широкой огласки карельскому делу, АКС организовало продажу открыток с карельскими пейзажами, его члены выступали в любых мероприятиях с речами, посвященными этому делу, писали газетные статьи и так далее. АКС стремилось распространить карельскую идею за рубежом, так как считало деятельность Лиги наций по этому вопросу несущественной /20/. Соплеменная деятельность АКС не ограничивалась только Карелией, но распространялась и в Лянсипохья и Руйа. Для них были образованы свои отделы, которые действовали теми же методами, что карельские и ингерманландские отделы. Среди членов АКС деятельность отделов Лянсипохья и Руйа не пользовалась такой популярностью, как остальные отделы, потому что многие считали, что вопрос о Лянсипохья и Руйа имеет «периферийный характер» /21/. Несмотря на это, туда были организованы маленькие «научные экспедиции». Члены общества собирали книги для основания библиотеки в соплеменных общинах и так далее. С момента возникновения АКС у его членов были тесные связи с «эстонскими братьями». Кроме эстонцев АКС имело связи и с венгерскими студентами.

Важным пунктом в программе АКС была деятельность по улучшению обороны страны. Элмо Э. Кайла в 1925 г. писал: «Основой вооруженных сил является воинственность финской нации, а основой воинственности - сильное национальное чувство, гордость и смелость. <...> Наша задача - укрепить эту воинственность, любить и защищать свою родину» /22/. Значение Кайлы для деятельности по улучшению обороны страны неизмеримо.

Уже в первые годы деятельности АКС его руководство подчеркивало важность выполнения воинской повинности. В 1923 г. впервые организовали так называемые «офицерские курсы» для членов общества /23/. Время было благоприятным

для укрепления воинственности; проблема восточной границы, Аланский вопрос, скандинавская и балтийская ориентация во внешней политике были все еще актуальны, и АКС их пылко критиковало. Кроме воинской повинности, очень важным считалось и то, что члены АКС участвовали также в деятельности «Шюцкора» /24/. Затем выполнение воинской повинности и участие в шюцкоровской деятельности стало рассматриваться особенно внимательно при вступлении в ряды АКС.

В 1929 г. общество стало пропагандировать против сокращения воинской повинности на 9 месяцев. С этой целью был, например, опубликован памфлет «Можно ли воинскую повинность сократить на 9 месяцев?». Кроме этого памфлета опубликовали еще множество газетных статей, организовали демонстрации, где члены АКС выступали с горячими речами, направленными против этого «безумия» /25/.

До 1934 г. в числе членов АКС было значительное количество офицеров и солдат. 9 июня 1934 г. президент отдал приказ о том, что в дальнейшем участникам вооруженных сил запрещается быть членом АКС. Такое решение члены общества приняли тяжело /26/. Этим же летом АКС провело сбор средств для покупки нового самолета вооруженным силам /27/. Весной 1936 г., накануне парламентских выборов, по инициативе Р. Г. Каллиа АКС опубликовало памфлет «Отечество под угрозой» /28/.

АКС имело свои печатные органы и активно публиковали, кроме собственного журнала, циркуляры, памфлеты и др. В перспективе планировалось, что «Суомен хеймо» станет общим печатным органом всех соплеменных организаций. Комплекты «Суомен хеймо» за год содержат много материала по карельским и ингерманландским вопросам. В каждом журнале публиковались статьи по истории и географии Карелии и других районов, интересующих АКС. Кроме этого, особое влияние уделяли Советскому Союзу /29/. Много писали об общем положении страны, о социально-экономической и национальной политике. Наряду с внешнеполитическими вопросами, статьи под-

нимали языковой вопрос, проблемы обороны страны, главные внутривосточные события и так далее /30/. С 1927 г. АКС начало издавать циркуляр «АКС», который был направлен лишь своим членам.

Кроме «Финского племени» обществу удалось выпустить много других материалов, из которых стоит упомянуть следующие: «Великая Финляндия является отечеством» (1923 г.), «Финские национальные вопросы» (1925 г.), «Финский национальный университет» (1926 г.), «Можно ли сократить военную повинность на 9 месяцев?» (1929 г.), «Финнам в Америке» (1929 г.), «Беда Карелии и Ингерманландии» (1931 г.), «Краткое описание о целях и действиях АКС» (1931 г.), «АКС: цели и деятельность» (1933 г.), «Восточная Карелия» (1934 г.), «Отечество под угрозой» (1936 г.) /31/.

В кругах АКС периодически появились разногласия и дважды, в 1924 и 1932 гг., они привели к расколу общества. Первые симптомы разногласий появились уже в 1923 г., когда начались споры о структуре общества и бюджете /32/. Главной целью раскола 1924 г. все же являлся языковой вопрос. Часть членов общества относилась умеренно к шведоязычному населению, в это время даже среди его членов были шведоязычные. Остальные относились к «чужим» языкам крайне отрицательно и требовали жестких мер для финнизации общества /33/. До весны 1924 г. споры стали уже широкомасштабными /34/.

До 1924 г. внутри АКС сформировалась особая группа почетных членов. Это были, главным образом, преподаватели университета и люди, уже не являющиеся студентами. В течение этого «смутного времени» 1924 г. они безрезультатно пытались укрепить свои позиции. В итоге они решили выйти из состава АКС /35/. Таким образом, в течение 1924 г. сначала ушли те члены, которые поддерживали умеренную линию языкового вопроса, затем приверженцы первого секретаря АКС Эррки Раяккёнена и, под конец, множество «старейших», которые были разочарованы своим положением в обществе. После ухода из состава АКС Эррки Раяккёнен образовал конкурирующую орга-

низацию «Союз независимости».

В 1929 г. АКС стало открыто поддерживать деятельность Лапуаского движения /36/. Но взаимопонимание внутри общества нарушилось. Вскоре АКС разделилось на два лагеря. Одни считали, что сотрудничество с Лапуаским движением невозможно, так как в начале деятельности Лапуаского движения языковой вопрос не играл важной роли. Другие считали, что, так как главной целью лапуасцев была борьба против коммунизма, они должны объединить свои силы.

Осенью 1930 г. общее собрание общества приняло следующую резолюцию: «Целью АКС является освобождение племен Карелии и Ингерманландии, сближение Финляндии с Эстонией, гарантия прав финских общин Лянсипохья и Руйа - Великая Финляндия. <...> Сильная национальная страна, где у обеих языковых групп есть свои права, исходящие из численности их представителей, - основа для будущего строительства Великой Финляндии» /37/. Это значило, что шведоязычные финны имели меньше прав, так как их было меньше.

Поздно осенью 1931 г. прошли слухи, что крайне правые готовят революцию. Они оказались беспочвенными. Но уже через три месяца, в конце февраля 1932 г., Лапуаское движение предприняло попытку поднять «революцию». Эта попытка закончилась неудачей и вошла в историю под названием путча в Мянсяле. После этого путча, группировка, находившаяся долгое время в оппозиции внутри АКС, окончательно вышла из состава общества и создала новое независимое от АКС зарегистрированное объединение «Остриё» («Кярки») /38/. Этим названием они хотели показать, что они являются приверженцами идеологии Ниило Кярки. Всего из состава АКС ушло около 120 членов. Этот второй раскол общества получил название «Великая схизма» 1932 года /39/.

После запрета Лапуаского движения в разных частях страны началось обсуждение вопроса о возможности его продолжения в новых формах. В конце концов, это привело к тому, что лидеры Лапуаского движения основали в июне 1932 г. в

Хямеенлинне организацию под названием «Патриотическое народное движение» (ИКЛ) /40/. В своем программном манифесте ИКЛ заявило, что оно продолжает борьбу Лапуаского движения за сохранение завоеваний освободительной войны и за окончательный разгром крайне левых.

До 1932 г. среди правых сил и центристов к АКС относились вполне благосклонно, но затем близкие связи с ИКЛ оттолкнули всех не правых от общества /41/. АКС считало, что они способны создать империю могучей северной угорской расы с помощью сильной, хорошо подготовленной армии /42/. Милитаристско-империалистические цели общества сохранились и после того, как АКС стало поддерживать ИКЛ. Скорее, ИКЛ получило основные идеи своей программы от АКС. Кроме того, они имели общее представление о внешней политике. Осуществление идеи Великой Финляндии являлось победой исторической правды. Согласно главным теоретикам Академического карельского сообщества, Советская Россия продолжала вечную русскую политику экспансии, которая была направлена в сторону Балтийского моря, Северного ледовитого океана и Атлантики. Финляндия была препятствием на этом пути /43/. Активная ненависть к русским, которая являлась идеологической основой АКС в течение всех 1920-х гг., стала превращаться в страх. В 1930-ые гг. стали считать, что создание Великой Финляндии было важно именно для обороны против СССР. АКС никогда официально не присоединялось к ИКЛ, но публично поддерживало его /44/.

В военные годы АКС стало более активно сотрудничать с буржуазными партиями и общественной организацией «Поднимающаяся Финляндия» («Ноусева Суоми») /45/. Кроме этого, АКС стало тесно сотрудничать с социал-демократической организацией «Райваая». Деятельность этих двух организаций закончилась к началу «войны-продолжения». Многие из тех центристов, которые в 1932 г. вышли из состава АКС, мирились с ним в военное время. С поднятием патриотического духа общества, буржуазные газеты также стали писать о АКС еще более

положительно. Безусловно, многие члены АКС участвовали в военных действиях. Кроме этого, АКС организовало в оккупационных зонах Восточной Карелии такие же курсы, как карельским беженцам 20 лет назад /46/. К русскоязычному населению АКС относилось негативно. Они стремились к такой же смене населения, которой Турция и Греция занимались в 1920-ые гг.

В начале «войны-продолжения» Вилхо Хеланен и Ниило Песонен получили задачу изучить ситуацию на советско-германском фронте, чтобы оценить количество соплеменных народов, находившихся там, и возможность их перевода в Финляндию /47/. Эти планы оказались безрезультатными. Собственная деятельность была парализована в военные годы. Несмотря на это, на страницах «Финского племени» общество продолжало пропагандировать идею «Великой Финляндии» даже в более широком масштабе. Руководство АКС до конца верило в помощь со стороны немцев и в полный разгром Советского Союза.

Финляндия заключила перемирие с Советским Союзом 19 сентября 1944 г. Согласно статье 21 Соглашения о перемирии АКС было распущено как «прогитлеровски настроенная организация» /48/. После роспуска АКС его бывшие члены образовали в 1958 г. «Клуб 22», целью которого являлось сохранение наследия АКС /49/. «Клуб 22» существует и в настоящее время, хотя надо заметить, что большинства членов АКС уже нет в живых /50/.

Итак, Академическое карельское общество являлось уникальным явлением среди правых организаций 1920-ых гг. в Финляндии, так как у него была конкретная программа и собственная идеология, созданная видными деятелями белого лагеря. Активная практическая деятельность общества значительно повлияла на финское общество того периода.

1. Jutikkala E. Suuntaus oikealle (1923 - 1926). // Kaksi vuosikymmentä Suomen sisäpolitiikkaa 1919 - 1939. Porvoo, 1964. S. 31.
2. Nygård, T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1978. S. 126.

3. Данные о создании Академического карельского общества: Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, Хельсинки), (далее КА). Коллекция Lakkautettujen järjestöjen arkisto: Akateeminen Karjala-Seura, (далее AKS). Kansio 1. см. годовой отчет 1922 г. Также AKS:n tie 1937. S. 15 - 17.
4. Ibid. Коллекция Suomen 1920 - 1940-lukujen säätiön arkisto, (далее Säätiö). Материалы по соплеменным делам и коллекция Elmo E. Kailan kokoelma, (далее Kaila), письма и др.
5. Ibid. AKS. Kansio 1. Устав АКС.
6. Ibid. AKS. Kansio 8. Циркуляры.
7. Klinge M. Ylioppilaskunnan historia IV. Porvoo, 1968. S. 49.
8. Neljä tuhatta veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS:läinen elämänekerrasto. Porvoo, 1991. S. 14.
9. KA. AKS. Kansio 15. Suomen heimo. 3/1923; 12/1924.
10. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917 - 1923. Helsinki, 1998. S. 149.
11. Hämälinen P. K. Kielitaistelu Suomessa 1919 - 1939. Porvoo, 1968. S. 116.
12. KA. AKS. Kansio 1. См.: годовые отчеты 1922 и 1928 гг.
13. AKS:n tie 1937. S. 44 - 45.
14. Neljä tuhatta veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS:läinen elämänekerrasto. Toim. Kuusi, M. ja Aitola V.-P. S. 17.
15. Подробнее о биографии Элмо Э. Кайлы, см.: Ahti M. Ryssänvihassa. Elmo Kaila; Metsämäki M. ja Nisula P. Pirua, ryssää ja ruotsalaista vastaan. // Aktivistit. Suomalaisten kansanliikkeiden tarina. Helsinki, 2006. S. 71 - 89.
16. Wuorinen J. H. Suomalaisuuden historia. Porvoo, 1935. S. 226.
17. Eskelinen H. Me tahdoimme suureksi Suomenmaan. Juva, 2004. S. 100.
18. KA. AKS. Kansio 2.
19. AKS:n tie 1937. Helsinki, 1937. S. 25.
20. Niinistö J. Bobi Sivén - Karjalan puolesta. Hämeenlinna, 2001. S. 220.
21. KA. Säätiö 37.
22. Ibid. K22 H 6. Письма Кайлы.
23. Ibid. K22 G 4E.
24. Raja railona. Näkökulmia suojeluskuntaan. Porvoo, 1998. S. 241.
25. KA. AKS. Kansio 21.
26. Ibid. K22 H 3.
27. Ibid. K22 H 6.
28. AKS:n tie 1940. Helsinki, 1940. S. 11.
29. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917 - 1923. Helsinki, 1998. S. 165.
30. Immonen K. Ryssästä saa puhua... Keuruu, 1987. S. 316.
31. KA. K22 H 6.
32. Ahti M. Ryssänvihassa. Elmo Kaila. Juva, 1999. S. 358.
33. Metsämäki M. ja Nisula P. Pirua, ruotsalaista ja ryssää vastaan. // Aktivistit. Suomalaisten kansalaisliikkeiden tarina. Helsinki, 2006. S. 86.
34. Nygård T. Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Jyväskylä, 1982. S. 73.
35. Ibid. S. 382.
36. См. например, KA. K22 H 3. Циркуляры 1929 г.
37. Ibid. K22 H 6.
38. AKS:n tie 1937. Helsinki, 1937. S. 67.
39. Ahti M. Ryssänvihassa. Elmo Kaila. Juva, 1999. S. 406.
40. Kaksi vuosikymmentä Suomen sisäpolitiikkaa 1919 - 1939. Porvoo, 1964. S. 178.
41. Ibid. S. 198.
42. KA. K22 H 6.
43. Ibid. Kaila 2.
44. Metsämäki M. ja Nisula P. Pirua, ruotsalaista ja ryssää vastaan. // Aktivistit. Suomalaisten kansalaisliikkeiden tarina. Helsinki, 2006. S. 96.
45. Neljä tuhatta veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS:n elämänekerrasto. Porvoo, 1991. S. 40.
46. AKS:n tie 1940. Helsinki, 1940. S. 7.
47. KA. K22 G 4 E. Членские бюллетени.
48. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 213.
49. Neljä sataa veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS:n elämänekerrasto. Porvoo, 1991. S. 48.
50. Eskelinen H. Me tahdoimme suureksi Suomenmaan. Juva, 2004. S. 21.

**Роль Германии в завершении
советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг.**

Германо-финские отношения в годы «зимней войны» уже привлекала внимание историков /1/. Затрагивались они и в воспоминаниях немецких, а также финских политических и государственных деятелей того периода /2/. При этом, однако, до сих пор остается достаточно спорным определение роли Германии в процессе достижения мира между СССР и Финляндией. Так теперь, спустя более пятидесяти лет после окончания Второй мировой войны, в финских научных кругах разгорелась острая дискуссия по поводу значения позиции Германии при принятии финским руководством решения о настоятельной необходимости окончания т.н. «зимней войны» /3/.

Профессор хельсинского университета Х. Юликангас, стараясь разобраться в причинах, почему в конце «зимней войны» Финляндия «отвергла предлагавшуюся западными державами военную помощь и отдала предпочтение явно тяжелому для страны миру», пришел к выводу, что это было следствием «веры» среди финского руководства «в победу Германии в ходе мировой войны и неизбежности в поражение западных держав» /4/. Германия же, как свидетельствовали имевшиеся в распоряжении исследователя финские источники, советовала тогда Хельсинки стремиться поскорее завершить войну. Более того, в рейхе утверждали, что Финляндия «с победой Германии в войне, получит с лихвой обратно то, что потеряла». Конкретно, эту информацию передал своему руководству финский эмиссар в Берлине Т. Кивимяки после произошедших у него 22 февраля 1940 г. переговоров с Г. Герингом/5/. В результате, учитывая факт быстрого затем окончания «зимней войны» и последовавшего далее участия Финляндии в германской агрессии против Советского Союза, возникало соответственно предполо-

жение, что финское руководство тогда посчитало возможным, воспользоваться таким советом исходящим от Геринга, что и привело к решению принять советские мирные предложения об окончании войны в расчете на будущий реванш.

Естественно, столь серьезное утверждение требует продолжения всестороннего исследования финско-германских отношений периода «зимней войны», поскольку может позволить понять природу начавшихся затем тесных тайных контактов между Германией и Финляндией и объяснить то, почему, спустя чуть более одного года после завершения «зимней войны», Финляндия и Германия, действуя уже как военные союзники, совместно нападут на СССР.

Действительно, ситуация между Финляндией и Германией в момент начала «зимней войны» складывалась парадоксальная. Несмотря на весьма неплохие контакты, которые существовали у двух государств в 1920 - 1930-ые гг. и даже явные надежды финского руководства на возможность получения поддержки в случае возникновения военного противоборства Финляндии с СССР /6/ никакой реальной помощи с началом «зимней войны» Хельсинки из Берлина не получили. Как отметил немецкий профессор М. Менгер, «в то время, когда в Великобритании, Франции и США бушевал антисоветский шторм, побивший все рекорды, фашистское руководство демонстрировало явную сдержанность» по отношению к возникшей тогда ситуации на севере Европы /7/.

Очевидно, что подобная политика Германии являлось следствием содержания секретного приложения к договору о ненападении, подписанному с СССР 23 августа 1939 г. Этот документ, несомненно, тогда затруднял в начавшейся «зимней войне» возможность открыто выражать нацистским руководством поддержки Финляндии, поскольку ставил «немецкую политику в финском вопросе в относительно тесные рамки» /8/. Тем не менее, в Берлине продолжали видеть в лице СССР потенциального врага, а договор о ненападении с Советским Союзом означал, как подметил М. Менгер, лишь то, что «для Германии

это была только перемена тактики и не означала никакой одноцветной стратегической ориентации» /9/.

С другой стороны, рейху было важно проводить крайне осторожную политику, придерживаясь весьма нейтральных оценок возникшей войны, еще и в виду того, что страна сама тогда уже воевала против Великобритании и Франции. «В немецкой политике по отношению к войне между Финляндией и СССР, - справедливо указывал известный финский историк, профессор О. Вехвилайнен, - преобладал такой фактор, что пока будет продолжаться война на Западе, она не сможет идти на риск какого-либо конфликта с Советским Союзом» /10/. В результате в циркуляре статс-секретаря МИД Э. Вайцзеккера, направленном во все зарубежные дипломатические представительства, давалась строгая установка: «Прошу в ваших разговорах, касающихся российско-финляндского конфликта, избегать какого-либо антирусского тона» /11/. Стало быть, даже моральная поддержка Финляндии в официальном порядке считалась в Берлине совсем недопустимой.

Естественно, такая сдержанная позиция с немецкой стороны была весьма ощутимой для Хельсинки. Но при этом в финском руководстве хорошо понимали, что «советский контроль над Финляндией не был в интересах» Берлина /12/. Так, собственно, считал крупный государственный деятель страны Ю. К. Паасикиви. Он не без основания отмечал: «Согласно нашей оценке, финская война не была для Германии желательной, а захват Финляндии Советским Союзом противоречил интересам Германии» /13/. Поэтому в Хельсинки прежде всего было важно добиться большего в своих отношениях с рейхом.

Очевидно с этой целью в декабре 1939 г. в Берлин был направлен бывший премьер-министр Финляндии Т. Кивимяки. Итоги его визита стали тогда достаточно показательными. Он смог тогда наладить контакты с очень близкими к рейхсмаршалу авиации Г. Герингу лицами /14/. Это было очень важно для финского руководства, поскольку Геринг являлся одним из ведущих нацистских руководителей, курировавшим рассмотрение

скандинавских проблем /15/. Из результатов этих встреч стало все же очевидно, что Германия не хотела брать на себя функции мирного улаживания возникшей между Финляндией и СССР войны. Тем не менее Геринг смог все же намекнуть на возможность, в целях оказания ей помощи, наладить скрытые поставки немецкого вооружения /16/. Таким образом, Хельсинки дали почувствовать существование определенных симпатий к Финляндии со стороны Берлина.

Действительно, Г. Геринг был именно тем человеком в рейхе, кто активно выступал за необходимость активного вооружения финнов. Он считал, что его «нужно поставлять в Финляндию столько, сколько возможно без ущерба для безопасности Германии» /17/. Однако в Берлине по этому вопросу не было полного единства. В противовес этому в частности выступал министр иностранных дел И. Риббентроп, который явно опасался дипломатических осложнений с Советским Союзом в случае получения им сведений о немецких поставках оружия. Гитлер же допускал скрытую поддержку Финляндии, но при условии, чтобы это не повредило самой Германии /18/.

В любом случае, скрыто нацистское руководство находилось на стороне Финляндии. Как считали немецкие дипломаты, которые работали в Хельсинки, «Гитлер, так и его министр иностранных дел были полностью едины с Финляндией и с ее борьбой против Советского Союза» /19/. Тем не менее, в Германии все же существовало устойчивое мнение, что начавшаяся война не продлится очень долго и неминуемо закончится поражением Финляндии /20/. Это, естественно, требовало проявлять свои симпатии к Финляндии в крайне осторожной форме /21/.

Однако, как только в рейхе заметили, что войска Красной Армии стали терпеть военные неудачи, то начали проявлять заинтересованность, чтобы советские войска как можно дольше продолжали вести боевые действия в Финляндии. Подобные настроения, естественно, еще более усиливали желание Берлина скрытно переправлять Финляндии вооружение. Поэтому идея осуществления тайных военных поставок постепенно стала пре-

образовываться в рейхе в реальные действия. Конкретно, там видели возможность в ее реализации путем использования транзитного канала через шведскую территорию. По договоренности, достигнутой Герингом с представителями Швеции, решили, что Германия будет продавать Швеции свое оружие, а шведы в свою очередь такое же количество вооружения станут продавать Финляндии из своих запасов /22/. При этом, как свидетельствует Т. Кивимяки, в момент немецко-шведских переговоров Геринг «даже бил кулаком по столу, требуя, чтобы Швеция оказала помощь Финляндии и разрешила переправлять оружие из Германии» /23/.

Естественно, этот нюанс в политике Германии также достаточно быстро заметили финские дипломаты за рубежом. Тогда особенно обнадеживающие сведения начали поступать из финляндского представительства в Швеции, где указывали, что в Стокгольме «настроения быстро меняются» /24/. И по получаемым данным становилось ясно, что у Швеции, «если не воспрепятствует третье государство /СССР. - В.Б./, имеют условия для подписания договора о получении оружия из Германии» /25/. Более того, в рейхе опять начали звучать жесткие заявления по отношению к политике Советского Союза. В частности, А. Гитлер заявил, что видит «немецкую миссию в том, чтобы ликвидировать опасность с Востока» /26/.

Это не могло не обнадеживать финляндское руководство. Нацистский посланник в Хельсинки В. Блюхер в тот момент констатировал, что «среди финских политиков было много таких, которые довольно рано заметили, что усиление мощи Германии может быть весьма выгодным для Финляндии» /27/. К тому же, по наблюдению финских историков, на протяжении войны в кругах политического руководства Финляндии продолжали «выражаться надежды на разрыв между Советским Союзом и Германией», а следовательно Третий рейх также «в конце концов не оставит финнов» /28/. Подобные взгляды не скрывало тогда и само финское руководство. По мнению президента К. Каллио, Финляндия могла «надеяться на то, что душа

немецкого народа... выступает против большевизма» /29/.

В этих условиях, 27 декабря из Стокгольма пришло очередное послание финского представителя в Швеции Э. Эркко, в котором уже обозначались перспективы очередного этапа германо-финляндского сотрудничества. В нем говорилось: «Дела начинают понемногу спориться... Я вижу, мы получим в нынешних условиях все, что захотим». Эта констатация подкреплялась утверждением, что «формально позиция Германии проясняется в угоду России... однако, на практике таковой не является» и «чувствуется, как будто немцы серьезно готовятся к схватке с Россией... Конфликт будет» /30/.

Подобные сведения затем весьма регулярно начали поступать в Хельсинки /31/. Как справедливо отметил по этому поводу М. Менгер, «...такие намеки открывали для финского руководства первые, конечно, еще не твердые надежды на перспективу будущего развития» возможного военного сотрудничества с рейхом /32/. Хотя, безусловно, было еще рано предполагать, что Германия собиралась уже тогда прямо «использовать Финляндию в войне против Советского Союза» /33/.

5 января 1940 г. финский министр иностранных дел В. Таннер откровенно обратился к В. Блюхеру с вопросом: «Может ли правительство Германии дать нам какой-либо совет?» /34/. Этой просьбой, адресованной Берлину, в Хельсинки явно стремились определить будущие перспективы Финляндии, пытаясь разобраться в хитросплетениях немецкой дипломатии. Естественно, гарантировать военную поддержку Финляндии в это время рейх явно еще не мог. Даже Гитлер впоследствии признавал, что тогда в Германии должным образом «не смогли помочь» Финляндии, поскольку «это было невозможно» /35/. В итоге ответ немецкого дипломата был вполне прогнозируемый и соответствовал официально проводившейся в отношении начавшейся «зимней войны» немецкой политике. Блюхер твердо заявил, что «Германия не участвует в финской войне» /36/.

Таким образом, у Финляндии в данный момент могли сохраняться лишь надежды на получение скрытой немецкой

помощи. Да и они, как считали в дипломатических кругах страны, имели перспективы только на более отдаленный период времени, если вообще «не будут, - как докладывал Э. Эркко из Стокгольма, - слишком запоздалым» для Финляндии ответом на действия СССР /37/.

В целом финско-германские отношения в декабре 1939 г. - начале января 1940 гг. показали, что у Финляндии существует определенная возможность рассчитывать на тайную ее поддержку Германии в противодействии СССР /38/. Однако эта перспектива несколько усложнялась тем, что Англия и Франция, противники Германии по Второй мировой войне, также активизировали свою политику, пытаясь вмешаться на стороне Финляндии в возникшую конфликтную ситуацию на Севере Европы, использовал «зимнюю войну» для усиления своих позиций в Скандинавии /39/. Тем не менее, финский историк Р. О. Пелтовоури, который специально занимался немецкой внешней политикой в 1939 - 1940 гг., в своей книге «Германия и финская зимняя война», утверждает: «Едва ли для Гитлера было неприятным в данном случае вступление западных держав в войну против Советского Союза» /40/. Действительно, Берлин лишь только выиграл бы от такой ситуации, когда на Севере Европы - на территории Финляндии, разгоралась бы боевые действия западных союзников против СССР.

Но, естественно, с другой стороны, нацистское руководство ни в коем случае не хотело, чтобы английские и французские войска смогли окончательно утвердиться в Северной Европе /41/. Сведения же о намерениях западных держав осуществить десантную операцию в Скандинавии начали поступать в Берлин /42/, и это создавало там крайне запутанную ситуацию. В таких условиях немецкое командование также приступило к подготовке военной операции в Скандинавии, мотивируя это, как заявил Гитлер тем, что противник «будет готовиться распространить войну» на этот регион /43/. При этом речь не шла о переброске войск в Финляндию и оказание именно ей военной помощи. В Берлине стали обращать внимание, прежде всего, на

стратегические районы Норвегии. По мнению исследователя Б. Лиддел Гарта, «Гитлер, несмотря на неразборчивость в средствах, предпочел бы оставить Норвегию нейтральной и не планировать вторжение в нее, однако, явные признаки готовящихся враждебных акций союзников в этом районе спровоцировали его на этот шаг» /44/.

Таким образом, не имея больших опасений против разрастания советско-финляндской войны, даже, где-то в тайне удовлетворенной от перспективы участия в ней против СССР западных союзников, Германия крайне болезненно начала реагировать на намерения Англии и Франции утвердиться в Скандинавии, направив туда свои войска. Более того, естественно, немецкое руководство не было заинтересовано в усилении позиций западных стран в Финляндии, которое неминуемо могло произойти с появлением их войск на территории Северной Европы. В такой ситуации линия Третьего рейха в отношении Финляндии становилась крайне противоречивой и требовала выработки соответствующей четкой позиции.

Наиболее подходящей в данном случае для нацистских кругов, очевидно, оставалось стремиться к такому исходу войны, при котором, действующая самостоятельно Финляндия, неминуемо должна была рано или поздно проиграть ее, но не оказалась бы при этом полностью разгромленной. В Берлине, естественно, не хотели такого развития событий, когда Англия и Франция смогли бы воспользоваться складывающейся ситуацией и закрепились на Севере Европы, а Финляндия не попала бы под влияния ни СССР, ни западных союзников. В таком исходе Берлин вполне мог рассчитывать на сохранение в этой стране пронемецкого влияния, а также, что являлось не менее важным, чтобы в финском обществе развивались реваншистские настроения, которые затем можно было бы использовать в случае начала Германией своей войны против СССР.

В условиях же явного провала в осуществлении наступательных планов советских войск в декабре 1939 г. и начала с января 1940 г. позиционной войны, открывались перспективы

надеяться, что подобная стратегия вполне могла немецкими политиками быть реализована. Что же касалось возможности окончания этой войны, то здесь, Германия готова была оказать Финляндии поддержку «в плане достижения мира», но только, как заметил Р. О. Пелтовуори, «на поздней стадии», когда могла «возникнуть опасность разгрома Финляндии» /45/. Не случайно поэтому Блюхер в начале января 1940 г. заявил Таннеру, что «настоящий момент неудачен для начала переговоров» с СССР об окончании войны /46/. Чуть позже, 19 января, этот немецкий дипломат уже довел до сведения Вяйно Таннера официальную точку зрения своего руководства. Он сообщил: «Германское правительство считает, что в настоящий момент не существует перспектив для улаживания конфликта» /47/.

Данное заявление вполне укладывалось в стремление Берлина не форсировать процесс мирного урегулирования отношений между СССР и Финляндией. Но при этом там, очевидно, учитывали и запасной вариант развития событий, связанный с перспективой возможного разгрома финской армии. Поэтому уже тогда нацистские дипломаты предприняли ряд попыток прощупать у руководства СССР дальнейшую возможность достижения мира между двумя странами. Немецкие представители поднимали этот вопрос в Москве, но и обсуждали его параллельно с финским руководством /48/. Кроме того, тогда же по всему миру поползли устойчивые слухи, что Германия якобы готова выполнить роль посредника в деле окончания советско-финляндской войны /49/.

Однако, вскоре стало известно, что при посредничестве Швеции, Финляндия уже самостоятельно установила мирные контакты с Советским Союзом. Получив об этом соответствующую информацию, в рейхе, очевидно, вполне удовлетворились подобными сведениями /50/. Достаточно обнадеживающими были для Берлина и сообщения, которые поступали из Москвы. Так, 25 января В. М. Молотов прямо заявил немецкому послу графу Ф. Шуленбургу: «Нельзя указать день, к которому уладиться вопрос с Финляндией, однако... долго это дело не затя-

нется» /51/.

В такой ситуации в Германии могли лишь выражать явное неудовольствие тем, что финское руководство параллельно с перспективой окончания войны также продолжает стремиться получить военную помощь от стран Запада. В органах массовой информации рейха, по наблюдениям дипломатов Финляндии, тогда явно стремились «представить финскую войну, как провокацию Англии и как ее попытку расширить театр военных действий на Северную Европу» /52/. Немецкие же представители, также откровенно выражали свое неудовольствие финской политикой контактов с Западом, демонстрируя, таким образом, отношение Германии к данному процессу. Так посланник в Хельсинки В. Блюхер крайне недоволен в это время заметил Таннеру, что «правительство Финляндии колеблется между двумя альтернативами: заключение соглашения с Советским Союзом и получения помощи западных держав», то есть от противников Германии /53/. Вторая «альтернатива» явно не нравилась немецкому руководству и в рейхе старались всячески продемонстрировать свое к этому негативное отношение.

Более того, в противовес возможной военной помощи Запада, стала усиливаться и информация о готовящейся военной поддержке Финляндии со стороны Германии. Так, тогда появились устойчивые сведения о существующей как бы перспективе оказания Германией быстрой и действенной помощи Финляндии. Посланник в Стокгольме Э. Эркко 3 февраля 1940 г. направил личное донесение министру иностранных дел В. Таннеру, где проинформировал его о существовавших в шведском руководстве представлениях, что «Германия все таки будто бы планирует вмешательство в финские дела и предпринимает усилия, чтобы прекратить конфликт между Финляндией и Советским Союзом». При этом, по взглядам шведской стороны, настроения в рейхе становились весьма радикальными и, более того, на Балтийском море, в районе Кенигсберга уже началась концентрация войск для переброски их затем в Финляндию. Ссылаясь на разговор со шведским министром иностранных дел К.

Гюнтером, Эркко подчеркнул, что «финская война сильно мешает Германии и ее планам», хотя в действительности Берлин выступает «за помощь Финляндии в войне против Советского Союза» и стремится в стратегическом плане «контролировать Юго-Западную Финляндию» /54/.

Показательным же во всей этой информации было то, что особо подчеркивалась необходимость Германии получить от финского руководства «гарантии, что союзники (Англия и Франция. - В.Б.) не смогут помочь Финляндии» /55/. Из других сообщений, которые именно тогда стали поступать в Хельсинки, становилось известно, что немецкое руководство также еще советует «продержаться до июля либо путем противостояния, либо с помощью перемирия», а рейх «с победой на Западе осуществит поворот в своих действиях, направив их против Востока» /56/. Иными словами, подобными сведениями Хельсинки предлагалось сделать выбор и определиться на дальнейшую перспективу борьбы против СССР, опираясь на немецкую военную мощь.

Тем временем, обстановка в ходе войны начала коренным образом меняться. В феврале 1940 г. советское командование, сконцентрировав на Карельском перешейке значительное количество войск, отдало приказ о начале решительного наступления. Это наступление очевидно должно было закончиться разгромом финских войск. Резко обострившуюся ситуацию на фронте достаточно верно мог фиксировать немецкий посланник В. Блюхер, который прямо указывал в своих мемуарах, что «в феврале военная обстановка изменилась» и «военное и государственное руководство пришло к заключению, что у Финляндии слишком мало людей, чтобы противостоять России» /57/. Чуть позже лица близкие к правительству страны уже открытым текстом начали ему говорить: «Война проиграна. Русские прорвались сквозь линию Маннергейма» /58/.

При таком повороте в Берлине стали понимать, что для Финляндии наиболее выгодным становится уже постараться, как можно раньше, завершить войну, добившись мирного уре-

гулирования с Советским Союзом. Но стать реальным посредником в деле достижения мира Германия все же не собиралась. Слабые попытки немцев взять на себя роль миротворца явно не давали желаемого результата. Более того, было «совершенно ясно, что Москва не хотела позволить Германии действовать от имени Финляндии» /59/.

Показательным становилось еще и то, что Берлин явно уклонялся от какого-либо давления на советское правительство с целью помочь Финляндии смягчить условия возможного мирного договора /60/. Это происходило, несмотря даже на то, что финское руководство всячески пыталась довести до сведения рейха, что «Советский Союз в ультимативной форме выдвинул свои требования, которые невозможно принять» /61/.

С другой стороны, Германия, наоборот, явно начала подталкивать финское руководство к активизации поиска пути достижения мира, подчеркивая лишь одно: «Договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки» /62/. Иными словами, в Берлине склонны были бы согласиться поддержать идею окончания войны, но при этом сами особо не собирались участвовать в процессе мирного урегулирования и, очевидно, не предполагали оказывать какую-либо серьезную дипломатическую поддержку Финляндии. Во многом это было связано еще и с тем, что откровенно пока опасались всего того, «что могло бы вызвать раздражение или подозрение в Москве» /63/. Даже А. Гитлер позволил себе тогда сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии «являются естественными и умеренными». Он прямо подчеркнул: «Вопрос стоит о территории (передаваемой Финляндией СССР. - В.Б.), которая прежде принадлежала русским» /64/. Эти слова являются весьма показательными, поскольку, буквально через несколько месяцев, Германия уже будет активно провоцировать финское руководство на возвращение утраченных ей в ходе войны этих территорий.

Что же касается непосредственного выражения немецкими дипломатами своего отношения к советским мирным предложениям, то их позиция была изложена Молотову 5 марта

1940 г. Именно тогда нарком сообщил Шуленбургу основные советские условия достижения мира, переданные финляндскому руководству /65/. Реакция германского посла была весьма показательной. Он, не колеблясь отнесся к полученным сведениям однозначно благожелательно. Шуленбург сказал Молотову, что «финны, конечно, должны ухватиться за это согласие советского правительства» начать мирные переговоры /66/.

Важной в ходе этой беседы, как представляется, стало, однако, не это, вполне удовлетворяющее советское руководство заверение, а другая мысль, которую Шуленбург, не удержавшись, произнес. Он сказал Молотову еще явно пророческие слова, на которые, очевидно, в Москве даже тогда не обратили особого внимания. Немецкий посол «шутливо» спросил: «Только как же с линией Маннергейма, другую придется строить?» /67/. Так, возможно, невольно Шуленбург указал на тот путь, которым явно стремились воспользоваться в своих отношениях с Финляндией в Берлине в дальнейшем, уже после окончания «зимней войны».

С другой стороны, показательным являлось и то, что нацистское руководство принялось еще явно оказывать давление на финнов с тем, что бы в Хельсинки согласились с советскими требованиями в отношении окончания войны. Германия начала отчетливо демонстрировать финскому руководству мнение, что наступило именно то время, когда следует прекращать войну. Более того, в рейхе стали уже торопить Финляндию с принятием решения. Как сообщил В. Таннер на заседании государственного совета, «во всяком случае Германия заинтересована в окончании сражений в Финляндии до того как союзники успеют добиться принятия их предложений» /68/. Именно тогда, 22 февраля 1940 г., Геринг и высказал финскому высокопоставленному представителю Т. Кивимяки мысль, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях, а потери можно будет возратить в будущем» /69/. Характерно, что подобные заявления финским дипломатам делали и другие представители Третьего рейха /70/. Вообще, то, что в это время Германия счи-

тала необходимым для Финляндии подписать с Советским Союзом мирный договор, было известно даже противникам немцев по мировой войне. Французский посланник в Хельсинки прямо заявил тогда В. Таннеру, что «если Финляндия приступит к переговорам о мире, это будет рассматриваться как ее окончательный переход на сторону Германии» /71/.

В этой ситуации финляндскому руководству как раз и следовало принимать соответствующие решения, от которых и должна была зависеть будущая внешнеполитическая перспектива.

Важным теперь представляется выяснить, как отнеслись к высказанной идее в финских верхах. Из имеющихся сейчас достоверных данных известно, что первому, кому Т. Кивимяки сообщил сведения о своих переговорах в Германии, был премьер-министр Р. Рюти. Финский дипломат еще из Берлина направил ему соответствующую телеграмму, с которой затем глава правительства ознакомил еще министра иностранных дел В. Таннера /72/. Кроме того, в ночь с 26 на 27 февраля, в момент уже переезда из Германии через территорию Швеции в Финляндию Кивимяки имел встречу в Стокгольме с Таннером, который тоже здесь в это время находился. В ходе состоявшейся тогда между ними беседы, естественно, также обсуждались результаты, достигнутые в ходе немецких переговоров. Как указывает в своих мемуарах В. Таннер, он с ним тогда «проговорил два часа» и Кивимяки сообщил, что «все с кем он встречался, советовали нам заключать мир, даже на жестких условиях». При этом финский посланец особо подчеркнул, что немецкие представители ему прямо говорили, что «при любом повороте событий... как только закончится большая война, будет шанс вернуть все отданные территории» /73/.

Иными словами, Кивимяки, возвращаясь из Германии, был явно окрылен раскрывающимися для Финляндии перспективами. Это не мог не почувствовать Таннер, поскольку они вместе возвращались в Финляндию, и как он затем отмечал в своих воспоминаниях, Кивимяки «по дороге... убежденно высту-

пал в пользу достижения мира», поскольку, по его мнению, «у нас нет другого пути» /74/.

Однако, ни Таннер, ни Рюти не стали афишировать переданную им информацию. Сведения о том, что говорил Геринг по поводу перспектив вернуть утраченные Финляндией территории в будущем, не стали достоянием гласности. Не узнал сразу об этом в частности К. Г. Маннергейм /75/. Не знали о полученной информации и в аппарате финского МИДа. Как отметил в своих мемуарах начальник политического отдела финского министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, ему «об этом деле стало известно только после Московского мира» /76/.

Все говорило о том, что два человека, которые в первую очередь получили из Германии сведения о возможностях, открывшихся для Финляндии в случае быстрого заключения мирного договора, пока решили не выносить на публичное обсуждение. Это, вероятно, было связано с тем, что как Р. Рюти, так и В. Таннер явно еще сомневались в готовности руководства Финляндии отказаться от планов получения помощи со стороны Запада. Они также не были уверены в способности правительства страны пойти «на тяжелый мирный договор» с СССР. Поэтому, Рюти сказал тогда Кивимяки: «Для решение этой задачи момент не назрел» /77/. К тому же, очевидно, нельзя было вообще открыто говорить об идее реванша, поскольку война еще далеко не была закончена. Таннер мог лишь решиться рассуждать об идее реванша только, когда начались московские мирные переговоры. Но и в это время он предостерегал: «Мысль (реванша. - В. Б.) является такой, которую не следует провозглашать. Думаю, что каждый надеяться, что когда наступит удобный момент, мы возьмем утраченную территорию обратно» /78/.

В целом последующие события показали, что отношение к неофициальному предложению Г. Геринга премьер-министра и министра иностранных дел было весьма серьезным. Показательным в данном плане стало и то, что с этого момента «германский вопрос» становится в руководстве Финляндии все более и более актуальным. Об этом свидетельствовали в част-

ности стенографические записи протоколов заседаниях внешне-политической комиссии правительства Финляндии. На этих заседаниях, проходивших в феврале-марте 1940 г., практически регулярно стала звучать тема, которая в той или иной форме была связана с политикой Германии.

Важным, естественно, было то, как в финском руководстве могли отнестись к предложению, сделанному именно Г. Герингом. По крайней мере, в правительстве с большим напряжением ожидали итогов визита своего эмиссара в Германию. Еще 23 февраля, то есть до получения в Хельсинки отчета Кивимяки, на заседании уже раздавались твердые голоса о том, что «нужно ждать выяснения, что Берлин думает, относительно тех предложений, которые надо принять Финляндии» /79/.

Однако этот отчет прозвучал лишь 28 февраля, хотя еще за три дня до него, «германский вопрос» уже бурно обсуждался членами правительства. Связано это было с тем, что В. Таннер дал им соответствующую справку, относительно того, как Финляндия пыталась добиться «посредничества Германии» в достижении мира и окончания войны с СССР. Тогда же он поведал о телеграмме, полученной от Кивимяки из немецкой столицы, в которой говорилось о его встрече с Герингом. Причем, что представляется интересным, В. Таннер лишь ограничился информацией о том, что Геринг «побуждал к достижению мира». Но не проинформировал об обещаниях, которые в рейхе давали Финляндии в случае ближайшего окончания «зимней войны». Необходимость завершения войны, по словам Таннера, Геринг видел лишь только в том, что помощь Финляндии со стороны «западных держав будет слабой», и более того, «если западные державы направят регулярные войска, то Германия приступит к военным действиям» на севере Европы /80/.

Из этого выступления и последовавшей за ней дискуссии видно, что пока главным для финского руководства было выработать свое отношение к получению военной помощи со стороны Запада, учитывая при этом и позицию Германии. Но в данном случае, однако, стало важным тогда рассуждение премьер-

министра о перспективе войны между СССР и Германией, поскольку в отношениях между ними долго «дружбе не продержатся» /81/. Из этого заявления, таким образом, можно почувствовать, что Рюти, где-то уже стал готовить членов правительства к возможности возникновения войны между Советским Союзом и Германией, что, как раз и открывало потенциал взять реванш за неудачи «зимней войны».

В целом тема общих итогов мировой войны, независимых от результатов советско-финляндской войны становится постепенно достаточно популярной в ходе их дальнейшего обсуждения. Это оказалось наиболее заметно уже в момент отчета самого Т. Кивимяки о своей поездке в Берлин. В выступлении перед членами правительства он тогда объективно донес им мнение нацистского руководства, указав на необходимость Финляндии «проявить мудрость, с тем, чтобы, заключив мир на как можно лучших условиях, ожидать окончания мировой войны». При этом Кивимяки особо подчеркнул, что, по мнению тех, с кем он встречался в Германии, уже «настал тот момент, когда нужно договориться» с СССР об окончании войны /82/.

Любопытно, что идеи этого достаточно неконкретного по своей сути доклада, в котором полностью так и не были изложены взгляды Г. Геринга о возможности финского реванша в будущем, открыто поддержал премьер-министр страны Р. Рюти. Он заявил: «Лучше сохранить армию боеспособной и страну от разрушения, так чтобы можно было бы добиться затем выгоды от происходящего». И далее, он открытым текстом призвал: «Лучше начать восстановление страны от Выборга, чем от Торнио (город на границе Финляндии со Швецией. - В. Б.) /83/. Иными словами, человек, который очевидно в полном объеме владел информацией, полученной от Кивимяки о позиции Германии в отношении проблемы окончания «зимней войны», видел в ней возможную перспективу для будущего своего государства. Таким образом, премьер-министр тогда явно стал проводить мысль среди членов правительства о реванше, который мог бы осуществиться, опираясь на силу Германии.

Что же касается других членов руководства страны, то, очевидно, они не до конца поняли все то, о чем Г. Геринг мог говорить тогда Т. Кивимяки в Берлине. Они лишь почувствовали из выступления дипломата, что Германия может активно воспрепятствовать переброске войск западных союзников на север Европы. Эту мысль к тому же активно развил министр иностранных дел В. Таннер. Тогда он прямо указал, что Финляндия переживает «последний момент, когда мы можем вести переговоры» с СССР. Далее же он сказал: «Сошлюсь на то, что Германия готова вмешаться рывком, если Финляндия не согласится пойти на мир» /84/. Вот именно эти слова в итоге и услышали представители внешнеполитической комиссии правительства.

Оценивая ситуацию, члены комиссии стали указывать на то, что «немцы придут сюда раньше, чем западные державы», а сама «помощь западных держав... будет означает лишь только то, что и Германия станет нашим противником». Более того, подчеркивалось, что «если Германия начнет нас бомбить, это будет иное, чем то, что мы видим теперь и парализует помощь западных держав». При этом, в выступлениях членов комиссии подчеркивалось, что Финляндии «надо помнить о судьбе Польши» /85/. Все эти высказывания, говорили также о том, что в финском руководстве позицию Третьего рейха пытались всесторонне анализировать и учитывать для соответствующего определения своих дальнейших действий.

Но рассуждения о незавидной участи Финляндии в случае, если она станет местом столкновения уже армий великих держав постепенно переходят к тому, чтобы все же следует связать свою судьбу прежде всего с Германией. Это происходит в самом начале марта 1940 г., когда советскими войсками был предпринят штурм Выборга. Именно в этот период, очевидно, для Рюти и Таннера наступило время, когда стоило уже вспомнить о словах Г. Геринга, высказанных Т. Кивимяки.

В данном плане перемены в отношении к Германии наиболее отчетливо можно было наблюдать в период дискуссии, ко-

торая разгорелась в правительстве 3 марта. Тогда был откровенно поставлен вопрос: «Возможно ли вообще официально повернуть на сторону Германии?» /86/. И ответ министра иностранных дел В. Таннера был по своей сути ошеломляющим. Он сказал: «Я не понимаю предложения о том, чтобы мы перешли на сторону Германии. Мы этим занимаемся уже со второй половины декабря...» /87/.

Однако такое заявление несколько не обескуражило членов правительства. Наоборот там считали, что действия внешнеполитического ведомства страны в этом отношении не носят эффективный характер. Поэтому хор голосов, относительно необходимости «занять немецкую сторону» после выступления В. Таннера только усилился. Военный министр Ю. Ниукканен вообще предложил передать немцам, за предполагаемую Германией поддержку Финляндии «в качестве платы Аландские острова», сказав, что «это будет мстостью западным державам и Швеции за их слабую помощь» /88/. Таким образом, в данном предложении уже явно просматривались не просто перспективы межгосударственного сотрудничества, а идея создания германо-финляндского союза, при котором Финляндия была готова за него заплатить частью своей территории. Даже Ю. К. Паасикиви, который считался достаточно лояльно настроенным к СССР государственным деятелем, заявил, что «Германия является единственной страной, которая может что-то сделать в Москве» /89/.

Объективно дискуссия в правительственных кругах выявила весьма примечательную картину. В руководстве Финляндии явно не было большого раскола во взглядах относительно значения Германии для политики страны. Но четко наблюдались две точки зрения относительно ее роли в определении дальнейшего поведения Финляндии. Президент К. Каллио весьма ясно обозначил тогда вскрывшиеся разногласия. Он заметил, что вопрос стоял лишь в том, когда нужно перейти на немецкую сторону: уже немедленно или же тогда, когда Финляндия твердо решит закончить войну и заключит с СССР мирный договор

/90/. Очевидно, при этом, что в любом случае это привело бы к разрыву с западными союзниками, которые реально так и не помогли Финляндии.

При этом, отмечая различия в подходах государственного руководства страны в отношении перспектив дальнейшего сотрудничества с Германией, следует заметить, что они, вероятно, могли быть определены еще и в иной плоскости. Некоторые, кто выступал за переориентацию страны на Германию, видели в ней лишь сильного партнера СССР, который был бы в состоянии повлиять на Сталина и таким образом помочь Финляндии выйти из войны. Другие же рассматривали Германию, как будущего врага Советского Союза, «единственной страной, которая может предоставить помощь» /91/. Второе направление, естественно, могло предполагать в дальнейшем возможность реванша именно с помощью Германии уже в последующей стадии Второй мировой войны.

Но в любом случае не все в руководстве страны были в то время готовы отказаться от возможности добиться получения помощи от Запада. Некоторые весьма влиятельные государственные деятели еще верили в какую-то способность Англии и Франции оказать действенную поддержку Финляндии /92/. Однако эти надежды уже таяли /93/ по мере нарастания военных неудач, связанных с продолжающимся наступлением советских войск на Карельском перешейке. Да и Германия не собиралась сдавать свои влиятельные позиции в Финляндии. Так, 7 марта, в финский МИД пришла тревожная телеграмма, в которой сообщалось, что в Берлине наблюдается очевидное разочарование политикой Финляндии. Как информировалось финское руководство, теперь «у Гитлера нет никакого интереса помогать» Финляндии. Также фиксировалась и «холодность» в отношении финских дел у Геринга. Вывод же в этом документе сводился к весьма пессимистической констатации: «видимо, жесткая позиция Германии [в отношении Финляндии. - В. Б.] говорит об обдуманной тактике» /94/.

Подобные сведения лишь подталкивали Финляндию к

скорейшему подписанию мирного договора с СССР, поскольку именно тогда их делегация уже отправилась в Москву для ведения мирных переговоров. Теперь стало очевидно, что наступает самый критический момент выбора для Финляндии. Запад активно принялся предлагать финскому командованию военную поддержку, оперативно пытаясь связаться по этому поводу с руководством страны, прибегая даже к прямым телефонным переговорам. Германия же наоборот ни каким образом не стремилась влиять на СССР в целях смягчить его условия мира. Но эта мало действенная позиция немецких дипломатов казалась теперь для Финляндии даже не особенно существенной. Как отметил в своих мемуарах В. Таннер, Хельсинки беспокоило другое: то, что в рейхе германская разведка может добыть какие-либо сведения о предлагаемой Западом военной помощи Финляндии. Вспоминая о тех критических днях, он пишет: «Эти звонки из Парижа пришли через Германию и были, разумеется, перехвачены там» /95/. В целом, финское руководство сделало свой выбор и, несмотря на массивное давление с Запада, заключило мирный договор с СССР.

Показательным, однако, было то, что достигнутый мир сразу же стал рассматриваться в Хельсинки как «перемирие», то есть как бы «передышкой», которая затем должна была позволить подготовиться, чтобы «поскорее возвратить утраченную территорию обратно» /96/. Это уже, само по себе, стало говорить о том, что в руководстве изначально рассчитывали условия договора отвергнуть, то есть готовились к новой схватке с СССР. Очевидно при таком подходе Финляндии у нее должен был быть влиятельный в военном отношении партнер. Учитывая стремительность, с которой заключался мир, а также безусловность в отказе от перспективы военной поддержки со стороны Англии и Франции, становится понятно, что только нацистская Германия могла здесь рассматриваться, как наиболее подходящая в данном отношении страна.

Тем самым роль Берлина в принятии финским руководством окончательного решения о выходе из войны трудно

недооценить. Фактически, идя на подписание мирного договора с Советским Союзом, финское руководство учитывало именно позицию рейха, основанную на необходимости заключения мира. Не случайно, поэтому высокопоставленный финский генерал П. Талвела уже в декабре 1940 г., когда встречался в Берлине с Г. Герингом, отметил это сказав: «Война [1939 - 1940 гг. - В. Б.] все-таки вовремя закончилась и мир был заключен в не меньшей мере благодаря Вашему совету, который господин рейхсмаршал дал нам через министра Кивимяки» /97/.

Показательным также стало, что Т. Кивимяки сразу же после окончания «зимней войны» получил назначение посланника в Берлин. Причем прежнего главу миссии Финляндии в Германии А. Вуоримаа в финском руководстве теперь считали неподходящим там для дипломатической работы. У него, как было сказано в аналитических документах МИДа, «не было никаких предпосылок для того, чтобы сближать и укреплять внешнеполитические отношения между Германией и Финляндией» /98/.

Действительно, ситуация после подписания мира в Москве начала меняться, а Германия становилась тем самым гарантом перспективы возможного реванша, о котором уже говорили в правительстве страны еще в годы «зимней войны» и к которому в Финляндии затем на протяжении всего так называемого «перемирия» 1940 - 1941 гг. явно стремились. Более того, тогда достаточно скоро прошли тайные финско-немецкие военные переговоры, которые закончились подключением страны к плану «Барбаросса».

Саму же новую войну, начавшуюся в июне 1941 г., в Хельсинки назвали «войной-продолжения», что уже, само по себе, явно говорило о ее прямой связи с предшествующей ей «зимней войной» /99/. В этом плане далеко не случайным выглядит объяснение Финляндии в 1941 г. целей участия в «войне-продолжении». В ноте, направленной 11 ноября в финские зарубежные дипломатические представительства, руководство страны прямо констатирует: «Финляндия стремится обезвредить

и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года». Далее же следует уточнение: «Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только силы были для этого достаточны» /100/.

Следовательно, прав был финский профессор Х. Юликангас, который отметил, что Германия сыграла в целом одну из наиболее важных ролей в окончании войны 1939 - 1940 гг., поскольку, выяснив ее позицию, «Финляндия пошла на перемирие с тем, чтобы затем быстро и с полной определенностью присоединить к своей территории Карелию» /101/.

1. Ueberschär G. Hitler und Finnland 1939-41. Die deutsch finnischen Beziehungen während des Hitler-Stalin-Paktes. Wiesbaden. 1978; Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988; Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975; Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001; Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.
2. См.: Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki, 1950 (Пер. на русск. яз.: Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. М., 2003.); Blücher W. Suomen kohtalonaikojen. Porvoo, 1950; Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmia. Porvoo-Helsinki, 1965; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. Os. I. Talvisota. Porvoo-Helsinki, 1958; Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967; Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Helsinki, 1984.
3. См.: Ylikangas H. Kysymyksiä ja vastauksia koskien talvisodan rauhaa // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 244 - 248; Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 96 - 102; Manninen O. Yhden kortin varaan ei voitu heittäytyä // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 249 - 256; Seikko E. Professori Ylikangas ja talvisodan rauha // Historiallinen Aikakauskirja.

2004. N 1. S. 103 - 106; Häikö M. Lähdekritiikkiä Ylikankaalle Göringistä ja talvisodasta // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 107 - 110; Eskola S. Professori Ylikankalle // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 256 - 257.

4. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 147.
5. Kivimäki T. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 128.
6. См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 112 - 139.
7. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1998. S. 53.
8. Ibid. S. 54.
9. Ibidem.
10. Vehviläinen O. Finland in the World War. Between Germany and Russia. Copenhagen. 2002. P. 57.
11. Kansallisarkisto. AA StS, Finnland, 2.12.1939. Bd. 1, B. 0031197; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 479.
12. Vehviläinen O. Finland in the World War. P. 67.
13. Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139.
14. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 172; Kivimäki T. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 124.
15. См.: Барышников В. Н. И. Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 30 - 35.
16. Kivimäki T.M. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 124 - 125.
17. Цит. по: Peltovuori R.O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 69.
18. Ibid. S. 73 - 74; Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Kivimäki T.M. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 124.
19. Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi. S. 100.
20. Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 61.
21. См.: Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны». С. 87 - 88.
22. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Peltovuori R.O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 70.
23. Kivimäki T.M. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 125.
24. Ulkoasianministeriön arkisto (UM). 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 24.12.1939; 109, B6. Sähkösanoma Tukholmasta

- UM:II, 24.12.1939.
25. Ibid. 109, C2e. Sähkösanoma Tukholmasta UM:II, 23.12.1939.
26. Безыменский Л. Великая Отечественная в... 1940 году // Международная жизнь. 1990. № 8. С. 115.
27. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 200.
28. Rautkallio H. Kansakunnan syyllisyyt. Talvisotaan 1939 - 1940. Hels.-Juva, 2002. S. 244; Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 167.
29. См.: Rautkallio H. Kansakunnan syyllisyyt. Talvisotaan 1939 - 1940. S. 244.
30. UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.
31. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 66 - 67; Kivimäki T.M. Suomalaisen politikön muistelmät. S. 127 - 128.
32. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 67.
33. Вехвилайнен О. Первые шаги к компромиссу // Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. М., 1999. С. 241.
34. Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. V. VIII. P. 614; Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 171; См. также: Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 118.
35. Цит. по: Vilkuна К. Hitler marsalkan 75-vuosipäivillä // Uusi Kuva-lehti, 1954, 5. 11.
36. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 160.
37. UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.
38. Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны». С. 90.
39. См.: Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939 - 1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 427 - 455.
40. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 93.
41. Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 140.
42. См.: Зимняя война 1939-1940. Политическая история. М., 1999. С. 266.
43. Liddell Hart B.H. History of the Second World War. L., 1973. P. 54.
44. Ibid. P. 52.
45. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 92.
46. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 160.
47. Там же. С. 162.
48. См.: Документы внешней политики. Т. XX. Кн. 1. М., 1995. С. 25; Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 83 - 88; Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 171 - 173; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139 - 140.
49. UM. 109, B 6. Sähkösanama Koopenhaminasta UM:lle, 13.01.1940; Sähkösanama Pariisista UM:lle, 14.01.1940; Sähkösanama Lontoon UM:lta, 17.01.1940.
50. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 183.
51. Документы внешней политики. С. 51; Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 708.
52. UM. 109, B 6. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.
53. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 90.
54. UM. 109, G 1. Yksityinen E. Erkon raportti V. Tannerille. Tukholma, 3.02.1940
55. Ibidem.
56. Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 98.
57. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 185.
58. Ibidem.
59. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 162.
60. См.: Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139 - 140.
61. UM. 109, B 6. Sähkösanama UM:lta Romaan, 25.02.1940.
62. Ibid. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.
63. Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. С. 339.
64. Цит. по: Там же. С. 350.
65. Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 882.
66. Документы внешней политики. С. 132.
67. Там же; Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 882.
68. Цит. по: Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. S. 167.
69. Цит. по: Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 110.

70. См.: Ibid. S. 107, 109; Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 66 - 67; Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi. S. 97.
71. Цит. по: Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. С. 339.
72. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 194; UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 25.02.1940.
73. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 230.
74. Там же. 238.
75. См.: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 202.
76. Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 244.
77. Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 126.
78. Цит. по: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 228.
79. UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 23.02.1940.
80. Ibid. Istunto 25.02.1940.
81. Ibidem.
82. Ibid. Istunto 28.02.1940.
83. Ibidem.
84. Ibidem.
85. Ibid. Istunto 1.03.1940; 3.03.1940.
86. Ibid. Istunto 3.03.1940.
87. Ibidem.
88. Ibidem.
89. Ibidem.
90. Ibidem.
91. Ibidem.
92. См.: Ibidem.
93. См.: Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939 - 1940 гг. С. 452 - 454.
94. UM. 109, В 6. Sähkösanama Tukholmast UM:lle, 7.03.1940.
95. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 317.
96. См.: UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 12.03.1940.
97. Цит. по: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 231.

98. UM. 12 K.
99. См.: Ylikangas H. Kysymyksiä ja vastauksia koskien talvisodan rauhaa. S. 248.
100. UM. 12 L. Sähkö Suomen ulkomaan edustajastoille 11.11.1941: Ankara, Berlin, Berne, Bucarest, Budapest, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Washington, Tokio (подробно см.: Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941 - 1942. СПб. - Хелс., С. 142 - 145).
101. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 148.

II. Научные сообщения.

Ш. Плонски

Крепость Бреслау*

Уже долгое время меня интересует история крепости Бреслау. Миф о последнем неприступном оплоте Третьего Рейха - не просто одно из советско-германских сражений, в котором обе стороны проявили героизм. Наши современники воспринимают его как последнее сражение Второй мировой войны, которую развязала нацистская Германия в 1939 г. Для участников этих событий оно стало трагедией, смертельной битвой за выживание. Разрушенные, превращенные в пыль дома и здания, растоптанные ценности и попранная гордость, и среди всего этого - обычные люди, ограбленные и униженные оставшимися представителями нацистских органов власти. Судьба города в первые месяцы 1945 г. особенно захватывает меня, поскольку мне интересна история, я люблю свой родной город и увлекаюсь военной историей.

Рассматриваемый временной промежуток охватывает события, произошедшие в период с 25 августа 1944 г. по 6 июня 1945 г., от создания крепости Бреслау до ее капитуляции. Все исследования по этой теме были написаны в 1960 - 1970-х гг., в том числе работа Т. Созаньска и Р. Майевски "Bitwa o Wrocław" [*Битва за Вроцлав*], и профессоров К. Йонца и А. Конечны "Upadek Festung Breslau" [*Падение Бреславской крепости*], признанных авторитетов в изучении этой темы. Что касается современных публикаций, то упоминание о данной теме можно найти в общих работах по истории Вроцлава. Т. Кулак в своей "Historia Wrocławia t. II" (Истории Вроцлава. Т. 2) посвящает главу рассматриваемым событиям, то же делает и профессор Н. Дэвис в своей монографии "Microcosmos".

У нас есть доступ к большому числу источников, которое увеличивается благодаря тому, что постоянно публикуются воспоминания и рассказы участников событий. Основной источ-

ник, описывающий происходившее в городе с позиции обычного человека - дневник священника прихода Сэнт-Морис Пауля Пайкерта. В изданной Р. Маевским книге "Wrocław - godzina zero" [Вроцлав - час "Ч"] собраны воспоминания людей, сражавшихся на советской стороне. Недавно вышло в свет польское издание воспоминаний командиров крепости - Алфена и Нейхоффа - "Festung Breslau w ogniu" [*Крепость Бреслау в огне*]. Здесь события описаны исключительно с позиций немецкого командования.

Прекрасный город с населением 600 000 человек, город, история которого насчитывала тысячу лет, в котором сосуществовало множество культур, столица Нижней Силезии, стоял на пяти реках, через которые было переброшено более сотни мостов. К концу 1944 г. все это ничего не значило для обеих воюющих сторон. Линия фронта неизбежно отодвигалась на запад, и было необходимо решить - оборонять город и провозгласить его крепостью, или объявить его "открытым городом", как это было сделано с Парижем в 1940 г. Решение было за нацистами, и оно должно было отвечать их главной цели - не допустить продвижения Красной армии. Для осуществления этой цели главой Генерального Штаба Гудерианом была разработана концепция городов-крепостей. По приказу от 25 августа 1944 г. Вроцлав номинально стал крепостью. С военной точки зрения это решение было совершенно верным. Город, через который проходило несколько переправ через Одер и его притоки, мог бы стать опорным береговым плацдармом для русских на левом берегу реки. Также были надежды на то, что, оставив в крепости относительно небольшой гарнизон, в соответствии с законами военного искусства можно будет связать соответственно большее число соединений Советской армии. Кроме того, сыграла свою роль и амбициозность маршала Ивана Конева, который, возможно, был бы не против прибавить к списку своих трофеев такой крупный центр как Вроцлав. 25 сентября 1944 г. первый командующий только что созданного оборонного пункта принял свой пост; это был генерал-майор Иоганн Краузе /1/. Этот пер-

сонаж важен для нас, поскольку именно его задачей было подготовить город к обороне. Город был укреплен в основном в северной и восточной частях города. В распоряжении генерала были лишь небольшие силы, состоящие из резервистов и тыловых частей - подкрепления должны были подойти лишь при условии возникновения прямой угрозы городу /2/. С самого начала ситуация усложнилась тем, что в сферу компетенции коменданта вмешивался недавно назначенный гаулейтер провинции Нижняя Силезия, Карл Ханке, фанатичный нацист, член НСДАП, жестокий и беспощадный человек.

Одновременно с военными приготовлениями предпринимались попытки решить вопросы, связанные с гражданским населением города. К тому времени численность населения Вроцлава из-за наплыва беженцев из восточных частей Рейха составляла около миллиона человек /3/. Предполагалось, что во время обороны города гражданское население будет эвакуировано, так как в городе будут идти бои, возникнут проблемы с продовольствием и так далее. Комендант города осознавал те трудности, которые вызовет эвакуация такого количества людей. Ханке придерживался совершенно другого мнения. По его мнению, эвакуация стала бы проявлением пораженчества. В конце 1944 г. Краузе предложил, чтобы 200 000 женщин и детей было эвакуировано из города. Окончательное решение должен был принять гаулейтер, и он дал отрицательный ответ /4/.

Появление беженцев с востока было ударом для жителей города. Атмосфера тех дней прекрасно отражена в отрывке из рассказа наблюдателя и участника событий: "Проходили товарные поезда, набитые немцами-беженцами. На их лицах был написан ужас и отчаяние... Эти первые беженцы глубоко меня потрясли... До того момента практически не ощущалось, что идет война. Работали кинотеатры, устраивались концерты, в ресторанах и кафе было много посетителей, все службы и учреждения работали в том же режиме, что и до войны. Единственно, на улицах можно было увидеть много людей в военной форме, поскольку большинство мужчин служили в армии" /5/. По мере

ухудшения положения на фронте росло число беженцев. 18 января был отдан приказ эвакуировать людей с правого берега Одера. В конце января то же распоряжение коснулось и жителей левого берега. Тем, кому не досталось места в поезде, пришлось везти свое имущество на различного рода повозках, телегах, фургонах, которые тащили либо сами беженцы, либо их домашний скот. По дорогам также тащились колонны военнопленных и иностранцев /6/. На следующий день Ханке отдал приказ о полной эвакуации всего гражданского населения города. Железнодорожные станции были просто запружены людьми; огромная толпа пыталась втиснуться в поезда, которые отправлялись на запад. В суматохе и хаосе многих задавили насмерть, например, на главной станции погибло 60 - 70 детей /7/. Так долго, насколько это было возможно, поезда приходили и увозили людей, хотя было ясно, что невозможно эвакуировать сотни тысяч людей за такой короткий срок. 20 января населению было приказано уходить из города пешком в направлении гминов Опорув и Конты-Вроцлавске, а затем в сторону Любани. Приказ звучал недвусмысленно и устрашающе. Матери с маленькими детьми могли отправиться вместе, дети постарше должны были идти отдельно. Отец Пайкерт пишет о трагедиях, об отчаянии и безысходности, которые ощущали члены семей, которых насильно разлучали друг с другом, и о людях, бредущих в никуда. Людям пришлось покинуть все свое имущество и оставить свои дома. Они думали, что вернуться, как только закончится этот страшный сон /8/.

Не все были готовы оставить свои дома. Многие несмотря на все трудности предпочитали остаться, другие просто не могли покинуть город без посторонней помощи. Они были бесчеловечно и жестоко "выкурены" из своих домов. В каждую квартиру или дом направлялись эмиссары партии; сначала они мягко настаивали на необходимости уехать из города, затем уговоры становились более жесткими и грубыми, но если и это не помогало, они угрожали отобрать талоны на питание, разрушить дом и применить другие подобные меры. Это тактика была

действительно эффективной. К окончанию операции по эвакуации в городе оставалось - по различным данным - от 150 до 200 тысяч человек /9/.

Описываемые события происходили в середине зимы. Стояла минусовая температура. Люди в неподходящей для зимы одежде шли в плохо организованной процессии при температуре -18 - -20 градусов по Цельсию. "...Это произошло морозным ясным зимним днем, было -16 градусов. После душераздирающего прощания в 12-30 я отправилась в сторону Зобтена. Я присоединилась к группе женщин, которые шли в том же направлении. Колонны беженцев походили на караван, на телегах, санях, или даже машинах и повозках с лошадьми они волочили за собой все, что осталось от их имущества. Черная линия на белом сверкающем снегу, сотни тысяч бредущих людей; среди них были и беженцы с левого берега Одера, которые находились в пути уже несколько дней. На повозках они везли множество тел умерших от обморожения или других несчастий в пути; потом им придется оставить их у дороги, потому что было невозможно похоронить людей в промерзшей земле. Обессиленная, со стертymi ногами, я добралась до Росслингена [22 км от Бреслау]". Элизабет Эрдрих удалось выжить, но смерть собрала богатую жатву. Тела людей, погибших во время этого перехода, были сброшены в придорожные канавы и уже оттуда их увозили специальные подразделения "поисковых отрядов". Предполагается, что только за время перехода в Конты-Вроцлавске погибло около 18 000 человек, а вся эта плохо подготовленная операция стоила жизни 90 000 человек /10/.

Это было только начало многомесячного уничтожения города. В крепости Бреслау дважды менялись коменданты - это были вышеупомянутые генерал-майор Алфен и генерал-лейтенант Нейхофф. Город пережил два мощных штурма с юга и запада, многочисленные бомбардировки и абсурдные идеи командования, вроде сооружения взлетно-посадочной полосы в центре города. Благодаря всему этому предприятию столица Нижней Силезии долгие годы оставалась сильно разрушенной.

В отдельных частях города степень разрушений достигала 80 %. Сегодня невозможно обнаружить даже следы старой застройки там, где проходила линия фронта - улицы, жилые массивы, и целые кварталы навсегда изменили свой облик. После капитуляции 6 мая 1945 г. по принятым политическим решениям Вроцлав стал частью Польши. В настоящее время наряду с Варшавой, Краковом, Познанью и Гданьском Вроцлав является одним из важнейших и наиболее быстро развивающихся центров Польши. Не случайно один из историков Вроцлава назвал главу, посвященную его послевоенной истории, "Jak feniks z popiołów" [*Как феникс из пепла*].

1. Официально он занимал свой пост до 3 февраля 1945 г. Его сменил на посту лейтенант (генерал-майор после повышения в звании) Ганс фон Алфен. Месяц спустя он был смещен по приказу гауляйтера Ханке. Его место занял генерал-лейтенант Герман Нейхофф.
 2. N. Davies, R. Moorhouse, Mikrokosmos, [w:] „Słowo Polskie”, nr z 19 marca, R. 2002, s. 16.
 3. В 1939 г. в Вроцлаве насчитывалось 629 000 жителей, в 1943-1944 гг. их число значительно увеличилось вследствие переселения на селения из районов Рейха, постоянно подвергавшихся бомбардировкам (Пауль Пайкерт говорит о 700 000 человек); эти данные весьма приблизительны, поскольку в 1945 г. город был заполнен потоками беженцев с востока.
 4. О сущности дискуссии по этому вопросу см. в: R. Majewski, T. Sozańska, Bitwa o Wrocław, Wrocław 1975, s. 119 - 120.
 5. U. Frodien, Umierające miasto, [w:] „Karta – kwartalnik historyczny”, nr 31, R. 2002, s. 67 - 68.
 6. Ibidem, s. 67 oraz P. Peikert, Kronika dni oblężenia, Wrocław 1984, s. 21.
 7. P. Peikert, Kronika dni oblężenia, Wrocław 1984, s. 31.
 8. N. Davies, R. Moorhouse, Mikrokosmos, [w:] „Słowo Polskie”, nr z 19 marca, R. 2002, s. 16.
 9. P. Peikert, Kronika dni oblężenia, Wrocław 1984, s. 25.
 10. N. Davies, R. Moorhouse, Mikrokosmos, [w:] „Słowo Polskie”, nr z 20 marca, R. 2002, s. 17.
- * - перевод научного сообщения с английского языка осуществлен Адамовой Н.Э.

Реформа или революция: вопросы внутриполитического развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции.

Билль о реформе 1832 г. стал одним из ключевых событий внутренней политики Англии первой трети XIX в. Реформа избирательного права положила начало изменениям системы представительства и стала первой в ряду трех парламентских реформ XIX в. Исследование факторов, определявших развитие политической ситуации в стране в 1830 - 1832 гг. в рамках процесса проведения реформы, начатого еще в конце XVIII в., представляется особенно важным. Поэтому периодом, принятым к рассмотрению в исследовании, стало время с 26 июня 1830 г. по 20 декабря 1830 г. Событиями, ознаменовавшими начало и окончание этого периода, стали смерть Георга IV и закрытие осенней сессии парламента. Несмотря на всего полугодовой промежуток, это время было чрезвычайно насыщено перипетиями, повлиявшими на проведение реформы. Особое внимание следует уделить Июльской революции 1830 г., прежде всего для того чтобы определить масштабы ее влияния на политическую ситуацию в Англии накануне проведения первой парламентской реформы.

Интерес к изучению реформы 1832 г. присутствует в исторической науке Великобритании, Франции, Соединенных Штатов Америки и России. Наибольшую важность представляют работы, изданные в течение полувека после проведения реформы. Они дают подробные описания событий и по своей значимости могут быть приближены к историческим источникам. Среди них следует выделить книгу Джона Артура Робака «История вигского министерства 1830 г. до проведения Билля о реформе» /1/.

Июльская революция во Франции в контексте проведения парламентской реформы в историографии рассматривается

лишь как фактор, усиливший народные выступления. Однако такая точка зрения не совсем полно отражает истинное значение Июльской революции в ряду событий 1830 г. Серьезное искажение эта проблема претерпевает в работах, где роль рабочего движения выведена как определяющая. Интересной так же является точка зрения Н. И. Кареева /2/, который считает проведение первой парламентской реформы прямым результатом Июльской революции во Франции. Таким образом, обозначив крайние точки зрения по данному вопросу, обратимся к рассмотрению общественно-политического и социально-экономического положения англичан в 1830 г. и определим степень его влияния на проведение первой парламентской реформы.

Экономическая ситуация, сложившаяся к 1830 г. в Англии, является одним из главных факторов повлиявших на проведение парламентской реформы и изменение политической ситуации в целом. Первостепенным вопросом внутренней политики, волнующим население, были хлебные законы 1815 г., поддерживавшие доходы земельной аристократии на уровне военного времени вплоть до 1828 г. за счет установления непомерно высоких цен на зерно. В условиях преобладания земельной аристократии в парламенте петиции об отмене хлебных законов отклонялись на протяжении тринадцати лет. И только в 1828 г. кабинетом герцога Веллингтона был принят закон о подвижных тарифах на хлебные пошлины, что ударило по финансовому положению земельной аристократии и вместе с этим по авторитету герцога в парламенте. Экономическое обоснование имело и движение служащих фабрик в пользу реформы. Для них изменения в системе представительства были в первую очередь способом влияния на уровень заработной платы и возможность введения рабочего законодательства.

Охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в период, предшествовавший событиям 1830 г., можно как реакционную. «Эпоха Питерлоо» в 1815 - 1822 гг., введение в 1819 г. «Шести Актов», создание Робертом Пилем полиции, временная отмена действия Habeas Corpus Act, контроль печатной

продукции, - все эти меры не оставляют сомнения в крайней реакционности торийского правительства, находившегося у власти в период с 1815 по 1830 год. Во многом сложившуюся в Англии обстановку можно сравнить с содержанием ордонансов Карла X.

Согласно нашему мнению, важнейшим событием, накануне 1830 г., является эмансипация католиков, предпринятая в 1829 г. под угрозой возобновления деятельности Католической ассоциации во главе с О'Коннелом. Главной задачей подобной меры было умиротворение Ирландии, где было сосредоточено почти все католическое население Соединенного Королевства. Но переоценить результаты эмансипации католиков для тори трудно, «протестантское диссидентство пробило последнюю брешь в англиканском торизме» /3/. Для англиканской церкви, являвшейся оплотом аристократических тори, эмансипация католиков была неприемлема, а «Акт об эмансипации был прародителем Акта о реформе» /4/ в процессе проведения которого тори потерпели поражение. Помимо раскола в партии и выделения в ней группы противников любых изменений - ультра-тори, 1829 г. был отмечен промышленным кризисом и неурожаем, что так же отрицательно повлияло на авторитет правительства. К 1830 г. герцог опирался на маленькую группу в Палате общин. В то время как радикально настроенные организации умело поддерживали в стране «дух реформы», впоследствии использованный вигами.

Другим событием, рассматриваемым нами в рамках 1830 г., значительно повлиявшим на политическую ситуацию стала смерть Георга IV, который умер на одиннадцатом году своего правления. В период его болезни периодические издания вводили в заблуждение население Англии, рассказывая об улучшении состояния его здоровья вплоть до дня смерти короля. Прямым результатом смерти Георга IV стала необходимость проведения новых выборов в парламент. Как и в 1820 г., «причуды» здоровья монарха вынудили провести выборы не в самый удачный для правительства момент /5/. Восшествие на

престол Вильгельма IV решило в то же время вопрос межличностных отношений графа Грея и Георга IV. Новый монарх снял «давнее королевское вето» с лидера вигов. Тем самым неожиданно усилил оппозиционные тори круги и как следствие приблизил падение партии тори.

Рассмотрев ситуацию внутри страны до Июльской революции 1830 г., обратимся же теперь к влиянию внешних факторов на процесс проведения первой парламентской реформы. События июля 1830 г. во Франции оживили вопрос о реформе. Июльская революция являлась по сути продолжением Великой французской революции, так как правящая династия Бурбонов являлась защитницей старой аристократии. В то же время права буржуазии не находили достаточной защиты в конституции. Согласно Хартии 1814 г., палата депутатов избиралась французскими гражданами, вносившими не менее трехсот франков прямых налогов, что предопределяло достаточно высокий избирательный ценз.

В августе 1829 г. к власти пришло реакционное министерство Полиньяка, сменившее готовое на уступки министерство Мартиньяка. Недовольство народа так же вызвали выплаты дворянам, потерявшим свои земли в 1789 г., так как общая сумма, затраченная на компенсации, составила миллиард франков. Более того, к власти возвращалась земельная аристократия. В тронной речи Карл X открыто заявляет о намерении принять меры, если парламент будет создавать препятствия для его власти. Ответом на такое заявление стал «адрес 221-го», который требовал отставки министерства. 16 мая 1830 г. Карл X распустил палату, однако новые выборы лишь усилили оппозиционное большинство. Он был вынужден прибегнуть к крайней мере и издал «ордонансы», распускавшие вновь избранную палату. При этом Карл X сократил законодательную компетенцию нижней палаты и утвердил избирательные законы, направленные на усиление влияния привилегированной части населения. Так же отменялась свобода печати и собраний. Сравнивая политическую обстановку в странах Европы первой трети XIX века

Н. И. Кареев приходит к выводу, что «Июльские ордонансы, приведшие к потере Карлом X трона, касались как раз тех двух пунктов из-за которых, главным образом шла борьба между роялистами и либералами в эпоху реставрации (избирательные законы и свобода печати. - Ю. К.)» /6/. Нельзя в данном случае отрицать общеевропейские тенденции, более того Н.И. Кареев, пожалуй, единственный историк, который провел такую аналогию. Использование Карлом X права издавать ордонансы, было фактически незаконным, так как их издание могло быть произведено «для исполнения законов и безопасности государства». Приведение ордонансов в силу восстановило бы земельную аристократию в качестве единственного влиятельного сословия во Франции.

Радикально настроенные группы начали вооруженное противостояние уже 27 июля, то есть на следующий день после издания ордонансов. К 28 июля 1830 г. восточные кварталы Парижа были перегорожены баррикадами, а над собором Парижской Богоматери установили трехцветное знамя. Зачастую, солдаты из правительственных войск, возглавляемых маршалом Мармоном, переходили на сторону восставших, возможно, именно это настолько укрепило силы народа, что 29 июля Карл X согласился отменить ордонансы и заявил о готовности пойти на переговоры. Восставшие, однако, не приняли его предложения и образовали «муниципальную комиссию» из тридцати либеральных депутатов, которая выполняла функции временного правительства.

Луи-Филипп Орлеанский был провозглашен наместником и поспешил отправиться в Париж, куда Карл X незамедлительно отправил отречение в пользу своего внука, герцога Бордосского, о котором не было сказано ни слова в тронной речи Луи-Филиппа. Уже 7 августа 1830 года палата с большинством голосов (219 против 33) /7/ принимает декларацию о вакантности трона и в тот же день призывает на трон герцога Орлеанского. Была принята новая конституция, так называемая «Хартия 1830 года». В ней категорически запрещалось восстано-

ние цензуры, а право решения вопросов печати было передано суду присяжных. Значительно уменьшился возраст избирателей (30 - 25 лет) и депутатов (40 - 30 лет). Избирательный ценз снижен до двухсот франков, что увеличило количество избирателей с 90 до 200 тысяч. К власти получила доступ торгово-промышленная буржуазия, но рабочие так и не получили избирательных прав. Лозунгом правящего класса была «нажива всеми дозволенными и недозволенными средствами, вплоть до системы подкупов как избирателей, так и депутатов, *по старому примеру Англии* (курсив наш. - Ю. К.)» /8/.

Обозначим теперь сходства политической ситуации в Англии и во Франции. Первым из них и самым очевидным является существование «гнилых» или «карманных» местечек в давно сложившейся в английской системе представительства. Главным принципом в ней был земельный фактор. Таким образом, как и во Франции, финансово-промышленные круги Англии не имели доступа к власти. Вторым важным сходством были законы об ограничении печати. В Англии с 1815 г. действовал закон о пасквилях, который накладывал гербовый сбор на брошюры «радикального и свободомыслящего» содержания. Вполне логично, что с получением известий о революции во Франции, многие англичане задались вопросом «Если французы смогли прекратить работу своего реакционного правительства в результате быстрого и бескровного противостояния, почему англичане не могут сделать то же самое?» /9/. Но еще со времен Великой французской революции, Англия избрала для себя «путь к компромиссу, утверждая в массовом сознании представление о том, что любое противоречие может быть решено на разумной основе, без революционных потрясений» /10/.

Новости об Июльской революции во Франции поступили в Англию в самый разгар предвыборной кампании. Спорным остается вопрос о том, какое влияние эти известия оказали на ход выборов. Но мы склонны согласиться с мнением Н. Гэша о том, что новости об Июльской революции пришли слишком поздно, чтобы оказать какое-либо влияние на результаты выбо-

ров, но они обеспечили множество дискуссий в последующие месяцы /11/. Радикальные организации использовали факт смены монарха во Франции как возможность «хорошенько встряхнуть народные чувства» /12/. Свержение Карла X стало причиной широких волнений в Англии и привело к возобновлению интереса к парламентской реформе. Рабочие, воодушевленные сомнительным успехом своих французских коллег, требовали обеспечения прожиточного минимума, но заговор среди них организован не был. В течение осени 1830 г. восстания вспыхнули в сельских округах южной Англии, северные области были охвачены забастовками.

Партия тори была взволнована возможностью установления республики во Франции и, несмотря на склонность поддерживать Карла X, Веллингтон был вынужден пойти на признание результатов революции во Франции. В данном случае, пойти против народа, приветствовавшего в августе многочисленными митингами июльские события, было бы опасно. Британский посол в Париже, лорд Стюарт, 31 августа 1830 г. вручил верительные грамоты Луи-Филиппу Орлеанскому. Таким образом Великобритания стала первой страной, которая признала законность нового правителя Франции. Частыми и во Франции, и в Англии были сравнения Июльской революции со Славной революцией 1688 г. Этой точки зрения, в основном, придерживалась либеральная оппозиция. По сути, именно события во Франции превратили вопрос реформы избирательной системы в мощное политическое и общественное движение, «демократизирующему влиянию» /13/ которого противостоять стало невозможным. Герцог Веллингтон оказался отчасти жертвой этого обстоятельства.

Решающим моментом для падения тори как компетентной политической силы стала сессия парламента, проходившая в период с 26 октября по 20 декабря 1830 г. К этому времени виги уже проявили политическую гибкость и намерение провести парламентскую реформу вопреки сопротивлению тори. Согласно нашему мнению, граф Грей вплоть до 2 ноября надеялся

на компромисс. Но речь Веллингтона полностью разрушила не только надежды вигов на беспрепятственное прохождение реформы через парламент, но и авторитет главы крайних тори, вместе с его министерством 1828 - 1830 гг. Он заявлял, что «избирательная система, существующая в Англии, является верхом человеческой мудрости, что он не сделает ни малейшей попытки изменить ее и будет бороться со всякими попытками такого рода до последнего дня пребывания в парламенте, считая это своим долгом» /14/. По рассказам современников, сразу после завершения его выступления в зале заседаний все зашептались, на вопрос Веллингтона о причине волнения в парламенте, его сосед ответил: «А это просто означает, что вы только что свергли свое министерство» /15/. Сам герцог, однако, всегда настаивал на том, что не это заявление выставило его из министерства /16/. Это было вполне оправдано, так как и тори, и виги стояли перед очевидным фактом того, что поднятое после Июльской революции во Франции волнение, не может быть подавлено без проведения каких-либо мер в пользу изменения системы представительства. Но герцог Веллингтон «лез из кожи вон, чтобы дать заключение о том, что система представительства совершенна» /17/. Этот парадокс разрушил правительство в течение двух недель.

Потерпев поражение по вопросу о расходах на содержание королевской семьи с разницей всего в 29 голосов, правительство Веллингтона было вынуждено подать в отставку. «Он поступил таким образом, чтобы не дать возможности своим противникам разбить его по коренному вопросу внутренней политики, который мог в таком случае остаться открытым» /18/.

Осенью 1830 г. к власти приходят виги, которые тут же приступают к подготовке принципов и положений парламентской реформы, предложенной лордом Джоном Расселом на рассмотрение 1 марта 1831 г. Интерес представляет то, что Н. И. Кареев считает проведение Билля о реформе, «доставившей перевес вигам и расширившей влияние буржуазии», прямым результатом Июльской революции во Франции /19/. Во многом

соглашаясь с этим мнением, мы вынуждены отрицать решающую роль событий во Франции, так как проведение реформы было связано в первую очередь с инициативой вигского министерства графа Грея в сочетании со сложной внутривластной обстановкой. Для принятия окончательного решения о проведении реформы был необходим сильный толчок извне, который не изменил бы распределения сил в стране, но создал условия для уступки властей народным требованиям. Такой шаг потребовался для того, чтобы не создавать впечатления об изменении политического курса и не допустить широких слоев населения к власти, которая неизбежно потеряла бы авторитет. Если принять позицию тори относительно реформы, мы склонны считать, что даже тогда оставалась возможность затягивания, а затем и полный отказ от проведения реформы, если бы герцога Веллингтона поддержала одна из политических сил. Так, отстояв свои интересы на сессии осени 1830 г., тори могли выиграть время для успокоения народа, воодушевленного событиями во Франции. В 1831 г. Роберт Пиль призывает «учитывать обстоятельства сложившиеся для того, чтобы разжечь народное волнение, и рассмотреть являются ли они важными» /20/, говоря о недавних событиях во Франции, которые сбили с толку оценки правительства «сочувствием триумфу либеральных взглядов».

Июльская революция стала еще и чрезвычайно удобным для трактовки событием. Радикальные агитаторы использовали государственный переворот во Франции, выделив из него термины, которые с легкостью могут поднять народ в пользу реформы. «Бескровная революция, свержение реакционного правительства, понижение избирательного ценза» - вот пути влияния на толпу. Франция ведь уже не в первый раз была включена в процесс проведения парламентской реформы. Революция 1789 г. отсрочила дальнейшее проведение через парламент единожды отклоненного проекта реформы Питта-младшего. Тогда консервативно настроенная Англия не приняла реформу, на этот же раз события пришлись ко времени. Еще одной «уловкой» агитаторов, по нашему мнению, стало сравнение

Июльской революции с событиями в Англии 1688 г. Подобное родство в историческом прошлом и современности двух стран непременно должно было повлечь за собой преемственность в действиях.

Июльская революция во Франции стала последним историческим событием определившим судьбу первой парламентской реформы в Великобритании, завершив тем самым почти полувековой период продвижения проекта реформы к повторному рассмотрению и принятию. Далее началась фаза, в которой решающую роль играли мысли и цифры. Борьба за реформу переместилась в стены парламента.

1. Roebuck, J. A. History of the Whig ministry of 1830, to the passing of the reform bill / John Arthur Roebuck ... Vol. 1 - 2. - L.: J. W. Parker and son, 1852.
2. Кареев В. В. Политическая история Франции в XIX веке. - С.-Пб., 1902. - 300 с. Кареев Н. И. Происхождение современного народно-правового государства: Исторический очерк конституционных учреждений до середины XIX века. - С.-Пб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. - 506 с.
3. История XIX века. Под ред. Проф. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. Изд. 2-е, доп. и испр. проф. Е. В. Тарле. В 9 томах. (том 4). - М.: ОГИЗ, гос. соц.-эк. изд-во. - 1938 г. С. 19. (Далее - История XIX века...).
4. Keppel T. E. A History of Toryism: from the Accession of Mr Pitt to power in 1783 to the Death of Lord Beaconsfield in 1881. - London, 1886. P. 206.
5. Bentley M. Politics without democracy. 1815 - 1914. - Fontana paperbacks. P. 70.
6. Кареев Н. И. Указ. соч. С. 298.
7. Кареев Н. И. Указ. соч. С. 300.
8. Там же. С. 301.
9. Woodward, L. The Age of reform 1815 - 1870 / Sir Llewellyn Woodward. - 2nd ed. - Oxford: Clarendon press, 1962. P. 77.
10. Кашапов, У. А. Борьба партий и общественно-политических движений в Англии в период проведения первой парламентской реф. (1830 - 1832 гг.): Автореф. дис. ... кандидата наук; Исторические

- науки : 07.00.03 / Башк. гос. ун-т. - Уфа, 1994. С. 3
11. Gash, N. *Aristocracy and people: Britain, 1815 - 1865* / Norman Gash. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1979. P. 143.
 12. Woodward, L. *Op. cit.* P. 78.
 13. Жолудов М. В. *Идеология и политика либ. партии Великобритании в 30-е годы XIX в.* - Рязань: изд-во РГПУ, 1997. С. 32.
 14. *Hansard's Parliamentary debates. Forming a continuation of "The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803"*. 3d series: commencing with the accession of William IV. Vol. 1. *Comprising the period from the twenty-sixth day of October, to the twentieth day of December, 1830. (1st vol. of the Session).* - London, print. by Hansard for Baldwin and Cradock, 1831. P. 52 - 53.
 15. *История XIX века...* С. 12.
 16. Kebbel T. E. *Op. cit.* P. 201.
 17. Woodward, L. *Op. cit.* P. 78.
 18. Мижув П. Г. *Политическая история Англии в XIX вѣкѣ.* – СПб.: Брокгаузъ - Ефронъ, [1908]. С. 88
 19. . Кареев Н. И. *Указ. соч.* С. 297.
 20. *Sources of English Constitutional History. A Selection of Documents from A. D. 600 to the Present/* Ed. by C. Stephenson and F. G. Marcham. - N.Y., L.: Harper & brothers publishers, 1937. P. 758.

А. В. Жарков

Англо-бурская война глазами русских добровольцев.

На рубеже XIX и XX вв. Англия пыталась окончательно закрепиться на африканском континенте, вступив в противоборство с бурскими республиками. Правительство Российской Империи, будучи неспособным, к ведению активных военных действий с крупнейшей державой того времени, заявило о своем нейтралитете.

Но это, конечно же, совсем не означало, что Россия отстранилась от этого важнейшего конфликта на рубеже веков - англо-бурской войны. В то время как царское правительство не предпринимало никаких решительных действий, русская об-

щественность в выступила с резкой критикой и неприятием агрессивной экспансионистской политики Великобритании в Южной Африке.

В настоящей работе предпринята попытка изучить, каким был характер поддержки бурского народа в русских общественных кругах, и в чем она выражалась. В качестве опорного материала были использованы мемуары российских добровольцев в Трансваале и выдержки из периодической печати того времени.

Англо-бурская война вызвала бурную реакцию общественности европейских и многих других стран, и почти повсюду она оказалась антибританской. Англофобия была тогда широко распространена. Одни не любили Великобританию за то, что она захватывала все новые территории по всему миру, другие - за то, что товары Бирмингема, Шеффилда и Манчестера издавна были сильными конкурентами промышленности других государств. Третьи не любили ее «хитрую» внешнюю политику. Как тут было не злорадствовать по поводу ее трудностей и не посочувствовать ее противнику, тем более, что противник заслуживал сочувствия /1/.

Во время англо-бурской войны практически все российское общество встало на сторону буров. Многие выражали восхищение их героической борьбой. Но все же для русского народа основным стимулом к столь безоговорочной и яростной поддержке стала сильная неприязнь к Великобритании, развязавшей эту войну. Россия еще помнила дипломатическое поражение после Русско-турецкой войны, а англо-русское соперничество в Персии и Средней Азии делало отношения между странами открыто враждебными /2/.

Огромное впечатление в России произвело то обстоятельство, что столь небольшая нация буров - в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве проживало менее 200 тыс. человек - осмелилась объявить и успешно вести войну, а затем и партизанские действия против тогдашней могущественнейшей державы. Газетчики сравнивали буров с былинными героями,

которые ценят независимость отчизны больше жизни. Необходимо, впрочем, заметить, что власти России, с одной стороны, ругали Великобританию и всячески прославляли героизм буров, а с другой - без лишнего шума позволяли частным лицам продавать англичанам лошадей, которых те вовсю использовали в войне... /3/.

Российские газеты того времени в массе своей представляли англо-бурскую войну, как противостояние справедливости и несправедливости, как битву добра и зла: «Граждане Трансвааля и Оранжевой республики будут жертвовать своей кровью за великую идею свободы и справедливости, цивилизованные Бритты - из-за алчных побуждений добычи золота» /4/.

Одним из наиболее серьезных аргументов, которые поднимала Англия для оправдания своего вмешательства во внутренние дела суверенного государства, был, конечно же, вопрос об ойтландерах, чьи права якобы сильно ущемлялись. Корреспондент «Московских Ведомостей» предлагает совершенно другой взгляд на эту проблему как раз со слов одного из так называемых «ойтландеров». Фраза эта достаточно красноречива: «Нас заставляют требовать свои права, в которых мы не нуждаемся!» /5/.

Первый номер другой газеты того времени - Северного Курьера - увидел свет примерно через месяц после начала англо-бурской войны. Авторы сетовали, что хотелось бы начать с чего-нибудь светлого /6/, но невольно пришлось обратиться к теме волновавшей тогда весь мир - англо-бурской войне.

«Хорошо-ли великану выступать на бой с карликом? - невольно закрадывается сомнение в сердце его... Но и тут великан старается успокоить себя тем, что война, будто, имеет целью не алчную наживу, а высокие государственно-культурные интересы» /7/.

Позднее в «Северном Курьере» появляется следующая заметка, оправдывающая буров, которые, первые начали войну: «Доведенные до крайнего предела уступок и, не желая дать выиграть время своему коварному сюзерену, буры, наконец,

первые с наступлением октября открыли военные действия, предоставив оружие выяснить, на чьей стороне справедливость» /8/.

Из всего количества записок и мемуаров участников англо-бурской войны наиболее полно раскрывают отношение русского общества к этому конфликту записки медсестры санитарного отряда С. В. Изъединовой, книга которой «Несколько месяцев у буров» вышла в Санкт-Петербурге в 1903 г.. Также не следует забывать и про путевые записки и рассуждения русского волонтера в Трансваале В. Рубанова в книге «От Петербурга до Претории». Рубанов входил в специально сформированный у буров русский отряд. Рубанов так представлял себе смысл англо-бурской войны: «Да, буры борются за свою свободу и независимость, борются против водворившегося в их отечестве капитализма и монополии» /9/. Рубанов подчеркивает искусственность причин развязанной войны: «Война эта, затеянная шайкой капиталистов, обратилась в дело всего английского народа, так как капиталисты при помощи уличной прессы разожгли худшие шовинистические чувства нации» /10/. Но только эти два источника не могут дать нам полной картины происшедшего на рубеже веков, на Юге Африки и в России. В 1900 г. в Санкт-Петербурге была выпущена книга под названием «Англо-бурская война и русская пресса». На фоне огромной массы антианглийских высказываний резко выделяется критика автором маленьких бурских республик, вступивших в неравную борьбу с английским колоссом.

Автор этого произведения не стал называть своего настоящего имени, ограничившись псевдонимом, *Британец*. Следует обратить внимание на то, что сей труд вышел из Типографии Штаба Отдельного корпуса жандармов. Возможно государство хотело снизить накал страстей в российском обществе по отношению к Великобритании. *Британец* недоумевает, почему граждан иностранного государства больше беспокоит судьба голодающих россиян, чем их соотечественников: «Печальным последствием воздвигаемых на Англию

клевет и разжигания страстей против нее и в пользу южно-африканских республик, явилась посылка из России, и это в годину голодовки не в одной русской губернии, десятков тысяч рублей «бедным бурам», т.е. мужикам, большинство которых собственники богатых ферм, значительных стад и земель столь обширных, что могли бы возбудить зависть ... иных помещиков» /11/.

Британец пишет в ответ на все выпады в сторону Англии: «... можно напомнить, что маленькая «южно-африканская республика», дерзко объявившая британской нации войну, - а теперь кричащая, что на нее напали! - приготавлилась к этой войне более восьми лет, вооружилась лучшими пушками и ружьями в мире и имеет более 85000 (или имела при начале военных действий) войска, пускающего это оружие в ход» /12/.

Со слов Изъединовой складывается следующая картина: «...только испробовав все пути к мирному разрешению вопроса..., проявить всю сосредоточенную силу своего характера в защиту того, что для них дороже жизни - личная независимость, неприкосновенность семьи и народности» /13/. Более того, «Бур, несмотря на прекрасные военные качества, выказанные им в этой войне, по характеру вовсе не солдат ... он также и не политик ... бур, прежде всего, семьянин и человек привычный к самой широкой личной независимости» /14/. *Британец* же на это отвечает: «... не за свободу и независимость которым никто не угрожал, а за расширение своей территории, за закрепощение чернокожих, за уничтожение британского и вообще всякого европейского, цивилизаторского влияния ведут войну сплоченные республики Трансвааля и Оранжевого Штата» /15/.

Изъединовой не раз приходилось разговаривать с «бурами самого различного общественного положения и образования», и выяснилось, что никакой принципиальной вражды между бурами и иностранцами попросту не было. Дело в том, что невозможно было не ограничивать в правах мелких искателей наживы, составлявших огромное большинство ойтландеров, которые никогда не сживались с окружающей обста-

новкой и не научались принимать ее /16/. В. Рубанов здесь полностью солидарен с Изъединовой: «... европейцы, наполняющие улицы Претории, представляют очень несимпатичный элемент. Это - отбросы европейского общества, отщепенцы, лишенные всяких принципов и духовных интересов, жадные искатели золота, высасывающие из страны все, что только могут» /17/.

Можно привести слова Изъединовой, как своеобразное лирическое заключение ее записок, чтобы показать отношение простого русского человека к далекой и в тоже время такой близкой стране на юге африканского континента: «... несмотря на все неудобства и неудовольствия, из этой поездки я впервые вынесла любовь к стране, к ее земле и жителям, сроднившую меня с ними, с их интересами и судьбой». Но лишь через некоторое время Изъединова раскрывает свою мысль полностью: «Причиной этой быстро возникшей привязанности, было, вероятно, то ... как мне нравится их страна и что она мне напоминает Россию ... нигде кроме африканского фельда, я не испытывала чувства родного простора, едва заметных проселочных дорог, незагроможденности горизонта плоской, малозаселенной земледельческой страны» /18/.

Все рассмотренные материалы дают возможность сделать следующий вывод: русская общественность через газеты и добровольческое движение показала свое резко негативное отношение к Великобритании, но это было обусловлено не только осуждением ее хищнических действий по отношению к бурским республикам, но исторической памятью русского народа; Англия ассоциировалась в умах граждан с вероломным и алчным противником России.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что русская общественность не случайно столь единодушно поднялась на защиту именно бурского народа. Видимо все-таки есть какая-то особая черта у бурского народа, какое-то скрытое сходство, которое и послужило столь неразрывной связью русского и бурского народов. И ведь не

случайно русские священники иногда в своих пылких речах призывали поддерживать «наших православных братьев буров». Наверное, немного искаженное, но от этого не менее яркое представление о бурах, как о простом земледельческом народе, любящем свою землю и жизнь готовом отдать за родину, и побудило русскую общественность всеми доступными способами порадеть за родственный народ и положить все свои силы и возможности на алтарь чужой свободы.

1. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Англо-бурская война и Россия. / Новая и новейшая история. - №1. - 2000.
2. Шубин Г. В.: Участие российских подданных в англо-бурской войне 1899 - 1902 гг. // Ученые записки Института Африки РАН. - М., 1999. - С. 5.
3. Там же.
4. Московские Ведомости, 1899 №272.
5. Московские Ведомости, 1899, №271.
6. Северный курьер, СПб., 1899, №1.
7. Северный Курьер, СПб., 1899, № 1.
8. Северный Курьер, СПб., 1899, № 50.
9. Рубанов. В. От Петербурга до Претории. / В. Рубанов. - СПб., 1900 С. 56.
10. Там же. С. 5.
11. Англо-бурская война и русская пресса. / Британца [псевд.]... С. 59.
12. Англо-бурская война и русская пресса. / Британца [псевд.]. - СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1900.
13. Там же. С. 49.
14. Там же. С. 280.
15. Англо-бурская война и русская пресса. / Британца [псевд.]... С. 23.
16. Там же. С. 55 - 56.
17. Рубанов. В. От Петербурга до Претории ... С. 29.
18. Изъединова С. В. Несколько месяцев... С. 157.

Победа Раймона Пуанкаре на Президентских выборах во Франции 1913 г.

Положение президента в Третьей республике было противоречивым. Конституционный закон от 25 февраля 1875 г. «Об организации государственных властей» предоставлял президенту достаточно широкие прерогативы и полномочия во многих областях политической деятельности. Президент имел право законодательной инициативы, следил за исполнением законов и обеспечивал их, являлся главнокомандующим вооруженными силами страны, производил назначения на высшие военные и гражданские должности, председательствовал на национальных торжествах. Он имел право свободного выбора министров и роспуска Палаты депутатов. Совместно с Палатами президент мог быть инициатором пересмотра Конституции. Президенту, а не правительству, принадлежала исполнительная власть. В области внешней политики президент имел право вести переговоры и заключать договоры с иностранными государствами без утверждения, и даже без ведома парламента, если эти договоры не предусматривали уступки какой-нибудь территории или колоний Французской республики.

Однако практически многие из полномочий, записанных в законе 1875 г., никогда в Третьей республике президентом не осуществлялись и чаще всего являлись делом правительства.

Как отмечали в своей работе Ж. Шевалье и Ж. Конак: «Президент в Третьей республике, как правило, был послушным человеком из левых, играющим в политике вторую или третью роли и канонического возраста» /1/. Это негласное правило возникло в 70-80-е гг. XIX в., когда республиканцы боролись с монархистами и не хотели видеть на посту президента нового Луи Бонапарта. Предшественник Р.Пуанкаре на посту президента, Арман Фалльер (1907 - 1913 гг.) отвечал всем этим негласным стандартам. За семилетие своего президентства он прославился

только тем, что постоянно выражал недоумение: почему его оторвали от его виноградников и назначили на этот высокий пост /2/.

Но ухудшение международной обстановки в начале 10-ых гг. XX в. привело большую часть французского общества к мысли, что в годы предстоящих суровых испытаний страна должна иметь сильного президента из числа ведущих политиков. Выдвижение Р. Пуанкаре кандидатом на пост президента явилось самым ярким отражением этих настроений. Р. Пуанкаре идеально подходил под новый президентский имидж. Он имел все его составляющие: известный и незапятнанный коррупцией политик, дрейфуссар, популярный писатель и адвокат. Патриот, к тому же - уроженец Лотарингии, которую Ж. Кайо метко окрестил “мускулатурой Франции” /3/, Р. Пуанкаре олицетворял символ французской борьбы за возврат восточных провинций. На президентском посту мечтала увидеть Р. Пуанкаре и главная французская союзница Россия. Недаром русский посол в Париже А. П. Извольский писал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову: “Если, не дай бог, Пуанкаре потерпит поражение, это для нас будет катастрофой” /4/.

Представления Р. Пуанкаре о роли президента в Третьей республике были хорошо известны как в стране, так и за рубежом. В разное время как в прессе, так и в парламентских дебатах, он выступал за усиление роли президента, не выходя за рамки французской конституции /5/.

Сам Р. Пуанкаре никогда не давал удовлетворительного объяснения, почему он решил выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Он уже был премьер-министром, что давало ему возможность осуществлять реальный контроль над правительством. У него были прекрасные перспективы власти на многие месяцы, так как его престиж и в стране, и в Палате был очень высок. Честь стать хозяином Елисейского дворца имела, без сомнения, свою притягательность, но Р. Пуанкаре был не тот человек, который променял бы реальную власть на внешнюю помпезность. Думается, Р. Пуанкаре не променял бы

реальную власть на воображаемую в 1913 г., если бы у него не было шансов на действительное руководство французской политикой из президентского кресла. В своих мемуарах он писал по этому поводу: “Меня едва ли соблазняло отдать семь лет моей жизни под власть протокола” /6/. И вряд ли можно сомневаться в том, что на него оказывало влияние растущее стремление французского общества видеть не номинальную, а осязаемую власть Елисейского дворца.

Многие известные французские политики (Р. Клотц, Л. Буржуа, А. Бриан и А. де Мун) и партии выступали с тех же позиций. Так, парламентская группировка левых республиканцев, в которую входил и Р. Пуанкаре, зимой 1913 г. публично выступила в поддержку такого президента, “который использовал бы все полномочия (данные конституцией. - С. В.)” /7/. Сторонниками сильной президентской власти всегда были все правые политические группировки, армия и некоторые финансовые и промышленные круги. Р. Пуанкаре не мог не почувствовать, что пришло время, когда умный и популярный политик может сместить баланс французских политических сил в сторону Елисейского дворца. Нельзя сбрасывать со счетов и его личные амбиции. Как говорилось выше, он с детства мечтал занять этот пост, желала стать президентшей и его жена /8/.

Хотя Р. Пуанкаре в своих мемуарах утверждал, что в 1912 г. он и не помышлял о президентстве /9/, скорее всего решение баллотироваться на пост президента было им принято летом 1912 г. Именно на это время приходится первые кулуарные разговоры и зондажи относительно его кандидатуры /10/. Впервые имя Р. Пуанкаре было публично связано с президентством в сентябре 1912 г., когда его лучший друг, Габриэль Аннот в статье, опубликованной в “Фигаро”, выступил в поддержку сильной президентской власти, а среди предполагаемых кандидатов он особо выделил Р. Пуанкаре /11/.

В это время возникает и пуанкаристское лобби. В него вошли известные и очень влиятельные политики Р. Клотц, Г. Аннот и А. Бриан.

26 декабря 1912 г. Р. Пуанкаре официально сообщает информационному агентству Гавас, что он будет баллотироваться на пост президента республики /12/.

До этого только дважды в истории Третьей республики о выдвижении своей кандидатуры заявлялось открыто, в обоих случаях это делалось всего за три или четыре дня до голосования /13/. Свой шаг Р. Пуанкаре объяснил тем, что “ожесточенная кампания радикалов против него заставила принять бой открыто” /14/. Возможно, полемика вокруг идеи сильной власти, привела его к мысли, что открытое заявление преуспевающего и известного государственного деятеля, поддерживаемого газетами, могло бы придать выборам совершенно новый характер и принести ему предвыборные очки. Р. Пуанкаре был в большой политике уже около 25 лет, и этот шаг, конечно, был взвешен и продуман заранее. Поступок Р. Пуанкаре не только нарушал традицию выборов во Франции, но он привел еще к одному изменению: кроме закулисной борьбы, он начал открытую публичную предвыборную кампанию. Этот смелый шаг также вызвал новую полемику. По этому поводу редактор газеты “Фигаро” Г. Кальметт писал: “Несомненно, что если бы сейчас спросили мнение страны, то господин Р. Пуанкаре стал бы завтра президентом республики” /15/.

Но президента выбирал не народ и не газетчики, а Национальное собрание. А Палаты по поводу выдвижения на пост президента Р. Пуанкаре не разделяли всеобщего ликования. К тому же, их председатель в Палате депутатов П. Дешанель и президент Сената А. Дюбо решили также вступить в борьбу за президентское кресло. В один день они выступили в Палате и Сенате, где первый говорил, что “личная власть обошлась слишком дорого, чтобы мы испробовали ее еще раз”, а второй заявил “об опасности единоличного правления” /16/. Но главной силой, которая выступила против Р. Пуанкаре, была партия радикалов. Радикалы небезосновательно считали, что Р. Пуанкаре разрушит их монополию в Елисейском дворце, и тем самым ослабит их доктрину парламентского превосходства.

Чтобы не дать пройти Р. Пуанкаре в президенты, радикалы решили провести совещание депутатов-республиканцев Национального собрания. В 1906 г. на таком же совещании они смогли навязать своего кандидата и горели желанием повторить этот успех - выдвинуть “второго Фалльера”. К совещанию видные радикалы Ж. Кайо, Ж. Клемансо и К. Пельтан смогли преодолеть внутренние разногласия и выдвинуть от партии радикалов единого кандидата. По традиции им стал бесталанный и невлиятельный фабрикант папиросной бумаги, министр сельского хозяйства В. Пам (Pams).

На совместном совещании депутатов-республиканцев, которое открылось 15 января, присутствовало 652 из 897 членов Национального собрания /17/. Таким образом, почти треть депутатов отсутствовала - факт, который мог иметь большое значение.

Желающих быть президентом в этом зале оказалось пятеро: Р. Пуанкаре, В. Пам, А. Дюбо, П. Дешанель и выдвинувший в последний момент свою кандидатуру А. Рибо. Сразу же прошел I-й тур голосования, который дал следующие результаты /18/: Пуанкаре получил 180 голосов; Пам - 174; Дюбо - 107; Дешанель - 83; Рибо - 52. Так как ни один кандидат не набрал половины голосов, должно было состояться повторное голосование.

Перед вторым туром голосования А. Дюбо снял свою кандидатуру в пользу В. Пам, однако его сенатская фракция, собравшись, единодушно проголосовала в поддержку Р. Пуанкаре /19/. П. Дешанель и А. Рибо сняли свои кандидатуры без всяких условий. В результате, в предвыборной гонке остались только два соперника - Р. Пуанкаре и В. Пам.

Чтобы победить, одному из двух кандидатов необходимо было набрать 327 голосов. Но во втором туре Пам набрал 283 голоса, а Р. Пуанкаре 272 из 652 /20/. Совещание решило прервать выборы, чтобы после активной кулуарной работы на следующий день провести успешное голосование. 16 января прошел третий тур, который также не выявил победителя. За

Пама проголосовали 322 депутата, а Р. Пуанкаре получил 309 голосов из присутствовавших 632 /21/. Паму не хватило всего одного голоса для победы. Тогда радикалы решили путем прямого давления убрать Р. Пуанкаре с дороги. Они отправляют к Р. Пуанкаре депутацию из четырех виднейших политиков - Ж. Клемансо, Ж. Кайо, Э. Комба и Э. Мони. Встретившись с Р. Пуанкаре, они потребовали от него снять свою кандидатуру. Но Р. Пуанкаре отказался; тем самым он давал понять, что его желание победить на выборах он ставит выше, чем строгие и бескомпромиссные, но явно устаревшие республиканские принципы и аксиомы, о которых он так часто говорил. (О едином кандидате от республиканцев, о республиканской солидарности, об отказе сотрудничать с правыми и так далее). Он идет на раскол в рядах республиканцев, уводя за собой 2/5 участников совещания (собственную фракцию левых республиканцев и большую часть прогрессистов и умеренных).

Сложившееся положение, в результате которого ни один из республиканских кандидатов не смог бы победить, привело к тому, что вопрос о президенте республики мог быть решен не только голосами депутатов-республиканцев, но и голосами депутатов монархистов и клерикалов. На эти голоса твердо мог рассчитывать Р. Пуанкаре, так как для правых он был самым приемлемым кандидатом. Леон Доде и Альбер де Мун, лидеры правых, были личными друзьями Р. Пуанкаре, кроме того он пользовался у них симпатией из-за его патриотизма и постоянного желания компромисса со всеми политическими группировками. Следует добавить, что перед своим официальным выдвижением, Р. Пуанкаре написал два конфиденциальных письма еще одному лидеру правых - М. Донаю, в котором он просил правых не критиковать его в своих изданиях. И критика (не редкая) в адрес республиканца Р. Пуанкаре в правой прессе прекратилась /22/. Лидер католиков, архиепископ Бордо К. Андрие также был сторонником кандидатуры Р. Пуанкаре /23/. Не следует предполагать, что за голоса правых Р. Пуанкаре предлагал им заплатить какими-либо уступками или послабле-

нием в антиклерикальной политике. Его политические принципы оставались теми же, что и всегда: строго националистическими и патриотическими. И одного этого уже было достаточно, чтобы обеспечить ему поддержку правых.

Итак, в предстоящих выборах Р. Пуанкаре мог рассчитывать на поддержку определенной части республиканского центра и правых.

17 января 1913 г. в Версале открылось заседание Национального Собрания для избрания нового президента. Выборы президента во Франции традиционно представляли большой интерес для публики и высшего света, а в 1913 г., в силу сопровождавших выборы скандалов, в Версале собрался "весь Париж", который разместился во всех близлежащих ресторанах и кафе. Префектом Парижа были предприняты исключительные меры предосторожности; 1600 солдат парижского гарнизона окружили Версальский дворец, а еще больше находилось в резерве, на случай необходимости сдерживания разгоряченной толпы /24/.

Атмосфера в самом собрании была сверх наэлектризованной. Желавших занять Елисейский дворец на новое семилетие оказалось 9. К уже известным кандидатам (Р. Пуанкаре, В. Пам, А. Дюбо, П. Дешанель и А. Рибо) добавились Т. Делькассе, Ж. Дивер, Э. Вайян и Ж. Дюпюи /25/. Первое голосование дало следующие результаты: Р. Пуанкаре - 429; В. Пам - 327; Э. Вайян - 63; все остальные кандидаты в сумме получили лишь 68 голосов.

Р. Пуанкаре не хватило до победы лишь 7 голосов, что давало ему хорошие шансы при перебаллотировке. Как видно, Р. Пуанкаре получил на 120 голосов больше, чем на республиканском совещании. Можно предположить, что обещанная поддержка была оказана монархистами и клерикалами.

Сразу же был проведен 2-й тур, в котором приняли участие Р. Пуанкаре, В. Пам, и Э. Вайян. Р. Пуанкаре получил 483 голоса против 296 отданных за Пама и 69 - за Вайяна и стал 11-ым Президентом Французской республики /26/.

Как только стали известны результаты голосования, толпы народа, запрудившего громадный двор и широчайшие проспекты Версаля, опьяненные успехом уже популярного главы правительства стали кричать: "Vive Poincaré!" /27/. Вновь избранный президент, окруженный эскадрой республиканской гвардии, отправился в Елисейский дворец для встречи с теперь уже бывшим президентом А. Фалльером, который сдал ему свои дела.

Итак, мечта Р. Пуанкаре стать французским президентом свершилась. Несомненно, нового президента переполняли разные чувства. Радость победы была с горчинкой. Об этом дне в его мемуарах нет ни одного довольного слова. Слишком дорогую цену он заплатил за то, чтобы въехать в Елисейский дворец, а его будущее было туманно. То обстоятельство, что он открыто порвал со своими старыми политическими партнерами и был избран на пост президента при поддержке бывших противников, не предвещало ему легкой жизни. Жизнь ставила перед Р. Пуанкаре новые трудные задачи.

1. Chévallier J. J. Conac G. Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1780 à nos jours. P. 1991. P. 428.
2. Цит. по: Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь. 1954. С. 383.
3. Chévallier J. J. Conac G. Op. cit. P. 429.
4. См.: Деша №12. Севастопуло М. М. - Сазонову С. Д. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-14 гг. М. 1922. С. 318.
5. См., например: Revue de Paris 1989. 1 avril. p.644; Деша №186 Извольский А. П. - Сазонову С. Д. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-14 гг. С. 165 - 166. Ce que demande la Cité. P. 1912.
6. Poincaré R. Au service de la France. P. 1926. V. III. P. 35 - 36.
7. Цит. по : Le matin 1913. 1 janvier. p.1
8. Bredin P. Joseph Caillaux. P. 1980; Writh. G. R. Poincaré and French presidency. N.Y. 1942. P. 32.

9. Poincaré R. Op. cit. V. II. P. 72.
10. Bredin P. Op. cit. P. 113.
11. Le Figaro 1912. 27 septembre. P. 1.
12. Poincaré R. Op. cit. V. III. P. 38.
13. Writh. G. Op. cit. P. 37.
14. Poincaré R. Op. cit. V. III. P. 38.
15. Le Figaro 1912. 27 décembre. P. 1
16. Annales du Senat. Débat parlementaires. Session ordinaire de 1913. P. 1914. V. 1. P. 4.
17. Le temps, 1913. 16 janvier.
18. Bonnefous G. Histoire de la Troisième République. V. I. P. 19 - 21.
19. Le temps 1913. 17 janvier.
20. Bonnefous G. Op. cit. V. I. P. 19 - 21.
21. Ibid.
22. Broche J. Léon Dodet. Le dernière imprécateur. P. 1992. P. 247.
23. Прицкер Д. Жорж Клемансо. М. 1983. с. 180.
24. Le temps, 1913. 12 janvier. p. 1.
25. Bonnefous G. Op. cit. V. I. P. 19 - 21.
26. Ibid.
27. Игнатьев А. Ук. соч. С. 395 - 396.

Н. В. Савинова

Война в тылу: борьба англичан с «внутренними немцами» в 1914 - 1915 гг.

Начало Первой мировой войны вызвало у населения стран-участниц вполне естественную реакцию - всюду происходили патриотические манифестации, выражались верноподданнические чувства. На волне патриотизма началась стихийная борьба населения с подданными враждебных государств, проживавшими внутри той или иной страны. Толпы манифестантов призывали к бойкоту немецких товаров, требовали выселения неприятельских подданных, задерживали потенциальных шпионов и доставляли их в полицейские участки. Характерным явля-

нием начального периода военных действий стали погромы зданий посольств и консульств враждебных государств, а также торгово-промышленных предприятий, принадлежащих неприятельским подданным. Все эти настроения в полной мере коснулись и Великобритании. К началу XX в. английские немцы представляли собой самую многочисленную группу иностранцев, проживающих на территории страны. По подсчетам, произведенным на 1911 г., немецкое население Англии составляло 53 324 человека /1/. Немцы были представлены во всех слоях населения - от мясников до состоятельных владельцев торгово-промышленных предприятий. Многие были натурализовавшись великобританскими подданными.

Предъявление Англией ультиматума Германии было встречено многолюдными манифестациями. Развернулась кампания шпиономании. Любопытно отметить, что в связи с проходившими в Лондоне враждебными антинемецкими демонстрациями в газетах появились сообщения о том, что в ночь на 5 августа /2/ были разбиты окна в немецком посольстве, что, однако, было опровергнуто комиссаром лондонской полиции /3/. Между тем, известие о погроме посольства было передано лорду Берти, британскому послу в Париже, который записал в своем дневнике слова сожаления по этому поводу /4/. Жители столицы немецкого происхождения или носящие немецкую фамилию ощущали небезпричинное беспокойство. В западной части города закрывались офисы немецких паровозных компаний, с аптечных вывесок исчезало слово «Немецкая», булочники и другие торговцы, известные покупателям под немецкими именами, теперь становились «Stewart & Co», «Harris» и т.п. Опасаясь погрома, один из владельцев сети немецких гастрономических магазинов вывесил на окнах своих филиалов плакаты, где сообщал, что он является «натурализованным британским подданным» и далее, для подстраховки, что «во время войны 25 % выручки всех его магазинов будут переданы Британскому обществу Красного Креста» /5/. Особенно тревожная ситуация сложилась в районах Лондона с плотным проживанием не-

мецкого населения. Так, в районах Burdett-road, Dod-street и Watney-street в восточной части города были совершены нападения на помещения немецких торговцев: разгромлены две булочные и бакалея. Здесь, как и в районах Foresthill и Sydenham, прошел слух об опасности отравления немцами продаваемой ими продукции /6/. При этом разгонявшей толпу полицией были арестованы три погромщика немецкой булочной, которые подверглись штрафу в один фунт стерлингов «за использование угрожающих и оскорбительных слов» /7/. После августовских немецких погромов вспышки антинемецких погромных настроений англичан периодически проявлялись в сбивании вывесок немецких булочных и колбасных в сентябре и октябре 1914 г. Но самые масштабные немецкие погромы в Англии произошли после потопления 7 мая 1915 г. немцами пассажирского судна «Лузитания». Недовольство действиями германских войск проецировалось на «внутренних немцев», обвиняемых англичанами в случившемся.

Кроме Лондона, где находилась почти половина немецкого населения, одной из основных территорий проживания английских немцев было графство Ланкашир, особенно Ливерпуль, Манчестер, а также Салфорд. С начала войны немецкие товары и сами германские подданные подвергались бойкоту: их рестораны и магазины теряли своих посетителей, а английские магазины переставали обслуживать покупателей-немцев. Тем не менее, погромные настроения здесь не проявляли себя вплоть до мая 1915 г., когда стало известно о «Лузитании». «Сильнейшее возмущение овладело населением» и 8 - 12 мая в Ливерпуле и его пригородах прошли погромы магазинов и домов, принадлежащих германцам, австрийцам и лицам с немецкими фамилиями /8/. Некоторые магазины поджигались /9/. Враждебно настроенные толпы были настолько многочисленны, что полиция не справлялась с их разгоном. Во время антинемецких беспорядков пострадали и российские подданные, ошибочно принятые за германцев /10/. В последние дни погромов появились грабежи, атаке подвергались богатые дома, независимо от националь-

ности их владельцев. Только в Ливерпуле по подсчетам «The Times» было разбито и разграблено более 200 предприятий, в целом же было подано 563 заявления об убытках /11/. Развитие погромных настроений вызвало применение более жестких наказаний к арестованным погромщикам. Так, задержанные призывного возраста были отправлены на фронт, а остальные подверглись заключению на 28 суток вместо прежних 7 дней. Сроки заключения виновных в разгроме собственности подданных дружественных государств доходили до 58 суток /12/. Менее серьезные антинемецкие беспорядки произошли в это же время в Манчестере, особенно сильными оказались погромы 10 мая в Гортоне, Опеншоу и Салфорде, где были разбиты немецкие мясные лавки. При этом большинство из пострадавших были натурализовавшимися великобританскими подданными.

Начавшись в Ланкашире, погромные настроения распространились практически на все районы страны: Шотландию, Йоркшир, Дербишир, Восточную Англию, Южный Уэльс, Южную Англию и особенно Лондон /13/. Майские погромы 1915 г. представляли собой самые серьезные беспорядки, направленные против группы иммигрантов в Англии начала XX в. На формирование антинемецких настроений большое влияние оказали германские методы ведения войны: применение иприта, обращение с пленными, а также налет цеппелинов на Англию.

Следует отметить, что антинемецкие погромы 1914 - 1915 гг. были патриотическими и в условиях войны с Германией представляли собой протест против проживавших в стране немцев. Кроме того, они носили символический характер, выражаясь в уничтожении немецкой собственности, а не в осуществлении физического насилия над неприятельскими подданными. Немецкие погромы привели к тому, что под нажимом настроений населения усилились правительственные репрессивные меры по отношению к «внутренним немцам»: закрывались немецкие торгово-промышленные предприятия, проводились массовые высылки /14/. Все это в конечном итоге выразилось в исчезновении «немецкого» Лондона, «немецких» Ливерпуля, Брэд-

форда, Манчестера.

1. Panikos Panayi. The Lancashire Anti-German Riots of May 1915 // Manchester Regional History Review. 1988 - 1989. Vol. 2. No. 2. P. 3.
2. Здесь и далее даты указаны по новому стилю.
3. The Times. 1914. August 6.
4. Берти, лорд. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже. 1914 - 1919. М.; Л., 1927. С. 22.
5. Germans in London. Feeling in the West and East Ends. Shop-front Changes // The Times. 1914. August, 12.
6. Ibid.
7. Anti-German Hooliganism // The Daily News and Leader. 1914. August 11.
8. Гибель «Лузитании» // Петербургская газета. 1915. 27 апреля; Panikos Panayi. Op. cit. P. 4 - 5.
9. Движение против немцев в Англии // Московский листок. 1915. 1 мая.
10. Прискорбный случай // Московский листок. 1915. 1 мая.
11. The Times. 1915. May 13.
12. Panikos Panayi. Op. cit. P. 5.
13. См., например: Погром германцев в Англии // Московский листок. 1915. 3 мая.
14. Подробнее об этом: Panikos Panayi. The Enemy in Our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, 1991.

О.С. Гордеев

Участие вооружённых сил США в Первой мировой войне.

Первая мировая война 1914 - 1918 гг. отразилась на всех сферах общественной, политической и культурной жизни того времени, повлияла на развитие промышленности и военного искусства и изменила политическую карту мира. Одним из военно-политических итогов Первой мировой войны можно считать появление на международной арене новой военной силы - армии

США, которая из небольшой, малообученной армии в 200 тыс. чел. в 1914 г., к ноябрю 1918 г. выросла до двух миллионов /1/, имея при этом организованный Генеральный штаб, и опытный личный и командный состав.

В предвоенные годы американская армия не представляла собой значительной силы и применялась, главным образом, при поддержании порядка на Филиппинах в конце XIX в. и для вторжения в Мексику в 1916 - 1917 гг. Испано-американская война показала слабость и неопытность американских вооружённых сил /2/, и была выиграна благодаря слабости Испании в экономическом и военном отношении. Поэтому, первоначально Великобритания и Франция не предполагали участия Соединённых Штатов в Первой мировой войне. Однако, после объявления США войны Германии 5 апреля 1917 г. в Вашингтон была направлена французская делегация во главе с героем первой битвы на Марне маршалом Жоффром, с целью узнать о состоянии американских вооружённых сил /3/, что показывало заинтересованность Антанты в участии американских войск в операциях против Германии. Президент США В. Вильсон назначил военным секретарём Н. Бейкера, который занялся реорганизацией и увеличением армии, благодаря чему к осени 1917 г. были готовы уже первые соединения.

На пост главнокомандующего американским экспедиционным корпусом был назначен генерал Джон Першинг, хорошо зарекомендовавший себя в войнах с индейцами и в испано-американской войне, но не имевший опыта большой европейской войны, что в дальнейшем скажется на действиях американских войск под его командованием. Кроме того генерал Першинг был одним из немногих старших офицеров, имевших звание полного генерала, а американскому правительству хотелось, чтобы американскими силами командовал человек, который стоял бы в равном чине с командующими союзников. Таким образом предполагалось обеспечить американским войскам определенную самостоятельность /4/ (как англичане в 1914 г., когда они не хотели подчиняться французскому командо-

ванию).

Однако американские части в отличие от англо-французских войск не имели никакого боевого опыта, и поэтому им было необходимо действовать совместно с англичанами и французами и приобретать боевой опыт. С другой стороны, следует отметить, что прибытие первых американских частей во Францию осенью 1917 г. имело важное моральное значение для сражавшихся уже четвёртый год англо-французских войск, которые уже четвёртый год вели ожесточённую борьбу с хорошо обученными немецкими войсками.

Второй проблемой, помимо необученности американских солдат, была недостаточность вооружения и снаряжения, о чём говорит в своих воспоминаниях генерал Д. Макартур /5/, который прибыл тогда в Европу в чине полковника. Таким образом, необученность и плохое снаряжение тормозили широкомасштабное вступление американских войск в боевые действия, однако некоторые подразделения, руководимые отдельными офицерами, проводили операции, как например тот же Д. Макартур /6/, впоследствии дослужившийся до бригадного генерала.

В первый раз вопрос об участии больших частей американских войск в боевых операциях был поднят во время наступления немецких войск в Пикардии в конце марта 1918 г., когда командующий американскими экспедиционными силами генерал Дж. Першинг заявил о готовности участвовать в отражении немецкого наступления несмотря на то, что американские солдаты ещё не были достаточно обучены и подготовлены. Подобное решение диктовалось намерением Першинга получить разрешение от представителей союзного командования на создание независимой американской армии, с тем чтобы самостоятельно выполнять боевые операции /7/. До этого Першинг подавал подобную идею главнокомандующему войсками союзников маршалу Ф. Фошу, но тогда Першингу было отказано.

В первых операциях ограниченного характера, таких как бои за городок Кантиньи и за лес Белло в марте - апреле

1918 г., американцы, вследствие недостаточного боевого опыта у солдат и управления войсками у старших офицеров, понесли большие потери, однако сражались храбро, духе солдат времён Гражданской войны. В боях за городок Кантиньи американцы захватили городок, а затем подверглись обстрелу со стороны немецкой артиллерии, но так как не были поддержаны союзной артиллерией, то понесли большие потери /8/. Однако во время второго наступления немецких войск на реке Марна в июле 1918 г. взаимодействие пехотных частей с артиллерией, боевая подготовка солдат улучшились, что несомненно сыграло важную роль в отражении немецкого наступления и перехода в контрнаступление на Западном фронте.

Успешные действия американских войск в битве на Марне в июле 1918 г., позволили Першингу вновь заявить о возможности создания отдельной американской армии, на что в итоге маршал Ф. Фош дал согласие. Однако на это решение в конечном итоге повлияли не столько относительные успехи американских войск, сколько их постоянное увеличение на европейском континенте, с чем английские и французские военные и политические руководители не могли не считаться /9/.

Самой крупной самостоятельной операцией американских войск в Первой мировой войне была Сен-Миельская операция, проведённая 12 - 15 сентября 1918 г. Первоначально между Першингом и Фошем возникли разногласия по поводу проведения операции, так как Фош планировал использовать американские войска в предстоявшей Амьенской операции. Премьер-министр Франции Ж. Клемансо даже предлагал снять Першинга с поста командующего американскими войсками /10/. Однако в итоге Фош дал согласие на проведение операции, так как Сен-Миельский выступ угрожал железнодорожным коммуникациям союзников в направлении на Париж и поэтому его ликвидация имела для них принципиальное значение. Операция проводилась при поддержке французских танков и авиации, и поэтому представляла собой операцию, где взаимо-

действовали три рода войск - пехота, танки и авиация /11/, и поэтому её можно назвать первой операцией, повлиявшей на развитие американского военного искусства.

Первая мировая война унесла жизни 53 тыс. американцев, но вместе с тем способствовала развитию американских вооружённых сил, накоплению опыта большой европейской войны, который пригодится американцам во время Второй мировой войны. Из среды старших офицеров, участвовавших в Первой мировой войне выйдут те, кто в дальнейшем сформулируют основные принципы военной доктрины США. Именно эти офицеры будут руководствоваться опытом Первой мировой войны уже в период Второй мировой войны. Среди них стоит выделить бригадного генерала Джорджа Маршалла, будущего начальника штаба армии США, бригадного генерала У. Митчелла, ставшего впоследствии видным авиационным теоретиком и сформулировавшим основные принципы борьбы в воздухе, бригадного генерала Д. Макартура, будущего командующего войсками на Тихом океане, генерала Д. Эйзенхауэра - будущего главнокомандующего войсками союзников и президента США и других военачальников.

1. История США: В 4 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1983. Т. 2. С. 322.
2. Фурсенко А. А. Доктрина открытых дверей в Китае. М., 1956. С. 70.
3. Eisenhower J. Yanks: The Epic Story of American Forces in World War I. N.Y., 2001. P. 65.
4. Ibid. P. 98.
5. Macarthur D. Reminiscences. N.Y., 1964. P. 53.
6. Ibid. P. 56.
7. Eisenhower J. Yanks... P. 132.
8. Ibid. P. 149.
9. Eisenhower J. Yanks... P. 268.
10. История США: В 4-х тт. / Под ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1983. Т. 2. С. 325.
11. Eisenhower J. Yanks... P. 271.

Решение «еврейского вопроса» и послевоенная немецкая историография.

В первые послевоенные годы изучение нацистских преступлений было монополией британских и американских историков. В 1940-х и 1950-ых гг. англо-саксонская историография выдвигала тезис "от Лютера до Гитлера", согласно которому "окончательное решение еврейского вопроса", предпринятое нацистами, было логической высшей точкой антисемитизма М. Лютера, реализацией вошедшего в плоть и кровь немцев безумия с добавлением новых, индустриальных средств /1/.

Характер каждого отдельного немца будто бы был деформирован "тяжелым душевным заболеванием", разновидностью паранойи. Немцам приписывалось "коллективное невротическое отклонение от нормального поведения". В науке укрепилось мнение, что гитлеровская диктатура была не ошибкой германской истории, а ее неизбежным следствием /2/.

Сейчас подавляющее большинство историков считает, что Гитлер планировал уничтожение европейских евреев с самого начала, постепенно раскрывал свою программу и, наконец, осуществил ее в условиях войны. До 1940 г. гитлеровцы не замыслили ничего кроме принудительного выселения еврейского населения. Эти проекты становились все менее реалистичными во время войны, когда под нацистским господством оказались миллионы евреев в оккупированных странах Европы.

Исследования последних лет показали, что в осуществление массовых убийств, наряду с СС и узким террористическим аппаратом режима, были вовлечены вермахт, министерство иностранных дел, значительная часть административных учреждений, полиция и органы железной дороги. Более того, многие ученые полагают, что, несмотря на приказы о строгом сохранении тайны, десятки тысяч немцев знали о массовых убийствах евреев и миллионы немцев имели возможность узнать об этом.

Историки предложили различные объяснения массового участия немцев в уничтожении евреев. Спектр мотивов охватывает ожесточение военного времени, расизм, разделение труда, связанное с возраставшей рутинной; особую селекцию преступников, карьеризм, слепое послушание и веру в авторитет, идеологическую индоктринацию и приспособление. Исследователи признают, что каждый из этих факторов играл неравноценную и ограниченную роль /3/. Поэтому в концепциях различных авторов они имеют различный вес и значение.

Так, профессор университета Такомы К. Браунинг в книге "Вполне нормальные мужчины. 101-й резервный полицейский батальон и "окончательное решение" в Польше" исследовал мотивы поведения обыкновенных немцев, которые, не имея никакой специальной идеологической и психологической подготовки, получили приказ уничтожать еврейское и польское население. Американский историк пришел к заключению о том, что "в 1942 году отношение немцев к евреям достигло пункта, где быстрая смерть без ужасного ожидания ее считалась проявлением сострадания" /4/. Проанализировав действия "вполне нормальных мужчин" - убийц из 101-го полицейского батальона, он делает вывод о том, что ожесточение полицейских было не причиной, а следствием их поведения, что преступления этих людей нельзя объяснить бюрократической рутинной, поскольку их униформа была буквально забрызгана кровью беззащитных жертв /5/.

Если концепция Браунинга была принята в ФРГ спокойно, то немедленный протест немецких историков и общественности вызвала книга экстраординарного профессора социологии Гарвардского университета Д. Голдхагена "Добровольные исполнители Гитлера. Совершенно обычные немцы и холокост", изданная весной-летом 1996 г. в США и ряде стран Европы. Согласно Голдхагену, геноцид евреев в нацистской Германии можно объяснить, только систематически соотнося его с обществом "третьего рейха" и с антисемитизмом как его интегральной частью. Соответственно этому, книга делится на

две взаимосвязанные части. В первой части книги содержится оценка антисемитизма в Германии до и во время нацистского периода, во второй изучаются немцы - исполнители массового уничтожения, "те мужчины и женщины, которые осознанно сотрудничали в избиении евреев" /6/.

"Элиминирующий (уничтожающий) антисемитизм" /7/, который двигал этими "обычными немцами", был широко распространен в немецком обществе и в донацистский период. Уже в средневековой Европе антипатия к евреям была распространена повсеместно. В эпоху Просвещения и индустриализации антисемитизм развивался неодинаково в разных странах. В большинстве европейских государств он смягчался, а в Германии XIX в. приобрел расово-биологический фундамент, глубоко впитался в политическую культуру и во все поры общества /8/. В соответствии с этими воззрениями, евреи коренным образом отличались от немцев, причем различие это покоилось на биологической основе. Евреи были злы и могущественны и нанесли Германии большой вред. Следовательно, "модель мышления для будущего массового убийства, образ еврея как врага существовал у многих немцев с давних пор". Еврейская опасность была в глазах немцев так же реальна, как и "сильная вражеская армия, которая стоит на границе, готовая к нападению" /9/. Немцы пришли к заключению, что надо каким-то образом "элиминировать" евреев и их мнимую власть, чтобы обеспечить безопасность и процветание Германии. Поэтому Гитлеру легко удалось мобилизовать немцев сначала для необычайно радикальных преследований, а во время войны - для массового уничтожения.

Немецкие историки оценили концепцию Голдхагена как откат к историческим исследованиям 1950-х гг., как "самый примитивный из всех стереотипов" (Э. Йеккель), как "самое мрачное клише" (Г.-У. Велер), указывали на то, что большинство приведенных в книге фактов давно известно специалистам и отражено в литературе (Н. Фрай), что она "не приносит ничего нового с точки зрения методов" (Г. Моммзен) и "пово-

рачивает колесо историографии на 360 градусов" (И. Йоффе). Представители немецкого исторического цеха были едины в том, что Голдхаген "ищет провокации" и осуществляет фронтальную атаку на "устойчивое" исследование геноцида евреев, направляя ее острие на признанных авторитетов неолиберальной историографии /10/. Они усмотрели в концепции "национального проекта" возрождение старого тезиса о "коллективной вине" немцев.

Серьезные возражения Голдхагену были высказаны на страницах журнала "Дер шпигель". Во-первых, вместе со всеми чиновниками, солдатами, техниками, руководителями дорожной службы Голдхаген оценивает количество убийц и их соучастников в 500 тыс. человек. Но это не позволяет говорить о "национальном проекте", ведь эти люди составляли менее 1% из 80 млн. немцев. Во-вторых, большинство населения узнало о массовых убийствах только на заключительной фазе войны. Ведь "обыкновенному немцу" было не так-то просто получить эту секретную информацию. Холокост был государственной тайной, за разглашение которой грозила смертная казнь. Важным источником сведений было лондонское радио, передачи которого регулярно слушали около 1 млн. немцев, а также английские листовки. Но сведения о массовых убийствах евреев на Востоке часто воспринимались как оправдание союзнических бомбардировок немецких городов. Люди безоговорочно верили только письмам родственников и друзей, ставших свидетелями расстрелов на оккупированной территории, и рассказам солдат-отпускников /11/.

Наконец, неверен вывод Голдхагена о том, что уничтожение евреев было predetermined немецкой историей. В немецком обществе и политической жизни, начиная с XIX в., были сильны не только расисты и антисемиты, но и защитники евреев. В период с 1807 по 1871 гг. было издано несколько эдиктов об эмансипации евреев, имперская конституция объявила их равноправными. Евреи занимали важные посты в руководстве национально-либеральной и консервативной партий, СДПГ

была полностью свободна от антисемитизма. Представительство антисемитов в рейхстаге также было невелико - 14 депутатов в 1907 г. Совместное творчество представителей еврейского и немецкого народов благотворно сказалось на развитии культуры и науке - социологии, психоанализа, атомистики. Почти четверть нобелевских лауреатов в Германии были евреями. Не стало хуже положение евреев и в Веймарской республике. Достаточно назвать имена одного из авторов конституции Г. Пройсса и министра В. Ратенау. Поэтому ни одно из антисемитских мероприятий нацистского руководства как до, так и во время войны не было встречено с единодушным одобрением. Немцы укрывали от "эвакуации на Восток" 5 тыс. евреев /12/.

Профессор новой и новейшей истории Фрайбургского университета У. Герберт и профессор новой истории Потсдамского университета Ю. Х. Шепс согласны с тем, что в депортациях и убийствах на Востоке было замешано гораздо больше немцев, чем считалось ранее, что эсэсовцам и нацистским бюрократам в этом "содействовали совершенно нормальные граждане, люди из всех слоев, от которых мы не могли бы этого ожидать" /13/. Главное же положение американского социолога об "элиминирующем антисемитизме" и об однозначной поддержке геноцида населением оба немецких исследователя отвергают.

Герберт полагает, что население Германии было широко осведомлено о массовых убийствах. Так, уже через несколько дней после убийства 10 тысяч евреев в Бабьем Яру под Киевом об этой акции говорили немецкие офицеры в парижских казино. Поэтому, "когда Голдхаген утверждает, что убийства евреев совершались не вопреки сопротивлению немцев, а с их согласия и одобрения, то в свете последних исследований с ним можно согласиться и тем больше, чем дальше на Восток устремляется наш взгляд". Но не следует сводить мотивы убийц только к антисемитизму, здесь играли роль "оппортунизм и недостаток позитивных норм, фатализм, исполнение долга, садизм и полное отупление". Убийства евреев были совершены не "немцами" и

не подпитывались укорененным в немецкой культуре в течение столетий "искореняющим антисемитизмом", хотя большая часть немецкого населения была настроена антиеврейски и это имело значение для геноцида.

Антисемитизм надо рассматривать как фактор, который сделал возможным беспрепятственное осуществление массовых убийств и играл роль как самостоятельный мотив /14/. К такому же выводу приходит и Шепс: "...успех, который Гитлер и его палadini имели у немцев, объясняется прежде всего тем, что пропагандируемая нацистами идеология фелькише имела в конечном счете христианское религиозное ядро". Однако антисемитизм играл не центральную, а периферийную роль, хотя "антиеврейские стереотипы до 1933 г. и особенно после него в большой мере наложили отпечаток на сознание немцев. Нацисты знали о действии этих стереотипов и целенаправленно использовали их, чтобы еще больше раздуть ненависть населения к евреям" /15/.

1. Joffe J. Hitlers willige Henker, Oder: Die "gewöhnliche Deutschen" und der Holocaust //Suddeutsche Zeitung. 1996. 13. April.
2. Wie die Allierten die deutsche Kollektivschuld begründeten. "Eine Art Paranoia" //Der Spiegel.1996. №21. S. 72.
3. Browning Chr.R. Ganz normale Manner. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die "Endlösung" in Polen.Reinbeck. 1993. S. 208; Goldhagen D. J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin. 1996. S. 25 - 26.
4. Browning Chr.R.Cit. S.203.
5. Ibid. S. 211-212.
6. Goldhagen D. J. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin. 1996. S. 39 - 41.
7. Ibid. S. 69.
8. Ibid. S.71 - 105.
9. Ibid. S.116.
10. Frei N. Ein Volk von "Endlosern"? //Suddeutsche Zeitung. 1996. 13. April.
11. Ein Volk von Dämonen? //Der Spiegel. 1996. № 21.

12. Ibid.
13. Schoeps H.J. Vom Rufmord zum Massenmord //Die Zeit. 1996. 26 April.
14. Herbert U. Aus der Mitte der Gesellschaft //Die Zeit. 1996. 14.Juni.
15. Schoeps H. J. Vom Rufmord zum Massenmord //Die Zeit. 1996. 26 April.

М. С. Колоджей

О сносе памятника советскому солдату в Таллинне*

Демонтаж памятника Воину-освободителю и его перенос вместе с эксгумированными останками четырнадцати советских военнослужащих из центра Таллинна на кладбище стал причиной конфликта между Москвой и Таллинном и привлек внимание мировой общественности. Мнения резко разделились. Даже страны, напрямую не участвовавшие в конфликте (такие как бывшие Советские республики или Польша), имели свою позицию по этому вопросу. Политическая подоплека этого инцидента была очевидной для многих аналитиков, в то время как реакция общественности стала для них неожиданностью. Она выражалась в демонстрациях, политических акциях или публичных дебатах. Несмотря на многочисленные заявления о том, что действия Москвы являлись "демонстрацией силы", верно также и то, что немедленная реакция на события в Таллинне была вызвана и тем, что "была осквернена память погибших" и "был поставлен знак равенства между коммунистами и фашистами". В своих выступлениях ведущие российские политики называли демонтаж памятника "бесчеловечным" и "кощунственным" /1/. Схожие мнения озвучивали не только участники демонстраций в Москве, но и те, кто был не согласен с политикой Эстонии в самом Таллинне. Общественное недовольство было вызвано уверенностью в том, что, во-первых, поход Красной армии к Берлину через Восточную Европу и Прибалтику был актом

национального освобождения, и, во-вторых, в том, что эстонское правительство поступило кощунственно.

Как же случилось так, что, несмотря на то, что российская реакция, как это часто утверждалось, была непропорциональна действиям Эстонии, конфликт стал главной темой, обсуждаемой в СМИ? Совершенно ясно, что развития возникновения конфликта стали российские политические интересы, но помимо политических мотивов, значительная прослойка людей в России традиционно враждебно относилась к пересмотру событий прошлого, основываясь на своем частном мнении, на традиции и коллективной идентичности. Положение эстонских меньшинств в России и проблема формирования российской коллективной идентичности (коллективное схожее видение настоящего и прошлого) взаимосвязаны, и в значительной степени они существуют независимо от того, каким образом их "используют" в СМИ или в политике.

Коллективная идентичность строится на основе исторически сформировавшегося центра, который обеспечивает целостность идентичности, ее прочность и стабильность. Чем больше эти параметры общности узнаваемы, и чем глубже укоренены в сознании, тем меньше остается пространства для индивидуальной интерпретации. Если возникает слишком много частных интерпретаций, то коллективная идентичность окажется под угрозой распада. Традиция несет в себе задачу внедрения (избирательным или инструментальным путем) прошлого в существующее настоящее. Наличие традиции дает нам необходимую точку обзора, с которой рассматривается и оценивается реальность. Более того, суждения, в зависимости от силы традиции, могут быть идентичными внутри конкретной группы людей.

Сильное чувство общности может выполнять различные функции. Эмиль Дюркгейм писал о механической солидарности (Э. Дюркгейм "О разделении общественного труда") /2/, которая существует в обществах, построенных на схожести своих чле-

нов. Он утверждал, что главная причина этой солидарности заключается в отсутствии индивидуальных черт у тех, кто живет в сообществах, не основанных на принципе специализации и разделения труда. Я хотел бы предложить еще один довод в пользу того, почему члены определенного сообщества связаны между собой механической солидарностью и объединены прочной коллективной идентичностью.

Из-за специфических географических условий славяно-русское население, впоследствии составившее ядро населения Российской империи, было вынуждено жить в общинах, где выживание зависело от коллективного ведения сельского хозяйства. В начале существования Российского государства основным способом прокормить себя и свою семью было применение однопольной системы, что требовало консолидации усилий всех членов общины. Поэтому община должна была управляться сводом определенных правил. Главной особенностью таких групп (образовавшихся из-за специфических природных условий) был коллективизм и отсутствие индивидуализма, что сплачивало сами группы, в которых общественные интересы превалировали над частными. Такое поведение было попыткой приспособления к окружающему миру /3/. В ситуации, когда развивающееся государство поглощало все новые земли, зачастую неплодородные, и когда деспотичность правления вынуждала людей переселяться с места на место, эти особенности общины были не просто признаком примитивности ее устройства, но и средством для выживания /4/. Форма политического и социального устройства Российского государства была продиктована природными обстоятельствами. неплодородные земли, тяжелые климатические условия, открытая территория, подвергавшая население опасности вторжения кочевников, - все это делало жизнь русского народа чрезвычайно опасной и беспокойной. Коллективная идентичность, осознание принадлежности к сильной группе и, следовательно, сильной Российской империи, не давали индивиду осознать ограниченность своей жизни и отсылали к коллективным идеям и представлениям. Кроме естественного

стремления символически продлить жизнь, участвуя в общественной деятельности, люди - перед лицом угрозы - хотели получить твердую поддержку, которая обеспечила бы им чувство безопасности /5/. Таким образом, индивид, которому постоянно может грозить смерть, обнаруживал цель жизни в вере в то, что он(а) вносит свой вклад в могущество империи /6/.

О стабильности и долговечности массового сознания можно судить по той части общества, которая составляет его центр. У групп, не имеющих постоянной структуры, может встать проблема идентификации центра, которую люди пытаются решить сообща. Однако, существуют и общества, которые сами в ходе истории создали свой центр, свою идею, которая дает им возможность вновь воспроизводить себя /7/. В течение многих веков коллективная идентичность русского населения находилась под влиянием различных внешних и внутренних факторов, которые и определили ее окончательный вид. Обнаружение этих факторов и будет являться первым шагом к пониманию проблемы, поставленной в начале этой статьи. Понимание веры в особое предназначение памятников как средства для увековечивания памяти о прошлом, которая разделяется людьми и объединяет их, - это всего лишь начало исследовательской работы. Используя методы культурологической психо-социологии и истории, особенно, литературной истории, мы должны выявить, в чем заключается особенность отдельно взятой коллективной идентичности. Только тогда мы сможем определить, что за послания несут в себе памятники, и почему они воспринимаются русскими таким образом. Без понимания ментальности нации в целом, демонтаж памятника в Таллинне будет казаться лишь мастерским политическим ходом.

Памятники увековечивают память о людях, событиях, идеях. Это утверждение, с первого взгляда банальное, обретает значение, когда мы принимаем во внимание роль коллективной памяти в обществе. Поскольку она сохраняет в себе идею, которая объединяет общество, те происшествия и процессы, которые мы обсуждали выше, в рамках дискуссии о группах, не перес-

тают осуществляться. В ситуации, когда выживание человека зависит от степени социальной интеграции, коллективная память о прошлом становится условием для жизни. Русский народ нуждается в идее, которая выполняла бы несколько функций. Во-первых, она должна была бы быть достаточно влиятельной и прочной, чтобы предотвратить дезинтеграцию общества. Во-вторых, она должна обладать силой, чтобы вдохновить на принесение коллективной жертвы. В-третьих, она должна объяснить причину страданий, которые испытывали люди, живущие в такой большой стране. Кроме того, защищая частные интересы путем их совмещения с постоянным коллективным интересом, эта идея, благодаря своей грандиозности и своему совершенству, компенсирует неудобства, вызванные тяжелыми условиями для жизни в стране.

Ядром русской коллективной идентичности является Русская Православная церковь, самодержавие, и народность /8/. Я использовал слово "ядро" в единственном числе, поскольку эти понятия неразрывно связаны друг с другом. Они создают систему взаимных мотиваций, которые в процессе формирования мнения становятся взаимозависимыми /9/. Сущность этой идеи (которая порождена своим ядром) - это вера в то, что у России есть миссия. Такое предположение бытовало в разные исторические эпохи, и было в разной степени распространено, оформилось же оно во взглядах мыслителей XIX в. Вне зависимости от политической принадлежности - сторонники самодержавия, славянофилы, революционеры или либералы - то есть представители всех идеологических течений соглашались с тем, что Россия должна выполнить определенную миссию, либо начав в Европе революцию, либо ее предотвратив /10/.

Вера в то, что Россия должна избавить мир от всего зла и привела к появлению миссианства /11/, представление о котором достаточно устойчиво и проявляется в сочетании с разным набором идей. Природа зла интерпретировалась по-разному, оно могло выражаться в покушении на веру, свободу или социально-политический статус-кво, но суть призвания России не меня-

лась. Роль памятников в создании российского миссианства не тривиальна. Памятники, являясь в какой-то мере материальным обоснованием, добавляют некоторым идеям объективности, поскольку представляют их в виде социальных фактов /12/. Освободительный характер похода Красной армии становится не только частью русской миссионистской традиции /13/, но с помощью ритуального значения памятников возводится в большую степень.

В заключение разговора о роли памятников в российском обществе, я хотел бы затронуть проблему икон. Находясь под влиянием византийских традиций, русское общество ввело культ икон. Во-первых, они являлись олицетворением и изображением святых. Во-вторых, к ним относились с обожанием и почтением. В-третьих, религиозные обряды с иконами носили ритуальный характер.

Их святость объяснялась эманацией Господа, которая проявлялась в определенном месте благодаря изображению на иконе. Многочисленные теории, объясняющие религиозный характер коммунизма, пришедшего в Россию после 1917 г. /14/, утверждают, что различного рода изображения (памятники, портреты) "идеального" мира носили сакральный характер. Власти предписывали относиться к этим изображениям как к иконам.

Имея теперь в виду все вышеизложенные объяснения, стоит снова обратиться к вопросу о действительном значении конфликта, связанного с российскими памятниками. Во взятом журналистами интервью представители русского населения Таллинна высказали радикальные мнения. По словам Майи Нарбут, один из прохожих на улице заявил, что, демонтировав памятник, ему "плюнули в душу". Другая женщина сказала, что такие действия эстонской стороны были неблагодарными по отношению к России, которая "сделала Эстонию цивилизованной страной". И у мнений отдельных людей, и политических заявлений в СМИ об осквернении и кощунственном отношении к памятнику, есть длинная предыстория, которую нельзя понять

без тщательного психо-социологического анализа. Демонтаж памятника не был законным актом независимой страны, которой Эстония, безусловно, является. Возможно, это был подсознательный акт агрессии по отношению к целостности российской идентичности.

1. Приведены цитаты из выступлений Юрия Михайловича Лужкова, мэра Москвы, и Сергея Викторовича Лаврова, министра иностранных дел России, которые транслировались по в СМИ и доступны из ресурсов Интернет: <<http://www.psz.pl/content/view/4408//>>, <http://www.tvn24.pl/12690,7519,raport.html>.
2. Durkheim, Emile. O podziale pracy społecznej [On the Division of Social Work]. Warszawa, 1999.
3. Pipes, Richard. Rosja carów [Russia of the Tzars]. Magnum: Warszawa, 2006. P. 18 - 19.
4. Marciniak, Włodzimierz. Rozgrabione imperium. Upadek Związku Radzieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej [The Plundered Empire. The Downfall of USSR and the Rise of Russian Federation]. Arcana: Kraków, 2004. P. 19 - 20.
5. Szacki, Jerzy. Durkheim [Durkheim]. Wiedza Powszechna: Warszawa, 1964. P. 165.
6. Однако, такой фактор появился сравнительно поздно. Изначально фактором, сплотившим население в группы, была огромная непригодная территория Российского государства.
7. Durkheim, Emile. Elementarne formy życia religijnego [Elementary Forms of the Religious Life]. Warszawa, 1964. P. 403.
8. Heller, Michaił. Historia imperium rosyjskiego [The History of the Russian Empire]. Książka i Wiedza: Warszawa, 2005. P. 558.
9. Ibid. P. 562.
10. Ibid. P. 556.
11. Как считает И. Массака, миссианство часто путали с мессианством, но, в сущности, термин "миссианство" гораздо уже. (Massaka, Iwona. Eurazjatyzm. Z dziejów rosyjskiego misjonizmu [Euroasianism. The history of Russian missions]. Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej: Wrocław, 2001.).
12. Durkheim, Emile. Zasady metody socjologicznej [Principles of the So

cial Method]. Warszawa, 1968.

13. Pisalnik, A. "Rosja straszy Polskę sankcjami". Rzeczpospolita 102 (7699) 2 - 3 May 2007, p. A6.
14. Я сумел найти лишь одну книгу, посвященную этим проблемам, хотя она и носит публицистический характер. Religie ludzkości. Leksykon [World's Religions. A Lexicon]. Znak: Kraków, 1999.

* - перевод научного сообщения с английского языка осуществлён Адамовой Н.Э.

IV. Источниковедение и историография.

В. И. Фокин

Особенности использования произведений искусства в качестве исторического источника.

Демократизация и расширение сферы общественных отношений, рост многообразия и углубление содержания форм политической, социально-экономической и культурной жизни под влиянием глобализационных процессов, происходящих в современном мире, вновь привлекает пристальное внимание к проблеме духовного развития личности как фактора исторического процесса. Достижения целого ряда смежных отраслей гуманитарных знаний позволили глубже понять природу и сущность культурных связей, механизмы их функционирования, а также применить новые методы исследований в этой области.

Глобальный социальный конфликт новейшего времени оказал существенное влияние на ситуацию, как в исторической науке, так и в гуманитарном знании в целом, сформировав центробежные тенденции в их отношении к познанию прошлого. Новая социальная реальность привела к изменениям механизмов политической и культурной организации общества. На протяжении жизни нескольких поколений распалось традиционное единство старого общества. В новейшее время перманентно происходит нивелирование общества, разрушение прежних связей, изменение положения индивидов и групп по отношению к власти, государству, друг другу. Высвобождая индивида от привычных отношений, новая реальность его изолирует, вызывая соответствующие умонастроения дегуманизации, деперсонализации культуры.

В современной науке все более очевидным становится изменение ее статуса: институциональных связей с обществом и государством, социокультурных функций, систем международ-

ных и региональных взаимодействий. Возникают новые формы научных сообществ, происходит обновление тематики исследований, изменение ценностных ориентаций ученых, актуализация комплексных междисциплинарных направлений исследований. За разнообразием внешних модификаций и структурных перемен угадываются более общие, глубинные процессы методологических изменений, происходящих по всему пространству гуманитарного знания.

В исторической науке символом этих изменений стало обращение к цивилизационному процессу исторического развития. Становление и утверждение его в 1920 - 1930-е гг. связано с возникновением представлений об историческом процессе как развитии человеческой культуры в цепи последовательно сменяющихся друг друга цивилизаций. В трудах основателей нового подхода к истории в центр исторического процесса возвращался человек и его духовный мир /1/. Антропоцентризм нового направления возрождал гуманистическое понимание истории после десятилетий господства рационалистического социально-экономического детерминизма. Культуре человеческого общества отводилась роль ведущего фактора исторического развития.

Утверждение антропоцентристской модели исторического развития в первую очередь связано с успехами этнографических, психологических и социологических исследований. Начиная со второй половины XIX в., в этнографии впервые были получены результаты, которые наглядно продемонстрировано влияние культуры на повседневную жизнь и образ жизни отдельных народов. В этнографических исследованиях также впервые был применен компаративистский метод при непосредственном наблюдении за реальной жизнью. Он позволил выявлять элементы общего и особенного в культуре различных этнических групп. Вместо систематизации разрозненных фрагментов с помощью абстрактных конструкторов, возникающих в сознании историка, анализировались механизмы функционирования целого, - будь то самоидентификация человека в группе или функционирование системы человеческих отношений в обществе. Этно-

графия, будучи больше истории ориентированная с самого начала на реального человека, реализовала эти стремления. Она была нацелена на изучение глобального опыта человечества непосредственно, путем наблюдения «живого целого», при проведении полевых исследований в режиме реального времени. Непосредственные контакты этнографа с изучаемой культурой обеспечивали огромный приток новых эмпирических данных, открыли возможности исследования принципов человеческого поведения, социальной ориентации социокультурных общностей. В поле наблюдения оказались такие проблемы, как система родства, магические обычаи и верования, внутригрупповые отношения. Стало возможным детальное изучение повседневного опыта творческой деятельности человека в различных сферах его жизни, культуры. Было развернуто значительное число полевых исследований, заложивших основы антропологической классики. Классические труды, основанные на интерпретации полевых наблюдений, обобщали массивы данных по проблемам обмена, семьи и брака, фольклора, языка. Это позволило изучать новые проблемы образа жизни и стереотипов мышления. Наличие специалистов из разных областей гуманитарных знаний способствовало совершенствованию способов фиксации, обобщения и интерпретации первичных эмпирических данных /2/. Актуальность исследований целостного человека в единстве его социальных, психологических и биологических свойств выдвинул в 1920-е гг. социолог и социальный антрополог М. Мосс /3/. Процессы деколонизации и быстрого развития ранее отсталых стран во второй половине XX в. явились мощным стимулом к утверждению нового направления. Оно связало воедино накопленные этнографией полевые наблюдения с исследованиями логики мышления человека, находящегося на разных стадиях развития общества, начатых еще в трудах основателей антропологии. Не случайно, что исследователи, специализировавшиеся в этих областях, внесли значительный вклад в современную политологию и теорию международных отношений.

Достижения в области психологии и социологии первой

половины и середины XX в. также способствуют выявлению сущности и природы культурного развития общества. В ходе этих исследований было выявлено, что содержание духовного развития личности обусловлено эмоциональными запросами людей, особенностями их психики и сознания. Они определяют предрасположенность к восприятию культурной среды. В ходе исторического развития устанавливаются контакты между людьми, идет процесс их объединения во все более крупные сообщества. Культура выступает при этом как результат творческой деятельности индивидуума и как результат объединения отдельных личностей, обмена их духовным опытом. В этом проявляется коммуникативная функция культуры. Развиваясь в относительно замкнутых сообществах, культура получает своеобразие и самобытность. Культурные связи в этой системе отношений формируют этническое самосознание, возникает так называемый этноцентризм /4/. Национальный язык - яркий пример такого своеобразия. Наличие большого числа языков говорит о том, что пути осознания человеком окружающего мира многообразны, а, следовательно, многообразны формы мышления. Множественность языков (или более широко - национальных культур) обогащает человеческую мысль, ибо создает потенциальную возможность расширения духовного кругозора человечества, служит источником развития.

Но этническое самосознание возникает не только под влиянием устойчивых связей между людьми, устанавливаемыми в определенных географических рамках, природных, исторических и других условиях. Оно возникает и на основе осознания человеком своего отличия от представителей другого этноса и его культуры. Первый опыт общения различных этнических групп и служит, прежде всего, этому выявлению различий между этносами. Психологически определение непохожести, отличия от себе подобного является первой реакцией человека на столкновение с незнакомой реальностью. В институциональной области этот феномен выступает как противоречие в развитии человеческой культуры. Культура атрибут чело-

веческого общества, в основе ее формирования лежат общие для всех людей социально-психологические факторы. В процессе исторического развития возникают, как мы уже показали, самобытные национальные культуры и разные типы культурных цивилизаций. При всем их разнообразии, основаны они на общих чертах человеческой психики и физиологии. Это обеспечивает объективную основу для обмена культурными достижениями. Более того, эти различия, их многообразие служат источником развития человечества, но одновременно они и затрудняют процесс сотрудничества народов в силу возникающих цивилизационных барьеров. Одновременно эти же препятствия служат психологической мотивацией развития международных культурных обменов, ибо человеческой психологии свойствен комплекс эмоций, называемых в просторечии любопытством. Непохожее всегда интересно. Культура, выступая в качестве посредника, представляет своеобразную символическую сеть, обобщающую человеческий опыт на различных этапах формирования его сообществ /5/. Познавая мир в его бесконечном многообразии, развивается сам человек, глубже познает самого себя. Без этого многообразия возможности человеческого развития были бы ограничены весьма узким опытом.

Восприятие культуры подчинено определенным закономерностям, характерным для массового сознания. Они включают в себя законы логики, формирующие выводы, основанные на изучении реального мира, и наглядно-чувственные ассоциации. На их основе формируются стереотипы массового сознания при восприятии окружающего мира. Вместе с тем необходимо учитывать определенные закономерности, близкие к законам индивидуального восприятия. Среди них можно выделить избирательность восприятия, когда внимание останавливается лишь на некоторых проявлениях культуры. Процесс познания бесконечен, невозможно увидеть и понять сразу все свойства культуры. Другим свойством восприятия является глобализация, т.е. рассмотрение отдельных черт объекта в целостной системе. При этом возможно искажение этих черт при восприятии. Наконец,

особенностью восприятия является его проективность. Восприятие культуры осуществляется сквозь призму собственного сознания. Оно зависит от предрасположенности от ценностной ориентации субъекта познания. Эта социальная установка включает в себя эмоциональную сторону, смысловую (когнитивную) и поведенческую. Формируется социальная установка несколькими путями: в ходе непосредственной деятельности накапливается собственный опыт; расширение ценностной ориентации до определения на ее основе целей деятельности; установка формируется извне - в ходе воспитания, обучения или воздействия пропаганды. Установка проявляется при принятии решений, в процессе деятельности, при оценке проявлений иной культуры. В зависимости от уровня развития культуры, от положения в обществе субъекта. Основной характеристикой такой установки является экстравертность, то есть стремление к установлению, сохранению и расширению контактов с внешним миром или интравертность - склонность к самоизоляции, замкнутости от внешнего мира.

В восприятии культуры могут превалировать эмоции со знаком отталкивания или со знаком притяжения. Отталкивание, варьирующее от игнорирования до бескомпромиссной борьбы с внешним влиянием, происходит в случае утверждения или деградации собственной культуры. Это происходит тогда, когда существует страх, что чужая культура может поглотить или разрушить самобытность личности или нации или в ситуации выбора, когда предпочтение отдается влиянию какой-либо иной культуры. Притяжение во взаимовосприятии культур сильно в тех случаях, когда иная культура естественным образом дополняет отечественную культуру или, когда последняя не в состоянии противостоять поглощению иной культурой. В диалоге культур эти процессы наблюдаются на уровне стереотипов общественного сознания, в которых фиксируется схематизированное представление этноса или социальной группы о внешнем мире в целом и в его составных частях, отдельных странах и отдельных проявлениях образа жизни людей внешнего мира. Эмо-

циональная окрашенность стереотипа имеет оценочное значение. Стереотипы комплиментарности характерны для положительной эмоциональной окраски взаимодействия культур, а стереотипы врага - отталкивания. Формирование стереотипов зависит от культурных традиций. Его содержание может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета. Причем национальный менталитет не является единым. Он имеет особенности свойственные разным социальным и иным слоям населения, обладающим специфическими интересами и опытом, воспитанием и образованием. У. Липпман определил стереотипы как "упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой "картинки мира" в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права" /6/. От представлений, формирующихся в соответствии законами рационалистического мышления, которые принято называть образами, стереотипы отличаются отсутствием обратной связи с реальностью, что позволяет их расценивать в качестве мифов массового сознания. Они выполняют важную функцию в организации человеческого сознания, способствуя селекции и структурированию информации. Роль стереотипов зависит от личного опыта и интеллектуального потенциала личности. Чем больше жизненный опыт, чем выше развита культура мышления, тем меньше человек склонен оперировать в своем сознании стереотипами. В тех областях, где личный практический опыт невелик, уровень знаний носит слишком поверхностный характер процесс мышления сводится к воспроизводству стереотипов. Значение стереотипов возрастает в кризисные эпохи, когда мозг не справляется с информацией, поступающей извне /7/. Представления о внешнем мире получили в науке наименование этнических представлений. Они включают в себя не только рациональные умозаключения, но и эмоциональное отношение к объекту познания. Поэтому они различаются по степени достоверности и детализации, а также по эмоциональной окраске. Этнические пред-

ставления складываются исторически и зависят от географических, политических, экономических, социокультурных и других факторов. Этнические представления являются органической частью духовной жизни общества, важнейшей составляющей часть национального самосознания. Именно эти представления определяют ту часть мировоззрений, которая отражает представление данной нации о своем месте в мире, о своей роли в развитии мировой культуры, об отношении к системам ценностей других народов. Этнические представления "отражают не одну, а две реальности, или точнее два народа - тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение" /8/. Этнические стереотипы в XX в. отражают представления, возникшие в результате воспитания, образования, восприятия произведений литературы и различных видов искусства другой культуры, усвоения информации, почерпнутой из средств массовой коммуникации, личных впечатлений. Обобщенные образы о характере, роли и месте страны в мировом сообществе, возникающие в массовом сознании, принято сегодня называть внешнеполитическими стереотипами /9/.

Достижения в области политологии и социологии позволяют широко применять методы институционального и функционального анализа в исследовании процессов, происходящих в международных отношениях. Это связано с тем, что в сфере международных культурных связей складываются устойчивые организационные формы и специализированные организации. Сами связи становятся формой общественной деятельности, приобретая характерные черты для политических общественных институтов.

Историк, например, как правило, не может задавать вопросы своим героям, а антрополог имеет такую возможность. Он может также по своему усмотрению расширить круг информации, пользуясь современными техническими средствами. «По сравнению с другими естественными и гуманитарными науками, антропология осталась по важным параметрам анти-дисципли-

линой, черпая свои идеи отовсюду, стремясь к целостности, постоянно на ходу изобретая новые исследовательские процедуры... насколько позволяют границы, определяющие специальные дисциплины, антропология включает в себя многоэлементы более гибкого, конструктивного подхода к изучению мира. В этом сила и источник творчества» /10/. И если не все согласятся с данным утверждением, то, по крайней мере, историкам придется признать некоторый консерватизм своего исследовательского инструментария. Впрочем, в этом есть свои преимущества у исторической науки. В своем развитии на протяжении XX в. антропология образует самые различные междисциплинарные связи. От науки «о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека» /11/ она эволюционировала к антропологии социальной (социологии культуры) в самых различных взаимосвязях с этнографией, социологией, психологией, историей, искусствоведением.

Феномен антропологии чрезвычайно активизировал все пространство гуманитарных знаний. Возможности наблюдения «живого целого», которые открылись в ходе полевых экспедиций, привлекли внимание к исследованию процессов функционирования общественных институтов, способов производства и приемов труда, других видов творческой деятельности человека. Традиционное общество предстало в живом и конкретном образе. Это позволило историкам обратиться к изучению аналогичных проблем на историческом материале. В 1960-е гг. социальная антропология во Франции, приобретшая широкую известность благодаря трудам Леви-Стросса, бросила историкам форменный вызов. Исследования французских африканистов имели для историков стимулирующее значение /12/.

Для историков это означало возможность обращения к новым объектам изучения традиционных культур, образа жизни и образа мышления человека различных исторических эпох. Изучение «живого целого» в настоящем становилось стимулом для обращения к аналогичной проблематике в прошлом. Так

возникла историческая антропология. По мере накопления эмпирического материала на первый план выходят общенаучные методологические проблемы. В первую очередь - критерии открытости для научного сообщества и надежности полученных научных результатов. Здесь уже традиционные для историка методологические различия наблюдений и исследований оказались значимыми для антропологии. Критерии объективности исследовательских интерпретаций затронули целый комплекс идей, возникших в результате полевых наблюдений. Историческая антропология дает возможность развернуть изучение человеческих обществ, социокультурных групп, личности и форм ее идентификации и самоидентификации не только в реальности настоящего времени, но и во времени с опорой на исторические источники. Это открывает перспективы более полного исследования данных об общечеловеческом опыте, накопленном различными социокультурными группами, о механизмах его функционирования в различных условиях. В частности, о механизмах взаимодействия культур через привлечение источников, отражающих в сознании человека или групп людей понимание Другого, интеракционных взаимодействиях, идентификации личности и общества через образы иных моделей поведения, самоидентификации и интерпретации личностных характеристик через посредство источников, которые выражают творческий потенциал личности. Это открывает новые возможности дальнейшего изучения и привлечения нетрадиционных источников, отражающих духовный мир человека, его восприятие окружающего мира и человеческого опыта. Становится возможным исследовать массовое сознание в прошлом, обращаясь к информационным ресурсам культурной сферы жизни общества. Представители интеллектуальной элиты общества, популярные деятели культуры и спорта, писатели и публицисты, ставшие «властителями дум» целых поколений, в своем творчестве, так или иначе, отражают господствующие настроения, основные стереотипы сознания. Таким образом, исследования в области исторической антропологии позволяют лучше представить себе

содержание процессов на том или ином историческом этапе, а в результате сопоставления массового сознания и позиций интеллектуальных кругов выявить их значение в формировании общественного мнения. Они обуславливают обращение к новым источникам, отражающим духовную жизнь людей в прошлом, являющимся не только результатом их индивидуального творчества, но и источником мыслей, чувств, переживаний многих людей: профессиональных и социальных групп, наций, образованной части человечества. Для исследователя особенно ценным является применение компаративных подходов по всей проблематике и по всему пространству запечатленного в источниках опыта. Наиболее близко по духу и методам исследования к исторической антропологии примыкает история культуры, литературо- и искусствоведение. Они антропологичны по своей природе. Предмет их исследования - человек-творец. Одновременно исследования в этих областях знаний являются источником эмпирических знаний в области взаимодействия культур народов мира. В конкретном анализе произведений художественного творчества возможно выявление влияний и заимствований из культуры других народов, общих тенденций и особенностей духовного развития человечества. Все произведения художественного и интеллектуального гения человечества в той или иной степени оказывают воздействие на сознание людей, так как являются частью человеческой культуры, ставшей благодаря воспитанию и образованию частью внутреннего духовного мира личности. Чем более развито воображение и другие творческие характеристики человека, тем сильнее впечатление от увиденного, услышанного и познанного, тем глубже усвоение и развитие созданного другими, тем убедительнее акт самостоятельного творчества личности внимающей окружающему миру. Чем шире и глубже становится система образования, тем объемнее и разностороннее - процесс общения личности творца с мировой культурой. В новое время все чаще в выдающихся актах человеческого творчества источником вдохновения является не непосредственное впечатление или переживание о природе и жиз-

ни, а опосредованное чувство, рождаемое в результате переосмысления созданного другими. Рождаются художественно-эстетические направления воспринимающие элементы прошлых культур и культур других народов в качестве одного из системообразующих факторов. Синтез в творчестве приобретает универсальный, самобытный и оригинальный характер. Само творчество человека вдохновляет творческую энергию других.

Исследования в области исторической антропологии и истории культуры позволяют установить и еще одну важную особенность культурно-исторического процесса. Развитие культур исторически детерминировано, что доказывают исследования в области аксиологии культуры. Для каждого нового поколения характерно свое понимание культур прошлых времен, художественных и нравственных идеалов. Восприятие и творческое переосмысление созданного в прошлом - исторически обусловленный процесс, непрерывно развивающийся во времени. В выдающихся произведениях человеческого духа каждое новое поколение открывает нечто ценное именно для себя. Исследования по истории культуры позволяют выявить и детерминировать на конкретно-историческом уровне многообразие и творческий характер взаимодействия культу народов, их постоянно расширяющийся и углубляющий диапазон. Без учета этого анализа невозможно выявить факт взаимодействия различных культурных сред, определить основные тенденции в развитии содержания международного культурного обмена. В своей совокупности историку международных культурных связей исследования по истории культуры, науки и искусствоведению позволяют нарисовать картину, которую К. Ясперс характеризовал понятием «духовная ситуация» /13/. Речь идет о духовной жизни человечества или отдельных его общностей в определенный исторический период. Это, по сути, временной срез развития культуры, совокупность интеллектуальных и художественных достижений общества, система духовных ценностей актуальных для данной исторической эпохи, которые определяют образ мышления и образ жизни, стереотипы общественного сознания,

руководящие поведением людей, государственных и общественных институтов в конкретно-исторических условиях. Характеристика «духовной ситуации» позволяет лучше понять «дух времени», особенности духовной жизни и мотивы поведения людей, определить гуманитарное содержание исторических процессов, включая содержание международного сотрудничества в области культуры.

В исторической литературе всегда присутствовал и пользовался популярностью жанр научной биографии. Работы, посвященные жизни выдающихся государственных, общественных деятелей, представителей культуры, занимают прочное место в историографии. Глубокие, самобытные личности привлекают внимание в обществе. Обращение к духовному миру этих людей становится неотъемлемой частью исторического исследования. Утверждающиеся в интеллектуальной среде тенденций духовного развития оказывают влияние на формирование мирового общественного мнения и так называемого международного климата.

Современная культура наций не сводится только к сохранению и развитию традиций. Она включает научные и технические достижения, выдающиеся произведения литературы и искусства, ставшие составной частью мировой культуры и свидетельством единства человеческой цивилизации. Это единство обеспечивается взаимодействием национальных культур. Главную роль стали играть современные средства массовой коммуникации, создающие благоприятную коммуникационную среду для развития личности и общества /14/.

1. Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Leiden, 1935; Weber M. 1.) Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1921-1923; 2.) Gesammelte politische Schriften. Mügchen, 1921; 3.) Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922; 4.) Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1 - 3. Tübingen, 1922 - 1923; 5.) Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924; Spengler O. Der

Untergang des Abendlandes. München, 1923; Toynbee A. A Study of History. London, 1935; Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin-Leipzig, 1932; Jaspers K. Vom Ursprung und Zeit der Geschichte. Zürich, 1942.

2. Подробнее см.: Медушевская О. М. Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития. // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 4 - 6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 17 - 26/
3. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1977.
4. Summer W., Keller A. The Science of Society. New Haven, 1946.
5. Cassirer E. An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture. N.Y., 1956, p.43; Levi-Strauss Cl. Antropologi sociale devant l'histoire. // Annales. 1960. N 4, pp. 630 - 631; Willems. Dictionnaire de Sociologie. Paris. 1951, p. 55.
6. Цит. по: Васильева Т. Е. Стереотипы в общественном сознании: социально-философские аспекты. М., 1988. С. 14.
7. Егорова Е., Плешаков К. Бэконовские "призраки" в современном мире. // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 93.
8. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 - 1853. М., 1982. С. 9, 21.
9. См.: Голубев А. В. Введение. // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 9.
10. Гримшоу А., Харт К. Антропология и кризис интеллектуалов. // Культурная антропология. СПб., 1996. С. 169.
11. Большой энциклопедический словарь. М., 1991.
12. Бессмертный Ю. Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация. // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 4-6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 32 - 34.
13. См.: Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin-Leipzig, 1932.
14. См.: Артановский С.К. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 355. Л., 1967; Дробижева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. М., 1973.

V. Историческая антология.

К. Б. Виноградов

Осада Парижа пруссаками (1870 - 1871 гг.).*

В битве при Седане (1 сентября 1870 г.) французская армия была разбита немцами. Наполеон III попал в плен. Весть о седанской катастрофе потрясла Францию. Прошло еще два дня, и Вторая империя пала. «Все рухнуло сразу», - писал П. Мери́ме. Была провозглашена республика. Народ праздновал свержение ненавистного режима. Однако, воспользовавшись обстановкой, власть узурпировали буржуазные республиканцы и орлеанисты - сторонники конституционной монархии, лидеры которых объявили себя «правительством национальной обороны». Главой его стал генерал Трошю; посты военного и морского министра заняли орлеанисты. Буржуазным республиканцам удалось получить портфели министров: Жюлю Фавру - иностранных дел, Гамбетте - внутренних дел, Пикару - финансов, Симону - просвещения и др.

Махинации Жюля Фавра и его коллег прежде всего направлялись на то, чтобы не допустить трудящихся к управлению страной. Надо «спасать Францию» от грозящего ей социального взрыва, непрерывно повторяли они. Разумеется, тогда это говорилось в узком кругу. А в официальных декларациях, предназначавшихся для широких масс, буржуазные министры изображали себя приверженцами прогресса и демократических свобод, непреклонными борцами за честь отчизны и ее территориальную целостность. Они призывали к единству и гармонии интересов всех слоев общества веред лицом внешнего врага - Пруссии, войска которой двигались на Париж. Мы не отдадим «ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей», - говорилось 6 сентября в циркуляре министра иностранных дел.

На первых порах народ в своем большинстве принимал

на веру заявления такого рода /1/. Рядовой француз мало знал о политическом прошлом Фавра, Симона и других новых министров, которые в 1848 г. настаивали на расправе с парижскими рабочими, а позднее пресмыкались перед Луи-Бонапартом. Ловким ходом Фавра явилось включение в состав кабинета только что освобожденного из тюрьмы талантливый публицист А. Рошфора, пользовавшегося популярностью за обличение клики Наполеона III. Поэтому Фавр решил, что лучше иметь Рошфора «внутри правительства, чем вне его». Другой примечательной фигурой среди министров был честолюбивый и энергичный Гамбетта. Он искренне надеялся на то, что Франция сумеет дать отпор чужеземному нашествию.

Генерал Жюль Трошю пользовался репутацией храброго и умного служаки. Это он за три года до начала франко-прусской войны выпустил книгу, в которой вскрывал некоторые изъяны французской военной машины, а в середине августа 1870 г. порекомендовал императору сконцентрировать войска возле Парижа, правда, не столько для того, чтобы предотвратить новые поражения в войне, сколько с целью спасти династию и обуздать столичную «чернь» /2/. Ярый монархист Трошю после 4 сентября заверял в своем лояльном отношении к республике. Но самое примечательное, сей генерал был убежденным пораженцем. «Все потеряно», - панически говорил он 18 августа; «попытка выдержать осаду Парижа была бы чистым безумием», - ответил Трошю на вопрос своих коллег в первый же день провозглашения республики.

Командовать «регулярными» войсками в зоне Парижа Трошю поручил генералу Дюкро. Буржуазная пресса на все лады расписывала смелость Дюкро, его дерзкое бегство из немецкого плена. Но основная черта этого человека заключалась в другом: он пылал ненавистью к парижским рабочим, мечтал потопить в крови надвигающуюся революцию. За редкими исключениями, теми же качествами «блистали» и другие бонапартистские генералы, назначенные на ответственные посты в столице и провинции. «Французские генералы, - писал русский

журналист, - сохранила свою рутину и упорно подтверждают общественное мнение в своей неспособности, трусости или предательстве» /3/.

Лицам, захватившим ключевые позиций в политическом и военном руководстве страны, был чужд подлинный патриотизм, они готовились к сговору с пруссаками. Правда, буржуазным лидерам приходилось маскировать свои истинные цели, ибо, как признавал Трошю, «если бы в этот момент правительство решилось заявить, что оно намерено заключить мир..., оно было бы сметено в течение какого-нибудь часа» /4/. В своих пространственных и напыщенных прокламациях и речах Трошю вещал о защите отечества. Официозная печать подкрепляла его двуличные заверения рассуждениями о недюжинных стратегических дарованиях командующего: им будто бы уже подготовлен «план», обеспечивавший спасение столицы и всей страны.

К моменту крушения империи армия бывшего французского главнокомандующего маршала Базена была блокирована в Меце; в окружении находились гарнизоны Страсбурга и ряда других городов и крепостей. В распоряжении новых властей оказалось два полка, отозванных из Рима, и еще несколько частей, составивших XIII и XIV корпуса, вместе с военными моряками, переброшенными к Парижу, численность этих регулярных войск достигала 80 - 90 тысяч /5/. Кроме того, в столице было расквартировано 90 батальонов «мобилей» (свыше 100 тыс.), сформированных ранее в провинции. В резерве Трошю имелись парижская Национальная гвардия и добровольческие отряды «вольных стрелков» (до 350 тыс. к октябрю 1870 г.).

Военная подготовка, дисциплина «мобилей» и особенно национальных гвардейцев оставляли желать лучшего. Вскоре обнаружилось, что сынки аристократов и лавочников не жаждут попасть на линию огня. Английский либеральный публицист Г. Лабушер отмечал 11 октября контраст между буржуа, который «защищает только свою лавку» и уже «устал от войны», и рабочим, полным веры в свои силы, способным на самопожертвования. «Рабочий человек, - писал он, - это единственная реаль-

ность среди развращенных и расслабленных обманщиков» /6/. В целом Трошю располагал значительным числом людей, стоявших под ружьем. Это был, по выражению Ф. Энгельса, «превосходный материал»; на его основе в короткие сроки могла быть создана боеспособная армия /7/. Но Трошю и Фавр с крайним недоверием относились к пролетарскому костяку Национальной гвардии. Поэтому ей долгое время отказывали в боевом оружии (вместо ружей Шаспо ее снабдили устаревшими мушкетами «табатьер») и намеренно обрекали на вынужденное бездействие. Между тем именно рабочие являлись лучшими защитниками города. По словам русского журналиста, они «все до единого человека скорее готовы взлететь на воздух, чем сдать» /8/.

Да и Париж в 1870 г. являлся великолепной крепостью. Он был окружен земляным валом высотой более чем 10 м, многочисленными бастионами. Перед валом был вырыт трехметровый ров. А главную силу обороны столицы составляли 15 фортов, сооруженных на расстоянии от 1,5 до 4,5 км за пределами вала. К осени 1870 г. после доставки тяжелых морских орудий их общее число на фортах и во всей зоне Парижа превысило 3 тысячи. Однако в полевой артиллерии ощущался острый недостаток. Итак, парижский укрепленный район являлся весьма внушительной преградой на пути прусской агрессии. Он мог бы не только сковать крупные силы противника, но и быть плацдармом для серьезного контрнаступления. Высоко оценивая роль укреплений Парижа, Ф. Энгельс писал 7 сентября 1870 г., что они «приспособлены не столько для пассивной, сколько для активной обороны» /9/. Первоочередным условием успеха в борьбе за столицу и Францию должна была стать твердая воля нового государственного и военного руководства.

Падение империи встревожило Бисмарка, Мольтке и Вильгельма I. Революционные традиции французского пролетариата пугали их. Прусский первый министр заметил 12 сентября, что до мира еще очень далеко /10/. «Война только начинается», - вторил Бисмарку прусский король. В середине сентября 3-я и 4-я немецкие армии приблизились к Парижу и обош-

ли его с севера и юга. 20 сентября кольцо окружения замкнулось у Сен-Жермена. Прусские войска, окружившие город, насчитывали до 150 тыс. человек. Никакого штурма Парижа штаб Мольтке не планировал (предстоящим штурмом буржуазные министры лишь пугали горожан и самих себя).

События 16 - 21 сентября позволяют понять подлинные замыслы правительства Трошю и методы, какими оно собиралось «воевать». Ничего не было предпринято для того, чтобы использовать выгодное положение Парижа в период, когда немецкие части не без опаски продвигались вблизи его фортов. Только 19 сентября Дюкро попытался закрепиться на Шатийонском плато, господствовавшем над южными фортами. Не веря в успех даже этой операции, преследовавшей ограниченную цель, Трошю предоставил ему незначительные силы. Куда больше интересовал капитулянтов исход другого маневра. 18 сентября Фавр тайно отправился к Бисмарку. И хотя первая попытка сговора не привела к перемирию, избранный курс не был изменен и в октябре.

С начала сентября демократическая пресса Франции была тревогу, подчеркивая, что Париж плохо готовится к продолжительной осаде. Численность населения города вместе с военнослужащими и беженцами из окрестностей и восточных районов превысила 2 млн. человек. Правительство не предпринимало каких-либо мер по эвакуации населения. Проблема снабжения продовольствием становилась одной из центральных. Официальные лица делали оптимистические заявления о больших запасах муки и зерна, имевшихся на складах, и похвалялись, что еще с конца августа в парижские парки стали перегонять стада овец. Но как же расходовались эти ресурсы? Еще до начала осады социалисты и левая печать требовали введения строжайшего контроля над ценами, и распределением продовольствия, экспроприировать все запасы. Трошю же ограничился запоздалой реквизицией зерна (часть его оптовики, однако, припрятали). Была установлена также норма выдачи мяса /11/. Цены на продукты стремительно росли. «Высокие цены и

бесконечные очереди превратились в единственный эффективный метод рационарования» /12/, - пишет А. Хорн. Как сообщал русский еженедельник, многие богачи «второпях позабывшие» даже о своей воинской повинности /13/, «поспешили заблаговременно убраться» из Парижа.

Переживая лишения и невзгоды, парижане не теряли бодрости духа. Осада не парализовала и культурную жизнь города. В октябре возобновились спектакли в театрах, большим успехом пользовались концерты классической музыки, в помещении цирка. Представлениям часто предшествовали выступления на злобу дня. Так, один из ораторов под дружный смех зала говорил: «Увы, парижская кухня утратила свой высокий стиль и традиции» /14/. На набережной Сены народ по-прежнему толпился у лавок букинистов, печатались новые книги, огромным спросом пользовались газеты, количество которых заметно увеличилось. Передовые пролетарии и прогрессивно настроенные интеллигенты разоблачали паникеров, распускавших различные слухи. В Париже продолжала звучать музыка немецких композиторов; большую пушку, отлитую на деньги, собранные артистами, назвали «Бетховен», а один из воздушных шаров - «Союз народов». Огромную роль в борьбе с неприятелем могли сыграть изобретения и военно-технические новшества. Сделано их было немало. Так, форты получили на вооружение прожектор; химики и пищевики освоили выпуск нового продукта питания из костей и желатина. Однако власти и «Научный комитет» без особого энтузиазма относились ко многим даже весьма дельным предложениям. Осведомленный журналист с грустью констатировал: «Правительство знать не хочет о новых изобретениях» /15/.

С первых дней осады большое значение приобрела стабильная связь между столицей и провинцией. Попытки наладить ее терпели неудачи: кабель, проложенный по дну Сены, был обнаружен неприятелем; цинковые контейнеры с почтой, пущенные по течению реки, также не достигали адресатов. Более успешно использовались воздушные шары. Первый из них

вылетел из Парижа 23 сентября и приземлился на неоккупированной территории. Через несколько дней парижане с радостью прочли официальное сообщение об учреждении «воздушной почты». В городе имелось тогда меньше десятка пригодных воздушных шаров. Но благодаря самоотверженному труду женщин-работниц, техников и инженеров изготовление новых шаров в специальных помещениях вскоре пошло полным ходом. Каждый шар получал особое имя. 7 октября огромная толпа, собравшаяся на площади Сен-Пьер, провожала воздушный шар «Арман Барб», в корзине которого находился вместе с пилотом министр внутренних дел Гамбетта. Его полет был вызван необходимостью поставить во главе турецкого «филиала» правительства одного из ведущих деятелей. Трошю заявил, что присутствие его, главнокомандующего, в Париже не нуждается в доказательствах. Перетрусивший Фавр также предпочел не рисковать. Только Гамбетта охотно согласился. Пережив в полете несколько опасных приключений, он благополучно достиг Мондидье. Прибыв в Тур, он немало содействовал мобилизации сил для борьбы с пруссаками.

За время осады из Парижа, по подсчетам Ж. Брюнеля, вылетело 65 шаров с 164 пассажирами и 10675 тоннами груза, и лишь 5 шаров не достигли цели. Обратную доставку депеш из Тура пришлось доверить почтовым голубям.

Немецкое командование, пытавшееся полностью изолировать Париж, стало приспособлять пушки для обстрела воздушных шаров, а против голубей выпускало специально завезенных соколов и ястребов. Оно прибегало и к дезинформации, отправив в Париж в декабре нескольких захваченных ими на шаре «Дагерр» голубей с ложными известиями. Но парижане быстро распознали, что к ним прилетели прусские «утки».

В первый месяц осады Трошю придерживался крайне пассивной тактики, предпринимая небольшими силами лишь отдельные вылазки. Недовольство жителей столицы росло. «Мы верили в ваш знаменитый план, - записывал 20 октября Лефрэн, имея в виду мифический «план Трошю», - но прошло

много времени, а мы не видим, в чем же заключается этот план, почему его до сих пор не приводят в исполнение» /16/. В конце октября успешно начатая франтирерами атака в районе нынешнего аэродрома Ле Бурже из-за предательства командования захлебнулась в крови. Одновременно в Париж поступили известия о сдаче армии Базена в плен и паломничестве «короля капитулянтов» Тьера к Бисмарку. Патриоты ответили бурными выступлениями, которые 31 октября едва не опрокинули временное правительство Трошю. Еще раз его главе пришлось заверить народ, что «губернатор Парижа никогда не капитулирует», что унижительного мира не будет.

Имелась ли после падения Меца возможность добиться перелома в ходе войны? Несомненно, она еще оставалась, поскольку изменился характер войны, и народные массы Франции вступили в борьбу с оккупантами не на жизнь, а на смерть. Левая парижская газета «Combat» ратовала за партизанские налеты и действия на коммуникациях противника. «Тревожить немцев повсюду, прерывать их коммуникации, разрушать мосты и железные дороги, уничтожать продовольствие и боевые припасы у них в тылу...» /17/, - вот совет Ф. Энгельса, содержащийся в его статье от 11 октября. В ноябре - декабре 1870 г. рейды франтиреров приняли значительный размах. Патриоты наносили немецким войскам все более чувствительные удары. Например, 19 ноября, отряд Р. Гарибальди, сына известного итальянского революционера, разбил численно превосходивший его гарнизон пруссаков в верховьях Сены, взяв много пленных. Большие надежды возлагали французы и на новые регулярные армии, создававшиеся в неоккупированных зонах страны. Победа Луарской армии при Кульмье и освобождение Орлеана (9 - 10 ноября) показали, что противника можно побеждать и в сражениях «традиционного» образца.

Пожалуй, две главные операции могли бы вызвать кризис в войне и поставить под сомнение победу Пруссии. Первая из них - целеустремленные атаки, направленные на разрыв основных немецких коммуникаций от реки Мозель до Версаля.

Однако Гамбетта слишком поздно принялся за осуществление этого замысла. Не меньшее значение могли иметь согласованные действия Луарской армии и войск Трошю, при которых Париж как бы переходил во фронтальное наступление. 23 ноября Энгельс отмечал, что немецкие части попали в затруднительное положение и Мольтке во избежание серьезных осложнений, рассматривает вопрос о снятии осады французской столицы /18/. Материалы, ставшие известными позднее (дневники генерала Блюменталья и кронпринца, «Военные корреспонденции» Мольтке и др.), полностью подтвердили справедливость слов Энгельса.

Рассмотрим, как же разворачивались события. Генерал д'Орель, возглавлявший Луарскую армию, под стать Трошю в критические дни проявил редкую нерешительность, граничившую с предательством. Сам Трошю долго откладывал прорыв. До 24 ноября он держал Гамбетту в неведении, где и когда состоится этот прорыв /19/. Наконец 30 ноября Дюкро перешел в наступление в районе Нижней Марны. Немецкая армия к тому времени построила вокруг Парижа много траншей и других укреплений, заранее зная о главном направлении французского прорыва. В распоряжении Дюкро находилась стотысячная армия и пополненная к тому времени полевая артиллерия (в Париже было уже отлито много пушек, главным образом на средства, собранные населением по подписке и предназначавшиеся для Национальной гвардии), которая приводила пруссаков «в немалое смущение» /20/. В главной квартире пруссаков снова стали обсуждаться перспективы снятия блокады Парижа. Однако поворота в войне не произошло. «Я вернусь с победой или погибну», - клялся Дюкро 28 ноября. Генерал уцелел, но победы не добился. 3 декабря Трошю распорядился отступить, хотя исход сражения еще не был предрешен. Генералы, записывая Лефренье, «останавливают порыв войск и снова охлаждают их пылкий энтузиазм» /21/.

Переход Трошю к обороне усугубил тяжесть положения Парижа. В городе начинался голод /22/. От нехватки и дорого-

визны продовольствия в первую очередь жестоко страдали беднейшие слои населения. В то же время богатые бездельники продолжали устраивать лукулловы пиры. Даже реакционный хроникер Ф. Сарсэ признавал, что зажиточные горожане не ощущали голода. И не им тяжело пришлось без топлива и теплой одежды, когда в декабре грянули сильные морозы. Но именно буржуа и знать склонялись к капитуляции. «Наша буржуазия, - отмечал один из современников, - раскислена и пытается запугивать людей мужественных. Преданные ей газеты не прекращают... трусливых толков о перемирии». Однако «рабочие из предместий все еще намерены твердо держаться до последней возможности» /23/.

Затянувшаяся кампания вызывала растущее раздражение пруссаков. Бисмарк торопил с окончанием войны, опасаясь вмешательства других держав /24/. Он санкционировал новые жестокие репрессии против французских патриотов. 17 декабря немецкое командование решило начать бомбардировку Парижа. После первых огневых налетов на Монт-Аврон (27 декабря) с 5 января 1871 г. прусская артиллерия приступила к обстрелу южных фортов и жилых кварталов города. Орудия были установлены на плато Шатийон. Отсюда, большей частью по ночам, пруссаки вели огонь по городу, не щадя и госпиталей.

Даже в этой трагической ситуации парижане продолжали героическое сопротивление. Результативен был контрбатарейный огонь французской артиллерии. Жители города стойко переносили обстрелы. Так, преподаватель истории Коллеж де Франс после взрыва снаряда по соседству спокойно предложил слушателям: «Если вас это не беспокоит, господа, давайте продолжать!»

Тем временем крупная французская буржуазия и ее политические вожаки - члены правительства, находившиеся в Париже, окончательно скатились на путь предательства. «Почему вы бездействуете?» - вопрошал Гамбетта Фавра 13 января, настоятельно призывая организовать массовую вылазку против неприятеля /25/. Гамбетта ошибался: Фавр и Трошю не

сидели сложа руки. Они замыслили во время вылазки подставить под удар части Национальной гвардии, обескровив их в канун ожидавшихся классовых битв. Главный их замысел состоял в том, чтобы убедить население, что прорыв прусских линий невозможен, что нет иного выхода, кроме перемирия. «Общественное мнение не успокоится до тех пор, пока 10 тысяч национальных гвардейцев не падут на поле боя», - утверждал один из министров на заседании 16 января. Плохо подготовленная атака у Бюзенваля 19 января в самом деле сопровождалась тяжелыми потерями. А затем Трошо, отказавшись бросить в бой резервы, приказал: «Прекратим сражение, их (национальных гвардейцев. - К. В.) уже достаточно перебито!» /26/.

22 января, с трудом подавив очередные «мятежи», Фавр и новый командующий Винуа приняли решение немедленно начать переговоры о капитуляции. «Правительством национального ослабления» назвал буржуазное министерство времен осады Парижа публицист-демократ Ж. Лефрень, другие именовали его «правительством национального поражения». «Правительство национальной измены» - вот знаменитая и куда более четкая оценка, данная К. Марксом. Тщетно в течение ста лет пытаются «забыть» ее реакционные политики, мемуаристы и историки!

28 января 1871 г. Фавр подписал в Версале предложенные Бисмарком условия перемирия. Но ни Фавр, ни Бисмарк не осмелились включить в соглашение о капитуляции пункт о разоружении Национальной гвардии. Воля трудящихся Франции к борьбе за свободу, за лучшую жизнь, за честь и независимость родины не была сломлена. Предстояли великие дни Парижской коммуны.

1. Многие руководители революционных организаций и групп, не разделяя этого наивного доверия и напоминая о бдительности по отношению к буржуазным республиканцам, сочли все же нужным подержать их. Такова была, например, позиция бланкистов (см. М. Dommanget. Blanqui. La Guerre de 1870-71 et la Commune. P., 1947,

pp. 27-28).

2. Став главнокомандующим войсками в Париже, Трошо провозгласил: «Все, что я смогу сделать для предотвращения революции, я сделаю». Цит. по: М. Шури. Париж был предан. М., 1961, стр. 55.
3. «Вестник Европы», 1870, № 11, стр. 472.
4. «Journal officiel», 3.VII.1871.
5. В одном из последних исследований приводится цифра 106 тыс. (М. Howard. The Franco-Prussian War. L. 1961, p. 320).
6. H. Labouchere. Diary of the Besieged Resident in Paris. L., 1871, pp. 95, 100 - 101.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 250.
8. «Сцены из жизни в осажденном городе». «Неделя», 8(20). X.1870, стр. 1320.
9. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 87.
10. М. Busch. Bismarck und seine Leute. B., 1940, S. 83, 88.
11. Предложения о равномерном распределении продуктов питания буржуазный министр Ж. Ферри окрестил «химерой» и «безумием» (М. Howard. Op. Cit., p. 326).
12. A. Horne. The Fall of Paris. N.Y., 1965, p. 66.
13. «Неделя», 8(20). X. 1870, стр. 1316— 1317.
14. «Вестник Европы». 1871. № 1, стр. 427.
15. Ж. Лефрень. Дневник парижанина. «Дело», 1870, № 12, стр. 125.
16. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1870. № .11, стр. 106.
17. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 130. Об условиях, при которых «народное сопротивление» радикально может изменить картину войны, Ф. Энгельс писал также в статье «Военная обстановка во Франции» (см. там же, стр. 188).
18. Там же. стр. 183.
19. В депеше, полученной в Париже 18 ноября, Гамбетта рекомендовал прорываться на юг, но не возражал и против удара на северо-запад (который подготовлял Дюкро). Только бы войска Трошо начали настоящие боевые операции! 24 ноября на воздушном шаре «Город Орлеан» из Парижа вылетел офицер связи, посвященный во все секреты намеченного наступления Дюкро. Но шар приземлился в Норвегии.
20. «Беседы о франко-прусской войне», «Отечественные записки»,

- 1871, № 2, стр. 264.
21. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1871,, № 1. стр. 39.
22. После того, как в городе не осталось овец и лошадей, в пищу пошли другие, животные, в том числе кенгуру, верблюды и два слона из зоологического сада. Американский наблюдатель подсчитал, что было съедено 5 тыс. кошек, 1200 собак.
23. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1870, № 12, стр. 113.
24. O. Bismarck. Gesammelte Werke. Bd. VI b. B., 1931, № 1933.
25. «Lettres de Gambetta 1868-1882». P. 1938, № 109.
26. М. Шури. Указ. соч. стр. 164, 166.

* *Впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 2. 1971 г.*

А. В. Бодров

Франко-прусская война по донесениям контр-адмирала И. Ф. Лихачёва.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В Российском государственном архиве военно-морского флота сохранились три донесения российского морского агента в Англии и Франции контр-адмирала Ивана Федоровича Лихачева, описывающие события франко-прусской войны 1870 - 1871 гг. И. Ф. Лихачев был фигурой весьма незаурядной. В ходе Крымской войны он был защитником Севастополя с первых дней осады, с конца 1854 г. служил флаг-офицером при вице-адмирале В. А. Корнилове /1/. Ведал вопросами эвакуации, принимал участие в боевых действиях флота, получил при этом контузию в голову. Вес при дворе обрел, став в марте 1858 г. адъютантом генерал-адмирала вел. князя Константина Николаевича, известного своими либеральными взглядами. Под началом Лихачева на Дальнем Востоке была создана первая самосто-

ятельная Тихоокеанская эскадра, строился Владивосток. В 1864-1866 гг. Лихачев командовал Первой броненосной эскадрой России на Балтийском море. 30 августа 1864 г. был зачислен в свиту Александра II.

Участившиеся болезни (а возможно, и независимый характер) заставили отправить его в 1867 г. за границу на ответственный пост первого российского «морского агента» (атташе) в Лондоне и Париже. Он занимал этот пост в течение 17 (!) лет до своего выхода в отставку в 1883 г. в чине вице-адмирала. После увольнения от службы по состоянию здоровья он оставался за границей и продолжал вести научную и общественную деятельность. В частности, в 1888 г. вышел его труд «Служба генерального штаба во флоте», в котором он первым в России заявил о необходимости особого органа для стратегического руководства флота. К этому выводу его привел пример сухопутной армии. И надо полагать, не последнюю роль при этом сыграл триумф прусского генштаба под руководством Г. фон Мольтке в 1870 г., очевидцем которого он стал.

Стоит вкратце восстановить ход событий начального этапа войны, затрагиваемых в донесениях И. Ф. Лихачева. Франция и Пруссия к концу 60-х гг. XIX столетия успели примирить европейцев с мыслью, что столкновение между ними неминуемо, но объявление войны Францией 19 июля 1870 г. для подавляющего большинства стало полной неожиданностью. Летние месяцы европейская элита, не исключая официальных лиц, предпочитала проводить на курортах. Так, война застала в Германии «на водах», русских писателей Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева и П. Д. Боборыкина, ярко описавших в своих письмах и воспоминаниях охватившее всех тогда смятение. И.Ф. Лихачев, по собственному признанию, тоже оказался в этот момент в Париже «случайно», и понимая, как важна информация с места событий, решил писать морскому министру Н. К. Краббе о своих «личных впечатлениях». Нельзя не отметить, что пост военно-морского агента, главной задачей которого было установление контактов с иностранными коллегами и заводчи-

ками для размещения заказов российского морского ведомства и обмен военно-морской технической информацией, для деятеля масштаба Лихачева мог восприниматься ни иначе, как почетная ссылка. Поэтому война представила контр-адмиралу редкую возможность высказаться по политическим вопросам, которой он и не преминул воспользоваться.

Еще 12 июля конфликт Франции и Пруссии из-за кандидатуры Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена на испанский трон казался исчерпанным после официального отказа германского принца /2/. Но повторное предъявление Францией требований и обнародование знаменитой Эмской депеши 13 июля стали поводом к войне. Для Франции война, по сути, началась 15 июля с голосования Законодательного Собрания по военным кредитам. После этого в обеих странах началась мобилизация, хотя официальная нота об объявлении войны, как уже было упомянуто, была вручена О. Бисмарку секретарем французского посольства с говорящей фамилией Ле Сюрд («Глухой») лишь 19 июля. Этот день был связан в памяти немцев с Отечественной войной 1813 г.: 19 июля 1870 г. исполнялось 60 лет со дня кончины матери прусского короля Вильгельма I - королевы Луизы. Той самой, что на коленях умоляла Наполеона I пощадить Пруссию после разгрома под Йеной в 1806 году, и которая из-за своей скорой кончины после резкого отказа Бонапарта стала почитаться в народных легендах как мученица и заступница. Неудивительно поэтому, что с объявлением войны племянником Наполеона Бонапарта ее сыну старые легенды получили новое рождение. Глубоко символично, что 19 июля Вильгельм I посетил усыпальницу своих родителей в Шарлоттенбурге, и в тот же день по его решению была возрождена традиция награждения легендарным «Железным крестом», учрежденным 10 марта 1813 г. Фридрихом-Вильгельмом III опять же в память о своей покойной супруге /3/. Все необходимые исторические параллели для пробуждения германского национального духа были проведены.

Французское командование планировало нанести глав

ный удар в Баварском Пфальце, чтобы разъединить войска Северо-Германского союза и южногерманских государств и удержать последние от вступления в войну на стороне Пруссии. Франция не имела тщательно разработанного плана войны. Наспех составленный, он содержал ряд ошибок (нереальными были сроки мобилизации и сосредоточения войск, расчёты на раскол германской коалиции и так далее). Французские войска были сведены в одну Рейнскую армию, сосредоточенную в Эльзасе и Лотарингии, к которой 23 июля присоединился Наполеон III с наследником. Оставшаяся в Париже императрица Евгения была объявлена регентом.

Развертывание немецкой армии численностью около 500 тыс. человек (к которой в конце июля также присоединился Вильгельм I) на Среднем Рейне было завершено к 1 августа. Французские войска не предпринимали решительных действий, ограничиваясь мелкими стычками с авангардами противника. 4 августа передовые части немецкой армии разбили под Вейсенбургом дивизию генерала А. Дуэ. 6 августа армия крон-принца Фридриха в ожесточенном сражении разбила 1-й корпус маршала М. Мак Магона у Вёрта. В тот же день германским войскам удалось нанести поражение 2-му корпусу генерала Ш. Фроссара у Шпихерна, вынудив его отступить к Мецу. 11 августа прусская армия вошла в столицу Лотарингии, г. Нанси. В результате первых поражений 9 августа в Париже было отправлено в отставку либеральное правительство Э. Оливье, на смену которому пришел кабинет генерала Монтобана, графа Паликао.

Донесения Лихачева, охватывающие начальный этап войны до Седанской катастрофы, ярко описывают положение Франции в последние месяцы существования Второй Империи. Они передают с калейдоскопической быстротой сменяющую обстановку во французской столице - шаг за шагом все ближе к революции. Еще до поражений середины августа Лихачев проницательно предсказывает именно такое развитие событий в Париже в случае, если Наполеону III не удастся одержать решительную победу. Неделию спустя близкий к императорской семье

и императрице Евгении Проспер Мериме повторит эту оценку ситуации почти дословно: «Здесь [в Париже] я не наблюдаю ничего, кроме беспорядка и глупости. Скоро должны собраться обе Палаты, - они очень помогут пруссакам <...> Я ожидаю через неделю провозглашения республики, а через две - появления пруссаков» /4/.

Лихачев особо отмечал спокойствие, царившее во французской столице в первые две недели войны. Однако, в данном случае можно говорить о лояльности правительству, но вовсе не о успокоении национальных чувств. Внезапная развязка июльского кризиса застала в Париже, по оценкам американского посланника, около 30 тыс. немцев. Французское правительство не спешило выдать разрешение на выезд столь большому количеству потенциальных призывников в ряды армии противника, поэтому многие из проживавших во Франции немцев оказались в критическом положении. В обстановке нарастающей враждебности они не могли более получить работу и поддержку. Без помощи иностранных представительств многие из «французских» немцев оказались бы без средств к существованию. Поэтому с самого начала войны американский (Вашбёрн), швейцарский (Керн) и российский (Окунев) посланники в Париже приняли на себя опеку над бедствующими во Франции немцами /5/.

В результате сражений 16 и 18 августа на левом берегу Мозеля при Вионвиле - Марс-ла-Туре и у Сен-Прива - Гравелоте французские войска отошли к крепости Мец, где были блокированы 7 корпусами и 3 кавалерийскими дивизиями немцев (160 тыс. чел.). Трудно объяснить логику Наполеона III, поставившего командующего новой (так называемой Шалонской) армией (свыше 120 тыс. чел.) маршала Мак Магона в подчинение к заблокированному в Меце со своей армией маршалу А. Базену. Император также считал возможным не информировать Мак Магона обо всех поступающих ему из Парижа сведениях. Телеграмма Базена от 20 августа о том, что он по-прежнему остается около Меца, делавшая наступление Шалонской армии навстречу

ему бессмысленным, получена Мак Магоном не была. Основываясь на ранее выраженной решимости Базена прорываться из окружения и по прямому требованию правительства Паликао 22 августа Мак Магон выступил из Реймса навстречу германским войскам /6/. В течение следующей недели в отсутствие сведений от Базена и под воздействием противоречивых распоряжений Шалонская армия оказалась загнана к самой границе с Бельгией. Против Мак Магона выступили 3-я немецкая и вновь созданная Маасская армии, которым удалось нанести поражение французам у Бомона 30 августа и оттеснить войска Мак Магона за Маас к крепости Седан. Здесь, после нескольких неудачных попыток вырваться из окружения, 2 сентября Шалонская армия капитулировала вместе с находившимся при ней Наполеоном III. Седанская катастрофа привела к падению Второй империи: 4 сентября 1870 г. во Франции была провозглашена республика, а к власти пришло «правительство национальной обороны» во главе с генералом Л. Трошю.

В дальнейшем, как известно, исход войны оказался связан с военными операциями вокруг французской столицы и попытками Л. Гамбетты организовать сопротивление в провинциях. В этой связи несколько в тени остаются усилия, предпринятые для обороны страны французскими моряками. Донесения И. Ф. Лихачева обращают внимание на эту сторону франко-германской войны. Следует отметить, в частности, вклад морской артиллерии в оборону Парижа и действия «морской пехоты» при Базейле в ходе Седанской битвы. Всего французским морским ведомством для сухопутных операций было выставлено 55 - 58 тыс. человек (половину из них составляли матросы), из запасов флота или силами портовых заводов и мастерских для нужд армии было передано до 2000 орудий и 29 тыс. ружей. И все это при том, как подчеркивал Лихачев впоследствии в своем обширном «Обзоре французского флота», что все суда были вооружены и оставались в полной боевой готовности /7/. Война поставила французский флот в странное положение: мало чего добившись на море, на суше он завоевал горячие симпатии

народа. Можно согласиться с оценкой американского историка Теодора Роппа: «Несмотря на отсутствие достижений на море, флот никогда не был более популярен, чем сразу же после 1871 г., а морские офицеры заняли важные посты в учреждениях Третьей республики» /8/. Стоит добавить, что эта популярность была следствием как осознанной «героизации» проигранной Францией войны, так и реальной потребности французов в героях. Цель была одна: возрождение национального духа; моральный - а в перспективе и военный - реванш Франции. Обращает на себя внимание, безусловно, и свидетельство Лихачева о том, что французские моряки, обреченные развитием событий войны сойти сражаться на берег, примером хотели взять оборону Севастополя.

Хочется остановиться и на высказанном российским морским агентом мнении о том, что для будущей российской политики решительная победа ни Франции, ни Германии, была бы не выгодна. В этом И. Ф. Лихачев оказался солидарен с российским общественным мнением, встречавшим каждое новое известие о военных успехах Пруссии с растущими опасениями и неприязнью. Тот факт, что для дипломатического Петербурга молниеносный разгром Франции в столкновении, казалось, двух равных противников стал неожиданностью, признавал впоследствии и канцлер А. М. Горчаков /9/. И все же, с учетом известных германфильских настроений Александра II, поднимавшего, как известно, тосты за победы германского оружия, высказанная в начале августа официальным образом позиция Лихачева требовала определенной смелости и свободы суждений.

В заключение можно добавить, что ранг и положение Лихачева придают значимость его суждениям об обстановке в Париже, военных усилиях Франции. Строки донесений Лихачева проникнуты уверенностью в громадных возможностях Франции и французского патриотизма.

Документы публикуются впервые. Текст писем и записок контр-адмирала приводится целиком, с сохранением стиля авто-

ра. Орфография и пунктуации автора сохранены за редким исключением. Имена и названия, указанные автором латиницей, сопровождаются примечаниями в конце публикации.

1. Биографические данные даны по Предисловию А. А. Брегмана к описи 1. фонда Лихачева. - РГА ВМФ, ф. 16, оп.1.; см. также: Б. Н. Болгурцев. Забытый адмирал // Гангут, 1998, Вып. 16. Доступно из: <http://cruiserx.narod.ru/lihachev.htm> (16 октября 2005 г., 11:40:16)
2. О событиях июльского кризиса см., в частности: Виноградов К. Б. Бисмарк и возникновение франко-прусской войны // Вопросы истории, 1970, №7. С. 207 - 214.
3. Becker Fr. Bilder von Krieg und Nation. Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit Deutschlands, 1864 - 1913. München, 2001. S. 312 - 314.
4. Мериме - Паницци, Воскресенье, 21 августа 1870 г. - Мериме П. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. Письма. М., 1963. № 122, С. 264.
5. Washburne E. B. Recollections of a Minister to France, 1869 - 1877. Vol. I. London, 1887. P. 83. Документы об американском участии см. в: Hepner A. (Ed.). America's Aid to Germany in 1870-71. An Abstract from the Official Correspondence of E. B. Washburne, U.S. Ambassador to Paris. St. Louis, 1905.
6. См.: Broglie G., de. Mac Mahon. Paris, 2000. P. 143 - 145.
7. Лихачев И. Ф. Обзор французского флота (1871-1881) - РГА ВМФ. Ф. 16. Фонд Лихачева. Оп. 1. Д. 220. ЛЛ. 6 об. - 7.
8. Ропп Т. Создание современного флота: Французская военноморская политика 1871 - 1904 / Перевод с англ. Дм. Якимовича @ Военная литература (militera.lib.ru), 2004. Гл. 2.
9. См.: Серова О. В. Русско-французские отношения в оценке князя А. М. Горчакова // Россия и Франция, XVIII - XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 132 - 148.

ПО ДОНЕСЕНИЯМ КОНТР-АДМИРАЛА ЛИХАЧЕВА
С ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ*

* РГА ВМФ. Ф. 410. Канцелярия морского министерства. Оп. 2.
Д. 3175. ЛЛ. 1-8 об.

Секретно

Письмо контр-адмирала Лихачева от 3 августа 1870 г.

Его Высокопрев.
Н. К. Краббе

Милостивый государь,
Николай Карлович

По случаю войны все сообщения сделались так медленны и ненадежны, что их можно считать почти прерванными, но находясь случайно в Париже в минуту обстоятельств, которые не могут не интересовать всех, я решаюсь послать Вашему Высокопревосходительству краткую записку о моих личных впечатлениях как очевидца настоящего положения дел, хотя и сомневаюсь, чтобы письмо мое дошло до Вас своевременно.

С глубоким уважением и преданностию
имею честь быть Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
И. Лихачев

Париж - Понедельник, 27 июля/ 8 августа 1870*

Всю прошедшую неделю Париж оставался без всяких известий с театра войны. Запретив безусловно журналам сообщение военных новостей, Правительство не позаботилось со своей стороны заменить чем-нибудь газетные известия и не

подумало, что оставлять без всяких известий всю Францию и Париж в особенности по крайней мере было неосторожно. Со времени незначительного продвижения вперед на Саарбрюкен, произведенного, как известно, в присутствии Императора, здесь знали только, и то без всяких подробностей, о поражении дивизии Дуэ при Виссембурге. Но отсутствие положительных известий, конечно, только способствовало к распространению в городе всякого рода слухов. Между тем, на Прусской границе дрались; корпуса Мак-Магона и Фроссара были разбиты, обо всем этом не сообщали, как вдруг вчера утром все эти новости обнаружены одновременно с объявлением Парижа в осадном положении с повелением о вооружении укреплений города и с другим повелением о немедленном созвании Палат. Из всего этого одно вооружение укреплений Парижа может быть оправдано до некоторой степени положением дел, что же касается до прочих мер, то они могут быть объяснены только совершенным непониманием настоящего положения или совершенною неспособностью Правительства.

В самом деле, что вызвало эти внезапные распоряжения? Два корпуса французской армии потерпели поражение, но еще более 3/4 этой громадной армии не видали неприятеля в глаза.

Созвание Парламента, который был распущен едва две недели назад, потому что опасались, чтобы он не мешал решительному ведению войны, во всяком случае бесполезно или вредно: в случае, если он будет вполне послушен Правительству, - оно только бесполезно; если же он примет сколько-нибудь самостоятельное положение, то будет сильною помехою для Правительства во всех будущих его действиях. Я уже умалчиваю о том, что созвание Парламента в городе, состоящим на осадном положении, есть также несообразность. Впрочем, есть слух о перенесении Палат в г. Бурж. Объявление осадного положения в Париже не вызывалось никакою необходимостью. Город сравнительно был покоен, толпы на улицах, далеко менее многочисленные и более скромные, чем было даже две недели назад, во время отправления войск и манифестаций, которые

само Правительство старалось тогда возбудить, - ограничивались пением Марсельезы и собранием у ворот того или другого из министерств, куда естественно стремились все в ожидании известий, которых Правительство не сообщало. Как скоро полиция вмешивалась, толпы рассеивались без сопротивления. Никаких попыток возмутительного свойства не было, и кто знает и видал Париж в другие времена, не мог не заметить ныне совершенно смиренного настроения народонаселения. Главнейшие беспорядки на улицах происходили от подвижной национальной гвардии (garde mobile), - созвав которую, не знают, что с нею делать, ибо она никогда не собиралась и совершенно незнакома с оружием, которое им только теперь выдали в первый раз. Гард-мобили пьянствовали и безобразничали по расставанию со своими родственниками и возлюбленными - если бы город был в самом деле в возбужденном состоянии, то осадное положение было бы трудно ввести и еще более поддержать.

В настоящее время в Париже находится только одна дивизия пехоты и ту, может быть, потребуется скоро взять. Если во всем этом нет закулисных тайн, еще неизвестных (что к сожалению во Франции возможно), то в мерах Правительства нельзя не видеть больших ошибок. Очевидно однако, что затруднения Правительства весьма велики, и уже начинают слышаться - правда еще весьма робко, - голоса в пользу мира. Может быть в самом деле, что настоящая минута была бы благоприятна для заключения мира и что долго не представится более удобных для этого обстоятельств. Причины войны были бы устранены, если бы Прусское правительство решилось сделать теперь все уступки, которые желала сначала Франция. Теперь для Пруссии это возможно, ибо она уже достигла всех существенных выгод, которые только она может ожидать от войны: удовлетворения национального чувства Германии и существенного соединения Южной Германии под ее первенством. Ныне, когда чувство национального достоинства Германии и Пруссии может считаться удовлетворенным, сделать некоторые

уступки французскому тщеславию ничего бы не значило, и Франция не имела бы благовидного предлога их отвергнуть. Но Пруссия может весьма ошибиться в своих расчетах, если она будет стремиться к более решительным успехам. Слабость Франции в настоящую минуту состоит в ошибках ее полководцев и в нерешительности или неспособности Правительства и недоверии к нему народа, но средства и патриотизм Франции громадны, и пока не проснулся еще этот патриотизм вполне, - не надо бы было его будить. - С нашей отечественной точки зрения, кажется нельзя сомневаться, что решительный перевес той или другой из воюющих сторон, был бы для нас одинаково вреден в будущем. Обе воюющие нации так могущественны и так честолюбивы, что всякое дальнейшее усиление той или другой не может не грозить спокойствию Европы вообще и нашему в особенности. Вот почему все усилия политики должны бы были клониться к примирению воюющих ныне же и прежде чем война сделает дальнейшие успехи.

* [лл. 1-3 об.]

Пометка: «возвращено бр. Государя императора 3 авг. 70 г.»

Письмо контр-адмирала Лихачева от 1/13 августа 1870 г.

Его Высокопревосх-ву.

Н. К. Краббе

Милостивый государь,
Николай Карлович

При сем имею честь представить Вашему Высокопревосходительству краткую записку о последних распоряжениях по Морск. Ведомству, вызванных настоящим положением дел во Франции.

С глубоким уважением и преданностью

имею честь быть Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
И. Лихачев

Париж. Суббота. 1/13 августа 1870.*

Предполагавшаяся десантная экспедиция в Балтику отменена окончательно вследствие неудач французской армии. Одна только «эволюционная» эскадра Вице-адмирала *Fourrichon* /1/ (бронен. фрегаты *Provence*, *Heroine*, *Magnanine*, *Revanche*, *Valeureuse*, *Invincible*, бронен. корвет *Atalante* /2/ и 3 или 4 мелких судна) - отправилась в Немецкое море. Затем все войска, назначенные в состав экспедиции, в том числе и морская пехота, направлены в Париж и частью далее к главной армии, частью оставлены здесь. В портах формируются команды матросов, которые с флотскими офицерами должны прибыть в Париж для службы на батареях. Адмиралы *La-Roncière-le-Noury*, *Saisset* и *Pothuau* /3/ примут над ними начальство, и Морской министр /4/, принимавший деятельное участие в осаде Севастополя, мечтает о повторении того, что было сделано нашими моряками в 1854 году. Между тем, уже приступлено к инженерным работам и к приведению в порядок валов и рвов оборонительной стены Парижа; что касается до фортов, то они находятся в более готовом состоянии.

Бывшее министерство Оливье, после всех доказательств своей неспособности, упало с громким позором, новое министерство, составленное из приверженцев Императрицы (т.е. партии династической и клерикальной) - весьма непопулярно - ему нельзя будет оставить Париж и большие города без значительных военных сил, тем более что по известиям и в других городах на спокойствие рассчитывать нельзя. Энтузиазм везде большой, и новый закон о поголовном призыве на службу всех холостых и вдовцов бездетных до 35-летнего возраста принят Камерой единогласно. Закон этот несравненно лучше и основательнее всех предшествовавших распоряжений, но остается

видеть, каковы будут дальнейшие действия Правительства.

Положение Франции самое критическое и ее может спасти от дальнейших бед только немедленное заключение мира или же решительная победа. В случае поражения революция в Париже и падение Императорской династии - почти неизбежны. Люди всех партий и всех направлений говорят об этом последнем предположении как о необходимом последствии настоящего положения дел.

* [лл. 4-6 об.]

Пометка: «Получ. 11-го августа 70 г.»

Записка контр-адмирала Лихачева от 14/26 августа 1870 г.

Париж. Пятница. 14/26 августа 1870.*

Обе французские эскадры адмиралов Бус-Вилломеса /5/ и Фурришона заняты, как известно, блокадою германских портов. В этих обстоятельствах не может быть особенно крупных новостей по морской части и приходится ограничиться сообщениями мелочных и уже не очень свежих известий.

Так, можно заметить, что разборные канонерские лодки, которые хорошо известны и построены еще в 1859 и 60 годах, были отправлены в Страсбург для сборки на Рейне, но к сборке их, конечно, и не приступали.[1] Канонерская лодка *Фарси* /6/ о которой так много было шума, опрокинулась, идя на буксире из Шербурга в Гавр при тихой погоде.[2] Можно еще упомянуть, что по случаю войны куплены и поставлены на авизо (клиперах) «*d'Estrées*» и «*Forfait*» /7/ два электрических осветительных аппарата (совершенно подобные заказанным нами через Полковника Петрушевского).

Защита Франции сосредотачивается теперь в трех пунктах: 1) армия Маршала Базена, блокируемая около Меца; 2) армия Мак-Магона, составленная в Шалонском лагере из остатков его корпуса и разных вновь организованных войск и по пос-

ледним известиям выступившая вперед из Реймса по Северной железной дороге, и 3) в Париже, где собрана еще более разнородная смесь национальной гвардии и всяких импровизированных войск и команд, как то: таможенной стражи, пожарных, всякого рода волонтеров, моряков и проч.

В каждой из этих почти равных частей может быть в настоящую минуту от 100-130 тыс. человек. Усилия, сделанные в последние две недели, весьма замечательны, но толпы людей, которым даже не всем успели раздать ружья,[3] не составляют еще войск, хотя за укреплениями Парижа они могут защищаться, если внутренние раздоры и недостаток способных начальников не помешает. - Самый призыв людей идет не так успешно, как можно было ожидать, и Правительство призывает вновь на службу всех отставных солдат до 35-летнего возраста, без исключений,[4] отставных офицеров до 60 и генералов до 70 лет. Таким образом, по крайней мере на бумаге, все мужское годное народонаселение войдет в состав армии или национальной гвардии.

Правительство допускает все возможные средства, чтобы не допускать никаких известий с театра войны, и для того, чтобы иметь сведения о военных действиях, надобно бы было находиться в Бельгии или Англии. Между тем, в Париже ожидают приближения Пруссаков. Прокламации нового губернатора Парижа, генерала Трошо (в котором многие подозревают намерение разыграть роль Монка) /8/, готовят каждый день жителей Парижа к появлению неприятеля. Взаимный дух подозрения и недоверия проник везде. Это явление повторялось во все тяжелые эпохи Французской истории: в 1792 году, как [и] в период завоевания Франции англичанами. В городах хватают десятками невинных людей, в которых подозревают Прусских шпионов. В провинции обнаруживаются явления, совершенно напоминающие эпоху знаменитой *Jacquerie* /9/. Мужики не различают политических партий и во всех противниках Империи видят изменников Отечеству. Мало-помалу необходимость заставила объявить уже почти половину Франции в осадном

положении.

Между тем, новый внутренний заем в 750 милл. франков, выпущенный по 5 %, покрылся весьма скоро. Это одно из доказательств того, как Франция богата и сильна средствами. Но строптивость французского характера, взаимное недоверие, вражда и интриги политических партий, неспособность людей, стоящих во главе управления, и, наконец, отсутствие твердой и уважаемой власти - составляют настоящие причины ее затруднений и грозят ей дальнейшими бедствиями.

Примечания И.Ф. Лихачева:

- [1] Чертежи их имеются в нашем Техническом Комитете.
[2] Сведения об этой лодке представляются особо.
[3] Парижская национальная гвардия получила уже до 80/т[ыс]. ружей.
[4] Прежним законом было сделано ограничение в пользу женатых.

* [лл. 7-8 об.]

Пометка: «Получено б/р. Лихачев...», «25 авг.»

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фуришон (Fourichon), Мартин (1809 - 1884) - французский вице-адмирал (с 1859 г.), командующий средиземной эскадрой; член адмиралтейского совета (с 1864 г. председатель). Во время франко-прусской войны стоял во главе флота, действовавшего в Северном море. В сентябре 1870 г. был назначен правительством национальной обороны министром морским и колоний. В феврале 1871 г. избран в Национальное собрание, где примкнул к «правому центру». В 1876 г. назначен в сенат, в том же году получил портфель морских дел и колоний в министерстве Дюфора; в 1877 г. со всем кабинетом вышел в отставку.
2. «Прованс», «Эроин», «Магнаним», «Реванш», «Валёрёз», «Эвенсиль», «Аталант».
3. Ля Ронсьер ле Нури (La Ronciere le Noury), Клеман, барон де (1816 -

1881) - французский вице-адмирал (с 1868 г.). С 1865 г. - глава генштаба морского министерства, командующий первой броненосной эскадрой, организатор военных экспедиций в Индокитай и Мексику. В 1870 г. был отстранен от командования из-за близости к попавшему в опалу в результате «Дела Нуара» Принцу Пьеру Наполеону, двоюродному брату императора. Во время франко-прусской войны принял верховное командование над морскими силами, действовавшими на суше. С 1871 г. член Национального собрания. С 1877 г. сенатор;

Сессэ (Saisset), Жан-Мари (1810 - 1879) - французский контр-адмирал и политический деятель, монархист, командующий национальной гвардией Парижа (20-25 марта 1871 г.);

Потюо (Pothuau), Луи-Пьер (1815 - 1882) - французский контр-адмирал. Принимал участие в осаде Севастополя. Во время осады Парижа был комендантом форта Бисетр и южных фортов Парижа, гарнизон которых состоял из моряков; позднее командовал дивизией. С февраля 1871 г. по май 1873 г. Потюо был морским министром. Как член Национального собрания, примыкал к «левому центру». В 1875 г. был избран пожизненным сенатором; позднее был послом в Англии.

4. Имеется в виду Шарль Риго де Женуйи (Rigault de Genouilly), (1807 - 1873) - французский вице-адмирал. Положил начало завоеванию Францией Индокитая в 1858 г. С 20 января 1867 г. по 4 сентября 1870 г. - морской министр.

5. ^{Имеется в виду один из} вариантов так называемых «канонерок-утюгов», разработанный лейтенантом Жеромом-Эженом Фарси (Jérome-Eugène Farcy) в 1869 г. Его канонерская лодка представляла собой, по сути, «плавучий лафет», несла одну пушку калибром 240 мм и предназначалась для обстрела побережья. Подтверждений описанного Лихачевым эпизода найти не удалось. Известно, что канонерка «Фарси» под командованием своего создателя вполне успешно принимала участие в обороне Парижа, обстреливая немецкие позиции с Сены. Любопытна дальнейшая судьба корабля. В дни Парижской Коммуны лодка была захвачена федератами, получила имя «Свобода» (Liberté) и вела огонь уже по войскам версальского правительства. После поражения Коммуны была переименована в «Револьвер» (Revolver). Сам Эжен Фарси до 1893 г. был активным депутатом Национального собрания, избирался от

левых.

6. Буэ-Вилломез (Bouet-Willaumez), Луи-Эдуар (1808 - 1871) - французский вице-адмирал (с 1860 г.), с 1865 г. - сенатор.

7. «Д'Эстрэ», «Форфэт».

8. То есть подозрения в возможном предательстве Республики.

9. Жакерия (Jacquerie) - одно из крупнейших крестьянских восстаний Средневековья, охватившее в 1358 г. север Иль-де-Франса, области Вермандуа, Бри, Пикардию, частично Нормандию и Шампань.

Подготовка к печати и комментарии: канд. истор. наук Бодров А. В.

VI. Рецензии.

Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520 - 1620-е гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: ИП Генкин А.Д., 2007. - 560 С.

Монография И. В. Макарова посвящена изучению Реформации в Финляндии в течение 1520 - 1620-х гг. Избранные автором хронологические рамки не случайны - именно столько времени понадобилось для утверждения принципов Реформации на финской земле. Так как Реформация в Финляндии началась под непосредственным воздействием Реформации в германских государствах и, соответственно, в Швеции, автор достаточно подробно останавливается на реформационных событиях в этих странах.

Структура монографии включает две основные части, которые отражают основные аспекты развития реформационных процессов в Финляндии. В первой части (С. 25 - 235) автор рассматривает основные вехи развития Реформации в Финляндии, уделяя особое внимание периоду 1560 - 1620-х гг., который И. В. Макаров именуется периодом торжества лютеранства в финских землях, ибо к 1560-м гг. ведущая часть духовенства и какая-то часть мирян усвоила основные идеи лютеранской Реформации. Действительно, реформация дала импульс для формирования (старого) финского литературного языка и появлению на нем первых книг, в первую очередь речь идет о Новом Завете, переведенном на финский язык известным реформатором М. Агриколой. Поэтому не случайно, И. В. Макаров уделяет определенное внимание этнолингвистической ситуации в Финляндии. Так как Реформация в Финляндии проводилась главным образом, «сверху», автор останавливается на вопросе об эволюции церковных структур и религиозной ситуации Турку (Або), в то время бывшим административно-религиозной столицей страны. Не случайно, И. В. Макаров, именуется Рефор-

мацию в Финляндии «Реформацией магистров», имея в виду то, что главные ее деятели имели звание магистров главных европейских протестантских университетов.

На наш взгляд, наиболее интересной и содержательной является часть вторая монографии (С. 236 - 544), посвященная выдающимся деятелям финской Реформации: Микаэлю Агриколе, Паавали Юстену, Яакко Финно (Суомалайнену), Эрику Соролайнену. Каждому включенному в проблематику исследования персонажу, идет ли речь о уже названных личностях, был присущ роднивший их позиции интерес к религиозным вопросам и их непосредственная причастность к культуре Реформации. Причем, И. В. Макаров стремится доказать тезис о том, что финские реформаторы отдавали себе отчет в незавершенности евангелизации широких масс народа, поэтому дело Реформации воспринималось ими и как доведение христианизации основной массы населения страны.

Достоинством монографии является то, что И. В. Макаров уделяет особое внимание анализу сочинений финских реформаторов, который сопровождается включением авторского перевода фрагментов их трудов. Можно без преувеличения констатировать, что в отечественной историографии это сделано впервые.

Монография И. В. Макарова основана на изучении значительного пласта источников и научной литературы, в том числе, в особенности, на финском языке. В то время как в меньшей степени использованы труды современных российских ученых, имею в виду в первую очередь третий том «Истории Европы. От средневековья к новому времени (конец XV - первая половина XVII в.)» под. Ред. Л. Т. Мильской и В. И. Рутенбурга (М, 1983), а также труды О. В. Чернышевой и Ю. Д. Комарова и др. исследователей, посвященные истории и современному состоянию церкви в скандинавских странах и Финляндии.

Анализируя содержательную сторону монографии И.В. Макарова нельзя не высказать некоторые пожелания. В первую очередь они касаются названия монографии. Вероятно, его мож-

но сделать не таким тяжеловесным, если убрать вторую часть из первой части названия. Имею в виду - убрать «Формирование национальной церковности» - так звучит у автора. Правильнее было бы сказать «Формирование национальной церкви», а не церковности. Но если вообще убрать эту часть названия, смысл и содержание монографии, естественно, не пострадают.

Автор монографии И. В. Макаров ничего не пишет о том, какая до него существовала отечественная историографическая традиция в данном вопросе, что думали о нем его предшественники в изучении. Возможно, это связано с тем, что, судя по предисловию (С. 7 - 8), написанному автором, он является филологом, а не историком, к тому же основное внимание он уделяет историографии на финском языке (что вполне понятно).

В целом, монография И. В. Макарова производит весьма благоприятное впечатление новизной поставленных исследовательских задач. Думается, что она привлечет внимание как специалистов, так и тех, кто интересуется историей Реформации в Финляндии.

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории нового и новейшего времени
исторического факультета СПбГУ

Шершинева С. В.

«Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г.» - СПб., 2007.

Материалы конференции, вошедшие в рецензируемый сборник, сгруппированы по трём разделам - «Историография и источниковедение Северной войны», «Политическая и дипломатическая история периода Северной войны» и «Военная история периода Северной войны». Позволим себе остановиться лишь на

отдельных публикациях, которые, по нашему мнению, представят для читателя наибольший интерес.

К проблемам историографии Северной войны обратились и такие известные российские исследователи как В. А. Ушаков, П. А. Кротов и В. Н. Барышников, и те, кто ещё относительно малоизвестен среди отечественных новистов - Т. Н. Гончарова.

Открывающая сборник статья проф. В. А. Ушакова (написана в соавторстве с С. А. Тютюмой) «Великая Северная война и русско-шведская война 1808 - 1809 гг. в зеркале историографии и статистики (военные потери)» посвящена критическому анализу широкого круга работ отечественных исследователей, занимавшихся историей Великой Северной войны 1700 - 1721 гг. Авторы особо остановились на эволюции оценки статистических данных, показывая как со временем и их точность и придаваемое им исследователями значение на довольно продолжительном отрезке времени - от 1940 - 1950-ых гг. (Б. Ц. Урланис, Е. В. Тарле) до работ настоящего времени (П. А. Кротов, А. Г. Шкваров).

Не может не обратить на себя внимание публикация, подготовленная известным специалистом по истории Скандинавских стран проф. В. Н. Барышниковым - «Русский исследователь М. М. Бородкин о финнах и Финляндии периода времени Петра I». Автор задаётся поиском ответа на непростой вопрос - насколько консервативные русофильские взгляды военного юриста и члена Государственной Думы Михаила Михайловича Бородкина влияли на объективность его исторических исследований? Профессору В. Н. Барышникову удаётся убедить читателя в том, что политические пристрастия М. М. Бородкина ни в коей мере не сказывались на научной значимости его исследований, а его вклад в становление и развитие отечественной скандинавистики - невозможно переоценить.

В научном сообщении проф. П. А. Кротов детальному разбору подвергнут фундаментальный труд одного из сподвижников Карла XII - пастора его личной гвардии Йорана Нурд-

берга «История Карла XII, короля Швеции». Павел Александрович доказывает, что уже в те времена шведская сторона не чуждалась сознательного манипулирования данными как о величине вооружённых сил, так и о количестве потерь, понесённых шведской и русской сторонами.

Чрезвычайно познавательной является статья Т. Н. Гончаровой, предпринявшей любопытнейший сравнительный анализ двух книг Вольтера «История России» и «История Карла XII». Обращение к этим трудам великого французского просветителя совершенно оправданно, так как он являлся в начале XVIII в. секретарём гольштинского барона Герца, активного участника политических событий периода Северной войны. Проанализировав оба произведения, Татьяна Николаевна убедительно продемонстрировала наличие и причины принципиально различного отношения автора к главным их героям.

Не менее значимы и материалы, включённые во второй раздел сборника.

Профессор Стокгольмского университета г-н Магнус Мёрнер к проблеме организации управления территориями, временно отошедшими к Швеции в годы Северной войны 1700 - 1721 гг. В своей статье «Наследие Столбовского мира: шведское правление в Ингрии/Кегсгольме в 1617 - 1704 гг.» автор, проанализировав деятельность ландага Ингрии, приходит к выводу об отсутствии у местного парламента какой-либо реальной власти, о его неспособности изменить общую ситуацию и каким-либо образом затормозить процесс экономического и социального упадка местного населения (инкери).

К истории «Брауншвейгского конгресса», которая до сих пор не стала предметом специальных исследований ни отечественных, ни зарубежных специалистов, обратилась А. А. Стерликова. Отмечая, что конгресс, проходивший в 1713 - 1717 гг., хоть и закончился неудачно, но, по мнению автора, именно на нём отчётливо определились позиции как отдельных политических деятелей, так и правительств в отношении условий прекращения Северной войны.

Единственной включённой в сборник работой, посвящённой экономическим проблемам, стала статья известного российского исследователя истории Скандинавских стран, докт. истор. наук Валерия Евгеньевича Возгина «Экономические причины участия Датско-норвежского королевства в Северной войне». Автору весьма убедительно удалось показать, что не столько политические, сколько именно экономические причины обусловили вступление Дании в Северную войну: предполагалось, что в случае её благоприятного завершения можно будет восстановить преобладающие позиции королевства в торговле стран балтийского региона.

В сообщении доцента кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского университета А. А. Петровой показана тесная взаимосвязь межгосударственных взаимоотношений в европейском регионе, явно обнаружившуюся уже в то время: попытка Джулио Альберони продолжить политическую борьбу за решение «итальянского вопроса» снижала возможность вмешательства европейских держав в ход Северной войны, что прекрасно осознавалось Петром I, собиравшимся после достижения мира на Балтике оказать помощь Испании.

А. А. Киселёв (Волгоградский государственный университет) детально анализирует парламентские дебаты между тори и вигами, вызванные обсуждением вопроса о концентрации российских войск в районе Макленбурга в 1716 г. Последнее обстоятельство собственно и побудило английский кабинет принять решение о сближении со Швецией, а также к укреплению связей со своим недавним противником - Францией. Понимая, что отмеченные изменения во внешней политике страны были обусловлены, прежде всего, положениями Утрехтского мира (1714 г.), автор обращает внимание на то, что появление русских в указанном районе делало вполне реальной угрозой вмешательства России в дела северогерманских княжеств, в том числе - Ганновера, чьим курфюрстом являлся английский король Георг I.

Интересный сюжет привлёк внимание преподавателя из Астрахани Н. В. Петухову - изменение позиции лютеранской церкви в ходе русско-шведской войны. Ей удалось обобщить и собрать воедино обширную информацию из отечественных и иностранных источников по столь важной для понимания истории региона проблеме.

Из числа работ, посвящённых рассмотрению исключительно военных сюжетов освещаемого периода европейской истории, следует выделить, по нашему мнению, две - П. Е. Сорокин ««Небываемое - бывает» - морская победа 1703 г. у устья Невы» и А. Г. Шкваров «Русская кавалерия в Северной войне на финском театре военных действий».

Автор первой из упомянутых статей, показав не только неточность, но порой и недостоверность представленных в отечественной историографии данных, имеющих отношение к избранному эпизоду военной истории, предлагает собственную концепцию, основывающуюся не только на изучении обширного архивного материала, но и подкреплённую математическими выкладками.

Специалист в области военной истории А. Г. Шкваров большую часть своей работы посвятил скрупулёзному разбору боевых свойств российской и шведской конницы, их тактического разнообразия, продемонстрированного в ходе боевых действий 1712 - 1714 гг. Определены автором и причины неоправданно слабого использования кавалерии в Финляндии.

Выход в свет настоящего сборника, явившегося отражением результатов плодотворной исследовательской деятельности историков разной специализации и представляющих различные научные центры России, убедительно доказывает не просто возрастающий интерес к новой истории нашей страны и европейских государств, но и позитивные качественные сдвиги в уровне научных исследований.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ

Б. П. Заостровцев

VII. Хроника.

А. Я. Массов

Соломон Абрамович Могилевский

6 апреля 2008 г. на 97 году жизни в Иерусалиме скончался доктор исторических наук, профессор Соломон Абрамович Могилевский. Более 30 лет он являлся сотрудником кафедры новой и новейшей истории исторического факультета ЛГУ и, несомненно, был одним из тех, кто в известной мере определял лицо кафедры и всего исторического факультета на протяжении 60-х - начала 70-х гг. прошлого века.

С. А. Могилевский родился 12 марта 1912 г. в местечке Усвяты, которые в то время входили в Витебскую губернию (ныне Псковская область РФ). Отец будущего историка был ремесленником-пекарем, выпекавшим на продажу баранки. В годы революции и гражданской войны, когда по еврейским местечкам черты оседлости неоднократно волнами катились еврейские погромы, семья Могилевских перебралась в ближайший городок Велиж (ныне Смоленской области РФ), где и прошли юные годы Соломона Абрамовича. После окончания в 1929 г. средней школы 17-летний юноша был направлен на работу учителем в село. Здесь пришлось принять участие в кампании по коллективизации в качестве секретаря районной комиссии по созданию колхозов и воочию увидеть отношение крестьян к идее «обобществления» сельскохозяйственного производства. С 1930 г. - С. А. Могилевский в Ленинграде. Сначала он учится на курсах слесарей-лекальщиков, а потом работает слесарем на Станкостроительном заводе им. Я. М. Свердлова. Вскоре молодого рабочего принимают кандидатом в члены ВКП(б). Рабочий стаж, партийность и активная общественная деятельность, которой с юных лет охотно занимался Могилевский, давали право сыну ремесленника-кустаря претендовать на

продолжение своего образования в высшем учебном заведении. В 1932 г. он без экзаменов зачисляется на исторический факультет Ленинградского историко-философского и лингвистического института (знаменитого ЛИФЛИ). Здесь он слушал лекции Н. Я. Марра, В. В. Струве, Е. В. Тарле, И. Н. Винникова, С. И. Ковалева и других виднейших советских историков и востоковедов, а посещения библиотек, музеев и театров Ленинграда дало возможность восполнить пробелы в общем образовании вчерашнего провинциала. В 1936/37 учебном году ЛИФЛИ был ликвидирован, его студенты-историки переведены на исторический факультет ЛГУ, который С. А. Могилевский и закончил весной 1937 г. Молодой выпускник, к тому же активный общественник, занимавшийся лекционной пропагандой по вопросам международного положения и внешней политики СССР был рекомендован, а затем зачислен в аспирантуру истфака по специальности «Международные отношения». Впрочем, за годы обучения в аспирантуре подготовить защиту кандидатской диссертации С. А. Могилевский не успел: отвлекала общественная работа и необходимость искать заработок для содержания семьи чтением учебных курсов в различных техникумах и вузах Ленинграда. В 1940 г. выпускник аспирантуры С. А. Могилевский, не имевший еще ни ученой степени, ни званий, был направлен заведующим кафедрой истории зависимых и колониальных стран на исторический факультет Саратовского государственного университета.

Известие о начале Великой отечественной войны застало Могилевского в Ленинграде, куда молодой исследователь приехал для завершения работы над диссертацией. И он, имея освобождение от призыва как негодный к строевой службе, немедленно записывается в Василеостровскую дивизию народного ополчения. Всю войну С. А. Могилевский провел в действующей армии: участие в боях на Ленинградском фронте, затем преподавание в школе младших лейтенантов Ленинградского и Волховского фронтов, работа в политотделе 8 армии, боевые действия на Крайнем Севере по освобождению Советского

Заполярья и Норвегии. Награжденный орденами и медалями майор Могилевский закончил войну, участвуя в освобождении Польши и Чехословакии.

С 1945 г. С. А. Могилевский стал работать заведующим кабинетом международных отношений и внешней политики Дома партийного актива (ДПА) Ленинградского горкома ВКП(б) и вошел, таким образом, в номенклатуру Смольного. Заведующий этим кабинетом фактически осуществлял руководство всей лекционной работой в Ленинграде по вопросам международной жизни. Уже тогда С. А. Могилевский зарекомендовал себя в качестве маститого лектором «городского масштаба». Как и все работники системы партийной пропаганды, в своих публичных лекциях и инструктивных выступлениях в ДПА он активно защищал внешнюю политику СССР, научившись при этом, как сам вспоминал позднее, «круто разворачиваться» вместе с генеральной линией партии. Свою должность в ДПА С. А. Могилевский совмещал с работой преподавателя-почасовика на историческом факультете ЛГУ, где он начал читать курс истории международных отношений.

Полностью перейти на работу в университет «помогли» крайне неприятные обстоятельства. Начиная с 1948 г. в СССР развернулась кампания «борьбы с космополитизмом», быстро приобретшая откровенно антисемитскую направленность. Положение еврея Могилевского в номенклатуре Смольного осложнилось; в 1949 г. в разгар «Ленинградского дела» он был снят со своего поста. Здесь-то и оказалось как нельзя кстати второе место работы - исторический факультет ЛГУ. Должность декана истфака занимала в то время видный специалист по истории Древней Греции и Рима профессор К. М. Колобова. Человек смелый и чуждый каких-либо националистических предрассудков, К. М. Колобова не возражала против того, чтобы на факультете продолжал работать «опальный» Могилевский. Не возражал против этого и занимавший тогда пост проректора ЛГУ по гуманитарным наукам выдающийся отечественный археолог профессор М. И. Артамонов. Так судьба и творческая деятель-

ность С. А. Могилевского окончательно оказалось связанными с Ленинградским университетом.

За время работы на историческом факультет ЛГУ (до 1977 г.) С. А. Могилевский прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры новой и новейшей истории. На истфаке в 1952 г. Соломон Абрамович защищает кандидатскую диссертацию по истории попыток создания в 1932 г. Дунайской федерации /1/, а в 1965 г. он становится доктором исторических наук с диссертацией, посвященной истории восстановления II Интернационала /2/. Этой же тематике - история международных отношений и история международного рабочего движения, посвящены и научные труды С. А. Могилевского. Главный из них - монография «Восстановление II Интернационала», которая легла в основу докторской диссертации и вышла из печати в 1963 г. /3/ Эта книга была основана на «достаточно представительном круге источников» и может быть с полным правом оценена как «более емкий и основательный» труд, нежели публикации по истории социал-демократического движения, выходявшие в нашей стране ранее /4/. В качестве одного из соавторов С. А. Могилевский участвовал также в подготовке многотомных академических изданий, таких как «Всемирная история» и «История Второго Интернационала» /5/.

По своему научному уровню труды С.А.Могилевского в полной мере соответствовали уровню работ советских историков того времени. Написанные с позиций ортодоксального марксизма, они опирались отнюдь не только на первоисточники. Важнейшей частью аргументации в то время считалось обязательное цитирование трудов классиков марксизма-ленинизма и выдержек из решений съездов и пленумов Центрального комитета Коммунистической партии. В этом кладезе «марксистской мудрости» советские историки обязаны были находить оценки и суждения практически обо всех событиях и явлениях недавнего прошлого, тем более о событиях, имеющих отношение к советской внешней политике и деятельности международного коммунистического и рабочего движения. Любое отклонение от

партийных оценок считалось недопустимым, такие работы просто не могли увидеть свет.

То же касалось учебников и учебных пособий, методических указаний для студентов, брошюр общества «Знание», автором которых был профессор исторического факультета. С. А. Могилевский является одним из соавторов вузовского учебника для студентов исторических специальностей по новейшей истории и автором методических указаний по новейшей истории для студентов-заочников /6/. Им опубликован ряд брошюр по истории советской дипломатии и рабочего движения /7/. Широкое распространение получил написанный С. А. Могилевским учебник по новейшей истории международного коммунистического и рабочего движения /8/. Эта публикация, хотя и давала традиционную для советской историографии преувеличенную оценку роли и влияния коммунистического крыла в рабочем движении, была, тем не менее, весьма удачно написана с точки зрения литературных достоинств и методики изложения учебного материала. Не случайно этот учебник был переведен на чешский язык и выдержал несколько изданий в социалистической Чехословакии /9/.

Наиболее сильной стороной С. А. Могилевского как профессора исторического факультета была его лекторская деятельность. Он читал курсы истории международных отношений и международного коммунистического и рабочего движения в новейшее время. Конечно, как и подавляющее большинство других преподаватели факультета, проводивших занятия по курсам, которые касались современности и носили идеологический характер, профессор Могилевский никогда не выходил за рамки дозволенного - ни в изложении фактографического материала, ни в формулировках, ни, тем более, в оценках прошлого. В то же время блестящий оратор, умевший четко, внятно и доступно донести излагаемые сюжеты до аудитории, он был весьма популярен у студентов ЛГУ. Лекции он читал эффектно, умело модулируя голос, на безупречно правильном русском языке. Во второй половине 1960 - начале 1970-ых гг. несом-

ненное преподавательское мастерство и научные заслуги, равно как и активная общественная деятельность позволили С. А. Могилевскому встать в ряд ведущих преподавателей исторического факультета.

Не менее активной была общественная деятельность С. А. Могилевского, прежде всего, как лектора-пропагандиста в масштабах университета и города. Его охотно приглашали выступить с обзорами международного положения на обязательные тогда городские и районные собрания партийно-хозяйственного актива, на промышленные предприятия и в учреждения, на ленинградское радио и телевидение. По линии Советского комитета защиты мира С. А. Могилевский неоднократно бывал за границей - в Польше, ГДР, Франции, Голландии, странах Скандинавии и Финляндии, где участвовал во всевозможных мероприятиях «миролюбивой общественности».

В 1978 г. в жизни С. А. Могилевского и его семьи происходит крутой поворот - покинув в 1977 г. университет, он уезжает в Израиль. Трудно достаточно определенно сказать, что толкнуло вполне успешного профессора, востребованного как на факультете, где он работал, так и в партийно-номенклатурных кругах Ленинграда на такой шаг. Видимо, главным стали все же семейные обстоятельства. В 1976 г. после тяжелой болезни еще совсем молодым умирает его младший сын. Старший, неудовлетворенный развитием своей карьеры в СССР, решает эмигрировать. Стареющие Соломон Абрамович и его жена, потрясенные смертью сына, боятся остаться совсем одни. Сказались, наверное, и нередкие в то время проявления государственного антисемитизма, которые не касались напрямую самого Могилевского, но не замечать которые было невозможно. Наконец, проявляет себя разочарование в идеалах и, особенно, практике «коммунистического строительства», которое охватило в эпоху застоя широкие круги советской интеллигенции.

В Израиле новому репатрианту повезло. В свои 66 лет С. А. Могилевский сумел найти хорошую работу: долгие годы - до 1994 г. - он проработал в Иерусалимском Институте по изуче-

нию проблем современного общества. Сотрудники этого учреждения занимались, в том числе, составлением тематических обзоров советской прессы, которые потом переводились на иврит и предоставлялись в распоряжение израильских университетов. Работа по оставлению дайджестов на русском языке, конечно, не представляла никаких трудностей для специалиста такого уровня, каким был С. А. Могилевского, и давала при этом средства к существованию. До конца своих дней Соломон Абрамович старался продолжать привычную для себя творческую деятельность: в израильских и американских эмигрантских изданиях он публикует рецензии на новые книги, выходящие в Израиле, США и СССР (России). Большая часть из них посвящена публикациям, касающимся истории «еврейского вопроса» в СССР /10/, при этом идеологическая направленность и выводы автора отличались, разумеется, гораздо большей смелостью и свободой мысли. В 2005 г. С. А. Могилевский публикует в российском журнале «Вопросы истории» прочувствованный некролог, посвященный памяти профессора В. Г. Ревуненкова - своего коллеги по кафедре новой и новейшей истории ЛГУ, который более 30 лет (с 1957 г.) был ее заведующим /11/. Серьезным и весьма полезным для отечественной исторической науки можно считать подготовленный С. А. Могилевским в 1997 г. сборник документов и материалов о директоре ЛИФЛИ С. С. Горловском, предваряемый обширной вступительной статьей составителя /12/.

Наибольший интерес, однако, для современных исследователей прошлого исторического факультета ЛГУ и истории советской исторической науки представляют собой мемуары С. А. Могилевского, увидевшие свет в том же 1997 г. в Иерусалиме /13/. Автор воспоминаний достаточно подробно рассказывает о своей учебе в ЛИФЛИ и участии в Великой отечественной войне, о лекционной деятельности при Ленинградском горкоме партии и о работе на историческом факультете ЛГУ. Свое место в исторической науке и себя как историка он оценивает, быть может, даже излишне скромно. Как и многих своих коллег по

факультету С. А. Могилевский не причисляет себя к числу «крупных ученых». Выученикам 1920 - 1930-х гг., к которым относит себя автор, «многого... не хватало в общем образовании, культуре и воспитании» /14/. Спорное утверждение. Знающие С. А. Могилевского люди вспоминают его как всегда доброжелательного, приветливого человека, который неплохо разбирался в вопросах искусства и обладал разносторонними знаниями в области своих научных интересов.

В своих воспоминаниях С. А. Могилевский нарисовал яркую картину нравов, царивших как на истфаке, так и в идеологически-номенклатурных кругах Ленинграда. Часть из его острых, а нередко и чрезвычайно жестких характеристик людей, с которыми С. А. Могилевскому пришлось соприкоснуться по жизни, разумеется, достаточно субъективны. Но они, безусловно, имеют право на существование. Тем более что и свою жизнь мемуарист меряет по самым строгим меркам. Признаваясь, что он «никогда не принадлежал к категории... смельчаков», С. А. Могилевский пишет о своем раскаянии «в причастности официальной партийной пропаганде», в том, что подчас ему приходилось «черное, а иногда и самое мрачное» в советской истории и внешней политике «умело представлять белым, скрывать, затушевывать» /15/. Горькие строки написал о себе автор, но, воистину, слишком многие из числа советских историков, философов и других «работников идеологического фронта» могут написать о себе то же самое. Только вот хватит ли мужества сделать это.

С. А. Могилевский и люди его поколения, его коллеги-историки жили и работали в не простое время. Выпавшая на их долю эпоха не располагала к свободному творчеству, принуждала приспособляться и становиться конформистами. Но многие из них сумели сохранить и свои добрые человеческие качества, и по мере возможности раскрыть свой творческий и научный потенциал. К числу таких людей относился и Соломон Абрамович Могилевский. Может быть, именно этим - своей причастностью к эпохе, своей органичной встроенностью в нее -

он интересен нам сегодняшним как исследователь, как профессор исторического факультета и, наконец, просто как человек.

1. Могилевский С. А. Провал антисоветских империалистических планов создания Дунайской федерации в 1932 г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: ЛГУ, 1952.
2. Могилевский С. А. Образование и тактика международных реформистских организаций (1919 - 1923 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л.: ЛГУ, 1965.
3. Могилевский С. А. Восстановление II Интернационала. 1919 - 1923 гг. (Из истории международных реформистских центров в годы революционного подъема). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
4. Евдокимова Н. П., Шершнева С. В. Кафедра истории нового времени // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934 - 2004. Очерк истории. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2004. С. 244.
5. Всемирная история в 10-ти тт. М., 1955-1965 (Т. VIII, М.: Соцэкгиз, 1961); История Второго Интернационала. Т.1 - 2. М.: Наука, 1965 - 1966.
6. Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. Т.1-2. М.: Просвещение, 1967 - 1968; Могилевский С. А. Новейшая история 1917 - 1976. Методические указания для студентов-заочников исторического факультета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
7. Могилевский С. А. Дипломаты ленинской школы. Л.: Об-во «Знание», 1969; Могилевский С. А. Реформистская тактика разъединения рядов рабочего класса. Л.: Об-во «Знание», 1971.
8. Могилевский С. А. Новейшая история международного коммунистического и рабочего движения 1917-1970 г. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
9. Mogilevskij S. A. Nejnovější dějiny mezinárodního komunistického a dělnického hnutí v letech 1917 - 1970. Praha: Vys. škola polit. ÚV KSČ, 1973. Позднее дополненное издание этой книги дважды выходило в Праге в соавторстве с Л. Бакешом и Я. Квачеком. См. Mogilevskij S. A., Bakes L., Kvaček J. Nejnovější dějiny mezinárodního komunistického a dělnického hnutí. Praha: SPN, 1975, 1979.
10. См., например, доступные в интернете публикации в американс-

- ком русскоязычном журнале «Вестник»): Могилевский С. А. Возрождение русскоязычной иудаики // Вестник. 2002, №22(307); Могилевский С. А. Старейший израильский русскоязычный журнал // Вестник. 2003. №3(314); Могилевский С. А. Уникальное русскоязычное издание // Вестник. 2003. № 7(318); Могилевский С.А. Реквием музею // Вестник. 2003. № 25(336). (www.vestnik.com/win/archive.htm)
11. Могилевский С. А. Дань памяти выдающегося ученого // Вопросы истории. 2005, № 3.
 12. Профессор Самуил Саулович Горловский. (К столетию со дня рождения): (1898 - 1940?). Сб. документов и материалов / Авт.-сост. проф. С. Могилевский. ред. М. Свердлова. Иерусалим, 1997.
 13. Могилевский С. А. Прожитое и пережитое. Воспоминания. Л.-Иерусалим, 1997.
 14. Там же. С.94.
 15. Там же. С.28, 96, 98.

Н. П. Евдокимова

Памяти Ревекки Семеновны Мнухиной (1908 - 2008)

Ревекка Семёновна родилась в многодетной еврейской семье в Смоленской губернии. Советская власть дала возможность преодолеть черту оседлости, возможность получить образование в Ленинградском университете.

В 1939 г. выпускница истфака Ребекка Семеновна стала преподавателем Ленинградского государственного университета.

Занималась Ребекка Семеновна революционным движением, одна из ее наиболее значимых работ - «Международное значение Революции 1905 - 1907 гг.» (1955г., в соавт. с Игорем Михайловичем Кривогузом).

Самая известная работа - «Источниковедение истории нового и новейшего времени» (1970 г.), первое в нашей стране учебное пособие по источниковедению.

Ревекка Семёновна была известна не только на факуль-

тете, но и в Университете: в начале 1942 г. она была избрана секретарем Парткома университета, а после его эвакуации, в марте 1942 г. была направлена на табачную фабрику имени Урицкого, выпускавшей в годы войны не сигареты, а патроны, в качестве секретаря парткома и в течение всей блокады проработала в этой должности.

В университет Ревекка Семёновна вернулась в 1944 г., после возвращения университета в Ленинград, и в октябре 1944 г. вновь была избрана секретарем парткома университета.

Преподавала до 1973 г. Ушла на пенсию.

Умерла 3 сентября 1990 г.

А. В. Бодров, А. А. Ярko

О деятельности СНО кафедры истории нового и новейшего времени в 2007/08 учебном году.

В 2007/08 учебном году Студенческое научное общество кафедры истории нового и новейшего времени продолжало вносить свою лепту в процесс профессионального развития студентов-новистов. Важно отметить, что как и в прошлые годы отправной точкой для проведения мероприятий СНО становились инициативы самих студентов. Не в последнюю очередь благодаря этому научная деятельность активных студентов кафедры отличалась большим разнообразием. Полезным нововведением в работе СНО за прошедший год стала организация странички в популярном среди студентов Интернет-проекте «Вконтакте.ру». Благодаря усилиям студентки IV курса А. А. Ярko, взявшей на себя труд администратора странички, на порядок улучшилась работа по информированию студентов о деятельности СНО - опыт, который обязательно взять на вооружение и в дальнейшем. Что осталось неизменным, так это организационная структура, в которой куратором СНО выступал ассистент кафедры А. В. Бодров, а организационные вопросы помогали решать студенты: Ю. Ю. Чернявская (III курс, Председатель) и А. А.

Ярко (IV курс).

Если выделять в работе СНО за прошедший год какую-то основную линию, то таковой, безусловно, следует признать сотрудничество в рамках широкой университетской среды. Работу СНО открыло выступление студентки 3 курса кафедры архивоведения Е. Л. Агафоновой, посвященное истории и современному развитию Лейденского университета. Доклад сопровождался различными наглядными материалами и вызвал оживленную дискуссию среди присутствующих. Как оказалось, первое заседание СНО задало тон на весь год вперед. Лейтмотив плодотворного международного сотрудничества был поддержан встречей студентов кафедры с г-ном Леонардом Фризенем, профессором канадского университета Вилфрид Лорьер, состоявшейся в марте 2008 г. На встрече были затронуты такие вопросы, как интерес в Канаде к изучению русской истории и культуры, интерес к сюжетам истории Канады со стороны российских студентов, возможности обучения по обмену и научного сотрудничества. Г-н Фризен выразил надежду, что новый всплеск взаимного интереса в России и Канаде (несколько снизившегося после распада СССР) не за горами.

Еще одним важным событием в жизни кафедры стал обмен студенческими делегациями со Вроцлавским университетом. Одна из декабрьских встреч в рамках СНО была посвящена рассказу студентов кафедры о поездке в Польшу. Рассказ сопровождался демонстрацией своеобразного фотоотчета и большого количества справочных материалов. В апреле 2008 г. Санкт-Петербург с ответным визитом посетила польская делегация, и одним из центральных пунктов насыщенной программы пребывания польских гостей стало участие в традиционной весенней студенческой конференции СНО. В этом году конференция была приурочена к 90-летней годовщине окончания Первой мировой войны и получила, таким образом, статус международной. Нельзя не отметить, что основное бремя хлопот, связанных с приемом иностранных участников конференции взяла на себя доцент кафедры истории нового и новейшего вре-

мени, канд. истор. наук С.В. Шершнева. Честь открыть, а затем и подвести итоги работы представительного студенческого форума досталась куратору СНО, ассистенту кафедры А. В. Бодрову.

Другим примером участия преподавателей кафедры в стимулировании научной деятельности студентов может служить круглый стол «Симон Боливар и его идеи: иллюзия или реальность (исторический аспект проблемы единства Иbero-америки, ее судьба и перспективы развития на современном этапе)», приуроченный к 225-летней годовщине со дня рождения Освободителя и организованный под руководством доцента кафедры, канд. истор. наук А. А. Петровой. В рамках круглого стола прозвучали выступления семи студентов кафедры (Варахалиной М., Ермилова С., Гордеева О., Почанина И., Бартановой Я., Копалиани С. и Эль-Ашкар А.), осветивших в своих сообщениях различные стороны жизни Симона Боливара и судьбу его проекта объединения Латинской Америки.

Традиционно популярными среди активных членов Научного общества остаются «документальные киносеансы», сопровождающиеся последующим обсуждением студентов того или иного фильма, связанного с исторической тематикой. Это направление деятельности в 2007/08 уч. году открыл доклад О. С. Гордеева «Вторая мировая война. Боевые операции на Тихом океане», проиллюстрированный кадрами документального фильма ВВС из серии «Войны XX века». Большой интерес и оживленную дискуссию также вызвала демонстрация фильма Я. Подзюбан «В поисках русской Аляски» (производство телеканала «100 ТВ»). Наконец, нельзя не упомянуть инициативу студентки кафедры А. А. Ярко, организовавшей студенческими силами просмотр фильма «Солнце» и встречу в стенах факультета с создателем картины, известным кинорежиссером А. Н. Сокуровым. Центральной темой почти четырехчасового общения режиссера со зрителями стала фигура императора Хирохито, особенности японской культуры и истории.

Научные конференции

Международная научная конференция «Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора), 11 декабря 2007

Первая секция

Теоретическое осмысление вопросов войны и мира в трудах ученых, общественно-политических деятелей и представителей культуры эпохи нового и новейшего времени

доклады

Сергеев В. В. К вопросу о периодизации истории международных отношений в новое время; *Ушаков В. А., Бродская К. М.* Парижский мирный договор 1783 г. в восприятии американцев; *Морохин А. В., Маслов А. Н.* Письма Павлу Первому от представителей Гессен-Дармштадтского владетельного дома (по материалам РГАДА); *Василик В. В.* Образ Наполеона-антихриста в общественном сознании первой трети XIX в.; *Бодров А. В.* Ответственность за войну 1870 - 1871 гг. в дискуссии французских и германских писателей, историков и журналистов; *Иванов Ф. Н.* Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии; *Буровский А. М.* Семантика архитектуры эпохи Наполеона: возможности самостоятельного анализа; *Шершнева С. В.* Гражданская война в США в оценках В. А. Бильбасова; *Якубовская И. В.* Status quo как теоретическая и дипломатическая проблема: балканский опыт 1897 - 1908 гг.; *Печенкин С. В.* Левые социал-демократы о войне и мире 10-е гг. XX в.; *Чернов О. А.* Проблема войны и мира в дипломатической деятельности и взглядах Н. В. Чарыкова; *Чуракова О. В.* Военное время через призму гендерного

дискурса (на примере изучения истории Первой мировой войны); *Лепехина Г. И.* Восприятие Первой мировой войны провинциальным обществом Воронежской губернии; *Пленков О. Ю.* Представления А. Гитлера о войне и мире; *Гронский А. Д.* Белорусские националисты и война; *Баженова Н. М.* Война и академическая наука: Вклад ученых Ленинграда в развитие потенциала страны в первые месяцы войны 1941 - 1945 гг.

сообщения

Адамова Н. Э. Представления о войне и мире жителей «Града на холме»; *Ошарин А. В.* Война как необходимость в истории России XVIII - начало XX вв.; *Лихоманов А. В.* Книги из библиотеки канцлера Пруссии К.-А. Гарденберга (1750 - 1822) в Российской Национальной Библиотеке; *Бродская К. М., Ушаков В. А. Дж.* Вашингтон и проблема войны и мира в последний год вооруженной борьбы за независимость США; *Мартинovich Д. А.* Проблемы войны и мира в творческом наследии Вильгельма Кнорина; *Каргаев А. К.* Англо-американские историки XIX - XX вв. о Кавказской войне; *Анисимов О. В.* Международные противоречия начала 1850-х гг. в корреспонденции К. Маркса и Ф. Энгельса; *Урывский А. П.* Международные аспекты гражданской войны в Испании (июль - ноябрь 1936 г.) в отечественной историографии; *Плиева М. Г.* Вопросы войны и мира в произведениях осетинских художников; *Веселова К. В.* Американский юг и Гражданская война в произведениях У. Фолкнера; *Чжань Яньнань.* Экспансия западных держав в Китае в 1860 - 1890 гг. в российской и китайской историографии 1950-х гг.; *Боташева М. И.* Фрэнсис Фукуяма о войне в Ираке.

Вторая секция

Дипломаты и дипломатия в XVI - пер.пол. XIX вв.

доклады

Филошкин А. И. Особенности русской политики в Ливонии в

первые годы Ливонской войны; *Самсонов П. Е.* Влияние вопросов войны и мира на политическую ситуацию в Соединенных провинциях Нидерланды в середине XVII в.; *Возгрин В. Е.* Карл XII в Турции; *Базарова Т. А.* Походная канцелярия П. П. Шафирова: новые материалы о жизни и деятельности первого российского вице-канцлера в 1706 - 1722 гг.; *Акимов Ю. Г.* Проблемы войны и мира в колониальных владениях (на примере Северной Америки и Сибири); *Анисимов М. Ю.* Религиозный фактор в международных отношениях в Европе накануне Семилетней войны; *Стецкевич М. С.* Церковь Англии, Великая французская революция и наполеоновские войны; *Массов А. Я.* Путешествие по России подполковника английской армии Л. Макуори в 1807 г.; *Вологдин А. А.* Внешняя торговля России в условиях континентальной блокады; *Соколов О. В.* Тильзитский мир во Франции и России; *Исколь С. Н.* Тильзитский мир: германские аспекты; *Николаева Ю. В.* Тильзитский мир и русско-французские культурные связи начала XIX в.; *Гончарова Т. Н.* От Тильзита до Эрфурта: была ли жизнеспособна Тильзитская система международных отношений?; *Шкваров А. Г.* Швеция, Франция и Россия в судьбе фельдмаршала и дипломата Курта фон Стединка; *Киселев А. А.* Полиция и польские восстания 1830 - 1831 гг. и 1863 - 1864 гг. в белорусских губерниях.

сообщения

Якунина О. А. К вопросу об англо-русских разногласиях второй половины 40-х гг. XVII в.; *Сидоренко Л. В.* Фолклендский кризис 1770 - 1771 гг. в политике Англии; *Худякова Т. А., Ушаков В. А.* Посол американской революции Бенджамин Франклин в описаниях его современников из России; *Воронов О. В.* Юнкерство Восточной Пруссии - феодальная реакция на страже интересов государства; *Петрова А. А.* Тильзитский договор и борьба за независимость в Испанской Америке; *Надеин К. В.* Тильзитский мир - мир для Тильзита. Калининградский аспект современного

европейского благополучия; *Ковалевский А. Н.* Тильзитский договор в стотридцатилетнем историческом цикле наступления событий; *Щеголев С. И.* Становление системы управления в Царстве Польском в 1813 - 1814 гг.; *Богоявленский Б. Л.* Клеменс Меттерних: на службе у Венского двора 1801 - 1848 гг.; *Форсилова А. В.* Отношение России к карлистским войнам в Испании.

Третья секция

Особенности развития международных отношений в конце XIX - начале XXI вв.

доклады

Борисенко В. Н. Уильям Гладстон и Крымская война; *Птицын А. Н.* Эволюция российско-австрийских отношений в последней трети XIX в. и ее влияние на международную обстановку в Европе; *Прохоренко И. А.* Английский капитал и нефтяная промышленность Закавказья в последней четверти XIX в.; *Заостровцев Б. П.* Генри Вильсон - посол США на Балканах; *Евдокимова Н. П.* Эпизод из жизни антимилитариста Гюстава Эрве; *Бондаренко Д. Я.* Украинский вопрос в отношениях Россия - Европа в период Первой Мировой войны; *Месхидзе Д. И.* Разделение Тироля: от секретного договора в Лондоне к мирному договору в Сен-Жермене; *Смолин А. В. С. Д.* Сазонов - министр иностранных дел непризнанных правительств (1919 г.); *Макаренко П. В.* Механизм разработки и принятия внешне-политических решений в Советской России (начало 1920-х гг.); *Фокин В. И.* Проблемы войны и мира в международном гуманитарном сотрудничестве между двумя мировыми войнами; *Барышников В. Н.* Франция и советско-финляндская война 1939 - 1940 гг.; *Хабибуллин Р. К.* Конверсия военной индустрии как фактор развития международных отношений после окончания «холодной войны».

сообщения

Кудрявцев Н. В. Джон Брайт и английская антивоенная пропаганда в годы Крымской войны; *Кузнецова О. Н.* Дальневосточные интересы России на рубеже XIX - XX вв. глазами ее государственных деятелей, дипломатов и военных; *Брыков Д. С.* Взаимоотношения стран Антанты и Тройственного союза в русской либеральной прессе накануне Первой мировой войны (1914 г.); *Шандра А. В.* Противоречия великих держав по ближневосточным вопросам в период работы Парижской мирной конференции; *Кабанов В. И., Слесаренко А. Н. В.* Вильсон как глава дипломатической миссии США на Версальской мирной конференции; *Петина Ю. В.* Проблемы войны и мира во внутриимперских отношениях: Британия и доминионы в первой трети XX в.; *Васаара В. Т.* Сравнительный анализ финского фашизма и немецкого нацизма; *Катцова М. А.* К проблеме сотрудничества Скандинавских стран в 30-е гг. XX в.; *Зернов Н. Б.* Об отношении СССР к участию Финляндии в предполагаемом Скандинавском блоке в 1930-е гг.; *Анисимов В. С.* Германо-советские контакты в торгово-экономической сфере в начале второй мировой войны в контексте междуна-родных отношений.

Четвертая секция

Война и военные деятели в эпоху Нового и новейшего времени

доклады

Славнитский Н. Р. Сподвижник Петра Великого Федор Матвеевич Апраксин и его роль в обороне Ингрии в 1708 г.; *Артамонов В. А.* Несказанная виктория. (К 300-летию победы Петра Великого при деревне Лесной); *Кротов П. А.* Петр I и Карл XII на полях под Полтавой (сравнительный анализ полководческого искусства); *Пискунова Е. П.* Приход к власти Наполеона Бонапарта и окончание Вандейской войны; *Кипнис Б. Г.* Битва при Фридланде - преддверие Тильзита (2 июня 1807 г.); *Рахимов Р.*

Н. Башкирская конница под Тильзитом: краткая встреча - долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах); *Яковлев О. А., Фролов В. Н.* Англо-русская война 1807 - 1812 гг.; *Кубанова М. Н.* Генерал Дюфур - «знакомый незнакомец»; *Беляев А. В.* Маленький человек на большой войне: опыт психологии коллаборационизма на примере Белоруссии в годы нацистской оккупации (1941 - 1944 гг.); *Новик А. А.* Косово: между войной и миром. По материалам экспедиций 2005 - 2007 гг.; *Сиянов В. Н.* XXI век: войны нового формата.

сообщения

Абрамов Е. П. Участие морской пехоты в Отечественной войне 1812 г.; *Ананьин А. В.* Участие Морского Гвардейского экипажа в наполеоновских войнах; *Сакович Е. Г.* Роль Канадской войны 1812 - 1815 гг. в англо-американском соперничестве в Канаде в XIX в.; *Садов Ю. В.* Взгляды генерала А. П. Ермолова на подготовку и обучение русского офицерства; *Морозов Е. В.* Итало-эфиопская война 1895 - 1896 гг. и ее влияние на эволюцию Тройственного союза; *Маринченко А. А.* Оборонительные операции Красной Армии в летне-осенней кампании 1941 г.: аспект окружений войск Юго-Западного направления; *Амосова А. А.* Эвакуация населения из Ленинграда в период Великой Отечественной войны; *Терновский А. Н.* Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.; *Иванова Н. И.* Граф Петер Йорк фон Вартенбург и Гельмут Джеймс фон Мольтке в истории подготовки заговора против Гитлера; *Солод А. В.* Линдон Джонсон и интервенция США в Доминиканскую Республику в 1965 г. (психо-исторический аспект); *Шамгунов Р. Г.* Применение силы как способ решения Каспийской проблемы.

* * *

X международная научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», 16 - 17 апреля 2008 г.

Первая секция

Экономика, война и политика.

Селин А. А. Работы по демаркации русско-шведской границы в 1618 г.; *Славнитский Н. Р.* Обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны Финляндии: укрепления Выборга и Кексгольма в годы Северной войны; *Терюков А. И.* Георг Магнус Спренгтпортен в России; *Гаврилов С. В.* Особенности снабжения русской армии в войне 1808 - 1809 гг.; *Шкваров А. Г.* По закону и казачьему обыкновению. К вопросу о «геноциде и военных преступлениях» казачества в Финляндии в XVIII - XIX вв.; *Михайлов А. А.* Финляндцы на службе в Российской гвардии; *Ошарин А. В.* Военное министерство России, частная промышленность Санкт-Петербурга и Финляндии; *Зернов Н. Б.* Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в начале 20-х гг. XX в.; *Барышников В. Н.* План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии; *Жуков С. А.* Деятельность партийных и государственных органов Ленинграда по снабжению войск в ходе советско-финляндской войны; *Бочков Е. А.* Тыловое обеспечение РККА в советско-финляндской войне; *Журавлёв Д. А.* Медицинские работники Ленинграда в период Советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг.; *Геуст К.-Ф.* Что говорили в Финляндии на допросах советские военнопленные лётчики; *Макуров В. Г.* Карелия в войне: 1942 год.

Вторая секция

Балтийское море: сотрудничество и противостояние.

Ковалевский А. Н. О 130-летнем естественном цикле на Балтий-

ском море; *Казаков А. Н.* Этюды по гидронимии северной части Европейской России; *Кротов П. А.* «Шведы, против шведов»: служба шведов во флоте Петра Великого; *Партала М. А.* «Шведский» ультиматум адмирала Н. О. Эссена: к истории не начавшейся войны; *Вуориярви Э.* Финны на берегу Ледовитого океана; *Мусаев В. И.* Финляндское речное пароходство в Санкт-Петербурге; *Таубе А.* Корни семьи Таубе в Балтийском регионе; *Усыскин Г. С.* Как Максим Горький нелегально переправлялся в Финляндию (1906 г.); *Ковалёв С. Н.* Страны Балтии и коллективная безопасность накануне Второй мировой войны; *Петров П. В.* Проблема взаимодействия между Красной Армией и Военно-морским флотом в Прибалтике в 1939 - 1941 гг.: к вопросу о сухопутной обороне военно-морских баз; *Косов Ю. В.* Проблемы энергетического сотрудничества в регионе Балтийского моря: Политическое измерение; *Фокин В. И.* Современные проблемы междивизиационного взаимодействия на примере Скандинавских стран.

Третья секция

Исторические источники, взгляды и оценки.

Кривдина О. А. Сюжет «Полтавская баталия» в русском искусстве XVIII в. (Продолжение); *Базарова Т. А.* Письма русских солдат из-под Нарвы: По материалам Государственного архива Швеции (Стокгольм); *Жуков А. Ю.* К истории «Осударевой дороги»: источники XVII - XVIII вв. о «реке Повенец»; *Бурков В. Г.* Фалеристические памятники Северной войны; *Возгрин В. Е.* Национальная политика Санкт-Петербурга 1730-х гг. в записках пастора Педера Хагена; *Ивлева С. Е.* Страны Скандинавии в иллюстрированном журнале «Живописная русская библиотека» 1856 - 1859 гг.; *Орфинская Л. В.* Русскоязычные источники по тюремной истории Финляндии XIX - XX вв.; *Ларс П. П.-Х.* Рasmus Арребо и его перевод на датский язык в 1721 году «Соборного уложения» (1649 г.); *Шрадер Т. А.* Русская печать XIX в. о Швеции и Норвегии; *Новикова И. Н.* Россия в геополитической

системе Рудольфа Челлена; *Дубровская Е. Ю.* Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.); *Барышников Н. И.* Исторические взгляды У. К. Кекконена на проблему участия Финляндии во Второй мировой войне.

Четвертая секция

Наука, культура и религия.

Жаров Б. С. Скандинавистика в университетах России: исторический обзор; *Губанов И. Б.* Древности Скандинавского бронзового века в коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; *Конькова О. И.* К этнической истории Карельского перешейка; *Кент Н.* Итальянское культурное влияние в XVIII в. на королевский двор Дании и Швеции; *Карпова Е. В.* К истории создания статуи Екатерины II шведского скульптора Эрика Густава Гётте (1779 - 1838 гг.) (презентация); *Васильева М. В.* Из истории Финской керамической фирмы «Арабия»; *Геуст Б.* Аврора Карамзина в Финляндии и Санкт-Петербурге; *Александрова Л. Б.* Псевдоготика в архитектуре Финляндии XIX в.; *Киселёва Т. В.* «О финском языке и финской литературе» - первый научный труд А. И. Шёгрена; *Михалкова Т. К.* Стихотворение Гавриила Романовича Державина «Мой истукан» («Обращение» к Жаку-Доменику Рашетту); *Фруменкова Т. Г.* Питомцы Петербургского воспитательного дома на предприятиях Санкт-Петербурга и северо-запада России (первая половина и середина XIX в.); *Цоффка В. В.* Гидронимия Костромской области на мерянском материале; *Халипов С. Г.* «Невод» - прототип парламента; *Соляникова Г.* Некоторые особенности культуры деловых отношений в России, Финляндии и Скандинавии; *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Финский язык в Карелии в 1950 - 2000-е гг.; *Знаменская М. В.* Символы булгаро-скандинавские в декоративно-прикладном искусстве; *Кириленко И. В., Пааскари Т. В.* Импрессионизм в норвежском искусстве.

Проблемы истории России и Финляндии. 4 октября 2008 г.

(организация конференции осуществлялась совместно с кафедрой Исторического регионоведения и Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала»)

Барышников Н. И. События гражданской войны в Финляндии в финской и отечественной историографии; *Смолин А. В.* Финляндия между красными и белыми; *Белозеров Б. П.* Пограничные войска в годы гражданской войны на северо-западе Советской республики; *Петров П. В.* Гражданская война в Финляндии в 1918 г. по материалам центрального архива историко-политических документов Санкт-Петербурга»; *Мусаев В. И.* Финляндская независимость «дерусификация» территории Карельского перешейка; *Журавлев Д. А.* Эпизоды боя в «Долине смерти» глазами медиков; *Усыскин Г. С.* Юрий Федорович Дашков - исследователь деятельности В. И. Ленина; *Забавская Н. И.* Выборгские эпизоды истории гражданской войны в Финляндии по воспоминаниям очевидцев; *Лихая М. П.* Из истории гражданской войны в Финляндии в районе Приозерска; *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии»; *Терюков А. И.* Братья Карл и Оскар Энкели и их роль в истории Финляндии; *Косилов С.* Деятельность экскурсионных станций на Карельском перешейке в 1919 - 1921 гг.; *Смирнова И. В.* Воспоминания Розалии Марковны Плехановой о пребывании в Финляндии в 1918 г.; *Барышников В. Н.* Рождение замысла у финского руководства о возвращении утраченной территории Карельского перешейка после «зимней войны»; *Кривошеев Ю. В.* Программа «Север Карельского перешейка» в послевоенное время: первые результаты; *Мусин М. М.* Использование Сайменского канала в советско-финляндскую войну 1939 - 1940 гг.; *Сафир Е.* Быт и досуг переселенцев на Карельский перешеек в 1945 - 1953 гг. (по страницам газеты «Стахановец» г. Светогорск); *Горина И. В.* Из опыта проведения культурно-просветительских мероприятий на Карельском перешейке.

Власть и культура. 22 ноября 2008 г. (организация конференции осуществлялась совместно с кафедрой Истории славянских и балканских стран)

СЕКЦИЯ 1. Античность и Средние века

Никитюк Е. В. Отношение афинского государства к религиозным преступлениям в V в. до н.э.; *Климов О. Ю.* Политика и монументальное искусство в эпоху эллинизма; *Пантелеев А. Д.* Иерусалимский храм в экзегезе II в.; *Василик В. В.* О некоторых аспектах репрезентации власти в византийском восприятии Мандилиона и Плащаницы; *Старостин Д. Н.* Легенда о папе Сильвестре и раннесредневековая идеология власти; *Муравьев А. В.* Проблема отношения к царю-язычнику в сирийской литературе IV в.; *Алимов Д. Е.* В поисках "племени": власть и идентичность на пост-аварском пространстве; *Ульянов О. Г.* Миропомазание как основа легитимности власти в средние века; *Барынина О. А.* De administrando imperii и De ceremoniis aulae byzantinae в исследованиях отечественных византинистов (по материалам Архива РАН); *Морозов М. А.* Византийская пограничная знать в X - XI вв.: социо-культурный аспект; *Иванов И. А.* Вклад академика Г. А. Острогорского в русское и европейское византиноведение; *Романчук А. В.* Художественное воплощение категорий справедливости и власти в произведениях Амброджо Лоренцетти; *Галкина Е. С.* К вопросу об этнополитической структуре Хазарского каганата; *Евдокимова О. М.* О культурной политике иконоборческих императоров.

СЕКЦИЯ 2. Древняя Русь

Жих М. Образ славянского правителя Маджка в сочинении ал-Масуди «Золотые копи и россыпях самоцветов»; *Булкин В. А.* Заказ и заказчик в домонгольском церковном строительстве; *Рождественская М. В.* Царь Симеон и царь Давид в славяно-русской средневековой традиции; *Серегина Н. С.* О древнейших песнопениях в «Повести временных лет»; *Милютенко Н. И.* Русская Церковь и князья под иноверной властью (XIII в.); *Ефи-*

мова М. В. Образы носителей власти в русской средневековой агиографии; *Западалова П. В.* Синтез Церкви и Царства. Иконографическая программа царских врат из придела Варлаама Хутынского церкви Ильи Пророка в Ярославле; *Чумакова Т. В.* Восприятие царской власти глазами иностранцев в эпоху Московской Руси; *Петров К.* Учреждении Московского Патриархата в 1589 г.: некоторые аспекты.

СЕКЦИЯ 3. Россия Нового и Новейшего времени.

Кротов П. А. Образы власти в памятниках культуры: Петр Великий в «Рассказах» А. А. Нартова - литературный образ и действительность; *Баженова Н. М.* Библиотека как инструмент власти в XVIII веке: библиотека Петербургской академии наук; *Мауль В. Я.* «Революция сверху» XVIII столетия в ментальных рефлексиях российского простонародья; *Славнитский Н. Р.* Формирование и судьба музеев, посвященных истории Санкт-Петербурга, и их взаимоотношения с органами государственной власти (1908 - 1920 гг.); *Полторак С. Н.* Динамика творчества ученого в разные эпохи. Историко-психологический портрет С. Н. Симанова; *Котельников В. А.* Цензура: между властью и литературой; *Зотова А. В.* Влияние российской ментальности на деятельность Государственного банка в годы НЭПа; *Гуторов В. А.* Интолерантность как фактор политической культуры современной России; *Волобуев С. Г.* Духовные ценности культуры как основа консервативной политики; *Ачкасов В. А.* Этнические предприниматели в процессе этнополитической мобилизации; *Казин А. Л.* Демократия и русская культура; *Дрожжин В. А.* Права российского гражданина на доступ к культурным ценностям и их обеспечение в современной России; *Субботницкий Д. Ю.* Дискуссия о возможных путях приватизации в позднесоветском обществе; *Жидков П. М.* Формирование левоцентристского правительства в сентябре 1998 года как политический компромисс между властью и оппозицией; *Метелкин Е. Н.* Наградная система Российской Федерации и средства массовой информации; *Тихонов И. Л.* Государство и археология.

СЕКЦИЯ 4. Истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки.

Дробышева М. Н. Деваляция духовных и эстетических ценностей в период расцвета и упадка города-республики Дубровника; *Свешников В.* Данила Негош. Его образ в произведении Петра II Негоша "Горный венец" и в истории; *Кащенко Е. С.* Королевская власть как отражение творческих идей в эпоху Людовика XIV на примере анализа фильма Ж. Корбьо "Король танцует" (2001); *Гончарова Т. Н.* Колонизаторы и колонизируемые народы: опыт компаративистского исследования (по материалам специального номера журнала *Анналы*, посвященного империям); *Бодров А. В.* Немецкое общество 1870-х гг. в романе К. Гуцкова "Новые Серапионовы братья" (1877 г.); *Вассоевич А. Л.* Египтология в Третьем Рейхе; *Барышников В. Н.* Герман Геринг и его роль в окончании советско-финляндской войны 1940 г.; *Фоняков М. Д.* Проблемы равноправия кириллицы и латиницы в сербскохорватском языковом ареале социалистической Югославии; *Опанасенко Д. Н.* Самоопределение македонцев в свете македонско-греческого конфликта; *Колосков Е.* Командант Аркан (Желько Рожнатович) в сербской медиа-культуре; *Крук Ю.* "Косовская" легенда в сербских СМИ 1999 г.

Наши юбиляры.

19 февраля 2008 г. исполнилось 70 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры истории Нового и Новейшего времени **Нине Петровне Евдокимовой**.

Вся жизнь и деятельность Нины Петровны Евдокимовой неразрывно связана с нашим университетом. Выпускница исторического факультета, она является опытным педагогом и квалифицированным научным работником. Область ее научных интересов - история международных отношений последней трети XIX - первой трети XX вв., дипломатическая история Первой мировой войны. Долгие годы Нина Петровна Евдокимова также изучает историю Третьей республики во Франции. Так, в 2006 г.

в соавторстве вышла ее монография, посвященная видному французскому государственному деятелю Раймону Пуанкаре. Ей принадлежит также целый ряд других научных публикаций.

Нина Петровна Евдокимова с успехом читает лекционные и специальные курсы по истории нового и новейшего времени, истории международных отношений, истории Италии и Германии на историческом, филологическом и философском факультетах. Также она ведет практические занятия, преддипломный семинар, руководит написанием курсовых и дипломных работ, подготовкой аспирантов. Ей свойствен новаторский подход к делу. Очередной ее аспирант защитил диссертацию в 2007 г.

Много сил и времени Н. П. Евдокимова отдает студентам и аспирантам. Ей отличают душевная щедрость, отзывчивость, способность сопереживать. Н. П. Евдокимова пользуется авторитетом и любовью среди студенческой молодежи и преподавателей исторического факультета.

Поздравляем Нину Петровну с юбилеем, желаем ей доброго здоровья и дальнейших успехов на научной и учебной стезе.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Евдокимовой Нины Петровны

МОНОГРАФИИ

Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и манёвры дипломатии австро-германского блока в 1914 - 1917 гг. Л.: ЛГУ, 1985.

Раймон Пуанкаре - президент Франции. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. (в соавт. с С. В. Виватенко).

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Программа курса «Новейшая история стран Европы и

Америки 1918 - 1945 гг.». СПб.: СПбГУ, 1996.

Новейшая история стран Европы и Америки. Первый Период. 1918 - 1945 гг. Методические указания для студентов-заочников исторического факультета. СПб.: СПбГУ, 1996.

Проблемы новой истории Испании. Курс лекций. СПб.: СПбГУ, 1997. (в соавт. с А. А. Петровой).

История Италии//Программы курсов лекций по дисциплине специализации 030401 «История» кафедры истории нового и новейшего времени: Часть I: История отдельных стран Западной Европы и Америки. СПб., 2004.

История Германии // Там же.

История международных отношений. Часть II (1870 - 1918)//Программа курсов лекций по дисциплинам специализации 030401 «История» кафедры истории нового и новейшего времени: Часть II. СПб., 2005.

История нового и новейшего времени. Часть II (1870 - 1918 гг.)//Программы курсов лекций по дисциплинам специализации 030401 «История» кафедры истории нового и новейшего времени. Часть III / Под общ. ред. О. Ю. Пленкова. - СПб., 2007.

СТАТЬИ

Из истории франко-германских экономических отношений середины 20-х гг. XX в.//Исследования по новой и новейшей истории Л.: ЛГУ, 1972.

А. Бриан и франко-германское сближение (1925 - 1932 гг.) // Вестник Ленинградского ун-та. 1973. №20.

А. Бриан и Г. Штресман: дуэль или концерт?// Международные отношения и классовая борьба в эпоху общего кризиса капитализма. Вып.3. Горький: ГГУ. 1974.

Французская компартия в борьбе за демократическое решение германской проблемы (1920 - 1930 гг.)//Вестник Ленинград. ун-та. 1978. №14.

Фриц Фишер и его школа.//Новая и новейшая история. 1979. №3. (в соавт. с К. Б. Виноградовым).

Французская демократическая общественность и германская проблема в 1918 - 1926 гг.//Рабочее и демократическое движение в капиталистических странах в XIX - XX вв. Л.: ЛГПИ, 1979.

Франко-германские отношения 1925 - 1930 гг. во французской буржуазной историографии (основные направления и тенденции)//Из истории межимпериалистических противоречий и буржуазной дипломатии в первой половине XX в. Томск: ТомГУ, 1983.

Проблема сепаратных переговоров о мире между Германией и Россией в годы Первой мировой войны в работах советских историков.//Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Л.: ЛГУ, 1981.

О 70-летию В. Г. Ревуненкова.//Новая и Новейшая история. 1982. № 3.

Не состоявшийся мир: (о зондировании германской дипломатией в 1917 г. возможности сепаратных переговоров).//Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX в. Л., 1983.

Актуальные исследования (о научной работе сотрудников кафедры новой истории) Ленинградский университет. 1984. 19.10.

О научной деятельности кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета ЛГУ.//Новая и Новейшая история. 1985. № 6.

Актуальные проблемы историографии Первой мировой войны.//Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985.

Историографическая конференция в Пскове.//Новая и Новейшая история. 1986. №1.

Поражение Германской империи и французские амбиции (1914 - 1918 гг.)//Вторые Санкт-Петербургские Кареевские чтения по новистике. Санкт-Петербург, апрель 1997: Тез. докладов. СПб., 1999.

Рецензия: И. Я. Биск. Размышления о преподавании ис-

тории. - Тамбов, 1999.//Новая и Новейшая история. 2000. № 4. (в соавт. с Петровой А. А.).

Жизнь в науке: к 80-летию юбилею профессора К. Б. Виноградова.//Университетский историк. Альманах. СПб., 2002.

Идеи европейского единства в первой четверти XX в.: перспективы и прожекты.//Третьи Петербургские кареевские чтения по новистике: Становление мира как «общего дома» человечества: /XV - XXI динамика, этапы, перспективы вв./ СПб., 2003.

Кафедра истории нового времени.//Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета 1934 - 2004: Очерк истории. СПб., 2004. (в соавт. с С. В. Шершневой).

Кирилл Борисович Виноградов (1921 - 2003).//Новая и новейшая история. 2004. № 2.

Кирилл - это эпоха, сплав одержимости, ума и воли: Памяти К. Б. Виноградова.//Санкт-Петербургский университет, 2004, № 1-2.

Соглашение от 5 сентября 1914 г.: демонстрация союзнической солидарности или проявление взаимного недоверия держав Антанты?//Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К. Б. Виноградова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.

Профессор истории: ученый и педагог К. Б. Виноградов //Вестник С.-Петербургского университета. 2004, вып. 3 - 4. (в соавт. с П. Б. Суртаевым).

В. Г. Ревуненков - ученый, оставивший след в науке // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История, 2005, вып. 2. (в соавт. с А. А. Петровой).

В. Г. Ревуненков - ученый, человек, гражданин.//Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти проф. В. Г. Ревуненкова. СПб, октябрь 2005. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.

14 октября 2008 г. исполнилось 55 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории нового и новейшего времени **Пленкову Олегу Юрьевичу**.

Пленков Олег Юрьевич получил образование на историческом факультете ЛГУ на кафедре истории Нового и Новейшего времени в 1980 г. В 1986 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук, в 2000 г. - на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме: «Немецкая политическая культура и национал-социализм». Стаж педагогической работы - 25 лет. С 2003 г. О. Ю. Пленков работает на кафедре истории Нового и Новейшего времени исторического факультета СПбГУ. За время работы на кафедре О. Ю. Пленков читал и читает курсы лекций по истории нового времени (части II - IV), истории международных отношений (часть IV), историографии Германии, истории Германии, руководил курсовыми, дипломными и диссертационными работами, подготовил и читал спецкурс "Германский национал-социализм: существо и следствие", спецсеминар «История Германии в новое и новейшее время».

О. Ю. Пленков ведёт активную научную работу в таких областях истории, как история Третьего Рейха и является автором ряда исследований в этой области, в том числе монографии «Мифы нации против мифов демократии» и четырёхтомника по истории Третьего Рейха "Социализм Гитлера", "Нацистское государство", "Арийская культура", "Вермахт, война и немецкое общество" и другие. Разрабатываемые Пленковым О. Ю. научные направления чрезвычайно важны и актуальны для кафедры, в том числе в силу большого интереса к ним со стороны студентов, соискателей и аспирантов.

О. Ю. Пленков является ярким представителем отечественной германистики, его научная и педагогическая деятельность продолжает традиции, заложенные в Петербургском Университете историками XIX - XX вв.

Поздравляем Олега Юрьевича с юбилеем, желаем ему доброго здоровья и дальнейших успехов на научной и учебной стезе.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ

Пленкова Олега Юрьевича

МОНОГРАФИИ

Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм. - СПб., 1997.

Третий Рейх. Социализм Гитлера. - СПб: Издательский дом «Нева», 2004.

Третий Рейх. Нацистское государство. - СПб: Издательский дом «Нева», 2004.

Третий Рейх. Арийская культура. - СПб: Издательский дом «Нева», 2005.

Третий Рейх. Вермахт, война, немецкое общество. В 2-х тт. - Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», 2005.

СТАТЬИ

Понятие “тоталитарного государства”.//Преподавание истории в школе, 1990, № 5.

Европа после второй мировой войны: духовная и социально-политическая эволюция.//Гуманистические ценности европейской цивилизации, Ч. 2. - СПб., 1992.

Немарксистские концепции исторического развития. //Гуманистические ценности европейской цивилизации. - СПб., 1992.

Немецкая разновидность почвенничества как предпосылка и условие национал-социализма.//Вестник Псковского университета, 1995, № 4/5.

Россия в немецких откликах XIX века.//Материалы научной конференции по истории России в XIX веке. - СПб., 1996.

Индустриальная цивилизация XX века: особенности эволюции и динамики.//Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 1, Вена, 1997.

Штрихи к портрету нового канцлера Германии.//Санкт-Петербургские Ведомости, 21.11.1998.

Прусская традиция и нацизм.//Вторые Петербургские Кареевские чтения. СПб., 1999.

Феномен фашизма: некоторые аспекты интерпретации.//Обществознание в школе, 1999, № 1.

Метаморфозы понятия “тоталитаризм” в школьном курсе новейшей истории.//Преподавание истории в России. Тенденции и перспективы. Тель Авив, 1999.

Экономика и общество в Германии при нацистах.//Сборник научных статей памяти Ю. В. Егорова. - СПб., 2002.

Идеологические основания и практика нацистской геополитики нацистской геополитики в Восточной Европе.//Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI - XX вв. М., 2002.

Основания гитлеровской политики в Восточной Европе: приоритет идеологии или геополитики?//Проблемы истории международных отношений и историография всеобщей истории. Сборник памяти В.К. Фураева. СПб., 2002.

Нацистские и консервативные геополитические представления (сравнительный анализ).//Из истории международных отношений и европейской интеграции. Воронеж, 2003.

Социальная политика третьего рейха как прецедент Welfare State.//Третьи Петербургские Кареевские чтения 6 - 9 декабря 1999 г. Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV - XXI вв.). - СПб., Издательство СПбГУ, 2003.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Цивилизация нового и новейшего времени. Программа и методические рекомендации к курсу. - СПб., 1995.

Защита диссертаций.

20 ноября 2008 г. на заседании учёного совета Д.212.232.52 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук аспирантом нашей кафедры **Павлом Борисовичем Суртаевым**. Тема его кандидатского исследования - «Принц-консорт Альберт и его роль в общественно-политической жизни Великобритании».

Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Научный руководитель - канд. истор. наук. Евдокимова Нина Петровна.

Официальными оппонентами выступили - докт. истор. наук, проф. А. Я. Массов и канд. истор. наук, доцент Д. И. Портнягин.

Краткие сведения об авторах

Ангерманн Н. - д-р истор. наук, профессор.

Барышников В. Н. - д-р истор. наук, профессор.

Бодров А. В. - канд. истор. наук, старший препод.

Борисенко В. Н. - канд. истор. наук, доцент.

Бродская К. М. - студентка СПбГУ, научн. рук. д-р истор. наук, проф. Ушаков В. А.

Васара В.-Т. - студентка СПбГУ, научн. рук. д-р истор. наук, проф. Барышников В. Н.

Виватенко С. В. - канд. истор. наук, доцент.

Виноградов К. Б. - д-р истор. наук, профессор.

Возгрин В. Е. - д-р истор. наук, профессор.

Гончарова Т. Н. – ассистент СПбГУ

Гордеев О. С. - студент СПбГУ, научн. рук. канд. истор. наук, доцент Шершнева С. В.

Евдокимова Н.П. - канд. истор. наук, доцент.

Жарков А.В. - студент СПбГУ, научн. рук. канд. истор. наук, доцент Борисенко В. Н.

Заостровцев Б. П. - канд. истор. наук., доцент.

Колоджей М. - студентка Вроцлавского университета

Кузнецова Ю. И. - студентка СПбГУ, научн. рук. канд. истор. наук, доц. Бориенко В. Н.

Массов А. Я. - д-р истор. наук, профессор.

Плонски Ш. - студент Вроцлавского университета

Савинова Н. В. - студентка СПбГУ, научн. рук.

Сидоренко Л.В. - аспирант, научн. рук. канд. истор. наук., доц. Борисенко В. Н.

Ушаков В. А. - д-р истор. наук, профессор.

Фокин В. И. - д-р истор. наук, профессор.

Шеметов Г. С. - студент СПбГУ, научн. рук. д-р истор. наук, проф. Пленков О. Ю.

Шершнева С. В. - канд. истор. наук, доцент.

Шкваров А. Г. - канд. истор. наук.

Ярко А. А. - студентка СПбГУ, научн. рук. д-р истор. наук, проф. Барышников В. Н.

Научное издание

**Труды Кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.
№2. 2008**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал макет - Б. П. Заостровцев

Подписано в печать 30.04.2009. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,72

Тираж 100 экз. Заказ №
Типография Издательства СПбГУ.
199061 С.-Петербург, Средний пр., д. 41.

